

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

О.А. КОРОТИНА

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2015

УДК 009
ББК 88.1
К66

Рецензенты: *Е.А. Могилёвкин*, канд. филос. наук, профессор кафедры философии и юридической психологии (ВГУЭС);
А.В. Бойко, канд. психол. наук, доцент кафедры философии и юридической психологии (ВГУЭС)

Коротина, О.А.

К66 **ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ [Текст] : учебное пособие / О.А. Коротина; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 242 с.**

В учебном пособии представлено систематическое изложение ряда вопросов курса «История психологии», касающихся философско-методологических проблем истории психологии. Рассмотрены основные проблемы, методы психологического познания, подходы к познанию психического, представлены взгляды основных ученых, философов по проблемам психологии как науки, ее базовые идеи и понятия.

Предназначено студентам при изучении дисциплины «История психологии», а также всем интересующимся проблемами истории и философии психологии.

УДК 009
ББК 88.1

© Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, оформление, 2015

© Коротина О.А., текст, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Специфика научного труда предполагает необходимость иметь информацию о прошлом. Собственное исследование должно быть органически связано с историей изучаемого вопроса, ибо нет такой проблемы в современной науке, которая могла бы решаться без учета предшествующей истории.

История психологии – одна из немногих комплексных дисциплин, синтезирующих знания по отдельным областям и проблемам психологии. С одной стороны, ее содержание основано на тех знаниях, которые получены из других курсов – общей, возрастной, социальной психологии и т.д. С другой стороны, история психологии позволяет привести эти знания в систему, понять логику становления психологии, причины изменения ее предмета, ведущей проблематики.

Знание истории психологии необходимо для понимания различных теорий и направлений современной психологии, путей и тенденций ее развития. Только включение в исторический контекст позволяет понять их сущность, выявить их исходные позиции, оценить подлинную новизну и осознать их исторический смысл. Исторический подход необходим для понимания современной ситуации в психологической науке, для формирования новых точек зрения с учетом и на основе традиций и достижений прошлого.

Изучение истории психологии имеет большое образовательно-нравственное значение. «История более полезна, она полна мудрости», – писал итальянский философ-гуманист XV в. Лоренцо Валла. Она знакомит нас с жизнью людей науки, раскрывает драматизма борьбу во имя истины, вызывает разнообразные чувства: от почтительного восхищения до разочарования и недоумения.

Изучение истории любой науки, в том числе психологии, позволяет лучше понять ее современное состояние, изучить генезис тех или иных ее концепций, предвидеть направление дальнейшего развития психологических концепций.

Психология и очень старая, совсем молодая наука. Имея тысячелетнее прошлое, она, тем не менее, вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины насчитывает немногим более столетия, но можно с уверенностью сказать, что основная проблематика занимает человеческую мысль с тех самых пор, когда человек начал задумываться о тайнах окружающего его мира и познавать их.

Психология долгое время развивалась в рамках философии и ответ на вопрос о том, какая же из этих двух наук древнее, на самом деле, не так однозначен, как это может показаться на первый взгляд. В свою очередь, выделение психологии в самостоятельную науку не могло означать полной автономии. Проблемы душевной жизни человека не могут разрабатываться вне представле-

ний об отношениях материального и идеального, духовного и телесного, биологического и социального, субъективного и объективного, а это проблемы философского плана.

Для психологии определенные философские концепции выступают как методологическая основа, то есть система принципиальных общих теоретических положений, определяющих подход к проблемам и способ их анализа. Кроме того, в ряде случаев психологические теории перерастали в философские направления (или претендовали на это), либо оказывали влияние на возникновение и развитие философских теорий.

Известный психолог конца XIX – начала XX вв. Г.Эббингауз сумел сказать о психологии очень лаконично и точно – у психологии огромная предыстория и очень короткая история. Под историей имеется в виду тот период в изучении психики, который ознаменовался отходом от философии, сближением с естественными науками и организацией собственного экспериментального метода. Это произошло в последней четверти XIX в., однако истоки психологии теряются в глубине веков.

Само название предмета в переводе с древне греческого означает «psyche» – душа, «logos» – наука, учение, то есть – «наука о душе». Согласно очень распространенному представлению, первые психологические воззрения связаны с религиозными представлениями. В действительности же, как свидетельствует подлинная история науки, уже ранние представления древнегреческих философов возникают в процессе практического познания человека в тесной связи с накоплением первых знаний и развиваются в борьбе зарождающейся научной мысли против религии с ее мифологическими представлениями о мире вообще, о душе – в частности. Изучение, объяснение души и является первым этапом в становлении предмета психологии.

Тема 1. ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Предмет истории психологии и методы историко-психологических исследований

История психологии – одна из немногих комплексных дисциплин, синтезирующих знания по отдельным областям и проблемам психологии. С одной стороны, ее содержание основано на тех знаниях, которые получены из других курсов – общей, возрастной, социальной психологии и т.д. С другой стороны, история психологии позволяет привести эти знания в систему, понять логику становления психологии, причины изменения ее предмета, ведущей проблематики.

Значение предлагаемого курса заключается в том, что содержание этого предмета по сути является основой культуры, необходимой для психологов в любой области их деятельности.

Как и история философии, история психологии **учит** не только фактам, но и мышлению, умению понять и адекватно оценить отдельные психологические явления и концепции. Анализ различных подходов к психике поможет выработать неидеализированный, недогматичный взгляд на разные теории, научит мыслить объективно и непредвзято, находить реальные достоинства и недостатки как абсолютизированных теорий, так и новых, модных в настоящее время. Студенты узнают о сложном пути, пройденном психологией в поисках новых, все более полных и объективных знаний о психическом, о тех проблемах, которые были разрешены, и тех, которые еще требуют своего разрешения.

Понимание того факта, что психология не едина, что в ней нет одноединственного, правильного и окончательного решения всех проблем, создаст у студентов установку на перенос полученных знаний в собственную научную и практическую деятельность, поможет более объективно разобраться в многообразии научных школ и течений, которые существуют в современной психологической науке.

История психологии **изучает** закономерности формирования и развития взглядов на психику на основе анализа различных подходов к пониманию ее природы, функций и генезиса. Как известно, психология связана чрезвычайно многообразными узами с различными областями науки и культуры. С самого своего возникновения она была ориентирована на философию и на протяжении нескольких столетий фактически была одним из разделов этой науки. Связь с философией не прерывалась на протяжении всего периода существования пси-

хологии как науки, то ослабляясь (как в начале XIX в.), то опять усиливаясь (как в середине XX в.).

Не меньшее влияние на психологию оказывало и оказывает развитие естествознания и медицины. В то же время в работах многих психологов четко просматривается связь с этнографией, социологией, теорией культуры, искусствоведением, математикой, логикой, языкознанием. Поэтому в истории психологии анализируются ее связи с другими науками, их влияние друг на друга, которое изменялось в процессе развития психологической науки, хотя приоритетное значение философии и естествознания оставалось неизменным.

Естественно, что изменялись и взгляды на предмет психологии, на методы изучения психики, ее содержание. Анализ этих изменений также является предметом исследования истории психологии.

Методы, используемые в историко-психологических исследованиях, отличаются от методов общей психологии. В истории психологии нельзя воспользоваться практически ни одним из основных методов психологической науки – ни наблюдением, ни тестированием, ни экспериментом. Область применения этих методов ограничивается только узким кругом современных (для историка психологии) ученых и настоящим состоянием актуальных для этого времени проблем, в то время как возраст психологической науки измеряется веками.

Поэтому ученые, занимающиеся историей психологии, разрабатывают собственные методы исследования или заимствуют их из смежных дисциплин – науковедения, истории, социологии. Эти методы адекватны задаче не только воссоздания истории развития отдельного психологического направления, но и включения его в общий контекст психологической науки, исторической ситуации и культуры. Так, в истории психологии используются историко-генетический метод, согласно которому изучение идей прошлого невозможно без учета общей логики развития науки в определенный исторический период, и историко-функциональный метод, благодаря которому анализируется преемственность высказываемых идей. Большое значение имеют биографический метод, позволяющий выявить возможные причины и условия формирования научных взглядов ученого, а также метод систематизации психологических высказываний.

В последние десятилетия все большее применение находят методы категориального анализа, введенные известным историком науки М. Блоком. В нашей стране этот подход разрабатывался в рамках исторической психологии науки М.Г.Ярошевским. Он предполагает учет социально-исторических условий, определивших появление и развитие данной научной школы, а также изучение идеогенеза, когнитивного стиля, оппонентного круга, социальной перцепции и других детерминант, обусловивших появление значимых для психологии идей.

Источниками для истории психологии служат прежде всего труды ученых, архивные материалы, воспоминания об их жизни и деятельности, а также анализ историко-социологических материалов и даже художественной литературы, помогающей воссоздать дух определенного времени.

Анализ развития психологии показывает, что уникальность и ценность ее как науки заключаются именно в межпредметном характере, в том, что она строится и как естественная наука (объективная и экспериментальная), и как гуманитарная, так как в ее проблематику входят вопросы нравственного развития, становления мировоззрения, ценностных ориентации человека. Можно сказать,

что экспериментальную основу, подход к материалу и его обработке психология заимствует у естествознания, в то время как подход к интерпретации полученного материала, методологические принципы – у философии.

1.2. Методологические принципы психологии

Выделяют три важнейших методологических принципа психологии: **детерминизма, системности и развития.**

Принцип детерминизма подразумевает, что все психические явления связаны причинно-следственными отношениями, т.е. все, что происходит в нашей душе, имеет какую-то причину, которая может быть выявлена и изучена и которая объясняет, почему возникло именно то, а не иное следствие. Эти связи могут объясняться разными основаниями, и в истории психологии существует несколько подходов к их объяснению.

В античности уже существовало понимание того, что все процессы в психике взаимосвязаны. Анаксагор и Гераклит впервые заговорили о детерминизме, о том, что существует всеобщий закон, Логос, который определяет, что должно произойти с человеком, с природой в целом. Гераклит писал: «Даже солнце не может нарушить Логос <...>» Таким образом, все происходящее в природе и в душе человека обусловлено определенной причиной, хотя мы не всегда можем найти эту причину. Демокрит, который разработал развернутую концепцию детерминизма, писал, что «люди выдумали идею случая, чтобы прикрыть незнание дела и неумение управлять».

Платон и Аристотель изменили первоначальную концепцию детерминизма, отрицая его всеобщий характер, в частности его влияние на разумную часть души, на процесс нравственного развития человека. При этом они ввели понятие целевого детерминизма, считая, что душа стремится к определенной цели, которую Платон соединял с идеей или общим понятием, отражающим суть вещи. Аристотель, соглашаясь, что причиной всего происходящего в психике является цель, к которой стремится душа, отрицал, что эта цель дается извне. Он считал, что цель имманентно присуща вещи и связана с ее формой, которая и отражает ее предназначение.

Позднее, в XVII в., Декарт ввел понятие механистического детерминизма, доказывая, что все процессы в психике можно объяснить исходя из законов механики. Так появилась идея и о механическом объяснении поведения человека, которое подчиняется закону рефлекса. Механистический детерминизм просуществовал почти 200 лет. Его влияние можно увидеть, например, в теоретических положениях основателя ассоцианистической психологии Д. Гартли, который считал, что ассоциации и в малом (психике) и в большом (поведении) кругах формируются и развиваются по законам механики Ньютона. Отголоски механистического детерминизма можно найти даже в психологии начала XX в., например в теории энергетизма, которую разделяли многие известные психологи, а также в некоторых постулатах бихевиоризма, например в идее о том, что положительное подкрепление усиливает реакцию, а отрицательное – ослабляет.

Но еще большее влияние оказал на развитие психологии биологический детерминизм, который возник с появлением теории эволюции. В рамках этой теории развитие психики определяется адаптацией к среде, т. е. все, что происходит в психике, направлено на то, чтобы живое существо как можно лучше приспособилось к среде.

собились к тем условиям, в которых оно живет. Данный закон распространялся на психику человека, и почти все психологические направления принимали этот вид детерминизма за аксиому.

Последний вид детерминизма, который может быть назван психологическим, основан на идее, что развитие психики объясняется и направляется определенной целью. Однако в отличие от понимания цели в античности, когда она была так или иначе внешней для психики (идеей или формой), в данном случае цель присуща самому содержанию души, психики конкретного живого существа и определяет ее стремление к самовыражению и самореализации – в общении, познании, творческой деятельности. Психологический детерминизм также исходит из того, что среда является не просто условием, зоной обитания человека, но культурой, которая несет в себе важнейшие знания, переживания, во многом изменяющие процесс становления личности. Таким образом, культура становится одним из самых значимых факторов, влияющих на процесс развития психики, помогающих осознанию себя как носителя уникальных духовных ценностей, качеств и как члена общества. Психологический детерминизм также предполагает, что процессы, происходящие в душе, могут быть направлены не только на приспособление к среде, но и на противостояние ей, в том случае, если среда мешает раскрытию потенциальных способностей данного человека.

Принцип системности описывает и объясняет основные виды связи между разными сторонами психики, сферами психического. Он предполагает, что отдельные психические явления внутренне связаны между собой, образуя целостность и приобретая благодаря этому новые свойства. Однако, как и в исследовании детерминизма, изучение этих связей и их свойств имеет длительную историю в психологии.

Первые исследователи тех связей, которые существуют между психическими явлениями, представляли психику как сенсорную мозаику, которая состоит из ощущений, представлений и чувств. По определенным законам, прежде всего по законам ассоциаций, эти элементы связываются между собой. Такой вид связи получил название элементаризма.

Функциональный подход, название которого обусловлено тем, что психику представляли как набор отдельных функций, направленных на реализацию различных психических актов и процессов (зрения, обучения и т.д.), появился, так же как и биологический детерминизм, в связи с теорией эволюции. Биологические исследования показали, что существует связь морфологии и функции, в том числе и психической функции. Таким образом, было доказано, что психические процессы (память, восприятие и др.) и акты поведения могут быть представлены как функциональные блоки. В зависимости от вида детерминации эти блоки могли действовать и по законам механики (как отдельные части сложной машины), и по законам биологической адаптации, связывая в единое целое организм и среду. Однако этот принцип не объяснял, каким образом при дефекте какой-то функции происходит ее компенсация, т.е. каким образом недостатки в работе одних отделов могут компенсироваться нормальной работой других, например плохой слух – развитием тактильных или вибрационных ощущений.

Именно это и объясняет принцип системности, который представляет психику как сложную систему, отдельные блоки (функции) которой связаны между собой. Таким образом, системность психики предполагает и ее активность, так как только в этом случае возможны саморегуляция и компенсация, присущие

психическому даже на низших уровнях развития психики. Системность в понимании психики не противоречит и осознанию ее целостности, идее «холизма» (целостности), так как каждая психическая система (прежде всего, естественно, психика человека) является уникальной и цельной.

Принцип развития утверждает, что психика развивается, поэтому наиболее адекватный способ ее изучения – исследование закономерностей этого генезиса, его видов и стадий. Недаром одним из наиболее распространенных психологических методов является именно генетический.

Согласно этому принципу, определяющему, какие виды развития присущи психическому, существуют два вида развития психики – филогенетическое и онтогенетическое, т. е. развитие психики в процессе становления человеческого рода и в процессе жизни ребенка. Исследования показали, что эти два вида развития имеют определенное сходство. Американский психолог С. Холл объясняет это тем, что этапы развития психики зафиксированы в нервных клетках и передаются ребенку по наследству, а потому никакие изменения в темпе развития и в последовательности стадий невозможны. Теория, которая устанавливала жесткую связь между фило- и онтогенезом, получила название теории рекапитуляции, т.е. краткого повторения в онтогенезе основных стадий филогенетического развития.

Последующие работы доказали, что такой жесткой связи не существует, развитие может и ускоряться, и замедляться в зависимости от социальной ситуации, а некоторые стадии могут вообще пропадать. Таким образом, процесс психического развития нелинеен и зависит от социальной среды, окружения и воспитания ребенка. В то же время невозможно игнорировать и известную аналогию, реально существующую при сравнительном анализе процессов познавательного развития, становления самооценки, самосознания и т. д. у маленьких детей и первобытных народов.

1.3. Этапы развития психологии

В своем развитии психология прошла несколько **этапов**. **Донаучный период** заканчивается примерно в VII–VI вв. до н.э., т.е. до начала объективных, научных исследований психики, ее содержания и функций. В этот период представления о душе основывались на многочисленных мифах и легендах, на сказках и первоначальных религиозных верованиях, связывающих душу с определенными живыми существами (тотемами).

Второй, научный период начинается на рубеже VII–VI вв. до н.э. Психология в этот период развивалась в рамках философии, а потому он получил условное название **философского периода**.

На протяжении длительного времени предметом психологии была душа, однако в разное время в это понятие вкладывалось разное содержание. В эпоху античности душа понималась как первооснова тела, по аналогии с понятием «архе» – первоосновой мира, основным кирпичиком, из которого состоит все сущее. При этом главной функцией души считалось придание телу активности, так как, по мнению первых ученых-психологов, тело является инертной массой, которую приводит в движение именно душа. Душа не только дает энергию для активности, но и направляет ее, т.е. именно душа руководит поведением человека. Постепенно к функциям души добавилось познание, и, таким образом, к ис-

следованию активности прибавилось изучение этапов познания, которое в скором времени стало одной из важнейших проблем психологической науки.

В эпоху Средневековья душа была предметом изучения прежде всего для богословия, что существенно сужало возможности ее научного познания. Поэтому, хотя формально предмет психологической науки не изменился, фактически в область исследования в то время входило изучение видов активности тела и особенностей познания, прежде всего чувственного познания мира. Регулятивная функция, волевое поведение, логическое мышление считались прерогативой божественной воли, боговдохновенной, а не материальной души. Недаром эти аспекты душевной жизни не были частями предмета научного изучения в концепциях деизма и томизм.

В Новое время психология, как и другие науки, избавлялась от диктата богословия. Наука стремилась снова, как и в период античности, стать объективной, рациональной, а не сакральной, т. е. основанной на доказательствах, на разуме, а не на вере. Проблема предмета психологии снова встала со всей актуальностью. В это время еще было невозможно полностью отказаться от богословского подхода к пониманию души. Поэтому психология меняет свой предмет, становясь наукой о сознании, т.е. о содержании сознания и путях его формирования. Это позволило отделить предмет психологии от предмета богословия в исследованиях души и ее функций.

Однако этот переход привел к тому, что уже к XVIII в. фактическим предметом психологии стали познавательные процессы, в то время как поведение, а также эмоциональные процессы, личность и ее развитие не вошли в этот предмет. Такое ограничение области исследования на первых порах имело и положительное значение, так как давало психологии возможность стать объективной, а позднее и экспериментальной наукой. Это также позволяло ей выделиться в **самостоятельную науку**, отделив свой предмет, свою область исследования от предмета философии. С другой стороны, такой подход начинал препятствовать развитию психологии, поэтому уже к середине XIX в. он был пересмотрен.

Благодаря развитию биологии, в том числе теории эволюции Ч. Дарвина, работам Г. Спенсера и других исследователей, психология не только отошла от философии, идентифицировав себя с естественными дисциплинами, но и расширила свой предмет, выведя его, как сказал И. М. Сеченов, «из поля сознания в поле поведения». Таким образом, кроме познавательных процессов в предмет психологии были включены поведение и эмоциональные процессы. Важно, что стремление стать объективной наукой не привело еще к появлению новых методов исследования психики, так как до 80-х годов XIX в. ведущей остается интроспекция.

Важнейший этап в развитии психологии связан с появлением экспериментальной лаборатории В.Вундта, сделавшего психологию не только самостоятельной, но и объективной, экспериментальной наукой. Однако ассоцианистический подход, на базе которого и выстраивал свою модель психологии В.Вундт, не мог уже объяснить новые факты душевной жизни, не мог быть распространен на изучение структуры личности, эмоциональных переживаний, творческой активности человека. Ограниченным было и применение тех экспериментов и тестов, которые существовали в психологии в начале XX в.

Это заставило ученых искать новый предмет и новые методы исследования психики. Первые школы, зародившиеся в то время (структурализм, функциона-

лизм, Вюрцбургская школа), просуществовали недолго. Однако они показали, что среди психологов не существует уже единого мнения о том, что и как должна изучать психология. Так начался период исканий психологии, адекватной новой ситуации и требованиям времени, который получил название периода методологического кризиса.

Невозможность прийти к единой точке зрения привела к тому, что уже в 10 – 30-х годах XX в. психология разделилась на несколько направлений, в каждом из которых был свой предмет и свой метод исследования того, что понималось данным психологическим направлением под психикой. Так, в психологии появляются: глубинная психология, бихевиоризм, гештальтпсихология, марксистская психология, а также такие школы, как французская социологическая, или понимающая, психология.

Во второй половине XX в. возникают новые школы и направления – гуманистическая психология, генетическая (или эпистемологическая) психология, а также когнитивная психология, которая сформировалась уже в 60-е годы. Это последняя из появившихся в XX в. психологическая школа. Таким образом, можно сказать, что с середины XX в. психология вступила в современный нам этап своего развития, для которого характерно уже не дробление на все новые школы, а тенденция к объединению.

Контрольные вопросы

1. Что является предметом и задачами истории психологии?
2. Каковы основные принципы историко-психологического анализа?
3. Какие методы и источники используются в изучении истории психологии?
4. Охарактеризуйте основные этапы становления психологии как научной дисциплины.
5. Объясните значение истории психологии в системе современной науки.

Тема 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

2.1. Особенности мифологического сознания

Исторически первым способом освоения мира было мифологическое сознание. Мифологию образует совокупность мифов, а **миф** (греч. *mythos* – речь, слово, рассказ, повествование, сказание, предание) представляет собой духовное воспроизведение действительности в виде сообщения, повествования, персонажи и события которого признаются объективно существовавшими или существующими. Мифология возникла стихийно в условиях общинно-родового строя как результат коллективного творчества и осваивала мир с помощью воображения, в форме наглядно-чувственных образов. Обобщение, общее принимает форму индивидуально-типического. В мифе слитно представлено интеллектуальное, эмоциональное и волевое отношение к миру – осмысление, вчувствование, воление. Мифы изображались в живописи, находили выражение в пении, танце, пантомиме, ритуале.

В мифологии отсутствует осознание отличия человека от внешней природы, индивидуальное сознание не вычленено из группового, не различаются образ и предмет, субъективное и объективное, принципы деятельности не отделены от деятельности, совершающееся в сознании принимается за объективно происходящее. Нерасчлененный коллективизм первобытного общества переносится на природу, природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями в родовой общине, путем олицетворения и антропоморфизации. И наоборот, человек, родовые связи предстают в натуроморфном виде (зооморфизм, фитоморфизм и т.д.). Способность мышления фиксировать свойства вещей и закреплять данные свойства за данной вещью развита слабо. Предметы и сам человек представлялись носителями каких угодно качеств. Поэтому мифическим персонажам, с одной стороны, приписывается множество разнородных свойств, а с другой – разные персонажи наделяются одними и теми же признаками. Недостаточно сформировались логические структуры опосредования, обоснования, доказательства. Указанные особенности мышления обнаруживаются в языке. Отсутствуют имена, фиксирующие родовые понятия, но имеется множество слов, обозначающих данный предмет со стороны его разных свойств, на разных стадиях развития, в разных точках пространства, в разных ракурсах восприятия. Одна и та же вещь имеет разные названия, а различным предметам и существам (живым и неживым, животным и растениям, предметам природы и людям и т.д.) приписывается одно имя. Полиимия и синонимия речи способствуют частичной или полной идентификации различных

предметов и существ. С этим связаны полисемантизм, а впоследствии метафоричность и символизм мифологических персонажей и языка. Значительное место в мифологическом сознании занимают бинарные оппозиции и их разрешение: небо – земля, свет – тьма, правое – левое, мужское – женское, жизнь – смерть и проч. Дуальные оппозиции снимаются в ходе медиации – замены исходного противопоставления некоторыми производными образованиями с привлечением случайных фактов и конструируемых произвольно, с помощью ассоциации отношений. Выраженное в слове содержание мышления приобретает характер непосредственной действительности. Внушающий фактор речи обуславливает неосознанность и неотвратимость передачи и усвоения мифа.

Системы мифов многообразны, но они обычно организуются вокруг **этиологических** (греч. *aitia* – причина и *logos* – учение) повествований, объясняющих возникновение тех или иных явлений. Объяснение представляет собой рассказ о том, «почему», «откуда», «каким образом», «для чего» что-то возникло. Заключение часто строится по принципам: «все есть все», «все во всем», «часть вместо целого», «после этого – значит вследствие этого» (оборотничество, партиципация, мифологическая идентификация, метафоризм). Наиболее распространены рассказы о возникновении мира (космогонические мифы), о происхождении богов (теогонические), Солнца, Луны, звезд (астрогонические), человека (антропогонические), рода и его институтов (этногонические), сказания о конце мира, о всемирном потопе, о душе, о непорочном зачатии, о культурных героях – так называемые календарные, близнечные мифы и др.

На ранних стадиях развития сознания мифология была единственно возможным универсальным способом духовного освоения мира и синкретически соединяла реалистические знания, художественные образы, религиозные верования, социальные нормы и образцы.

В рамках первобытного мифологического комплекса возникали и развивались верования и связанные с ними ритуалы, образывавшие своеобразную проторелигию. К числу этих верований относят фетишизм, тотемизм, магию, аниматизм, анимизм и др. **Фетишизм** (порт. *feitico* – зачарованная вещь) представляет собой веру в наличие у реальных предметов свойств, в действительности им не присущих, и соответствующее почитание этих предметов. Фетишами становились самые разнообразные природные вещи – камень, кусок дерева, клык зверя и т.д., а впоследствии и искусственно изготовленные предметы; они были призваны исцелять, предохранять от врагов, болезней, порчи, помогать на охоте и т.п. **Тотемизм** (от слова «ототеман» – на языке североамериканских индейцев «род его») – это вера в существование родства между родом, племенем, фратрией и определенным видом животных или растений и вытекающие из этой веры поведение и ритуалы. С тотемизмом связано появление соответствующих этнонимов – «род льва», «племя орла», «род медведя» и проч.; тем он задавал признак этнической принадлежности. **Магия** (греч. *mageia* – колдовство, чародейство) – вера в наличие каузативной (причиняющей) связи между определенными реальными действиями людей и некоторыми событиями – реальными ирреальными и вытекающие из этой веры ритуальные процедуры. Виды магии разнообразны: производственная, метеорологическая, предохранительная, вредоносная, военная, лечебная, любовная и др. **Аниматизм** (лат. *animatus* – одушевленный) представляет собой веру в единую безличную силу, проявляющуюся в природе, управляющую событиями в ней и влияющую на жизнь человека. В

разных регионах и у разных племен представления об этой силе варьируются и, естественно, получают неодинаковое наименование – «мана», «оренда», «вакан» и т.д. **Анимизм** (лат. *anima* – душа, *animus* – дух) есть вера в некие духовные сущности – души и духов, заключенные в материальных предметах или существующие отдельно от них.

В ходе социальной дифференциаций, по мере разделения труда, становления и эволюции общества развивается и сознание, движущееся от невыделения человека из природы к выделению, от невычленения индивидуального сознания из коллективного к вычленению, от неразделения образа и предмета, субъективного и объективного к разделению и т.д. Завершается мифологическая стадия развития общественного сознания, миф перестает быть универсальным и единственным способом объяснения действительности. Вместо первоначального диффузного, синкретического мифологического комплекса появляются религия, искусство, мораль, политика, право, научные знания. Одни мифологические сюжеты дают начало народному эпосу и сказке, другие служат материалом, ассимилируемым религией, искусством и т.д. Однако сам по себе миф не исчезает. Механизмы мифологического сознания воспроизводятся и на последующих этапах истории, особенно на обыденном уровне.

В условиях позднеродового строя прежде безличные духи наделяются именами, за ними закрепляются функции и управление определенными видами деятельности. Складывается полидемонизм (греч. *poly* – много, *daimonion* – дух, божество), внутри Я которого постепенно формируется иерархия духов, выделяется приоритетный дух, обычно покровитель инициации, приобретающий черты племенного бога. Племенные боги были ограниченными по радиусу действия и ограничивали друг друга. Образование племенных союзов вокруг наиболее сильного племени обуславливало выдвижение на первый план фигуры бога данного племени. Этот бог становился межплеменным, превращался в главу пантеона, в который на правах подчиненных включались боги других племен. Формировался политеизм (греч. *poly* – много, *theos* – бог, буквально – многобожие) – религиозное представление о существовании нескольких или многих богов. Возникновение политеизма связано с развитием способности мышления к ассоциациям, обобщению, анализу, различению классов явлений, схватыванию множества. Достигнув уровня единичных представлений – понятий, сознание получило возможность создавать образы духов и соответственно богов отдельных природных стихий и сфер человеческой деятельности. Когда появилась способность к образованию общих видовых и родовых представлений – понятий, сложились фигуры богов, «действующих» в ряде областей природы и общества. Но и образ бога, поле «деятельности» которого распространялось на несколько сфер действительности, предполагал признание существования других богов, с помощью которых объяснялись иные области реальности. Ныне политеистическими религиями являются буддизм, индуизм, синтоизм, конфуцианство и др.

По мере разделения труда, дифференциации общества, формирования народностей, монархических государств развиваются и политеистические системы. Складываются супремотеизм (лат. *supremus* – высший, греч. *theos* – бог) – почитание многих богов, но при приоритете одного и генотеизм (греч. *hen* – один, первый, *theos* – бог) – признание существования множества богов, но почитание одного.

У некоторых народов супермотеизм и генотеизм развились в **монотеизм** (греч. monos – один, единственный, theos – бог) – представление о существовании единственного Бога. Монотеизм появляется в результате длительной эволюции верований. Раньше других образовались представления о духах и богах отдельных природных областей и сфер разделения труда, постепенно формировались образы богов, управляющих несколькими «секторами» природы и общества (видовые и родовые представления – понятия), наконец, складывалась фигура Бога, контролирующего все многообразные природные и общественные явления. В ходе умственного развития в головах людей из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов возникло представление о едином и единственном Боге монотеистических религий. Монотеистическими являются иудаизм, христианство, ислам, сикхизм.

2.2. Мифология и зарождение философии в Древней Греции

Философия, созданная греками как система взаимосвязанных рациональных категорий, дала жизнь науке и, в определенном смысле, задала ей основные координаты роста. Признавая это, мы не можем не признать за греками исключительный вклад в развитие науки с знакомыми нам очертаниями нынешней цивилизации.

Философию в ее истоках нельзя понять, не вникнув в художественные и религиозные представления данного народа. Каковы первые причины всего, судьба мира и человека – все эти вопросы связаны с целой мифологией. Искусство посредством интуиции и воображения в форме фантастических образов пытается достичь тех же целей, что и философия. Религия на путях веры достигает целей, которые философия ищет при помощи понятий и разума. Религия создает мир мифологических представлений о сверхземном и сверхчувственном, тем самым она воспитывает в людях определенное нравственное отношение к миру и ближним.

У греков была своя религия, греческий дух откристаллизовался в поэмах Гомера и Гесиода. Единого бога, создающего мир словом и волей, греки не знали. Греческие боги были, скорее, демонами. Согласно Гомеру, все произошло от Океана, а по Гесиоду – из Хаоса. Миром правят не его творцы, а их всеильные дети. Даже Зевс стал править миром после того, как сверг отца – Кроноса. Натурализм древних греческих философов великолепно консонирован с пониманием природных демонов-богов. Боги не только правили миром, но освящали брак и семейный очаг. Боги были гарантами Правды и мстили за предательство и невинно пролитую кровь. Логично поэтому, что древние представления о благе и грехе, о законе и праве непременно имели религиозную окраску.

Цель философии – в прозрачном и незамутненном восприятии чистой истины. Греческая философия родилась именно как бескорыстная любовь к знанию. Не материальная нужда и не практическая польза в виде прибыли двигали первыми философами, а ничем не стесненная свобода самопознания. Слова Аристотеля подтверждают эту мысль: «Все прочие науки более необходимы, но лучше философии нет ни одной». Греческие философы пошли именно по этому пути.

У восточных народов также была и есть своеобразная форма мудрости, свободная от практических целей. Однако она никогда не стремилась освободиться от фантастических образов и неотторжима от религии, поэзии и искусства. Ощу-

тить целое посредством разума и суметь логически выразить его суть – в этом абсолютная оригинальность греческого гения. Развитие западной культуры основано на этом открытии.

Для чего все существует? Откуда все произошло? Есть ли кроме бытия ничто? Что такое человек и для чего он живет? Подобные проблемы всегда волновали человека, но ни одна из них не имеет строго научного решения. Мы много знаем о частностях, но мало о сути и смысле целого. Триумф точных наук и достижений естествознания никак не повлияли на состояние вечных философских проблем. Как правильно заметил Аристотель: пока жив человек, он сохранит здоровую способность удивляться загадкам внешнего мира и собственного бытия.

Контрольные вопросы

1. Каковы представления о психике в первобытном сознании?
2. Назовите особенности формирования политеистического мировоззрения.
3. Поясните значения явлений супрематизма и генотеизма, приведите примеры.
4. Укажите основные причины возникновения монотеистических религий.
5. Охарактеризуйте космологические представления древних греков.

Тема 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)

Греческая античная философия сформировалась в VII–VI вв. до н. э. Своим характером и направленностью содержания, особенно методом философствования она отличается от древних восточных философских систем и является первой в истории попыткой рационального постижения окружающего мира.

Первый этап (от формирования собственно греческого философского мышления до перелома V–IV вв. до н.э.), как правило, определялся как досократический, а философы этого времени – как досократики.

Второй этап – приблизительно с половины V в. и существенная часть IV в. до н. э. – определяется как классический. Он характеризуется влиянием и деятельностью Сократа, Платона и Аристотеля. Этот период является также вершиной развития греческой рабовладельческой демократии. Культурная, научная и политическая жизнь сосредоточена, в частности, в Афинах. И хотя после поражения в Пелопоннесской войне Афины теряют свое исключительное положение среди греческих городов, однако остаются центром греческой культурной и научной жизни. Укрепление политического влияния Македонии и ее гегемония над греческими городами означали конец классической греческой демократии.

С установлением гегемонии Македонии и с упадком (как экономическим, так и политическим) греческих городов связан **третий этап** в развитии античной философии (конец IV в. – II в. до н.э.). В подавляющем большинстве работ этот период определяется как эллинистический. В отличие от классического периода, когда возникли значительные философские системы, в это время на арену выступает целый ряд всевозможных философских направлений и школ.

Начало четвертого, заключительного этапа в развитии античной философии (I в. до н. э. – V–VI вв. н.э.) приходится на период, когда решающей силой античного мира становится Рим. Во многом он связан с греческой культурой, а в философии является скорее хранителем наследия греческой философской мысли, чем его продолжателем в собственном смысле слова.

3.1. Психологические учения в досократический период

Постичь философское мышление этого периода весьма сложно, и прежде всего потому, что произведения досократовских мыслителей сохранились только во фрагментах и лишь исключительно благодаря цитированию и критике позднейших античных авторов. Из этих фрагментов весьма сложно выводить цельные философские взгляды их авторов.

Философское мышление начинает формироваться в античной Греции примерно в VII – VI вв. до н. э. В обществе в это время происходят большие изменения. Имущественное неравенство влечет за собой углубление классовой дифференциации. Процесс формирования нового класса ускоряется, в частности, развитием ремесел и торговли. Происходит постепенное разложение родового общества и ограничение власти родовой знати. Рабство по сравнению с временами Гомера приобретает новые формы. Его патриархальность уступает место новым, более прогрессивным формам. Становящийся общественный класс, связанный с хозяйственным развитием, захватывает политическую власть и устанавливает тиранию. С ростом экономической и политической силы этого класса развивается и греческая культура.

Первые признаки философского осмысления мира можно найти уже в произведениях **Гомера**, хотя по своей мифологической форме они еще далеки от рационализма, присущего греческой философии. Гомер говорит о трех первопричинах, которые можно в определенном смысле полагать первоосновами мира, и называет их Никс, Океанос и Тетис. Никс – это праисходное состояние, стадия, которая предшествует чему-либо иному (используя нынешнюю терминологию, можно сказать, что это универсальная потенция всех состояний мира). Океанос представляет праморе, а Тетис – определенную жизнесообщающую силу, которая соединена с морем – водой. При этом все эти первопричины, т. е. сущностные силы, связаны с землей.

Попытка объяснения возникновения мира содержится и в трудах **Гесиода**. Согласно Гесиоду, основой всего является хаос, который понимается как неограниченная, бесформенная масса, содержащая в себе все возможные потенции. Из него же возникают праисходные формы бытия. С одной стороны, это Гея (Земля) и Эрос (определенная жизненная сила), с другой – это Эребос (тьма) и Никс (ночь) как определяющая, правящая сила. Из них потом возникают Уран (звездное небо), Этер (Эфир), свет, и постепенно остальные божества.

Эти «дофилософские» воззрения были попыткой в форме мифа ответить на вопросы, что является основным принципом мира (или космоса) и какие принципы или силы определяют его развитие. Стремление рационально ответить на эти вопросы, найти выход из магических и религиозных зависимостей стоит у истоков собственно греческой философии.

Милетская школа известна как первая философская школа. В ней впервые сознательно был поставлен вопрос о первоосновах всего сущего.

И хотя отдельные представители милетской школы этот вопрос решают по-разному, их взгляды имеют общий знаменатель: основу мира они видят в определенном материальном принципе. Можно сказать, что эта первая греческая философская школа стихийно тяготеет к материализму.

Первый из ионических философов – **Фалес из Милета** (VI в. до н. э.) – жил приблизительно в 640 – 562 гг. до н. э. Происходил он из богатой семьи и помимо теоретических исследований занимался торговлей и политической деятельностью. Приобрел огромные знания и множество сведений в различных теоретических и практических областях человеческой деятельности. Это стало возможным благодаря развитию Милета, а также его выгодному положению и торговым контактам. Милет поддерживал торговые связи с Египтом, Персией и Индией. Сам Фалес очень много путешествовал и собирал все доступные сведения и знания. Интересовался, в частности, астрономией, геометрией и арифме-

тикой. Вавилонское образование дало ему возможность познакомиться с работами халдейских ученых. Традиция гласит, что Фалес предсказал затмение солнца, которое произошло 28 мая 585 г. до н. э. Основой всего сущего Фалес считал воду.

Семена и зерна всего сущего имеют влажную природу, говорил Фалес. Поэтому высыхание всего есть смерть. В основе бытия Фалеса есть некая константа, нечто, не подверженное изменениям – вода. Жизнь – влага, водная стихия, значит, все приходит из воды, начинается в воде и в ней заканчивается. Воду он понимал не как конкретную форму или персонификацию мифологической силы, а как аморфное, текущее сосредоточение материи. В праоснове Фалеса, в «бесконечной воде», содержится и потенция дальнейшего развития. Все остальное возникает путем «сгущения» или, «разрежения» этой первоматерии. В этом противоречивом понимании развития можно увидеть определенную тягу к диалектической интерпретации действительности.

Другим выдающимся милетским философом был **Анаксимандр** (611 – 546 гг. до н. э.). Судя по всему, был он учеником Фалеса. По сохранившимся фрагментам можно судить, что, подобно Фалесу, он прежде всего изучал природу. У него можно найти мысли, которые углубляют и развивают взгляды Фалеса, в частности в области астрономии. Так же как Фалес, Анаксимандр ставил вопрос о начале мира. Он утверждал, что «первоначалом и основой является беспредельное (apeiron), и не определял его ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное. Он учил, что части изменяются, целое же остается неизменным». Фалес относил все материальное разнообразие мира к воде, Анаксимандр же уходит от этой материальной определенности. Его апейрон характеризуется как нечто безграничное, неопределенное. «Анаксимандр провозглашает безграничное началом и основным элементом сущего и первый вводит это имя «начало». Говорит, что это не вода, не одна из так называемых стихий, но какая-то иная, неограниченная пригодность, из которой возникают все небесные своды и миры в них. Апейрон Анаксимандра является безграничным и неограниченным не только в пространственном, но и во временном отношении. У Анаксимандра встречается проблематика, которую Фалес лишь абстрактно обозначает, – проблематика возникновения и формирования жизни: «Первые животные зародились во влажном и имели на себе покров с шипами. Но когда они вырастали, выходили на сушу и, когда покров ломался, жили еще краткое время». Способность жизни приписывается здесь непосредственно определенному виду материи. Это воззрение, характерное для представителей милетской школы, можно определить как **гилозоизм** (от греч. hyle – материя, zoe – жизнь). Согласно ему, вся материя живая. Следующим проявлением стихийного материализма является тот факт, что Анаксимандр к естественному ряду развития животных относит и человека. «Говорит он также, что вначале человек родился от животных другого вида».

Третьим выдающимся милетским философом является **Анаксимен** (585 – 524 гг. до н. э.). Он был учеником и последователем Анаксимандра. Подобно Фалесу и Анаксимандру, Анаксимен изучал астрономические явления, которые, как и другие природные явления, он стремился объяснить естественным образом. Анаксимен, как ранее Фалес и Анаксимандр, выдвигает и решает вопрос об основной, первоисходной причине бытия и действия, о том, что является основой мира. Он, как и его предшественники, первоосновой мира полагает определенный вид материи. Такой материей он считает неограниченный, бесконечный,

имеющий неопределенную форму воздух. «Анаксимен <...> провозглашает воздух началом сущего, ибо из него все возникает и к нему все возвращается». Из воздуха затем возникает все остальное. Разряжение воздуха приводит к возникновению огня, а сгущение вызывает ветры – тучи – воду – землю – камни. Сгущение и разряжение понимаются здесь как основные, взаимно противоположные процессы, участвующие в образовании различных состояний материи. Естественное объяснение возникновения и развития мира Анаксимен распространяет и на объяснение происхождения богов. Анаксимен является последним представителем натурфилософии милетской школы.

Другим выдающимся центром как торговой и политической, так и культурной жизни малоазийской Греции был Эфес. Здесь также приблизительно во второй половине VI в. до н. э. возникает сильная философская школа, связанная с именем философа **Гераклита из Эфеса** (540 – 480 гг. до н.э.). Гераклит, видимо, был знаком со многими взглядами милетских философов.

Однако он провозглашал, что «не был ничьим слушателем, и заявлял, что сам себя исследовал и сам от себя научился». Он выступал как оратор, бескомпромиссный критик. Однако он отошел от политической жизни. Диоген Лаэртский со ссылкой на Антисфена приводит как доказательство его гордыни тот факт, что «он уступил своему брату царскую власть». Из труда Гераклита, который, согласно одним источникам, назывался «О природе» (это название у первых греческих философов встречается весьма часто), согласно другим – «Музы», сохранилось примерно 130 фрагментов.

Основой всего Гераклит считает огонь. «Огонь есть основной элемент, все является видом огня, и все происходит путем разрежения и сгущения». Огонь является для него наиболее адекватным символом динамики развития, постепенности постоянных изменений. Об этом свидетельствует, например, его изречение, что мир «возникает из огня и опять сгорает в определенные периоды в течение всего века; свершается это согласно судьбе».

В интуитивном понимании развития как единства и борьбы противоположностей из всех досократовских мыслителей Гераклит продвинулся наиболее далеко. Его вклад в развитие диалектики исключителен. Диалектика не излагается в ясных и упорядоченных понятиях. Это скорее отдельные гениальные наблюдения, направленные на постижение значения принципа единства и борьбы противоположностей. «Война является отцом всего и королем всего, и одних она сделала богами, других – людьми, одних – рабами, других – свободными».

Центральным мотивом всего его учения был принцип «все течет» (*panta rei*). Постоянные изменения и постоянное развитие Гераклит объясняет различными способами: «Одно и то же является живым и мертвым, бодрствующим и спящим, молодым и старым, ибо это, изменившись, становится другим, а другое, изменившись, становится этим». Постоянный ход развития он сравнивал с течением реки, в которую нельзя войти дважды: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, согласно Гераклиту, ни дважды прикоснуться к преходящей, по своему характеру тождественной сущности. Она быстро свои перемены разъединяет, а затем опять соединяет, приходит и опять уходит». В другом месте он подчеркивает эту мысль еще более определенно: «В одни и те же реки мы входим и не входим, существуем и не существуем».

Душа – это особое переходное состояние огненного начала в организме, которому Гераклитом дано название «психея». «Психеи» как особые состояния

огня возникают из воды и в нее же переходят. Наилучшее состояние «психеи» – это ее сухость. Сухое сияние «психеи» определяет ее наибольшую активность, увлажнение ее ведет к снижению активности и деятельности. «Психеям смерть – стать водою». Гераклит считал, например, что опьянение есть не что иное как увлажнение «психеи», которое делает ее более грубой, отчего человек теряет ориентировку и телесную координацию.

Гераклитом было дано не только общее представление о «психее» и ее природе, он также попытался выделить и характеризовать отдельные стороны души. Большое внимание философ отводил познавательным актам. Важное значение он придавал чувствам, а среди них особенно зрению и слуху. Гераклит писал: «Я предпочитаю то, что могу услышать или увидеть». Функции зрения и слуха ставились в зависимость от общего состояния души и самих органов чувств. «Плохи свидетели для людей глаза и уши тех, кто имеет грубые психеи». Хотя Гераклит отводил чувствам важное место в познании, однако ведущим у человека признавался разум, поскольку органы чувств позволяют установить лишь внешнюю гармонию природы, тогда как разум, опираясь на чувства, открывает ее внутренние законы. Психеям и мыслям присущ самовозрастающий логос. Мысль человека саморазвивается, переходя от одной истины к другой. Основная цель познания заключается в том, чтобы, открывая истины, прислушиваться к голосу природы и поступать сообразно ее законам.

Гераклит высказывает ряд важных положений, раскрывающих соотношение побудительных сил и разума, влияние предшествующих состояний на последующие, относительный характер побуждений и потребностей у различных живых существ. По мнению Гераклита, потребности живых существ определяются условиями их жизни: «Свиньи грязи радуются, ослы – золоту предпочитают солону, птицы в пыли или золе купаются, морская вода – для рыб пригодна». Указывая на зависимость переживаемых состояний организма от предшествующих, философ подчеркивает, что связанные с потребностями чувства удовольствия и неудовольствия узнаются через свою противоположность. Голод приятным делает насыщение, усталость – отдых, болезнь – здоровье. Раскрывая связь побудительных сил и разума, Гераклит отмечал, что всякое желание покушается ценою «психеи», т.е. злоупотребление вожделениями и низшими потребностями ослабляет «психею». Но, с другой стороны, умеренность в удовлетворении потребностей способствует развитию и совершенствованию интеллектуальных способностей человека. Счастье человека, по Гераклиту, состоит не в увлечении телесными удовольствиями, в таком случае он уподобился бы быкам, насыщающим травой желудок, а в том, чтобы исходить из голоса разума, позволяющего человеку проявлять природосообразное поведение, связанное с пониманием законов необходимости (логоса). Главным в человеке является характер, понимаемый Гераклитом как рок, как главенствующий психологический фактор, определяющий судьбу человека в течение всей его жизни.

Будучи философом фюзиса, Гераклит открывает новое измерение души – бесконечность, то есть надфизическое пространство ее бытия. В духе орфиков он называет человеческие души смертными-бессмертными. Как таковые одни души живут смертью других, а, умирая, они дают жизнь другим. Процветание тела чревато смертью души, а смерть тела иногда дает новую жизнь душе. Посмертная судьба души также волновала Гераклита. После смерти, говорил он, нас ждет нечто невообразимое и совершенно неожиданное.

Пифагор (2-я пол. VI в. до н.э.) – основоположник и создатель пифагорейского союза – научно-философского и этико-политического сообщества, чье учение было тайным, а организация – закрытой от посторонних.

Главное в учении Пифагора – субстанциональность числа, которое управляет как материальной, так и духовной сферой, включая нравственность. Душа, по мнению пифагорейцев, – гармония, – также числовое отношение.

Пифагорейцы выводили физический мир из понятия числа. Поскольку числа рассматривались как точки массы с определенной плотностью, то переход к физическим объектам не составил большой проблемы. Антитеза предельного и беспредельного тут же получила определенный космологический аспект. Беспредельное есть просто окружность, внутри которой рождается мир. Пифагор первым, как свидетельствуют античные источники, назвал определенный порядок всего мирского космосом. Небо, земля, боги и люди соседствуют друг с другом не как попало, а согласно некоему закону. По этой причине целостность сущего называется космосом, то есть порядком.

Так, с воцарением числовой гармонии, взгляд на мир изменился. Вместо темных непонятных сил пришло число как символ разумного порядка и истины. Все известные вещи имеют число, говорили пифагорейцы, без него ничто нельзя ни помыслить, ни узнать. Только ложь никогда не уложится в число. Пифагорейцы смогли увидеть мир совершенно прозрачным для разума.

Наука была для пифагорейцев средством для достижения определенного жизненного идеала. Главное в этом идеале – очищение души, свободной от всего телесного. Вероятно, именно Пифагор придал черты теории идее переселения душ (метемпсихоза). По причине первородного греха душа обречена на серию перевоплощений, при этом тела, в которых ей суждено вселиться, не только человеческие, но и животные.

Чтобы душе освободиться от тела, она должна очиститься. Для жизни в обществе богов, человеку надлежало стать сначала учеником и подражателем. Все, что пифагорейцы определяли необходимым к исполнению, проверялось, достойно ли это имени божественного.

Эмпедокл (ок. 484 – 421 гг. до н. э.) родился в городе Акраганте в Сицилии, был учеником Пифагора, но в то же время в его взглядах содержится влияние и элеатов, и ионических философов. Пользовался значительным уважением своих сограждан, работал в нескольких областях, признававшихся важнейшими. Он был поэтом и философом. Особое внимание он уделял и вопросам медицины.

Важнейшие философские мысли содержит произведение «О природе». По своему характеру философия Эмпедокла близка стихийному материализму. Однако вместо одной первоматерии он выдвигает четыре исходных принципа, это корни всякого бытия. Имена богов являются аллегориями четырех корней: Зевс – огня, Гера – воздуха, Гадес – земли, Нестиды – воды. Эти четыре стихии характеризуются, однако, иначе, чем первомаateria элеатов или огонь Гераклита. Огонь Гераклита, между прочим, содержал в себе способность развития, корни же всякого бытия Эмпедокла по преимуществу пассивны. Поэтому он вводит две движущие силы, которые путем смешения основных указанных стихий способствуют возникновению всего многообразия окружающего мира, – любовь и вражду. Движущий принцип здесь отделен от понимаемой как пассивная материя. В этом смысле можно говорить о дуализме Эмпедокла.

Дуализм Эмпедокла является основой объяснения, интерпретации сущего. Сущее образуют четыре пассивные стихии материального характера и две основные противоположные силы – любовь (дружба) и вражда (ненависть).

Стихийный материализм философии Эмпедокла проецируется и на его понимание развития космоса, где решающую роль играют любовь и вражда как основные материальные движущие принципы.

Первоисходную стадию, в которой находится весь космос, Эмпедокл определяет термином «сфайрос». В этой стадии нет никакой определенности; все сливается в неразличимом единстве. Это состояние космоса представляет собственно некую наисовершеннейшую смесь и подлинное единство стихий, в которых они все равно представлены. Это период универсальной власти любви; а вражда здесь поставлена «вне» мира, вытеснена.

Вторая стадия развития космоса начинается с возникновения единичных, отдельных вещей. Это возникновение вызвано постепенным приходом вражды, которая в этой стадии стремится вытеснить любовь. Основные стихии в этом периоде еще частично соединены и в то же время частично разделены.

Третья стадия в развитии космоса определяется однозначной гегемонией вражды. Любовь вытеснена из мира и влачит жалкое существование на его обочине. Стихии в этот период более или менее разделены.

Четвертая стадия определяется возвратом власти любви. Стихии опять соединяются. Так Эмпедокл характеризует космогонический процесс развития. Состоит он из постоянно повторяющихся четырех стадий, в которых попеременно берет верх то вражда, то любовь. В этом развитии, при смешивающейся власти любви и вражды, происходит разделение и соединение вновь четырех основных стихий, и, собственно, так образуются конкретные вещи.

Стихийно-материалистической является и «теория познания» Эмпедокла. Она построена по принципу познания «подобного подобным». Познание возможно потому, что как субъект познания (человек), так и объект (окружающий мир) состоят в принципе из одних и тех же стихий, соединенных лишь в различных отношениях. Это, согласно Эмпедоклу, делает принципиально возможным процесс познания и гарантирует, используя современную терминологию, достаточную адекватность знаний.

В отличие от элеатов Эмпедокл является сторонником определяющей роли чувственного познания. Аристотель свидетельствует, что, согласно Эмпедоклу, мыслить и чувственно воспринимать – одно и то же, «как именно Эмпедокл сказал: мудрость у них возрастает, лишь вещи перед ними предстанут».

Организм растений и животных, как и мир в целом, состоит из четырех стихий, причем различие между растениями и животными заключается в неодинаковом соотношении и степени выраженности у тех и других первоначальных стихий. Наиболее совершеннейшими по своим пропорциям являются у растений – сок, у животных и человека – кровь. Кровь представлена, по Эмпедоклу, одной частью огня, одной частью земли и двумя частями воды. Сок растений и кровь у животных и человека есть ведущая структура организма, и именно кровь и сок благодаря наиболее совершенному сочетанию в них стихий рассматривались Эмпедоклом в качестве носителей душевных, психических функций.

У человека центром движения крови является сердце, поэтому оно, а не мозг как это предполагал Алкмеон, является органом души. Кровь определяет и ощущения, и чувства, и мысли. С кровью связаны также особенности общей ак-

тивности и подвижности человека. Жидкая, горячая кровь обуславливает более тонкую чувствительность и большую активность и подвижность организма. Холодная, густая, землистая кровь определяет пассивность, медлительность и более грубую чувствительность. То, в какой мере снабжается кровью тот или другой орган тела, определяет потенциальные возможности этих частей тела. Например, для оратора необходимо иметь высокоразвитую кровеносную систему языка. У мудрецов лучше всего снабжается кровью головной мозг.

Анаксагор (ок. 500 – 428 г. до н. э.), по свидетельству Диогена Лаэртского, был учеником Анаксимена. Происходил из Клазомен, но большую часть своей жизни прожил в Афинах. К концу жизни был обвинен в безбожии.

Афины того времени уже стали центром культурной и политической жизни не только Аттики, но и всей Греции. Свои мысли он изложил в объемистом трактате «О природе». Из этого труда сохранились лишь фрагменты первой части.

Ответ Анаксагора на вопрос «Что есть основа мира?» заметно отличается от предшествующих школ и мыслителей. Если до сих пор ответ на этот вопрос всегда предполагал сведение разнообразия мира к определенному виду материи, исключая апейрон Анаксимандра и учение пифагорейцев, то Анаксагор считает основой всех вещей бесконечное множество малых материальных частичек, качественно различных между собой, которые он называет семена вещей (гомеомерии). «Следует полагать, что во всем соединяющемся содержится много различного и семена вещей, которые имеют различные формы, цвет и вкусы». Так, у Анаксагора мы впервые встречаемся с плюрализмом (признанием множества сущностей), причем с плюрализмом, имеющим нематериалистический характер, ибо «как бы мог возникнуть из не волоса волос и мясо из не мяса?».

Материя, по Анаксагору, вечна, несотворима и неуничтожима, однако, в отличие от Эмпедокла, качественно дифференцирована. Этим Анаксагор пытается разрешить две проблемы, которые давно пытались разрешить в предшествующей греческой философии. Это проблема отношения единства и многообразия (качественного различия) сущего, которую решает положение о качественной определенности семян вещей, и проблема возникновения и гибели с позиции вечного и неизменного бытия (например, в понимании элеатов). Согласно Анаксагору, новое возникает, потому что семена вещей содержатся в различных вещах. Поэтому одни вещи могут переходить в другие, соединяться и разъединяться, что и предстает перед нами либо как возникновение, либо как гибель и упадок.

Семена вещей как материальную основу мира он считает инертными, неподвижными. Причину, приводящую их в движение и являющуюся в то же время причиной всех вещей, Анаксагор определяет термином нус – разум.

Из некоторых сохранившихся фрагментов трудов Анаксагора возможно предположить, что Нус был основным (духовным) принципом упорядочения материального мира.

Значительного прогресса достиг Анаксагор в области теории познания. Основной (элементарной) ступенью познания он считал чувственное познание. Однако по сравнению с Эмпедоклом он не считает, что «одинаковое мы познаем одинаковым», а как раз наоборот. «Анаксагор учит, что восприятие совершается обратным, ибо одинаковое не воздействует на одинаковое, а стремится проникнуть отдельными чувствами. Видим же мы образ предмета в зрачке, и образ не

формируется в нем, потому что имеет тот же цвет <...> Подобным способом различает предметы осязание и вкус, ибо то, что одинаково тепло или одинаково холодно, ни нагревает, ни охлаждает, приближаясь к чему-либо; сладкое и кислое мы не познаем благодаря им самим, но теплым познается холодное, соленым – пресное и кислым – сладкое, всегда сообразно тому, чего в другом недостает, ибо это все, как он говорит, в нас». Хотя он и признает за чувственным познанием главную роль, но не абсолютизирует его. В сохранившихся фрагментах можно найти ряд мыслей, свидетельствующих о критике надежности чувств. «Из-за их слабости мы не можем судить об истине».

Он также подчеркивал необходимость коррекции чувственного познания. Однако разум тесно связан с чувствами, и только при их посредстве можно получить «мудрость» об окружающем мире. Ведь и «видение неявного есть явное». Согласно Анаксагору, человек имеет по сравнению с другими живыми существами, наибольшее число чувственных органов. Поэтому Анаксагор утверждает, что «человек самый разумный из всех живых существ, так как имеет руки».

Левкипп (ок. 500 – 440 гг. до н.э.) родился в Милете. Как активный сторонник рабовладельческой демократии, он после успешного переворота, совершенного аристократией в 449 г. до н. э., был вынужден покинуть родной город. Левкипп отправляется в Элею, где, видимо, становится учеником Парменида. Из его работ практически ничего не сохранилось, кроме нескольких мыслей, дошедших через посредство других античных авторов. После длительного пребывания в Элее он уходит в Абдеры, где, видимо, становится учителем Демокрита. Левкипп выдвинул основные принципы атомистической философии. Он «признавал бесчисленные, постоянно движущиеся элементы – атомы, имеющие бесконечное множество форм, так как видел в вещах постоянное возникновение и изменение». Он учил, что «сущее не более чем не-сущее и что оба они являются равной причиной возникновения вещей. Полагая суть атомов плотной и полной, он учил, что они есть сущее, движущееся в пустоте; пустоту называл несущим, утверждая, что она является не меньшим, чем сущее». В этом фрагменте освещены принципы атомистической науки о бытии. Единственное, что существует, – атомы и пустота. Атомы, как увидим далее, характеризуются (и у Левкиппа, и у Демокрита) величиной, формой, порядком и положением. Они являются причиной вещей, которые возникают и гибнут благодаря их соединению и разъединению.

Демокрит (ок. 460 – 370 гг. до н. э.) происходит из знатного семейства в Абдерах. Унаследовал значительное имение, что и позволило ему полностью посвятить себя науке. По преданиям, он учился у халдейских магов, которых оставил в Абдерах персидский царь Ксеркс. Был учеником Левкиппа и, как сообщает Диоген Лаэртский, учился у Анаксагора, который, однако, был много старше. Много путешествовал. Целью его странствий было знакомство с идеями мыслителей в далеких странах.

Демокрит, как уже говорилось, полностью разделяет учение Левкиппа об атомах и пустоте (термин «атомос» означает в дальнейшем неделимый). Атомы сами по себе неизменны, были, есть и будут постоянно теми же самыми, ибо «не могут претерпевать те изменения, в существовании которых убеждены все люди, научаемые этому восприятием. Так, говорят, что ни один атом не нагревается и не охлаждается и потому не высыхает и не увлажняется – и тем более не стано-

вится белым или черным и вообще не принимает каких-либо свойств, так как он никоим образом не меняется».

Понимание мира у Демокрита тесно связано с основными принципами его учения о бытии и его пониманием отношений между явлениями. Здесь Демокрит был сторонником строгой необходимости. Развитие вселенной, порядок мира, все в сущности определено (детерминировано) механическим движением атомов. Поэтому в его системе нет места для объективного существования «случайности».

Главным и необходимым условием движения атомов, их соединения и разъединения является пустота. Без нее мир был бы неподвижным, он принял бы статически мертвый характер. Только благодаря пустоте атомы могут находиться в постоянном движении, а природа и мир в целом – в его вечном изменении и развитии.

В результате механических процессов соединения атомов возникает все, что окружает человека, включая и его самого. Жизнь не является продуктом божественного акта, она порождается сцеплением влажных и теплых атомов, животные возникли из воды и ила. От животных произошел человек. Все живые существа непрерывно изменялись. Вначале рождались глухие, слепые, безрукие, безногие существа, которые из-за своей неприспособленности вынуждены были погибнуть. Из множества форм животных, которых создавала природа, выжидали наиболее совершенные. К числу самых совершеннейших животных и принадлежит человек.

Душа животных и человека есть то, что заставляет их двигаться. Она телесной природы и состоит из атомов особого рода, отличающихся своей формой и чрезвычайной подвижностью. Атомы души – круглые, гладкие и родственны атомам огня. Огненные атомы проникают в организм при вдыхании. С помощью дыхания происходит их восполнение в теле. Если душевных атомов в организме становится слишком мало и эта утрата не восполняется, наступает смерть. Демокрит был близок к гилозоизму, поскольку предполагал, что солнце и звезды, по-видимому, тоже имеют души, ибо они представляют собой скопление огненных (душевных) атомов.

Проникая в организм, душевные атомы рассеиваются по всему телу, но вместе с тем в отдельных частях его происходит их скопление. Этими зонами скопления являются область головы, сердца и печени. В области головы задерживаются огненные и наиболее подвижные атомы, движение которых обуславливает течение познавательных процессов-ощущений, восприятий и мышления. В области сердца сосредоточиваются атомы круглой формы, но менее подвижные. Этот род атомов связан с эмоциональными и аффективными состояниями. И, наконец, атомы, скопившиеся в области печени, определяют сферу влечений, стремлений и потребностей.

Разграничив отдельные стороны души, Демокрит пытается более полно раскрыть природу, условия и механизмы возникновения познавательных и побудительных сил человека, определить их место в общей картине его душевной жизни.

В познавательную сферу души включались ощущения, восприятия и мышление. Первоначальной формой познавательной деятельности Демокрит считал ощущения и восприятия. На них опирается мышление. Без ощущений и восприятий мысли не возникают. Жалкий ум, говорил Демокрит от имени органов

чувств, нас ли ты намерен победить, нас, у которых только и заимствуешь ты свои убедительные доводы.

Рассматривая ощущения и восприятия в качестве начального звена познавательного процесса, Демокрит вместе с тем ясно представлял себе, что чувства не могут отразить сущность вещей (например, атомарную структуру тел). Ощущения и восприятия как бы скользят до поверхности и схватывают лишь внешнее. Только мышление, выполняющее функцию, подобную микроскопу, позволяет видеть то, что остается за пределами органов чувств.

Отправными положениями в объяснении возникновения ощущений и восприятий являются у Демокрита принцип подобия и механизм истечений. Все ощущения возникают при условии контакта и соприкосновения органов чувств с внешними телами, представляющими собой сцепление различного рода атомов, величина, форма, порядок и положение которых определяют тот или другой вид чувствительности и качественные характеристики ощущений. Например, если в ухо попадают однородные атомы, звук будет восприниматься чистым: если же в ухо проникают разнородные атомы, звуки будут восприниматься сложными. Проникновение мелких атомов будет вызывать впечатление высоких тонов, а крупных – низких. Аналогичным образом свойства атомов определяют и восприятие цветов, вкусовую чувствительность и другие виды ощущений. Ощущение сладкого, например, связано с гладкими круглыми атомами; ощущение кислого – с шероховатыми, многоугольными атомами.

Подчеркивая зависимость ощущений от свойств атомов, Демокрит вместе с тем заметил, что в телах имеются лишь атомы, а такие качества как вкус, цвет, запах, тепло и т.п. самим атомам и телам, состоящим из них, не свойственны. Они возникают только при взаимодействии атомов с органами чувств, порождающем в нашем мнении ощущения соленого, сладкого, красного, желтого, теплого, холодного и т.д. Перечисленные качества являются как бы вторичными, производными, не зависящими целиком от физической природы атомов. Те краски и ощущения, которые человек испытывает, представляют собой субъективные переживания, объективным основанием которых являются внешний мир, составленный лишь из атомов и пустоты. Таким образом, в учении Демокрита об ощущениях впервые обращается внимание на объективную и субъективную стороны чувствительности.

Если возникновение всех видов ощущений выводилось Демокритом из непосредственного контакта органов чувств с атомами, то механизм восприятия целостных объектов описывался философом с позиций теории истечений. Истечения, названные Демокритом «идолами», представляют собой сочетание тонких атомов, воспроизводящее форму воспринимаемого предмета. Идолы или тонкие оболочки, копирующие форму объекта, исходят от предмета и направляются в самые разные стороны окружающей воздушной среды. Одновременно с истечениями от объектов во внешнюю среду посылают свои истечения и органы чувств. При встрече истечений, идущих от источника и воспринимающего органа в воздушной среде, окружающей глаз, образуется отпечаток, который и переносится в зрачок глаза. Промежуточная воздушная среда во время движения идолов может спутывать их и тем самым вызывать неадекватные впечатления. Самое же впечатление возникает только в том случае, если идолы, проникая в поры глаза, сталкиваются с атомами души.

Гиппократ (ок. 460 – ок. 377 гг. до н. э.) – основатель научной медицины, о его жизни, к сожалению, известно очень мало. Его трактат «О водах» – один из самых необычайных в «Корпусе Гиппократата», до сих пор невозможно не изумляться современному звучанию некоторых положений, выраженных в нем. В его основе лежат два тезиса.

Первый содержит обоснование медицины как парадигматической науки. Человек представляется как вплетенный естественным образом в контекст всех систем, образующих сферу его жизни: времен года, атмосферных потоков, типичных для каждого из регионов, водных ресурсов и характеристик местностей и их богатства, типов жизни их обитателей.

Второй тезис (более интересный) состоит в том, что и политические институты оставляют отпечаток на здоровье и основных условиях жизни людей. «По этой причине мне представляются слабыми народы Азии, в большей степени благодаря институтам. Большая часть Азии тяготеет к монархии. Там же, где люди не предоставлены сами себе и собственным законам, а подчинены деспоту, там они уже не думают о том, как лучше подготовиться к войне, а скорее о том, как казаться негодными к борьбе». Демократия, следовательно, закаляет характер и здоровье, деспотизм же вызывает противоположные эффекты.

Гиппократова медицина вошла в историю как теория четырех состояний (или жидкостей): «крови», «флегмы», «желтой желчи» и «черной желчи». Человек здоров, когда в его теле эти жидкости между собой хорошо темперированы, соразмерны качественно и количественно, а смесь находится в равновесии. Напротив, он болен, когда один из этих элементов находится либо в избытке, либо в недостатке, от чего теряется соразмерность. С четырьмя жидкостями соотносятся четыре времени года, а также холодное и горячее, сухое и влажное (Рисунок 1).

Степень преобладания какой-либо из названных жидкостей в их смеси и обуславливает основные четыре типа людей – сангвиники, холерики, флегматики и меланхолики. Сангвиникам, людям с преобладанием крови в общей смеси, характерно прекрасное телосложение, высокая подвижность, приветливость, недостаточная любовь к труду, склонность к наслаждениям. Холерики, лица с доминированием желтой желчи, имеют хорошо развитое тело и мышцы; они энергичны, активны, тверды характером, горды, более способны для искусств и военных дел. Флегматиков, людей с преобладанием слизи, отличает рыхлость телосложения, вялость, малоактивность, сонливость: у них нет той тонкости чувств, необходимых для занятий искусствами и науками, нет трудолюбия и воли. И, наконец, меланхоликам, у которых преобладающей жидкостью является черная желчь, свойственны хмурость, тоскливость затяжного характера.

Благодаря представлениям Гиппократата индивидуально-психологическое своеобразие человека стало выступать как вполне закономерный феномен, поскольку конституциональные особенности, общая активность человека, его психические задатки и склонности определяются, с одной стороны, внешними условиями и обстоятельствами, включающими как природные (климатические, географические, метеорологические и т.д.), так и социальные (образ жизни, обычаи, формы правления) факторы, с другой – внутрителесными, гуморальными механизмами.

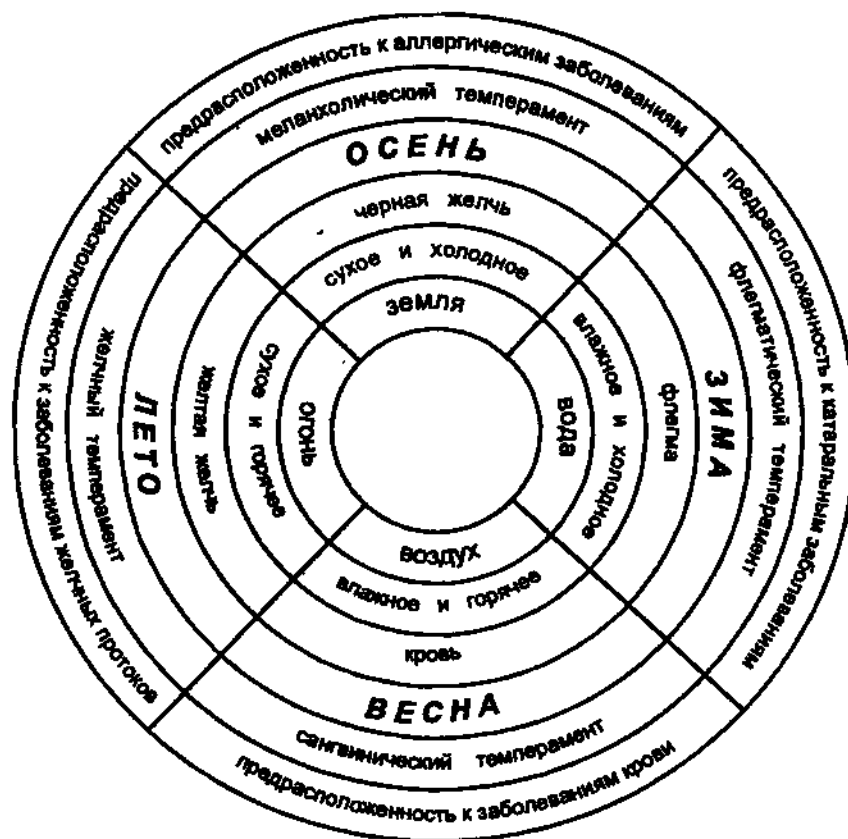

Рис. 1. Четыре состояния Гиппократа

3.2. Развитие психологических воззрений в классический период античной философии

Вершина развития античной греческой философии приходится приблизительно на время от второй половины V в. до конца IV в. до н. э. Это период наибольшего расцвета классической греческой рабовладельческой демократии, опирающейся на политическую форму города-государства – полисы.

Войны с персами приводят к тому, что центром эллинского мира становятся города континентальной Греции. Ведущую роль среди них во второй половине V в. до н. э. завоевывают Афины, которые, кроме того, становятся гегемоном морского союза, соединяющего почти все главные греческие города и колонии. Развитие Афин связано с деятельностью Перикла. Этот выдающийся политический деятель был практически «первым мужем» Афин от начала второй половины V в. до н. э. вплоть до его смерти (429 г. до н. э.). Его имя связано с наибольшим экономическим, политическим и культурным расцветом Афин. Основой политического строительства Афин было полное равенство рабовладельцев перед законом. Рабовладельческая демократия давала возможность широкому кругу свободных граждан участвовать в делах полиса. Это, однако, предполагало владение рядом определенных, специфических знаний. Кроме общего знакомст-

ва с историей, культурой и основами хозяйственной жизни особое значение приобретали знание риторики и философские знания.

Потребности в широком образовании свободных граждан удовлетворялись деятельностью первых профессиональных учителей по общему образованию. Они учили не только риторике, политике и судопроизводству, но и всем другим областям и ответвлениям знаний, которые человек мог практически использовать и которыми должен был владеть, если хотел, чтобы его считали «мудрым». Сократ с определенной долей иронии говорил об этих учителях, что, уча мудрости, они сами должны быть мудрыми. Отсюда и выводится их название – софисты (от греч. *sophistes* – мудрый).

Софисты совершили подлинную революцию, сместив философскую рефлексию с проблематики фюзиса и космоса на проблему человека и его жизни как члена общества. Доминантные темы софистики – этика, политика, риторика, искусство, язык, религия, воспитание, т.е. все то, что ныне зовется культурой. Именно поэтому с точностью можно утверждать, что софисты – зачинатели гуманистического периода в античной философии.

Этот поворот в философии может быть объяснен причинами двух порядков. С одной стороны, как мы видели, философия фюзиса в своем развитии исчерпала себя, все пути ее были освоены мыслью, достигнув своих пределов. С другой стороны, в V в. до н. э. появились социальные, экономические и культурные ферменты, способствовавшие росту софистики, в свою очередь последняя стимулировала развитие первых.

Софисты выдвинули на первый план проблему воспитания, и педагогическая деятельность приобрела новое значение. Они провозгласили идею о том, что добродетель не дается от рождения и не зависит от благородства крови, но основывается только на знании.

Софисты взимали плату за преподавание, они занимались знанием как ремеслом и потому должны были требовать платы, чтобы жить, чтобы путешествовать и пропагандировать знание.

Софисты провозгласили свободу духа в противовес традиции, нормам и кодификациям, продемонстрировав тем самым неограниченную веру в разум. По этой причине они заслужили именование греческих «просветителей».

Наиболее известным среди софистов был **Протагор** (ок. 491/481 – конец V в. до н. э.), родившийся в Абдерах приблизительно в период между 491 – 481 годами и умерший в конце V в. до н. э.

Базовое положение Протагора аксиоматично: «Человек есть мера всех вещей: существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют» (принцип человека-меры).

Этим принципом Протагор отверг абсолютный критерий отличия бытия от небытия, истины от лжи. Критерий – это только человек как индивид: «Какими отдельные вещи предстают предо мной – таковы они есть для меня, какими пред тобой – таковы они для тебя».

Этот принцип человека-меры углубляется в сочинении «Антилогии», где показано, что «вокруг любой вещи есть два аргумента, противоречащих один другому», что можно приводить доказательства и последовательно их аннулировать, значит, «речь идет о том, чтобы научить критике и умению обсуждать, вести спор, организовать турнир доводов против доводов».

По Протагору, все относительно: нет абсолютной истины и нет абсолютных моральных ценностей и блага. Тем не менее существует нечто, что более полезно и приемлемо, а потому более уместно. Мудрец – это тот, кто понимает полезность относительного, приемлемого и уместного, умеет убедить других в своей точке зрения и реализовать это полезное.

Горгий (ок. 485/480 – 380 гг. до н. э.) родился в Леонтинах, на Сицилии около 485 – 480 гг. до н.э. и прожил более века, оставаясь в прекрасной физической форме. Если Протагор двигается от релятивизма и на его основе развивает метод антилогии, то Горгий отталкивается от нигилизма и возводит на нем здание своей риторики. Трактат «О природе, или о небытии» – это своего рода манифест западного нигилизма, в основании которого три тезиса: 1) Не существует бытия, т.е. существует ничто. 2) Даже предположив, что бытие существует, его невозможно было бы познать. 3) Даже предположив, что бытие мыслимо, мы не можем не признать, что оно невыразимо.

Разрушив самую возможность достижения абсолютной истины – «*aletheia*», – Горгий вступает на путь мнения – «*doxa*». Однако и эту дорогу он полагает более чем ненадежной. Он ищет третий путь, путь разума, ограничивающегося освещением фактов, обстоятельств, ситуаций жизни людей и города, и это «не наука, дающая определения и абсолютные правила, и не бродячий индивидуализм. Это анализ ситуаций, описание того, что надо и чего не надо делать <...>». Горгий, таким образом, – один из первых представителей этики ситуаций. Обязанности зависят от момента, эпохи, социальной характеристики; один и тот же поступок и хорош, и плох, в зависимости от того, к чему он относится.

Теоретическое открытие Горгия и состоит в обнаружении слова как носителя убеждения, верования и внушения, невзирая на его истинность. Риторика это искусство убеждения, т.е. того, что использует возможности слова. Это искусство в Греции V столетия было подлинным «штурвалом в руках государственного деятеля» (W.Jaeger). Политика поэтому называли ритором, способным убеждать судей в трибуналах, советников в Совете, членов народного собрания, своих граждан в любом сообществе. Значимость риторики очевидна, как ясен для нас и небывалый успех Горгия.

Немалым успехом в Афинах пользовались лекции **Продика** (родился на Кеосе около 470 – 460 года до н. э.). Продик был учителем спора. Предлагаемая им техника основывалась на синонимии, т.е. различении синонимов и точном определении оттенков смысловых значений. Такая техника немало повлияла на методологию Сократа по части исследования того, «что есть это», т.е. сущности различных вещей.

Софисты произвели смещение оси философского исследования с космоса на человека, – именно в этом состоит их историческое значение. Была разработана моральная проблематика, хотя и не были показаны ее предельные основания, а природа человека не была определена как таковая.

Сократ (469 – 399 гг. до н. э.) происходил из бедной афинской семьи. Был сыном каменотеса (или скульптора) Софрониска и повитухи Фенареты. Его первые общественные выступления приходятся на начало эры Перикла. Сдвиг центра тяжести философских интересов о чем уже говорилось в связи с софистами, был в значительной мере обусловлен именно интенсивностью политической жизни в Афинах. Если софисты переносят направленность философских интере-

сов из области познания природы и окружающего мира на человека, на науки, касающиеся непосредственно человеческой деятельности, то Сократ идет в этом направлении еще дальше. Софисты наряду со своими основными проблемами занимаются еще и физикой, астрономией математикой и т.д. как близлежащими вопросами, что же касается Сократа, то он отвергает всю натурфилософию, как «для человека излишнюю». В центр своих философских интересов он ставит проблему субъекта – человека.

Проблемы добродетели, морали, права, гражданских законов, войны и мира, проблемы политики вообще тем или иным образом касались подавляющего большинства афинских граждан. Когда на переломе V и IV вв. до н. э. к власти в Афинах вновь приходит демократическая партия, Сократ предстал перед судом по обвинению в том, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что развращает юношество». Обвинители подчеркивали и тот факт, что он критиковал некоторые существенные стороны афинской демократии, в частности практику выбора государственных чиновников путем жеребьевки. Сократ был признан виновным и присужден к смертной казни. И хотя он мог избежать судебного процесса и даже после вынесения приговора имел возможность убежать, он добровольно принял вынесенный приговор и выпил чашу цикуты.

Подлинные воззрения Сократа можно реконструировать с очень большим трудом. Сократ никогда не считал себя «мудрым» (софос), но лишь философом, «любящим мудрость» (философия). Одно из известнейших его изречений – «знаю, что ничего не знаю» – является, собственно, объяснением необходимости более глубокого познания самого себя. Своим важнейшим призванием Сократ считал «воспитание людей», смысл которого он видел в дискуссиях и беседах, а не в систематическом изложении какой-то области знаний. Поэтому он не оставил никаких трактатов. О его воззрениях мы узнаем прежде всего из работ его учеников.

Центром своей философии Сократ сделал человека, его отношение к общине, обществу, законам и не в последнюю очередь его отношение к богу или к богам. Главной задачей философии он полагал рациональное обоснование религиозно-нравственного мировоззрения. Считал излишним и принципиально невозможным изучение природы и объяснение природных явлений. Согласно Сократу, мир является творением божества «великого и всемогущего, вездесущего и обо всем пекущегося», а основой, сущностью мира – «духовный принцип» как в логическом, так и в историческом смысле слова.

Основой понимания этических принципов, отношения к полису и религии Сократ считал именно последовательное познание «себя самого». В отличие от предшествовавших ему материалистов, которые искали ответы на вопросы, касающиеся человека, прежде всего в его отношении к природе и призывали «прислушиваться к природе», Сократ подчеркивал значение совести, «внутреннего голоса», который он называл даймонионом и который был гарантией постижения подлинной истины.

Даймонион, согласно Сократу, имел божественное происхождение. Именно посредством этого «даймониона» боги выделяют человека и сообщают смысл всему мирозданию. Целью всего в мире, по Сократу, является человек.

В беседах и дискуссиях Сократ обращал основное внимание на познание сути добродетели. В этой связи он ставит весьма «понятный» вопрос: как может

быть нравственным человеком, если он не знает, что такое добродетель? В данном случае познание сути добродетели, познание того, что есть «нравственное», является для него предпосылкой нравственной жизни и достижения добродетели. Так, для Сократа, мораль сливается с знанием. Истинная нравственность, по Сократу, – знание того, что есть благо и прекрасное и вместе с тем полезное для человека, что помогает ему достичь блаженства и жизненного счастья. Добродетели, т. е. познания того, что есть благо, могут, по Сократу, достичь лишь «благородные люди».

Основными добродетелями Сократ считает сдержанность (как укрощать страсти), мужество (как преодолеть опасность) и справедливость (как соблюдать божественные и человеческие законы). Эти добродетели человек приобретает путем познания и самопознания. Добродетели, равно как и моральные нормы, и законы, основанные на них, Сократ считал вечными и неизменными. Именно только наличие этих добродетелей предопределяет выполнение общественных или государственных функций и дел полиса.

Сократ распространял свои взгляды по преимуществу в разговорах и дискуссиях. В них же сформировался философский метод Сократа. Его целью было достичь истину обнаружением противоречий в утверждениях противника. При помощи правильно подобранных вопросов выяснялись слабые места в знаниях противника. В этом и состоит так называемая сократовская ирония. Эта ирония не была, однако, самоцелью. Как уже говорилось, Сократ подчеркивал, что целью его философских учений является стремление помочь людям, чтобы они нашли «сами себя». Поэтому с иронией (сомнением) тесно связана маевтика (повивальное искусство). Этим термином, который он выбрал по аналогии с профессией своей матери – помогать ребенку появиться на свет, Сократ определял стремление помочь своим слушателям обрести новое познание как основу истинной нравственности.

Главной целью метода Сократа было обнаружить нравственную основу отдельных случаев человеческого поведения. Достижению этой цели служила специфическая индукция. Она должна была на основе выявления общих черт различных случаев человеческого поведения достичь того общего, которое можно было бы считать общей (нравственной) основой человеческого поведения вообще. Весь процесс заканчивался дефиницией.

Целью дефиниции была понятийная фиксация общего, полученного при помощи индукции. Дефиницию, по Сократу, следует подвергнуть новой иронии, а если общее еще содержало противоречия, сформировать таким же путем (через маевтику и индукцию) новую дефиницию. Дефиниция в Сократовом понимании служит понятийным упорядочением достигнутого знания, установлением его видов и родов и их взаимных отношений.

Платон (427 – 347 гг. до н. э.) – сын афинского гражданина. По своему социальному происхождению принадлежал к афинской рабовладельческой аристократии и потому был своим человеком в кружке Сократа. В молодости был слушателем кружка сторонника учения Гераклита – Кратила, где познакомился с принципами объективной диалектики, на него также оказала влияние и тенденция Кратила к абсолютному релятивизму.

В возрасте 20 лет Платон готовился участвовать в соревновании как автор трагедии, случайно перед театром Дионисия он услышал дискуссию, которую вел Сократ. Она настолько его увлекла, что он сжег свои стихи и стал учеником

Сократа (хотя и не перестал быть поэтом). Было это примерно в то время, когда афинский флот одержал последнюю значительную победу в Пелопоннесской войне. Платон разделял со всем кружком Сократа отвращение к афинской демократии. В период власти 30 тиранов (404 – 403 гг. до н. э.) во главе кружка становится ученик Сократа Критий, который придерживался тех же взглядов, что и Сократ. После осуждения и смерти Сократа, в период, когда демократы снова вернулись к власти, Платон отправляется к одному из старших учеников Сократа – Евклиду – в Мегару, которая была традиционной соперницей Афин. Вскоре, однако, он возвращается в Афины и принимает участие в ее общественной жизни. После возвращения в Афины он предпринял первое путешествие в Южную Италию и на Сицилию. В Сиракузах Платон попытался реализовать свои идеи и принял участие в политической жизни на стороне местной аристократии, возглавляемой тогда Дионом, зятем Дионисия Старшего, сиракузского тирана. Дион был последователем пифагорейской философии и в своей общине представлял крайне реакционное крыло. Политическая деятельность Платона не была, однако, успешной. Дионисий выдал его, как военнопленного, послу Спарты. На рынке рабов острова Эгина Платона выкупают его друзья, и он вновь возвращается в Афины.

В Афинах Платон интенсивно работает в области философии. Во время своих странствий он познакомился с пифагорейской философией, которая повлияла на него во многих отношениях. Диоген Лаэртский даже считает, что учение Платона является синтезом учений Гераклита, Пифагора и Сократа. В этот же период Платон в саду, посвященном полубогу Академу, основывает свою собственную философскую школу – Академию, которая становится центром античного идеализма.

В период правления в Сиракузах тирана Дионисия Младшего Платон вновь пытается включиться в политическую борьбу. Однако и на этот раз его стремление провести свои мысли в жизнь не находят ожидаемого понимания. Подавленный политическими неудачами, он возвращается в Афины, где и умирает в возрасте 80 лет.

Творчество Платона имеет приблизительно три этапа. Началом первого является смерть Сократа. При жизни Сократа Платон, вероятно, не писал никаких философских произведений. В этот период он находился под непосредственным влиянием не только мыслей, но и образа жизни своего учителя. Лишь после его смерти, во время пребывания в Мегаре, он создает первые диалоги и трактат «Апология Сократа».

Следующий период творчества Платона совпадает с первым путешествием в Южную Италию и на Сицилию. Постепенно изменяются содержание и способ философствования Платона. Он отходит от собственно сократического «этического идеализма» и закладывает основы объективного идеализма.

Во второй половине этого периода, который приблизительно можно ограничить первым и вторым путешествиями в Сиракузы, Платон дает цельное позитивное изложение своей системы. Лучше всего оно представлено в работе «Закон» («Политея»), где его философские, политические, этические и эстетические взгляды объединяются в единое целое.

Большое внимание в этот период Платон уделяет вопросам метода познания идеи. Он использует для его определения термин «диалектика» и приравнивает

этот метод к трению дерева о дерево, которое в конце концов приводит к возникновению искры познания.

Знаменательным переломом в развитии взглядов, Платона является диалог «Парменид». Этот диалог большинство исследователей считают началом третьего, заключительного периода творчества Платона. В нем Платон подвергает переоценке свое прежнее понимание идеи, рационализирует его, придавая ему характер общности.

Основное положение Платона заключается в признании в качестве истинного бытия не материального мира, а мира идей. Все сущее состоит, по Платону, из трех сторон: бытия, чувственного мира и небытия. Бытие составляет мир идей. Небытие – это материальный мир, созданный богом из четырех стихий – воды, земли, воздуха и огня. Мир чувственных вещей представляет собой результат проникновения бытия в небытие, поскольку все конкретные вещи, с одной стороны, причастны к идее, ибо они есть искаженные подобия или тени идей, с другой – вещи причастны к небытию или материи, ибо они ею наполнены. Таким образом, чувственно постигаемое есть объединение телесного со своим эталоном, которым являются идеи. Все видимое изменчиво, скоротечно, непостоянно, тогда как идеи существуют вечно, они неизменны и постоянны. Окружающий нас мир – это мир тусклых, искаженных, призрачных образов или теней бессмертных и неизменных идей.

Самой наивысшей идеей является идея блага. Высшая идея блага составляет мировую душу. Поскольку же все в мире противоречиво и противоположно, то Платоном вводится вторая мировая душа зла. Эти две верховные души и дают начало всему. Кроме них, существуют, по Платону, души звезд, планет, людей, животных и т.д. Мировая душа придает движение и активность космосу. Аналогичную роль выполняют души отдельных тел, живых существ, включая и человека. Каждая из названных душ призвана властвовать и управлять телом. Таким образом, Платон приписывал душам активную функцию.

Душа человека не зависит от тела. Она существует до рождения и после смерти отдельного телесного организма: она может переселяться из одного тела в другое. Стремясь обосновать бессмертие души, Платон поводит четыре доказательства. Первое из них основано на принципе противоположности. Согласно Платону, мир полон противоречий: прекрасное – безобразное; добро – зло; сон – бодрствование и т.д. Через ряд промежуточных состояний одна противоположность возникает из другой, например, сон-пробуждение-бодрствование, день-сумерки-ночь, ночь-рассвет-день и т.п. Точно так же возникает живое из мертвого, а смертное из живого. Так, при переходе от высшей чистой души имеют место полудуховные состояния, которые постепенно, все теснее связываясь с телом, приводят к таким качествам, которые вместе с телом могут разрушаться.

Смена смерти на оживление происходит с помощью души. Чтобы такая смена живого на смертное и обратно могла произойти, нужно, полагал Платон, чтобы существовали души умерших, всегда готовые вселиться в другие нарождающиеся тела. В таком случае душа должна существовать и после смерти и до рождения тела, т.е. быть вечной и бессмертной.

Второе доказательство бессмертия души строится на основе теории воспоминания. По мнению Платона, человек устанавливает сходство и различие в вещах без всякого научения и обучения. Знания человек приобретает благодаря врожденной способности души к припоминанию. Но вспоминать душа человека

может только то, что она могла уже знать в прошлом. Для этого душа должна обладать знаниями до того, как ей поселиться в тело. Однако это было бы невозможно, если бы душа не существовала до поселения ее в нарождающееся тело. Но если душа существует до рождения тела, то она может и должна существовать и после смерти тела, а стало быть она по своей природе вечна и бессмертна.

Третье доказательство основано на положении о тождественности идеи и души, о принадлежности и близости ее ко всему божественному. Платон утверждал, что все составное, сложное распадается и погибает; разрушению не подлежит только простое и несоставимое. С этой точки зрения тело человека всегда есть нечто зримое, составное, изменчивое, и потому ему свойственно разрушаться и погибать. В противоположность телу, душа человека и идеи незримы, не составимы и не разложимы, а поэтому они не подвержены разрушению и вечны. Если душа при познании пользуется телесными органами, она сбивается с истинного пути, становится точно пьяная. Когда же она познает самостоятельно, то она ведет в божественный мир идей, где все просто, неделимо, незримо и вечно. Стало быть душа родственна божественному и подобна ему. А что от бога и ему подобно, то должно быть вечно и бессмертно.

Мир, по мнению Платона, устроен так, что все телесное подчиняется божественному. Когда же душа поселяется в тело, то последнее ей начинает подчиняться. А что создано для власти и управления, то имеет божественное происхождение. Все же божественное вечно. Следовательно, и душа человека бессмертна.

Наконец, последнее доказательство вытекает из утверждения, согласно которому душа содержит в себе начало жизни. Душа, погружаясь в какое-либо тело, всегда дарит ему жизнь. Но то, что привносит жизнь, само не приемлет смерти, т.е. оно не может быть смертным. Отсюда душа человека должна быть неуничтожимой и бессмертной. Из приведенных аргументов видно, что все они направлены на обоснование независимости души от тела. Тело человека является для души лишь временным пристанищем. Основное же ее место пребывания в божественных высотах, где она обретает покой и отдых от телесных страстей и приобщается к миру идей. Не всем человеческим душам суждено достигать божественных высот. Души тех, кто были рабами телесных вожделений, кто предавался чревоугодию или другим телесным излишествам, через ряд поколений вырождаются в души животных – ослов, волков, ястребов и т.д. К высотам божественного мира идей приближаются только души философов, поскольку лишь им свойственно почти полное освобождение от телесного рабства.

Всякий человек, полагал Платон, стремится к счастью. Счастье же заключается в обладании благом и добродетелями. Но стремясь к благу, человек должен вначале получить знание о нем. Эти знания приобретаются с помощью души. Сама по себе индивидуальная душа не продуцирует эти знания, ибо они существуют, по мнению философа, независимо от вещей и человека. Ее основная деятельность заключается лишь в приобщении к идеям мирового разума посредством акта припоминания своего прошлого, и происходит это воспоминание следующим образом. Душа, находясь в божественном мире идей, получает из него ту сумму знаний, которая оказалась ей доступной в зависимости от прошлой ее телесной отягощенности. Затем, опускаясь на землю и погружаясь в тело, душа забывает все то, что она созерцала и с чем соприкасалась в мире идей. Вся по-

следующая ее деятельность направлена только на то, чтобы пробудить и оживить приобретенные ею знания в божественном мире, заниматься рассматриванием идей и проникновением в их сущность. При этой деятельности, указывает Платон, бесполезно обращаться к органам чувств или другим телесным орудиям. Они являются только помехой на пути постижения истины. Тело человека и его органы чувств доставляют душе одни лишь хлопоты, требуют к себе внимания и отвлекают душу от ее основной познавательной деятельности – припоминания. Душа мыслит лучше, если ее не тревожит ни зрение, ни слух, ни боль, ни удовольствие. Более того, органы чувств не дают нам истинного знания. Платон указывал на то, что видя, например, слова чужого языка, человек не может понять их смысла. Стало быть, ощущения и восприятия как таковые имеются, но никаких знаний они человеку не несут. Поэтому истины доступны только разуму, обладающему способностью оживлять в памяти те «чистые» идеи, с которыми душа встречалась в мире идей, будучи свободной от бренного тела. Поскольку человеческие души из-за их различной телесной отягощенности (покидая смертное тело, души не всех людей полностью освобождаются от телесных элементов) по-разному созерцали высшие идеи, то и на земле, погружаясь в новое тело, они создают целую иерархию различных по уму людей. Душа, увидевшая в божественном мире большую часть верховных идей, вселяется в семя, из которого рождается философ. После философа по уровню разумных способностей идет душа царя или военачальника, затем государственного деятеля и т.д. Распространяя принцип противоположности на человеческую душу, Платон указывал, что при соединении с телом душа в зависимости от тесноты связи с ним приобретает ряд различных состояний от чисто духовных до почти телесных. У человека Платон выделял два уровня души – высший и низший. Высший уровень представлен разумной частью души. Она бессмертна, бестелесна, является основой мудрости и несет управляющую функцию по отношению к низшей душе и ко всему телу. Временным пристанищем разумной души является головной мозг.

Низшая душа, в свою очередь, представлена двумя частями или уровнями – низшая благородная часть души и низшая вожделеющая душа. Благородная или пылкая душа включает в себя область аффективных состояний и стремлений. С ней связаны воля, мужество, храбрость, бесстрашие и т.п. Эта часть души выполняет как бы роль собаки, охраняющей стадо животных. Она всецело действует по велению пастуха или разумной части души. Пылкой или волевой душе свойственна более тесная связь с телом; помещается она в области сердца. Вожделеющая или низшая душа в собственном смысле слова включает сферу потребностей, влечений и страстей. Эта часть души подобна стаду, которое требует управления со стороны разумной и благородной души. Локализована вожделеющая душа в печени.

Из приведенной схемы строения души видно, что фактически Платон выделял три ее уровня. Образно это трехчленное разделение души называют «колесницей души», где пылкий конь тянет возницу к божеству; вожделеющий – к земле, но оба они управляются разумом.

На основе деления души на три части, Платоном дается классификация индивидуальных характеров, характеров различных народов, форм правления, разделение общества на сословия. Люди различались Платоном по признаку преобладания у них той или другой части души. Для мудрецов и философов характер-

но преобладание разумной души. У храбрых и мужественных людей доминирует благородная душа, а у людей, предающихся телесным излишествам, ведущей является вожделеющая часть души. Подобным образом различались и отдельные народы.

Преобладание разумной души свойственно, по мнению Платона, грекам; доминирование благородной души – народам севера, а вожделеющей души – египтянам и другим народам Востока. Сословная иерархия также строилась по психологическому принципу. Большой ум присущ аристократам, мужество – воинам, страсти и влечения – ремесленникам и рабам. Отсюда делались выводы относительно форм правления. Идеальным считалось то государство, которым правят аристократы, стражу несут в нем воины, а работают и подчиняются – ремесленники и рабы. Господство стражи воинов в государстве приведет к тирании, а хуже всего, если государство возглавит демос – ремесленники и рабы, приход к власти которых вызовет в государстве беспорядок и хаос.

Трем основным сословиям соответствуют также три из четырех основных добродетелей. Мудрость является добродетелью правителей и философов, храбрость – добродетелью воинов, а умеренность – добродетелью народа. Четвертая добродетель – справедливость – не относится к отдельным сословиям, но является «надсословной», некоей «державной» добродетелью.

Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.) родился в г. Стагире (Македония). Его отец Никомах был придворным лекарем македонского царя Аминта II. В семье Аристотель приобрел определенные знания и глубокий интерес к естествознанию. В 17 лет под влиянием молвы об Академии Платона он покидает Стагиру и уходит в Афины, где становится учеником Платона. В Академии Аристотель в течение почти 20 лет развивает свои творческие способности. Сначала на него заметно влияла философия Платона, в частности учение об идеях. Однако менее чем за десять лет пребывания в Академии он «самоопределяется» и занимает критическую позицию по отношению к философии академиков. Ориентация его собственных философских поисков, несогласие с академической философией в основных вопросах заставили его в конце концов уйти из Академии.

Он покидает не только Академию, но и Афины. Сначала он прибывает в Атарней (Малая Азия), но после смерти местного тирана, его друга Гермия, отправляется на остров Лесбос, а оттуда в 343 г. до н. э. по приглашению македонского царя Филиппа II переселяется в македонскую Пеллу, где становится учителем Александра, сына Филиппа.

Когда Александр пришел к власти, Аристотель не одобрил его завоевательскую политику, что стало поводом к постепенному охлаждению отношений между ними. После тридцати лет странствий Аристотель возвращается в Афины и основывает собственную школу в афинском Ликее. Здесь во время прогулок он излагал своим ученикам проблемы философии, вопросы естественных и общественных наук. Поэтому школу Аристотеля называют иногда перипатетической (перипатео – прогуливаюсь).

После смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) в Афинах к власти приходит «антимакедонская партия», он был вынужден покинуть город. Он уходит в Халкиду, на остров Эвбей, где ведет интенсивную теоретическую работу, но менее чем через год умирает (322 г. до н. э.).

Аристотель является создателем самой обширной научной системы из существовавших в античности. Она опиралась на обширнейший эмпирический

материал как из области естествознания, так и из области общественных наук, который систематически собирали и накапливали его ученики. Научная деятельность Аристотеля – это не только вершина античного философского мышления, она была и большим вкладом практически во все тогда известные научные области: были созданы новые научные направления, он вместе с учениками систематизировал науки, определял предмет и методы отдельных наук. Написал более 150 научных трудов и трактатов.

В своем большинстве труды Аристотеля сохранились у его учеников и последователей. В эллинистический период, в I в. н. э., они были собраны, классифицированы и изданы последователем философии Аристотеля Андроником Родосским. Их можно разделить на несколько тематических групп.

К первой группе относятся работы, которые излагают наиболее существенные вопросы онтологического характера. Аристотель определяет эту проблематику как первую философию (проте философия). Андроник Родосский все эти работы объединил в один трактат, который был назван «Метафизика» (название возникло случайно: эти труды в издании произведений Аристотеля следовали сразу за трудами, которые были посвящены вопросам естественных наук, т.е. за физикой).

Следующую группу его работ представляют труды, посвященные вопросам философии природы и естественных наук, – «Физика», «О небе», «О возникновении и гибели», «Метеорология», «О возникновении животных» и др.

Весьма обширную группу представляют работы, посвященные проблематике обществознания. Сюда относятся этические, политические, эстетические и другие трактаты – «Политика», «Никомахова этика», «Эвдемова этика», «Риторика», «Поэтика» и др.

Выдающийся раздел его творчества представляют труды, посвященные логике и методологии, которые объединены под общим названием «Органон».

Аристотель был, видимо, первым, кто глубоко и систематически исследовал все доступные ему работы предшествующих мыслителей. Систематически, хотя через призму собственных воззрений, он рассматривает философские учения от древнейших мыслителей до своих современников. В этом смысле о нем можно говорить и как об историке философии. Больше внимание он уделяет наиболее существенным вопросам философии, ядром которой он считает онтологию – науку о сущем.

Мир и его развитие понимались Аристотелем как результат постоянного взаимопроникновения двух начал – пассивного (материи) и активного начала, названного Аристотелем формой. Материя – это все то, что окружает человека и сам человек. Все конкретные материальные вещи возникают благодаря форме, придающей им вследствие своей организующей функции качественную определенность. Материя и форма представляют собой начала взаимнопредполагаемые и неотделимые друг от друга. Материя не может существовать не оформляясь. Точно также форма не может существовать без материальной основы. Материя пассивна, форма активна. Являясь организующей и качествообразующей силой, форма составляет сущность вещей.

Формой живой материи является душа. Душа как форма есть сущность всего живого, будут ли им растения, животные или человек. Учение Аристотеля о материи и форме и о душе как форме живого имело ряд важнейших следствий. Во-первых, до Аристотеля философам-материалистам душа представлялась как

особое состояние первоосновы, в качестве которой у Фалеса принималась вода, Анаксимандром – апейрон, Анаксименом – воздух, Гераклитом – огонь, Демокритом – атомы. С другой стороны, у Платона душа выступала как особая бестелесная сущность. Обе точки зрения вызывали возражение у Аристотеля. Душа, по его мнению, не может рассматриваться ни как одно из состояний первоосновы, ни как оторванная от тела самостоятельная сущность. Душа есть активное, деятельное начало в материальном теле, его форма, но не само вещество или тело. Выполняя организующую, деятельную и управляющую функцию по отношению к телу, душа не может существовать без последнего, так же как существование самого организма невозможно без формы или души. Душа и тело неразрывно связаны и «души от тела отделить нельзя».

Одушевленные существа отличаются от неодушевленных тем, что обладают витальным началом – душой. Для живых существ это означает, что тело есть потенциальный субстрат, форма как актуализация жизни дана в виде души.

Витальные феномены предполагают наличие некоторого набора постоянных операций. Так, душа как витальное начало имеет способности, функции и ответственные за разные действия части. Основные функции бывают вегетативного свойства (рождение, питание и рост), чувственно-моторного характера (ощущение и движение), интеллектуального свойства (познание, установка, выбор).

В соответствии с делением функций, душа, по Аристотелю, имеет три части: вегетативную, чувственную и рациональную. У растений есть только вегетативная часть души, животные имеют растительную и чувственно-животную душу. У людей есть все три части. Для обладания разумной душой необходимо иметь животную и растительную части. Однако растительной частью можно обладать и без прочих двух.

Самое простое начало жизни, регулирующее биологическую активность, – это растительная душа. Растительная душа отвечает за репродукцию, являющуюся целью любой конечной формы жизни. Любая, даже самая элементарная витальная форма создана для вечности, а не для смерти. Самое естественное проявление живого существа – порождение другого, себе подобного: животным – животного, растением – растения, человеком – человека. Смертные существа не могут участвовать в божественном непрерывно, обреченные на гибель, они не могут оставаться вечно собой. Так, остается не то же, а подобное ему существо, хотя вид все тот же.

У животных, помимо растительных свойств, есть ощущения, аппетит (вожделение) и моторные функции. Начало, ответственное за эти операции, – чувственная душа. Первая и наиболее важная функция чувственности – ощущение. Аристотель и здесь применяет концепцию потенции и акта. У нас есть способность ощущать не актуальная, а потенциальная. Топливо не горит, пока мы не подожгли его. Способность чувствовать актуализируется при контакте с воспринимаемым объектом.

В чувстве при контакте усваивается форма. Поэтому Аристотель справедливо полагает, что чувство – это способность воспринимать чувственные формы без материи, как воск принимает форму кольца, неважно, золотого или медного. Так и на чувство воздействуют тепло, звук, запах именно благодаря форме.

Далее Аристотель выделяет пять чувств, характерных для каждой способности. Чувство не ошибается, когда воспринимает собственный предмет. Помимо

специфических восприятий есть общие, например движение, покой, фигура, величина. Они рассчитаны на прием не одним, а сразу всеми пятью чувствами.

Из двух других функций души аппетит возникает как следствие ощущения. Все животные как минимум имеют осязание, значит, они чувствуют удовольствие и боль, приятное и неприятное. Так возникает желание как аппетит ко всему приятному. Именно желания движут живыми существами. Единственный мотор активности – желание как разновидность аппетита. Желание двигает к объекту приятного того, кто уже имеет о нем чувственное представление. Получается, что вождение и движение зависят от чувств самым непосредственным образом.

В мысли есть набор операций, не сводимых к чувственности, например рациональный выбор указывает на наличие разумной способности души. Разумные действия похожи на сенситивные тем, что в основе тех и других лежит механизм ассимиляции внешних форм. Основное различие состоит в том, что понимающая способность не смешивается с чувственно-телесным восприятием. Органы чувств не существуют вне тела, но понимание есть автономный процесс. Активно действующий разум, по Аристотелю, находится в душе, хотя и приходит извне.

Высшая разумная способность божественна по происхождению и, однажды приобретенная, она остается в душе навсегда. Божественная природа разума для Аристотеля была аргументом в пользу несводимости его к телесной субстанции.

Совершенствование личности и всего того, что поднимает человека над растительным и животным миром, – единственная достойная цель жизни. Не просто жить – и растения живут, не просто чувствовать – и животные чувствуют, но жить и чувствовать, чтобы понимать себя и облагораживать окружающий мир. Благо человека состоит в деятельной работе души и разума, согласных с добродетелью.

Таким образом, каждый из нас не просто душа, а ее высшая часть. Именно рациональная способность души придает особую ценность человеку. Материальные блага не могут дать ему ощущение счастья, однако – чувство реализма не изменяет Аристотелю – их отсутствие вполне способно скомпрометировать полезность и необходимость духовных ценностей.

Наряду с обоснованием единства души и тела Аристотель вслед за материалистами доказывал, что объективным содержанием и источником психического является внешний мир. Деятельность души не мыслилась вне связи ее с объективным миром. Свою конкретизацию это общее положение нашло при раскрытии механизмов познавательных процессов.

Ощущения и восприятия выступают как исходные формы познавательной деятельности, на основе которых вырастают более сложные формы психического. Чувственные образы – это самые первые свидетели внешнего мира. Аристотель указывает пять основных видов чувствительности: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. Подобно Демокриту, Аристотель полагал, что главным и генетически первичным среди названных ощущений является осязание. Без осязательной способности не может возникать ни один другой вид ощущений, тогда как осязание может существовать само по себе. В отличие от других органов чувств, отражающих лишь отдельные определенные свойства внешних тел, осязание, объединяя в себе несколько видов чувственности – ощущения касания, тепла, боли и движения, позволяет отражать сразу совокупность свойств. В со-

единении с другими видами ощущений осязание имеет решающее значение в пространственном видении предметов.

Согласно Аристотелю, отдельные виды ощущений не дают возможности устанавливать различия между ними. Сопоставление различных видов ощущений между собой предполагает нечто единое, к чему разные чувственные впечатления могли бы относиться. Этот единый орган, в котором должно происходить соотнесение одних впечатлений с другими, был назван Аристотелем «общим чувствилищем». Общее чувствилище – это центральный орган, куда направляются все ощущения, возникшие при непосредственном взаимодействии органов чувств с внешними предметами. Поступившие в общее чувство впечатления могут сохраняться там в виде следов. Основными функциями общего чувства являются упорядочение, сопоставление, разъединение, перестройка чувственных образов, соотнесение прошлых впечатлений со вновь поступающими. Все эти процессы сопровождаются внутрителесными изменениями. В качестве основного механизма взаимодействия ощущений Аристотель указывал ассоциации. Последние различались на ассоциации по сходству, противоположности и временной смежности. Посредством ассоциаций могут возникать и такие впечатления, которые прямым воздействием внешнего предмета и не вызываются. Таким образом, общее чувство выступает не только как орган, где осуществляется синтез ощущений, но и как орган, в котором вырабатываются память, представления и воображение. Все эти чувственные формы являются ни чем иным как промежуточными звеньями или этапами постепенного преобразования и трансформации чувственности в мысль.

Мышление, по Аристотелю, невозможно без чувственного опыта. Оно всегда обращено к нему и возникает на его основе. «Душа, – утверждал философ, – никогда не мыслит без образов». В то же самое время мышление проникает в недоступную органам чувств сущность вещей. Эта сущность вещей дана в чувствах лишь в виде возможностей. Мысль представлялась великому философу как высшая форма психического, объединяющая собой массу чувственных форм. Другими словами, мышление – это форма чувственных форм или просто форма форм, в которой исчезает все чувственное и наглядное и остается обобщенное и общезначимое. Вырастая из чувственных форм, мышление не может протекать в отрыве от тела.

Аристотель выдвигает положение о существовании родового разума, который в противоположность индивидуальному мышлению, зависимому от тела и исчезающему со смертью человека, с телом органически не связан, не разрушим, вечен и пределами жизни человека не ограничен. Именно под влиянием верховного разума происходит образование или реализация идеальных обобщенных форм, заданных в чувственных формах в виде возможностей.

Нераздельными с познавательными способностями души являются другие ее специфические свойства – стремления и аффективные переживания. Возникновение эмоций и стремлений (воли) также вызываются естественными причинами. Ими являются потребности организма и внешние предметы, которые ведут к их удовлетворению. Аристотель полагал, что стремления всегда связаны с целью, в которой в форме образа или мысли представлен объект, имеющий для организма полезное или вредное значение. С другой стороны, стремления определяются потребностями и связанными с ними чувствами удовольствия или неудовольствия, функция которых состоит в том, чтобы сообщать и оценивать по-

лезность или непригодность данного предмета для жизни организма. Таким образом, любое волевое движение, всякое эмоциональное состояние, как ведущие движущие силы души, определяющие активность организма, имеют под собой природные основания. Подобно познавательным процессам, аффективные состояния всегда сопровождаются внутрителесными изменениями, а стремления завершаются внешними двигательными актами, образующими в конечном итоге целостное поведение.

Общую двигательную активность человека Аристотель связывал с кровью, в которой он видел основной источник жизнедеятельности организма. В этом отношении взгляды Аристотеля близки представлениям Алкмеона и Эмпедокла. Подвижность и активность человека определяются различными состояниями крови, скоростью ее свертывания, степенью ее разжиженности, ее теплотой и т.п. Так, например, легкая кровь свойственна сангвиникам, тяжелая – меланхоликам, теплая – холерикам, жидкая – флегматикам. Итак, в аристотелевской гуморальной теории темперамента основой различий в уровне общей подвижности являются разные состояния одной и той же жидкости (крови), а не четырех, как это было в учении о типах темперамента Гиппократов.

Важное место в наследии Аристотеля занимают труды, посвященные проблемам логики. Логику он понимал как орудие познания, точнее, научного познания. Отсюда название трудов Аристотеля, посвященных логике, – «Органон» (органон – орудие). Логическое мышление Аристотеля развивалось в тесной взаимосвязи как с его философскими воззрениями (в частности, в области теории познания), так и с его изучением природы и общества. Оно было вершиной логико-методологических воззрений древней философии и почти 2000 лет определяло дальнейшее развитие логического мышления. Аристотель, собственно, заложил теоретические основы логики как науки. Ему принадлежит заслуга формулирования закона противоречия и закона исключенного третьего. Эти законы долго принадлежали к основным законам логики высказываний. Свое значение они не потеряли и в наше время.

Закон противоречия в сущности гласит, что при неизменных условиях невозможно, чтобы были одновременно истинными и некоторое высказывание, и его отрицание. Закон исключенного третьего объясняет тот факт, что из двух взаимно противоположных суждений в данных условиях истинным может быть только одно.

Важным вкладом в развитие логического мышления было и создание первой цельной логической теории о категорическом силлогизме. Вся Аристотелева теория силлогизма тесно связана с его общефилософскими, и в частности, методологическими, воззрениями. Она изложена в основном в работе под названием «Первые аналитики». Огромное значение имели и взгляды Аристотеля по вопросам дефиниций и определения, равно как и взгляды, которые в современных терминах можно определить как касающиеся образования, построения научных систем. В них Аристотель подходит к двум основным принципам. Первый принцип – убеждение, что доказательство может быть доказательством лишь тогда, когда оно реализовано необходимым числом шагов. В каждом научном положении следует исходить из неких очевидных утверждений, которые принимаются без каких-либо (научных) доказательств или обоснований. В случае, когда теория строится дедуктивно, такие очевидно ясные утверждения можно считать аксиомами. И второй принцип, который также тесно связан с теорией кате-

горического силлогизма, свидетельствует о необходимости принимать правила, гарантирующие формальную правильность выводов. Эти два принципа характеризуют не только значение Аристотелевой дедуктивной логики, но и его подход к построению дедуктивной научной теории.

Не только разум характеризует человека. В душе есть силы, так или иначе сопротивляющиеся командам разума. Растительная часть никак не участвует, но вожделеющая часть оказывает давление, не слушается или, наоборот, подчиняется разуму. Повиновение голосу разума и есть этическая добродетель, или достоинство практического поведения. Оно достигается тренировкой, когда добродетель входит в привычку.

Ясно, что умеренность и посредственность – совершенно не одно и то же. Будучи победой разума над инстинктами, золотая середина является кульминацией взвешенного поведения. Здесь Аристотель суммирует максимы греческих мудрецов: ничего слишком, во всем нужна точная мера, предел как знак совершенства.

Из всех добродетелей самая прекрасная и высокая – справедливость.

Душа нуждается в особой опеке и совершенствовании. Эту способность к самоочищению Аристотель называет дианоэтической добродетелью. Сторону души, обращенную к меняющейся реальности, он называет искусностью – «*phronesis*», а занятую вечным и божественным – «*sophia*», софийной мудростью. Практически ориентированная рассудительность устанавливает, в чем состоит благо и в чем – зло для человека.

Именно на пути самосовершенствования у человека появляется возможность стать подлинно счастливым, на грани с божественным. Интенсивное самоуглубление дает эффект самодостаточности, ибо теоретическая деятельность разума не имеет другой цели, кроме самой себя, т.е. внутренней истины. Напрасно, продолжает Аристотель, нам советуют ограничиться тем, что конечно и соразмерно человеку, смертному существу. Надо измерять себя мерой бессмертного и божественного, жить, ориентируясь на самую благородную часть нашей души. Животные не знают счастья, а боги пребывают в счастливом блаженстве постоянно. Только человек счастлив в той мере, в какой сам этого захочет. Насколько он способен к незаинтересованному постижению бытия, настолько он и счастлив.

Добродетели Аристотель разделяет на две группы. Первая – дианоэтические (разумные) добродетели. Они относятся прежде всего к интеллектуальной и умственной деятельности. Вторая содержит этические добродетели, относящиеся к характеру человека. Добродетели первой группы возникают преимущественно путем обучения, второй – результат прежде всего привычки. Если речь идет о собственно поведении человека, то Аристотель видит гарантию добродетельной жизни, в частности, в уклонении от крайностей. Он отвергает чрезмерное обогащение, чрезмерную власть, чрезмерную роскошь и т.д. В то же время он отвергает и идеал чрезмерной бедности, и отречение от материальных благ (как это было у киников). Основу, уравновешенной и благополучной жизни он видел в умеренности.

Через всю этику Аристотеля, впрочем, как и через всю политику, проходит принцип активной деятельности человека. При этом Аристотель отвергает усилия, направленные на обретение власти и наслаждений. Жизнь, в которой преобладают такие цели, он называет паразитической и характеризует ее как «жи-

вотную», свидетельствующую о «рабском образе мышления». Достойной свободного гражданина он считает жизнь практическую (т.е. наполненную политической деятельностью) либо теоретическую (наполненную познавательной деятельностью и размышлениями). Недостаточно знать, что есть добродетель, следует действовать и жить в соответствии с нею. Лишь это обеспечивает удовлетворенность, благость.

Благо государства и благо отдельно взятого человека не имеют радикальных различий. Благо, перерастающее из частного в общее, становится более божественным. Греки рассматривали человека под защитой государства как целого, а не наоборот. Человека они называли политическим животным. Тот, кто не является частью государства, ни в ком и ни в чем не нуждается, есть либо зверь, либо бог.

Всякого, кто реально участвует в жизни государства, Аристотель называет гражданином. Те, кто не способствует реализации справедливости – свободный житель или обитатель колонии, – не могут считаться гражданами.

Различные конституциональные формы характерны для разных типов государств. Конституция дает форму и порядок государству. Власть может исходить от одного, немногих и большинства. Три правильные формы управления – монархия, аристократия и политая – вырождаются в три неправильные формы: тиранию, олигархию и демократию (плутократию), когда общее благо начинают подменять корыстным интересом.

Идеал совершенного государства – созидательная жизнь и созерцание блага. То, что тяготее к труду и повседневным заботам, полезно. Все, что развивает вкус к свободе, – прекрасно. Выбирая цели, следует ориентироваться на более высокие с опорой на низшие. Желая мира, мы готовимся к войне. Работая на пределе собственных сил, не забываем об отдыхе и свободе. Законодатель не должен путать цели со средствами: важно умело работать и искусно вести войну, жить в мире и создавать прекрасные творения.

3.3. Психологические воззрения философских школ эллинистического периода

Великий поход **Александра Великого** (334–323 годы до н. э.), помимо крупных политических перемен, привел к радикальному перевороту в греческом духовном мире, закрыв классическую эпоху.

Наиболее важным политическим следствием было крушение полиса. Уже Филипп Македонский, отец Александра, формально уважая греческие города-государства, воплощал собой угрозу их свободе. Однако смертельный удар по античному полису нанес молодой Александр своим проектом универсальной божественной монархии, под крылом которой он видел объединенными не только различные города, но страны, народы и расы.

Фундаментальная ценность духовной жизни классической Греции, которую Платон и Аристотель не только утверждали в теории, но и гипостазировали, – полис как идеальная форма совершенного государства – разрушалась на глазах, теряла смысл и свою жизненную силу, диссонировала с духом новой эпохи.

Закат полиса не сопровождался, к сожалению, рождением новых политических организмов достаточной моральной силы для рождения новых идеалов.

Эллинистические монархии, возникшие на обломках империи Александра Македонского, в своей нестабильности породили понятие «подданный» вместо прежнего классического греческого «гражданин». Новое окружение не требовало более древних «гражданских добродетелей», а требовало скорее определенных технических навыков.

Новую реальность пытались осмыслить новые философские течения, где политика и государство представляли как морально индифферентные феномены или как то, чего следует избегать.

Новая реальность была найдена – индивид. В эллинистических монархиях связи между человеком и государством ослабевали, ибо власть исходила от одного или немногих. Каждый из подданных, понимая, как мало от него зависит, оказывался перед необходимостью создания своего мира. Даже в Афинах, где античная гражданская жизнь, несмотря на репрессии, еще давала о себе знать, деградация старого идеала была необратимой.

Человек с обретением собственной персональности становился свободным. Не удивительно, что с открытием индивидуальности не могли не проступить эксцессы эгоизма и индивидуализма, социального индифферентизма.

Эпикур и основание «Сада». Первой из эллинистических школ в хронологическом порядке была школа Эпикура, образованная в Афинах в конце VI века до н. э. **Эпикур** (341 – 270 гг. до н. э.) родился на Самосе, практиковал в Колофоне, Митилене, Лампсаке. Перевод школы из Афин был настоящим вызовом Академии.

Место, выбранное Эпикуром для своей школы, было выражением революционного духа его мысли: не форум как символ классической Греции, а постройка в саду, и даже огороде, в предместье Афин, вдали от шума городской жизни, в деревенской тиши, в обстановке, совершенно незнакомой классическому философу. По имени этого сада (Керос – по-гречески) стала называться школа, а последователи – философами «Сада».

Воззвания, исходившие из «Сада», можно суммировать в нескольких положениях:

- реальность вполне проницаема для человеческого разума и поддается осмыслению,
- в пространстве реального есть место для счастья,
- счастье – это вытеснение страдания и беспокойства,
- для достижения счастья и покоя человек не нуждается ни в чем, кроме себя самого,
- для этого также излишни государства, институты, знатность, богатство и даже боги, человек автархичен.

Ясно, что в рамках такой миссии все люди выступали равными, ибо все одинаково жаждут духовного мира и покоя, все имеют на то право и, если хотят, вполне могут достичь его. «Сад» открыл двери всем: знатным и безродным, свободным и несвободным, мужчинам и женщинам и, ни больше ни меньше, гетерам в поисках искупления и освобождения.

Доминантную роль среди теоретических источников Эпикурова учения играет атомистическая система Демокрита. Учение Демокрита Эпикур не принимает пассивно, но поправляет его, дополняет и развивает. Если Демокрит характеризует атомы по величине, форме, порядку и положению в пространстве, то Эпикур им приписывает еще одно свойство – тяжесть.

В отличие от Демокрита, который, исходя из выдвинутого им принципа детерминизма, приписывает атомам лишь прямолинейное движение, Эпикур допускает и признает закономерным и определенное отклонение от прямолинейного движения.

Признание существования отклонения является важным моментом, в частности, при выработке понятия причинности. Понимание причинности у Демокрита однозначно отвергало любой намек на объективное существование случайности, что впоследствии вело к фатализму. Эпикур эту абсолютную необходимость снимает.

Согласно Эпикуру, душа – это не нечто бестелесное, а структура атомов, тончайшая материя, рассеянная по всему организму. Отсюда вытекает и отрицание бессмертия души. С разложением тела, согласно Эпикуру, рассеивается и душа.

Платон полагал, что чувство смущает душу и отсекает ее от бытия. Эпикур переворачивает эту позицию, считая, что именно чувства схватывает бытие безошибочным образом. Чувства не ошибаются. Если бы чувство хоть раз обмануло, ссылается на Эпикура Цицерон, не было бы возможности верить ни одному из них. В этом смысле ощущения суть посланники истины. Ощущения объективны и истинны, что гарантировано атомистической структурой бытия. От вещей истекают комплексы атомов, образующих образы, или подобия, которые в точности воспроизводятся нашими чувствами путем проникновения в нас этих образов. Ощущения, в силу своей нерациональности, не способны отнять или прибавить нечто от себя, а значит, они объективны.

Истинное удовольствие, по Эпикуру, это отсутствие телесного страдания – апония (απονία), или невозмутимость души – атараксия (атараксия).

Прочитируем философа: «Когда мы говорим, что благо – наслаждение, то это не указание на обжор и лентяев, ветреников и прощелыг, которые игнорируют или не понимают нашего учения. Мы говорим и указываем на отсутствие телесного страдания, беспокойства. Это не непрерывные празднества, не томления молодых дев, не все то, чем изобильный стол нас искушает, но трезвое обсуждение, доискивающееся последних причин каждого акта выбора или отказа, которое разоблачает все фальшивые мнения, от коих все душевные тревожения исходят».

Если это так, то нравственной жизнью управляет не удовольствие как таковое, но разум, который судит и разделяет, т. е. практическая мудрость, отделяющая те удовольствия, что не несут страданий и возмущений, от тех, что несут наслаждения поначалу и страдания впоследствии.

И все же, что следует делать, если физические недуги нас настигли? Ответ Эпикура таков: если недуг легкий, он переносим и не может затмить радость души, острая боль проходит быстро, если же боль острейшая, то смерть не заставит себя ждать, а она есть абсолютная анестезия, бесчувствие.

А что же делать с душевными недугами? Поскольку здесь мы имеем дело с продуктами заблуждений разума, то философия Эпикура – самое эффективное средство и противоядие.

А смерть? Смерть – зло только для тех, кто заблуждается на ее счет. Поскольку человек – это душевный состав в составе телесном, то смерть не что иное, как распад этих соединений, причем, расплываясь повсюду, сознание и чувственность утрачиваются, от человека не остается ничего. Стало быть, смерть не

страшна сама по себе, ибо в момент явления ее мы ничего не способны чувствовать, ни также после смерти, когда душа, как и тело, распадается, не остается решительно ничего. Наконец, смерть не отнимает ничего от жизни, ибо абсолютное совершенствование наслаждения не предусмотрено в плане вечности.

Политическая жизнь, по мнению Эпикура, принципиально неестественна, а потому она ведет к нескончаемым тревоблениям, препятствует достижению апонии и атараксии, а значит, и счастья. Те удовольствия, которые связывают с политическими символами, не натуральны, не необходимы, просто обманчивые миражи. «Так освободимся же, – призывает Эпикур, – раз и навсегда из тюрьмы наших житейских забот и от политики». Политическая жизнь не обогащает человека, но дезориентирует, разобщая людей. Эпикурец стремится жить обособленно и бежит от толпы. «Обратись к себе самому, особенно если ты вынужден быть в толпе». «Скрывайся и таись» – лишь в обращении к самому себе может быть найдена атараксия, покой души. Высшее благо, по Эпикуру, не короны царей и земных богов, но «корона атараксии, что превосходит корону великих империй».

Человек-гражданин прекратил свое существование, на историческую сцену вышел человек-индивидуум. Из всех связей между индивидами единственно действенной остается дружба, связующий союз свободных людей, одинаково чувствующих, живущих и думающих. В дружбе нет ничего внешнего, неестественного, ничто не нарушает интимности индивидуальности. В друге эпикурец видит свое другое «Я».

Эпикур прописывает людям четырехэлементный лечебник против:

- страха перед богами и потусторонним,
- абсурдного страха перед смертью, которая есть ничто,
- зла, которое либо кратковременно, либо легко переносимо, что в итоге должно привести к верному пониманию счастья, которое в распоряжении всех,
- в пользу:
- счастья против эфемерного зла.

Человек, освоивший применение этого фармакологического квартета, приходит к душевному покою и счастью, которые невозможно поколебать. Став хозяином самому себе, мудрец не должен более ничего бояться, даже пытки: «Мудрец будет счастлив и на дыбе».

Генезис и развитие Стои. В конце IV в. до н. э., уже после основания «Сада», в Афинах родилась другая школа, которой было суждено стать знаменитейшей. Основателем был **Зенон**, молодой семит, родившийся на острове Крит около 333 – 332 гг. до н. э., переехавший в Афины в 311 г. до н. э.

Как и Эпикур, он понимал философию в значении искусства жить, отрицал метафизику и любую форму трансценденции, но его способ ставить проблемы и разрешать их был иным, нежели эпикурейские догмы. Зенон решительно отверг две концептуальные идеи «Сада»: сведение мира и человека к набору атомов и отождествление блага человека с удовольствием.

Не будучи афинянином, Зенон не имел права арендовать целое здание, поэтому он проводил свои лекции в некоем Портике, расписанном художником Полигнотом. По-гречески Портик – Стоя (stoia, stoa), поэтому приверженцев школы стали называть стоиками.

В отличие от эпикурейского «Сада» в Портике было принято критическое обсуждение всех догм, включая теорию основателя школы как гипотезы, слу-

жащей для углубления, переосмысления и переработки учения. И если философия Эпикура на практике лишь повторялась без каких-то модификаций, то философия Зенона подвергалась постоянным новациям и поэтому эволюционировала.

Принято выделять три периода в истории Стои:

- период античной Стои во главе с триадой – Зенон, Клеанф, Хрисипп,
- период так называемой «средней Стои» II–I в. до н.э. с эклектическим уклоном,
- период римской Стои, или новой Стои христианской эпохи, с ее моральной проблематикой и религиозной тональностью, с ожиданием новых времен.

Цель логики, стоики, как и эпикурейцы, видели в отработке критерия истины, в ощущениях они также находили основу познания, которое мы получаем об объектах, воздействующих на наши органы чувств, после чего возникают представления. Истинное представление для стоика – это не только чувствование, но и сочувствование, т. е. согласие, одобрение со стороны логоса тому, что есть уже в душе. Впечатление, образ зависит не от нас, но от объектов, воздействующих на нас: мы несвободны принять или отклонить это воздействие, но мы свободны занять ту или иную позицию, дав таким образом согласие, «синкататесис» (*synkatathesis*), нашего логоса или отказав феноменам в нашем одобрении. Только тогда, когда есть это согласие, есть «каталепсис» (*katalepsis*) – живой образ, есть понимающее представление, только это может быть гарантией истины.

В сущности, для стоиков истина есть продукт каталептического представления, т. е. модификация телесного воздействия на нашу душу, она есть ответ со стороны нашей души. Стоики исходят из двух принципов бытия: «пассивного» и «активного», отождествляя первый с материей, а второй с формой (или формирующим принципом), утверждая при этом неотделимость одного от другого. Более того, форма – это божественный разум, логос, бог.

В этом контексте стоики могли идентифицировать своего бога-физиса-логоса с «творящим огнем», с управляющей всем Гераклитовой молнией, с «пневмой», «огненным дыханием», горячим воздухом. Огонь – начало, которое все проникает и все преобразует, – тепло, без которого ничто не рождается, не растет, – это условие любой формы жизни.

Идеи и формы Платона и Аристотеля здесь объединены в единый Логос, манифестирующий себя в бесконечных семенах, потенциальных силах, внутренне присущих материи, от нее неотделимых. Весь универсум есть, в таком понимании, единый организм, в коем все вместе и по отдельности гармонизировано и симпатизировано, т. е. одно воспринимается лишь через другое, а вместе – через все.

Если все вещи без исключения суть продукты божественного начала, каковы Логос, разум и интеллект, стало быть, все глубочайшим образом разумно, все совершается так, как задумано. Нельзя хотеть, чтобы было иначе. Все вместе совершенно, как должно быть с точки зрения блага.

В тесной связи с этим представлением – понятие Провидения (*pronoia*). Провидение стоиков не имеет ничего общего с личностным, персональным Богом. Оно есть не что иное, как универсальный финализм в том смысле, что любое создание (даже самое маленькое) сотворено ко благу и лучшим образом из всего, что могло быть. Иначе говоря, это Провидение в другой перспективе раскрывается как «фатум», «судьба», неотвратимая Необходимость. Все неизбежно

и необходимо, ибо зависит от Логоса, все предначертано Провидением, даже самое незначительное. Как видим, позиция во всем противоположна эпикурейской, где все – игра случая.

Но как же спасти свободу человека в этом фатализме? Подлинная свобода мудреца состоит в согласовании собственных волений с тем, чего хочет Судьба, в рационально осмысленном принятии ее. Действительно, если Судьба – это Логос, то ясно, что желать того же, чего хочет Судьба, значит желать разумного, совпадать с Логосом.

Античный источник дает нам такой пример: «Если пес привязан к повозке, то, будучи согласный, влеком ею, если же привязан против воли, то и тогда вынужден, хотя и волоком, следовать за ней». Сенека вторит Клеанфу более лапидарно: «Хотящего судьба ведет, нехотящего – тащит».

В мировой структуре человек, как мы видели, занимает доминирующую позицию, ибо он, как никто другой, участвует в божественном Логосе. Человек состоит не только из тела, но и из души, которая является фрагментом космической души, душа же телесна, т. е. она – огонь и пневма.

Душа пронизывает весь физический организм, наполняя его дыханием жизни. А то, что она телесна, – не препятствие, ведь известно, что тела пронизаемы. Душа разделена стойками на восемь частей. Пять частей соответствуют пяти органам чувств, шестая отвечает за озвучивание речи, седьмая и восьмая – за рождение. Центральная (гегемон) – управляющая (совпадает с разумом).

Душа переживает смерть тела, по мнению некоторых стойков, души мудрецов живут вплоть до следующего мирового пожара.

Наиболее интересная часть философии Стои, не физика, а этика, которая на протяжении более пятисот лет несла такой мощный заряд мужества, что для многих поколений была смыслом жизни. Как и для эпикурейцев, так и для стойков цель жизни – достижение счастья. Счастье состоит в том, чтобы следовать природе. Если мы понаблюдаем за поведением живых существ, то заметим постоянную тенденцию к самосохранению.

В растениях и вообще в вегетативных структурах эта тенденция бессознательна, у животных она проявлена в виде инстинкта, врожденного импульса. У человека же этот импульс крайне специфицирован и модифицирован вмешательством разума. Жить в соответствии с природой – значит максимально полно реализовать «oikeiosis», т. е. быть в ладу с собой, присутствовать в бытии со всем, что обеспечивает его рост, ибо человек не просто живое существо, но еще и рациональное. Значит, жить по природе – жить, сохраняя, используя и актуализируя разумное начало.

Эпикурейская этика, таким образом, перевернута: удовольствие и страдание становятся в свете этих новых параметров не «prius», но «posterius», т. е. не тем, что до, но тем, что после, – что природа искала и нашла, что она сохранила и реализовала.

Это была поистине мужественная попытка дать человеку новую веру в себя, возможность свыкнуться с мыслью о том, что благо и зло имеют всегда и только внутреннюю природу, никогда не приходят извне, но зависят от личного отношения к вещам и событиям, самим по себе нейтральным, что счастье абсолютно не зависит от внешних событий: и одолеваемый физическими пытками и недугами человек способен быть вполне счастливым.

Действия человека, выверенные Логосом, согласные с природой, а значит, рационально корректные, как морально совершенные, стоиками названы долгом. Большинство людей не способны к морально совершенному поведению, ибо рациональное совершенствование возможно только через освоение философии. Однако действовать с пониманием и убеждением, исполняя долг, доступно многим.

Человеку сама природа повелевает сохранять и любить себя самого. Но этот инстинкт не ориентирован на сохранение только индивида, он распространяется на его детей, родственников и, наконец, всех ближних. Природа, велит нам любить как самих себя, так и тех, кто нас породил, кто порожден нами. Природа толкает нас к единению, заставляет нас наслаждаться друг другом.

От существа, замкнутого в своей индивидуальности, как это виделось Эпикуру, мы возвращаемся к «животному общительному». Новизна этой формулы в том, что это уже не «политическое животное» Аристотеля, предназначенное объединиться в полис, но теперь уже круг воссоединения – все люди. Перед нами ярко выраженный идеал космополитизма.

Стоики сумели сокрушить античные мифы о благородстве крови и превосходстве расы – все, на чем держались институты рабства. Знатность объявлена в духе кинизма «отрыжкой равенства». Все люди способны достичь добродетели: человек по определению свободен, никто не раб от природы. Свободен мудрец, владеющий знанием. Раб – невежда, ибо он находится во власти своего заблуждения.

По мысли стоиков, страсти, из которых рождается несчастье, почти всегда суть ошибки пасующего разума или их последствия. Мудрец, заботясь о логосе, его чистоте и правильности, не допускает даже рождения страстей в своем сердце. Это и есть знаменитая «апатия» стоиков, т. е. недопущение страстей, возмущающих величественный покой души. Счастье, следовательно – это апатия, бесстрастность и бесстрашие.

3.4. Новые тенденции в развитии психологической мысли поздней античности (I – V вв. н. э.)

Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) родился в Испании, в Кордубе, на рубеже двух исторических эпох. Он имел огромный успех в политической карьере в Риме. Осужденный Нероном к смерти, он покончил жизнь самоубийством в 65 году н. э., приняв смерть с твердостью и силой духа, достойной стоика.

Сенека нередко выглядит приверженцем пантеистической догмы Стои: бог имманентен миру как Провидение, он – внутренний Разум, формирующий материю, Природа, Судьба. Где Сенека действительно оригинален, так это в акценте на духовное и даже – личностное.

Аналогичная ситуация – в психологии. Сенека подчеркивает дуализм души и тела с акцентами, близкими к платоновскому «Федону». Тело тяготит, оно – тюрьма, цепи, сковывающие душу. Душа как нечто истинно человеческое должна освободиться от тела, чтобы очиститься.

На основе психологического анализа, Сенека открывает понятие «совести» (conscientia) как духовной силы и морального фундамента человека, помещая

его на первое место с решительностью, до него невиданной ни в греческой, ни в римской философии. Совесть – это осмысление добра и зла, интуиция первоначальная и незаместимая.

От совести никто не может убежать, ибо человек – существо, неспособное скрыться в самом себе, не уместяющееся в себе. Преступник может уйти от преследования закона, но уйти от неумолимого судьи-ведунга, укусов совести – невозможно.

Другой момент отличает Сенеку от античной Стои: акцент на понятиях греха и вины, которые лишают чистоты человеческий образ. Человек греховен потому, что иным он не может быть. Такое утверждение Сенеки решительно антигетично древней Стое, которая догматическим образом предписывала мудрецу совершенствование. Но ежели кто-то безгрешен, говорит Сенека, он не человек. И мудрец, оставаясь человеком, грешен.

Сенека, возможно более других стоиков, – решительный противник института рабства и социальных различий. Истинная ценность и истинное благородство зависят не от рождения, но от добродетели, а добродетель доступна всем: она требует человека «в голом виде».

Вот норма поведения, которую Сенека считает приемлемой: «Обращайся с подчиненными так, как хотелось бы тебе, чтобы поступали с тобой те, которые выше и сильнее тебя». Ясно, что эта максима звучит по-евангельски.

Что же касается отношений между людьми вообще, Сенека видит для них подлинный фундамент – братство и любовь. «Природа производит нас всех братьями, сделанными из одних и тех же элементов, назначенными к одним и тем же целям. Она вкладывает в нас чувство любви, делая нас общительными, дает жизни закон равенства и справедливости, и, согласно ее идеальным законам, нет ничего более низменного, чем обидеть, лучше уж быть обиженным. Она заставляет нас быть готовыми оказывать помощь и делать добро. Сохраним же в сердцах и на устах слова: «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Будем же всегда помнить, что мы рождены для общества, а наше общество – это что каменный свод, который только потому не падает, что камни, опираясь один на другой, поддерживают друг друга, а они, в свою очередь, крепко держат свод».

Эпиктет (ок. 50 / 60 – ок. 138 гг.) родился в Гиераполисе, во Фригии. Еще будучи рабом, он начал слушать лекции Музония, который пробудил его собственную мысль. Изгнанный из Рима Домицианом вместе с другими философами (около 92 года), он покинул Италию, осев в Никополе, где основал свою школу, имевшую огромный успех и множество слушателей. Дата смерти его неизвестна (возможно, 138 год). Следуя заветам Сократа, Эпиктет ничего не писал.

Эпиктет разделил все феномены на две части:

- те, что в нашей власти (т. е. мнения, желания, импульсы),
- те, что не в нашей власти, не зависят от нашей активности (тело, родственники, собственность, репутация и пр.).

Благо и зло произрастают исключительно в первом классе вещей, именно потому, что они в нашей власти, т. е. зависят от нашей воли.

Все сложности и жизненные ошибки вытекают из непонимания этого фундаментального разделения. Тот, кто выбирает второй класс вещей, т. е. физические блага, тело и все, чего оно вожделеет, не просто впадает в иллюзии и противоречия, но теряет всю свою свободу, становясь рабом всего того, что он вы-

брал, а также тех людей, которые владеют материальными благами и распределяют их. Те же, кто выбирает первый класс вещей, концентрируясь на том, что в нашей власти, создают жизнь по собственному проекту, достигая в этой свободе духовного единства с собой и душевного покоя.

Марк Аврелий (121–180 гг.) стал императором в 40 лет. Его «Мемуары», переведенные на греческий язык, представляют собой серию максим, сентенций и наблюдений, сделанных во время тяжелых военных походов, без намерения публикации.

На онтологическом и космологическом уровнях он принимает тезис пантеизма Единое равно Все, откуда все происходит и куда все впадает, тем самым он спасает все отдельное от суетности и бессмысленности. То, что дает смысл жизни на уровне этическом и антропологическом, это моральный долг. Однако Марк Аврелий взламывает эту схему, усматривая в человеке три начала:

- тело, т.е. плоть,
- душа, пневма,
- интеллект, или нус (nous).

Третья инстанция, нус, являет собой наше подлинное «Я», надежное убежище от любой опасности, а также неиссякаемый источник все новых энергетических импульсов, необходимых для достойной человека жизни.

Новые интонации слышим мы в таких словах: «Боги или не могут ничего, или же могут что-то. Если не могут, когда ты взываешь к ним с мольбами, – почему? Если могут что-то, то почему бы не попросить их избавить нас от страхов и бесконечных желаний, жалоб, домогательств или избегания чего-либо? Почему же, если они могут оказать помощь людям, они не делают этого? Возможно, ты скажешь: «Боги мне дали силу и умение сделать это самому». Так не лучше ли будет, если ты сам себе поможешь, свободно используя то, что во власти твоей, вместо того чтобы рабски пресмыкаться в трусливой опаске перед тем, что не от тебя зависит? И кто же тебе сказал, что боги так завистливы, что не захотят поспособствовать тому, кто верит в свою силу? Начни, попроси их об этом – и увидишь».

Жизнь, сочинения и школа Плотина. Плотин (205–270 гг.) родился в Никополе. Вошел в кружок Аммония, когда ему было 28 лет. В 243 году он покинул Аммония и Александрию, приняв участие в походе на восток императора Гордиана. После убийства императора Плотин направляется в Рим, где в 244 году открывает свою школу. С 244 по 253 год он только читает лекции и ничего не пишет в знак верности договору с Оригеном не разглашать идеи учителя. Но вскоре оба отказались от соблюдения договора, и уже с 254 года Плотин начал писать трактаты, сначала в форме лекций. Порфирий, его ученик, собрал их вместе (54), разделив на шесть групп по девять в каждой. Числу «девять» придавался метафизический смысл, что отражено в названии «Эннеады» (enneades по-гречески – девять). «Эннеады» вместе с платоновскими диалогами и аристотелевскими эзотерическими произведениями являются шедеврами античной философской классики.

Школа Плотина не напоминала ни одну из предыдущих. Платон, основывая Академию, видел будущих своих питомцев государственными деятелями. Аристотель готовил перипатетиков для научного поиска, как организаторов науки. Пиррон, Эпикур, Зенон были движимы желанием сообщить людям атараксию, покой души и стабильность духа. Школа Плотина преследовала совсем иные

цели: подняться над земным измерением жизни, оставить мирскую суету, чтобы объединиться в божественном, научившись созерцать его и достигать в кульминационной точке «экстатического единства».

Плотин по-новому обосновывает классическую метафизику. Согласно Плотину, любое существо остается собой лишь благодаря своему единству: отними единство – существа нет. Формы единства есть на разных уровнях, но все они подчиняются высшему принципу единства, которое именуется Единым.

У Плотина Единое – бесконечно. Философы-натуралисты говорили о бесконечном начале, имея в виду физическое измерение. Лишь Плотин открывает бесконечное в его нематериальном измерении как ничем не ограниченную продуктивную потенцию.

Из первой высшей реальности, или ипостаси, происходит вторая, которую Плотин называет Нусом.

Чтобы не обеднять термин «Нус», его можно передать словом «Дух», имея в виду единство высшего Мышления о высшем мыслимом.

Если Единое – потенция всех вещей, то Дух становится всем, обнимая все идеальным образом. Платоновский мир идей – это, следовательно, Нус, Дух. Идеи – не только мышление Духа, но суть сами Дух и Мышление.

Подобно Единому, которое стало миром Форм и Мышления, а значит Духом, для того чтобы создать универсум и физический космос, необходимо было стать Душе. Душа проистекает из Духа таким же образом, как Дух – из Единого. Специфическая природа Души заключается не в чистом мышлении (что составляет суть Духа), но в даровании жизни всему чувственному, в упорядочивании его, в поддержании и управлении им. Душа, занимая промежуточное положение, имеет «два лика», поскольку, порождая телесное, но оставаясь бестелесной реальностью, она обретает нечто дополнительное. Она может войти в контакт с любой частью телесного, не нанося ущерба единству своего бытия, а значит, может найти.

Человек рождается не тогда, когда он появляется в физическом мире, но предсуществует в состоянии чистой души: «Прежде нашего рождения мы обитали свыше: мы были людьми, индивидуально определенными, и даже Богами, чистыми душами».

Плотин допускает сошествие души в тело как актуализацию потенциальности космоса, как онтологическую необходимость. В то же время он говорит, что «лучше» не опускаться, что это род греха, «дерзости», «безрассудства».

Плотин выделяет два вида «вины»:

Первая вина состоит в самом «падении» в той мере, в какой оно было роковым, произвольным, наказанием, это мучительный опыт телесного страдания за совершенную вину.

Вторая вина души, принявшей тело, состоит в исключительной заботе об этом теле, со всеми вытекающими из этого последствиями: забвением себя самой, собственного происхождения, служения высшим целям.

Вторая вина составляет для души наибольшую беду, зло, связанное с забвением собственных источников.

Возвращение к Абсолюту и экстаз. Путей возврата к Абсолюту несколько:

- путь добродетели,
- путь платоновской эротики,
- путь диалектики.

К этим традиционным путям Плотин добавляет четвертый – путь «опрощения», «воссоединения с Единым» и «экстаза» (мистического союза).

Фраза, суммирующая процесс тотального очищения души, захотевшей воссоединиться с Единым, афористична: «Сбрось с себя все». Однако освобождение от всего не означает в этом контексте аннулирования себя самого, напротив, это значит наполниться Богом, расширяться до всего, до Бесконечного.

Объединение с Единым Плотин называет «экстазом». Это состояние нельзя описать как бессознательное, оно скорее гиперсознательное, не нечто иррациональное, но гиперрациональное. В экстазе душа, наполненная Единым, видит себя в райском блаженстве.

Плотин остается в плену категорической мысли: Бог ничего не дарует людям, но сами люди могут совершить восхождение к Нему и воссоединиться с ним, благодаря своей природной силе, способности и желанию.

Жизнь и сочинения Галена. Гален (ок. 129 – ок. 200 гг.) родился в Пергаме, где он начал свою учебу, а затем продолжил ее в Коринфе и Александрии. В 157 году вернулся в Пергам, где был какое-то время врачом гладиаторов.

В 168 году император Марк Аврелий пригласил Галена в Рим в качестве личного врача в его походах против германцев. Серия непредвиденных событий заставила императора вернуться в Рим, где Гален обосновался медиком при Коммодe, сыне императора. Как придворный врач, оставаясь им и после смерти Марка Аврелия, Гален посвящал все свое время исследованиям и составлению книг. Его слава была настолько грандиозна, что даже при его жизни то и дело появлялись фальсификации, подписанные его именем. Умер Гален около 200 года.

Гален ставит целью восстановить античный образ врача, достойным примером которого, более того, живой парадигмой, был Гиппократ. Медикам своего времени, отвернувшимся от Гиппократа, Гален предъявляет три тяжких обвинения: невежество, коррупция, абсурдная разобщенность.

Заслуга Галена состоит в придании новой формы уже известному знанию. Его достижения можно суммировать следующим образом:

- анатомические исследования, полученные медиками александрийского Музея и обобщенные Галеном,
- элементы зоологии и биологии, воспринятые от Аристотеля, приведенные и адаптированные в контексте строгого телеологизма,
- теория элементов, качеств и жидкостей системы Гиппократа,
- теория «врожденной теплоты» и «пневмы» (модифицированная идея Посидония),
- идеи «Тимея», прочитанные в медиоплатоническом ключе (воспринятые от Альбина), в качестве общей схемы и основы медицинской энциклопедии.

В трактате «О природе человека» он развивает и завершает ставшую знаменитой теорию темпераментов (теорию четырех качеств – холодного, горячего, сухого и влажного, из которых происходит все прочее).

Что касается телеологической концепции Галена, то это абсолютизация принципа финализма, который представлен особым образом в «Федоне» Платона, а также аристотелевской максимой: «Природа не делает ничего понапрасну».

Приведем суждение Галена, концентрирующее суть его мысли: «Мы показали достаточно ясно, что ни одна из частей, предназначенных для жизни, как ни

одна, предназначенная для лучшей жизни, не могла быть создана иначе, лучше того, что она есть».

Его теория опирается на платоновское деление души: на рациональную, возбудимую (гневную), вожделеющую. Гален вписывает это в новый антропологический, анатомический и физиологический контекст. Рациональная душа сидит в мозгу, возбудимая – в сердце (средоточие эмоций), вожделеющая – в печени. Рациональная душа имеет своим проводником животную, или психическую, пневму (дыхание, воздух), которая циркулирует через нервную систему (что поддерживается вдыханием воздуха). Кроме того, есть пневма витальная, циркулирующая в сердце и в артериях, Гален с осторожностью принимает гипотезу «натуральной «пневмы», которая, должно быть, содержится в печени и венах, где циркулирует кровь в процессе питания.

Грандиозная систематизация знания в рамках медицины и ее дисциплин, ясная теоретическая схема, высокий религиозный и моральный смысл философского учения Галена обеспечили ему в эпохи средневековья и Возрождения неувядаемую славу.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные представления о психическом в античности?
2. Как Гераклит представлял душу и природу человека?
3. Как Демокрит представлял душу и психические процессы?
4. Каковы представления Сократа о природе человека?
5. Что такое сократический метод?
6. В чем суть представлений Платона о душе и ее функциях?
7. Как Платон понимал процессы познания человека?
8. Какова роль Аристотеля в формировании представлений о психике?
9. Как Аристотель понимал душу и ее способности?
10. В чем суть представлений Аристотеля о познавательных процессах человека?
11. Как рассматривалась проблема аффектов в античной психологии (Аристотель, стоики)?
12. Какова роль Гиппократов в современной психологии?
13. Какие вопросы психологии разрабатывались в учениях античных врачей?
14. Какие направления можно выделить в развитии античной психологии?

Тема 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

4.1. Возникновение христианства и его влияние на разработку психологических проблем

В греческой философии от Платона с его идеей Демиурга и демиургической активности до аристотелевского Вечного Двигателя, от пантеистического монизма стоиков до «метафизической процессуальности» Плотина решения проблемы «источников сущего» были очень различными.

Библия также говорит о «творении»: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт., 1, 1). И создал через «слово». Бог сказал, явилось все. Как и все прочее. Бог непосредственным образом создал и человека: «И сказал Бог: сотворим человека». При этом Он творит из ничего: нет ничего предшествующего, ни платоновского Демиурга, ни других посредников. Из ничего.

Этим понятием «творения из ничего» решительно разрубается гордиев узел апорий, которые терзали греческую онтологию. Бог творит свободно, дает начало всему чистым актом воли, велением блага. Всему дается жизнь как бескорыстный дар. Следовательно, созидание позитивно, ибо обязано благой воле.

В любом случае греческая мысль определенно космоцентрична. Человек и космос никогда радикально не противопоставлялись, напротив, всегда соотносились друг с другом, ибо космос понимался как одушевленный, живой, подобный человеку. И как бы высоко ни ценились заслуги и величие людей, они всегда органично вписывались в горизонт космоцентричной картины мира. Реальностью, превышающей космос, человек никогда не был. «Есть много других вещей по природе более божественных (совершенных), чем человек, они пребывают среди видимого: например, звезды, из которых образован универсум» (Аристотель).

В Библии же, человек не просто момент космоса, вещь среди вещей, в нем распознано существо привилегированное, созданное Богом по образу и подобию самого себя и, стало быть, человек – господин и повелитель всего, что создано для него. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему, и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт., 1, 26), «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни <...>» (Быт., 2, 7).

И коль скоро человек создан по образу и подобию Божию, то должен из всех сил уподобляться ему: «<...> не оскверняйте душ ваших <...> Ибо Я Гос-

подь ваш, выведший вас из земли Египетской, чтоб быть вашим Богом. Итак, будьте святы, потому что Я свят».

Новое пространство веры и Духа. Греческая философия обесценила веру и верования (*pistis*) тем, что рассматривала их с познавательной точки зрения. Вера относилась к вещам чувственным, изменчивым, а потому была формой мнения (*doxa*). Хотя Платон попытался возродить ее ценность, переосмысливая веру как компонент мифа, все же идеалом греческой философии оставалось познание, эпистема (*episteme*). Мыслители указывали на познание как на исключительную добродетель, реализующую саму сущность человека. Библейское послание призывает человека подняться и перешагнуть через этот горизонт, при новой постановке акцентов старой проблемы, по ту сторону науки есть вера.

В результате на обломках всех традиционных схем рождается поистине новая антропология (достаточно широко предвосхищенная Ветхим Заветом). Человек предстает отныне не в двух измерениях, как прежде, – «тело» и «душа» (где вместе разум и интеллект), но в трех, – «тело», «душа» и «дух», где дух в точном смысле – это причастность к Божественному посредством веры, открытость человека Божественному слову, Божественной мудрости, которая наполняет его новой силой и дает в известном смысле новый онтологический статус. Грекам было открыто пространство разума. Христианам открылось новое пространство – пространство веры.

Бессмертие души у греков и воскресение из мертвых Христа. Понятием души мы обязаны грекам. Мы проследили эволюцию представлений от Сократа (душа как сущность человека) и Платона (рациональные доказательства бессмертия души) к Плотину (душа как одна из трех ипостасей). «Психэ» – одна из теоретических фигур, которая лучше других характеризует греческую мысль и ее метафизический идеализм. Даже стоики, открыто проповедуя материализм, отстаивали неуничтожимость души (пусть даже только до финального космического пожара). После Сократа греки без колебаний указывали на душу как подлинную сущность человека и не мыслили самих себя иначе как в терминах тела и души. Душа и ее бессмертная природа – ось всей платоновско-пифагорейской, а также аристотелевской традиции.

Библейское послание сместило проблему человека в иную плоскость. В священных текстах термин «душа» лишен греческих акцентов: христианство не отрицает, что и после смерти от человека остается нечто, выразительно живописуя сретение мертвых в «лоне Авраамовом». Тем не менее не на бессмертие души уповаает христианин, но на воскресение из мертвых, что подразумевает возвращение к жизни и даже телесное.

Именно это последнее обстоятельство представляло самое серьезное препятствие для греческих философов, которые полагали абсурдным, что плоть, источник любой негативности и всяческого зла, должна воскреснуть.

Древние греки жили в пространстве полиса и для полиса, лишь в нем представляя себя. Уничтожение полиса сделало греческого философа индивидуалистом, отчаявшимся найти новый тип сообщества. Христианин же не принадлежит политическому обществу и никакому другому естественному окружению: он живет в Церкви, в горизонтальном и вертикальном измерении одновременно, ибо, живя в этом мире, он живет не для него, естественно себя проявляя, он имеет корни сверхприродные. Христианин в Церкви Христа живет в благодати Христа.

Предшественником Отцов Церкви можно считать **Филона Александрийского** (ок. 15 / 10 гг. до н. э. – ок. 40 / 50 гг. н. э.). Иудей по происхождению он родился в Александрии между 15-м и 10 гг. до н. э. Он утверждал, что буквальный смысл Библии не самый интересный и важный, Библия имеет смещенный смысл, согласно которому библейские персонажи и события символизируют моральные, духовные и метафизические истины. Эти самые зашифрованные истины, обсуждаемые на разных уровнях, требуют особого состояния души для понимания (что не есть еще в подлинном смысле вдохновение). Аллегорическая интерпретация как метод прочтения Библии нашла поддержку среди Отцов Церкви и стала на долгие времена константой патристики.

В антропологии Филон частично следует Платону, выделяя в человеке тело и душу. Затем, мало-помалу, вызревает более рафинированная концепция, открывающая в человеке третье измерение, радикально меняющее природу и смысл первых двух. Согласно этому взгляду, где уже доминирует библейская составляющая, человек образован из тела, души-интеллекта и Духа, что нисходит от Бога.

Так мы получаем три измерения человеческой жизни:

- в физическом измерении – чисто животная жизнь тела,
- в рациональном пространстве живет душа-интеллект,
- в высшем божественном измерении душа восходит к Духу.

Сама по себе душа смертна, но она может стать бессмертной в той мере, в какой Бог дарует ей свой Дух, насколько она себя в Духе возвращает и живет в нем. Так рушатся все доводы Платона, на которых он пытался основать бессмертие души. Душа сама по себе беспомощна, смертна, но может стать бессмертной в той мере, в какой она способна жить по Духу.

От познания космоса необходимо перейти к познанию самих себя, существенно то, что в момент трансцендирования, выхода за пределы самих себя, уже познав самих себя, мы приходим к осознанию, что то, чем мы обладаем – не наше – и возвращаем это Тому, кем мы одарены. В этот самый момент, в точном смысле слова, Бог с нами и в нас. Наивернейший момент для встречи тварного со своим Творцом именно в признании своего полного ничтожества. Необычайно высокая слава души в том, чтобы преодолеть тварность, свои пределы, связав себя только с нетварным, согласно священным предписаниям посвятить себя Ему. Потому-то тем, кто связывал себя с Ним и служит Ему непрерывно, взамен Он дарует себя. Счастье состоит в том, чтобы быть целиком и полностью скорее в Боге, чем в самих себе.

Величественной представляется попытка синтеза разума, философии и христианской веры, предпринятая **Оригеном** (ок. 185–253 гг.). Греческие теории (в особенности Платона и стоиков) использованы им как концептуальные элементы рациональной интерпретации Священного Писания. Ориген родился около 185 года в Александрии. Он был брошен в тюрьму и казнен в 253 году.

В центре размышлений Оригена Бог и Троица. Бог мыслится под знаком бестелесности.

По своей природе Бог непознаваем, это реальность «непостижимая и неисповедимая». Что бы мы ни мыслили о Нем, должно помнить, что Он превосходит все. Ибо Его природа не подвластна уму человеческому, даже самому чистому и ясному».

Единородный Сын Бога – вторая личность Троицы. В то время как Отец есть абсолютное единство, Сын, будучи Сам один, включает в себя множество активностей, а потому в Писании назван различными именами, соответствии с той или иной активностью. Христос обладает двумя натурами: Он – истинный Бог и подлинный человек. Не внешним образом человек, а человек как таковой, с душой и телом: душа Христа играет роль посредника между божественным Логосом и человеческим телом.

Как никто другой Ориген пристально внимателен к индивидуализации Святого Духа, его освящающему действию. Неоплатоническое влияние ощутимо и здесь: «Бог Отец, который все обнимает, простирая могущество до каждого из существ, участвуя в его бытии, делает его тем, что оно есть, Сын, будучи ниже Отца, достигает лишь созданий рациональных, еще ниже Святой Дух, Он достигает только святых.

Действие Святого Духа не распространяется никак на бездушные существа или тех, кто, хотя и с душой, но бессловесен, и уж совсем никак на тех, кому дан разум, но они во власти зла, абсолютно глухи к добру».

В 313 году произошел решительный поворот: Константин принял Миланский эдикт, которым была санкционирована свобода христианского вероисповедания и культа. Были наконец прекращены преследования, и христианская мысль становится легальной и преобладающей.

Августин Аврелий (354–430 гг.) родился в Тагасте (Нумидия, Африка). Его отец Патриций был мелким собственником, связанным с язычеством (крещен был лишь в конце жизни). Напротив, его мать Моника была истой христианкой. Закончив школу в Тагасте, благодаря финансовой помощи друга отца, он едет в Карфаген, чтобы совершенствоваться в риторике.

Августин преподавал сначала в Тагасте (374 г.), затем в Карфагене (375–383 гг.), однако студенческие волнения заставили его бежать в Рим в 384 г. В тот же год он едет в Милан, где становится профессором риторики. Здесь он встречает поддержку манихеев, сторонником которых на некоторое время становится. Однако в 386 году он принимает христианство. Это стоило ему места профессора, он подает в отставку и возвращается в деревню (в Брианце), где остается в обществе друзей, матери, брата, сына Адеодата. В 387 г. Августин принимает крещение от епископа Амвросия и возвращается в Африку. По пути, в Остии, умирает его мать Моника. Вернувшись в Тагаст, он продает наследство и основывает религиозное братство, быстро прославившееся святостью образа жизни. В 391 г. в Гиппоне епископом Валерием Августин был назначен священником. Там он открыл монастырь. В 395 г. после смерти Валерия, приобщенного вскоре к лику святых, Августин становится епископом. В маленьком городке Гиппоне он вступает в непрестанные схватки с еретиками и схизматиками, тогда же пишет свои известные сочинения. Умер он в 430 г., когда вандалы осадили город.

Плотин изменил образ мыслей Августина, переведя их в новую категориальную плоскость, которой уже были чужды материалистические схемы, так, универсум и человек предстали перед ним в другом свете. Обращение в веру изменило в Августине все: образ жизни, строй мысли, ему открылись новые горизонты. Вера становится субстанцией жизни и мышления, которое, в свою очередь, стимулируемое и подтверждаемое верой, завоевывает все новые вершины. Рождается христианская философия, философствование в вере, широко подго-

товленное греческими отцами Церкви, зрелый плод которой мы находим в трудах Августина.

К. Ясперс в работе «Великие философы» отметил: «Обращение есть предпосылка августиновой мысли. Лишь в этом преображении вера обретает определенность не как пришедшая через доктрину, но как Божий дар.

Уникальное и чрезвычайное происшествие, по сути своей отличное от всего: осознание непосредственного прикосновения Самого Бога, в результате которого человек преобразуется даже в телесности своей, в бытии своем, в целях своих <...> Вместе с образом мышления меняется и образ бытования <...> Такое обращение не философская перемена-ломка, которую затем необходимо день за днем осознавать <...> это внезапный прорыв, биографически датируемый, в жизнь, которая вдруг обретает новый фундамент <...>.

Августин признается, что его восхищение философией в прошлом было преувеличенным. Блаженство не в ней, а в страстном влечении к Богу, однако блаженство это принадлежит лишь будущему, есть одна только дорога к нему, и этот путь – Христос. Ценность философии (как простой диалектики) снижена. Библейско-теологическое мышление становится существенным».

Вера не подменяет и не заменяет разумного понимания, никогда его не элиминирует. Напротив, вера стимулирует и подвигает понимание. Вера – это способ согласного понимания – «*cogitare cum assensione*» («мыслить с одобрением»), именно поэтому без мысли нет и не может быть веры. И наоборот, разумное понимание никогда не элиминирует веры, но цементирует ее посредством максимального прояснения. Вера и разум взаимодополнительны. «Верю, потому что абсурдно», «*credo quia absurdum*» – этот ход решительно чужд духовному строю Августина. Рождается, таким образом, позиция, которая позже откристаллизуется формулами: «*credo ut intelligam* и *intelligo ut credam*» – «верю, чтобы понимать», «понимаю, чтобы верить».

«Как же люди отправляются в путь, чтобы восхититься горными вершинами, грозными морскими волнами, океанскими просторами, блужданиями звезд, но при этом оставляют в небрежении самих себя?» Эти слова Августина, с петрарковской интонацией, в «Исповеди» играют программную роль. По-настоящему проблема всех проблем – это не космос, а человек. Не мир загадка, но мы сами.

Впрочем, проблема человека интересует Августина не как абстрактная, с точки зрения его сущности вообще. Это проблема конкретного Я, человека как невоспроизводимого индивида, как личности в ее отдельности и особенности.

Августин еще принимает некоторые греческие формулы, определяющие человека: например, сократово-платоновскую формулу: «Человек – это душа, которая нуждается в теле». Впрочем, понятия души и тела у него обретают новый смысл, проходя через призму концепции творения, воскресения и воплощения Христа. Отсюда понятие «тела» куда более весомо, чем «пустая оболочка», которой стыдился Плотин.

Особая новизна заключена во взгляде Августина на человека внутреннего как образ и подобие Бога и Троицы, в коей три Лица при их сущностном единстве. Эта специфическая тематика радикально изменила концепцию «Я», где личность реализуется в той мере, в которой отражены три лика Троицы и их Единство.

Таким образом, в душе отражается Бог. «Душа» и «Бог» суть столпы августиновской христианской философии. Не в испытаниях природы и мира, но,

углубляясь в душу, мы находим Бога. Тайнопись души – знаки Бога. «Познай себя самого» – этот совет Сократа, по Августину, стал означать познание себя как образа и подобия Бога. В таком смысле наше мышление – это воспоминание о Боге, познание, которое к нам приходит, это разум Бога, а любовь, которая рождается и приходит от одного и от другого, это любовь Бога. Есть, стало быть, в человеке нечто более глубокое, чем он сам, и этот остаток в мышлении, «*abditum mentis*» (сокровенное разума), есть не что иное, как неистекаемая тайна Бога Самого, ведь и Его, Бога, жизнь, и наша в последней своей глубине невыразимы, неизрекаема жизнь внутри себя, неартикулируема мысль Бога, как и любовь в том, что она есть сама по себе» (Э. Жильсон).

Познавательный процесс Августин интерпретирует так.

1. Ощущение, как учил Плотин, не есть аффект, воздействие, претерпеваемое душой. Чувственные объекты действуют на чувства, результат этого воздействия не ускользает от внимания души, которая, в свою очередь, тоже действует, но по обратной схеме, не извне, но изнутри себя самой, формируя представление об объекте, что и есть восприятие.

2. Впрочем, восприятие не первая ступенька познания. Душа в отношении ко всему телесному обладает автономией и спонтанной активностью, поскольку вместе с разумом она оценивает и судит на основе тех критериев, в коих присутствует некий «плюс», относительно телесных объектов. Последние, как известно, текучи, изменчивы и несовершенны, между тем критерии оценки, которыми душа обладает, неизменны и совершенны. Это особенно убедительно, когда мы оцениваем чувственные объекты в свете математических, геометрических, эстетических концепций или же когда судим о поступках в функции этических параметров.

3. Встает проблема: откуда же душа обретает эти критерии познания, чтобы судить о вещах, если их нет в самих вещах? Потому и необходимо заключить, что по ту сторону нашего ума есть некий Закон, который называется истиной, и нет сомнений, что эта неподверженная изменениям природа, превышающая душу человеческую, существует. Человеческий интеллект, следовательно, находит истину в виде объекта, выше себя. С ее помощью он судит, и сам оценивается ею. Истина – мера всех вещей, и тот же интеллект измерен и оценен Истиной.

4. Эта истина, данная чистому интеллекту, образованная из Идей, есть высшая умопостигаемая бестелесная реальность, о которой говорил Платон.

В теории Августина рассматривается понятие воли. Можно утверждать, что именно с него берет начало философская рефлексия воли, переворачивающая греческую антропологию, преодолевающая моральный интеллектуализм, его предпосылки и выводы. Беспокойная внутренняя жизнь самого Августина и его духовное формирование в лоне латинской культуры подвигли его к такому толкованию Библии, которое можно было бы назвать волюнтаристским (от «*волюнтас*» – воля). Кроме того, Августин – первый писатель, сумевший в точных терминах описать конфликты воли: «То был я, который хотел, я, который не хотел, то был именно я, который желал одержимо этого, отвергая безоглядно другое. Посему боролся я с самим собой, раздирая себя самого».

Свобода – свойство воли, а не разума, как это понимали греки. Так находит свое разрешение парадокс Сократа о возможности понимать благо и все же творить зло. Разум принимает, но воля отвергает благо, поскольку она, хотя и принадлежит человеческому духу, имеет свою автономию, образуя инаковость ра-

зума. Разум познает, но выбирает воля: ее выбор может быть иррациональным, т. е. не имеющим разумного обоснования, не согласующимся с пониманием.

Зло – это любовь к себе, надменная спесь, благо – любовь к Богу, т. е. желание и любовь к благу истинному. Это равно справедливо как в отношении к индивиду, так и к человеку как существу общественному. Люди, которые живут в Боге, вместе образуют «град небесный». «Две разновидности любви, – пишет Августин – порождают два града: любовь к себе, вплоть до презрения к Богу, рождает земной град, любовь к Богу, вплоть до полного самозабвения, рождает град небесный. Первая возносит самоё себя, вторая – Бога. Первая ищет людскую славу, вторая устремлена к высшей славе Бога».

Если, начиная с Сократа, бытовал в философии взгляд, согласно которому добродетелен тот, кто знает, что такое благо и добродетель по науке, то Августин считает: достоин звания человека тот, кто любит, более того, тот, кто умеет любить лишь то, что достойно любви.

4.2. Психологические знания о душе в трудах арабо-язычных мыслителей X–XII вв.

В то время как на Западе философия, искусство и наука на определенное время задержались в своем развитии, на Востоке благодаря заслугам арабских мыслителей происходит их расцвет. Арабы удерживали философские традиции и на Западе, в частности на Пиренейском полуострове, который частично находился под их господством. Арабская философия стала связующим звеном между греческой философией, традиции которой арабы переняли (главным образом через посредство сирийцев) и сохранили, и последующей ступенью европейской философии – схоластикой.

После национального и религиозного объединения арабских кочевых племен в эпоху пророка Мухаммеда (570–632 гг.) небывало укрепилась мощь арабов, разобщенных ранее непрерывными внутренними конфликтами. Начиная с VII в. арабы под стягом Ислама подчиняли одну страну за другой, так что в конце первой трети VII в. Арабский халифат был больше, чем бывшая Римская империя, и простирался от Туркестана до Испании. Он имел несколько культурных центров.

Религиозным центром стало место рождения Мухаммеда – храм Кааба в Мекке. В других частях исламского мира возникают два значительных центра духовной культуры. На Востоке – Багдад, где халифы поддерживали развитие науки и искусства, на Западе – испанская Кордова, крупнейший наряду с Константинополем город тогдашней Европы. В X в. мусульманская Испания (расположенная на юге страны) была одной из самых цветущих стран Западной Европы.

С VIII по XII столетие в арабском мире, на Востоке, а потом и в западных областях, в частности в Испании, начинается развитие наук. Сначала развиваются такие науки, как тригонометрия, алгебра, позже оптика и психология, затем астрономия, химия, география, зоология, ботаника, медицина. Однако арабы занимались не одной лишь наукой – астрономию у них сопровождала астрология, химию дополняла алхимия и т.д. Постепенно по отношению к специальным исследованиям преимущество приобретают религиозно-философские подходы.

Исламская культура имела, естественно, не только арабское происхождение. Арабские завоеватели вступили в тесный контакт с культурой покоренных народов, и, несмотря на религиозную замкнутость арабов, осуществлялось взаимное смешение культур.

Наиважнейшим духовным источником наряду с исламом была для арабов греческая наука и философия. Знакомство с ними начиная с VIII в. шло как через переводы и комментарии исламских ученых, так и через христиан, которые жили в арабской среде. Эти знания быстро распространялись по всему арабскому миру.

Арабско-греческая философия становится звеном, посредством которого осуществлялась передача большей части наследия греческой науки и философии; она, в частности, обеспечила более точную интерпретацию идей Аристотеля.

Авиценна (980–1037 гг.) (араб. Ибн Сина) происходил из туркестанской Бухары. Имел энциклопедическое образование. Главным философским трудом Авиценны был трактат энциклопедического характера «Книга исцеления», содержащий основы логики, физики, математики и метафизики; кроме этого он написал комментарии к Аристотелю и много других книг, из которых большое признание приобрел трактат «Канон медицины».

Философия Авиценны была теоцентрической, однако в ином смысле, чем христианская. Мир он понимал как произведение божественного разума, но ни в коем случае не божьей воли. Мир был сотворен из материи, а не из ничего; материя же является вечной. Материальный мир имеет характер конкретной возможности и существует во времени. Как и у Аристотеля, у Авиценны бог является неподвижным двигателем, формой всех форм, вечным творческим условием. Мир в своей реальной множественности не создан однажды и непосредственно богом, но возник постепенно.

Хотя у Авиценны имеется много совпадений с идеями Аристотеля, однако система философско-психологических взглядов арабского врача не была прямым подражанием учению древнего философа. Идеи Аристотеля комментировались Авиценной с учетом современных ему успехов и достижений медицины и других опытных наук.

Достаточно указать, что Авиценна расходился с Аристотелем в вопросе о локализации психических функций. В этой части Авиценна в большей степени следует за Галеном. Известно, что Аристотель локализовал душу в области сердца, а головной мозг рассматривал как резервуар для охлаждения крови. Авиценна же, подобно Галену, относил растительные способности к печени, связывая их с движением венозной крови. Эмоциональные состояния, оживляющие деятельность души, локализовались в области сердца и связывались они с движением более чистой артериальной крови. Собственно психические процессы – ощущения, восприятия, память, воображение и рассудок – локализуются в головном мозгу.

Физиологические механизмы психических функций описывались Авиценной также по схеме Галена. Венозная кровь от печени направляется к сердцу; в нем она очищается и затем растекается по всему телу. На пути к мозгу артериальная кровь, еще более очищаясь, превращается в парообразное состояние. Парообразования, достигая головного мозга, наполняют его желудочки, а оттуда по нервам подходят к органам чувств и движения, побуждая те и другие к деятель-

ности. Анатомо-физиологическую основу и телесную зависимость имеют почти все функции души, включая разум чувственного уровня или образное мышление.

Однако, помимо образного мышления, человеку свойственны чистые разумные акты, обладающие самостоятельностью и независимостью от тела. Поводом для выделения наиндивидуального разума послужили следующие обратившие внимание Авиценны факты. Первый из них связан с наличием некоторой несовместимости чувственных и разумных проявлений души. Так, при ощущениях и восприятиях, считал медик, разум, по существу, не включается в работу. При размышлении же участие чувств выступает лишь помехой, ведущей к искажению истины, постигаемой в результате умственной деятельности. Таким образом, чувства и разум являются актами разобщенными, противостоящими друг другу. Они самостоятельны по отношению друг к другу и природа их различна.

Вторым аргументом в пользу независимости мышления от тела служило положение о том, что тело после длительной работы и органы чувств после продолжительного восприятия устают и утомляются, тогда как при мышлении мы такой усталости и утомления не замечаем. Наконец, третье положение, приводимое Авиценной в защиту независимости мышления, состоит в том, что те психические функции, которые тесно связаны с телом, по мере старения организма постепенно разрушаются и к 40 годам заметно снижаются и слабеют. Разум же в этом возрасте не только сохраняется, но больше того – он развертывается во всем объеме и находится в расцвете сил.

В наиболее развитом виде у Авиценны представлена психофизиология чувствительности и эмоций. Врачом выделялось пять основных видов ощущений – зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, которое в свою очередь включает чувствительность к гладкому-щероховатому, теплomu-холодному, влажному-сухому. Ко всем органам чувств подходят нервные окончания, по которым движутся парообразные элементы, служащие материальным носителем чувствительности.

Все ощущения характеризуются тремя основными признаками: чувственным тоном, интенсивностью и длительностью. Авиценной было замечено, что выбор тех или иных объектов человеком зависит не только от ощущений и восприятий самих по себе, но и от эмоционального переживания, которым сопровождаются чувственные образы.

Память, воображение, представления и чувственный рассудок – все они являются психическими актами животного уровня. К этому же уровню относятся также побудительные и аффективные состояния, находящиеся, как уже указывалось, в тесной связи с чувственными образами. Аффектам Авиценна придавал особое значение, рассматривая их как силы, оживляющие душевную жизнь человека и определяющие его реальные действия и поступки. Подобно познавательным процессам, аффекты находятся в полной зависимости от тела. Вместе с тем, находясь в зависимости от тела, эмоции, в свою очередь, могут оказывать обратное влияние, вызывая в организме известные телесные перемены и изменения. Отводя аффектам и страстям большое значение в оживлении душевной деятельности и в организации поведения человека, Авиценна считал возможным через воздействие на аффективную сферу управлять поступками и деятельностью человека в целом, формировать его «натуру».

Особая роль в развитии «натуры» человека принадлежит социальному окружению, поскольку характер взаимоотношений человека с другими людьми накладывает отпечаток на содержание и общий строй его чувств. А набор чувств и их соотношение обуславливает в конечном итоге поведение человека, его общее душевное и физическое состояние. «Гнев, – писал Авиценна, – горячит тело, печаль сильно высушивает его, апатия ослабляет душевную силу и склоняет натуру к слизистости».

Аверроэс (1126–1196 гг.) – (араб. Ибн Рушд) представитель арабского Запада, существенно повлиявший на европейскую философию. Происходил он из испанской Кордовы. Известен как теолог, юрист, врач, математик и, прежде всего, философ. Является автором известных комментариев к Аристотелю, которого он считал величайшим из людей, подлинным философом. Он занимал высокие должности, выполнял важные государственные функции, однако в эпоху правления халифа аль-Мансура был отправлен в изгнание. Его трактаты, которые были отвергнуты исламскими теологами, сохранились лишь благодаря испанским евреям.

По Аверроэсу, материальный мир вечен, бесконечен, но в пространстве ограничен. Бог так же вечен, как и природа, однако он не сотворил мир из ничего, как это провозглашает религия.

Аристотелевское истолкование возникновения природы, согласно которому материя как таковая является не действительностью, а возможностью, что на нее должна воздействовать форма, чтобы природа возникла, Аверроэс интерпретировал так, что формы не приходят к материи извне, но в вечной материи все формы потенциально содержатся и постепенно в процессе развития выкристаллизовываются. Концепцию всеобщей градации и иерархии сущего между богом и человеком он перенял у Авиценны. Такая концепция, естественно, была значительно более удалена от веры в божественное сотворение природы из ничего, которую проповедовало христианство и иудаизм.

Однако это не единственная проблема, по которой Аверроэс полемизировал с исламской догматикой. Он отрицал и бессмертность индивидуальной души; при этом он исходил из идеи Аристотеля, согласно которой душа соединена с телом, как форма с материей, в каждом конкретном существе. Индивидуальная душа умирает вместе с телом, ибо с гибелью тела распадаются конкретные чувственные представления и память, присущие каждому отдельному человеку. Аверроэс различает пассивный и активный разум. Пассивный разум связан с индивидуальными чувственными представлениями человека, активный – имеет характер всеобщего, единичного интеллекта, который вечен. Только общий разум всего человеческого рода в его историческом развитии является бессмертным. Единичные души (разум индивида) участвуют в нем, содержат его, сам он, однако, является надличностным и по своей сути подобен божественному разуму. Это всеобщий активный интеллект земной сферы. Таким образом, Аверроэс онтологизировал высшую теоретическую способность человеческого духа.

Религиозное представление о бессмертии индивидуальной души бессмысленно. Высшую нравственную ценность Аверроэс видит в учении, которое воспитывает человека, чтобы он сам творил добро, а не в том, которое обуславливает поведение человека ожиданием вознаграждения и наказания на том свете. Его этика резко контрастирует с учением Мухаммеда, которое, с одной стороны, в живых красках описывает адские муки, а с другой – обещает небесные радости

и блаженство в виде мягкого ложа, вина и черноволосых девушек с большими глазами, ожидающие верующих.

Отношение между религией и философией Аверроэс понимал следующим образом: высшая и чистая правда, которую познает философ, в религии проявляется в чувственных образах, что может быть полезным для интеллекта простых, необразованных людей. Религиозные же представления в интерпретации философов простые люди понимают иначе, что и является содержанием исходного пункта учения о так называемой двойственной истине, одним из создателей которого был Аверроэс. Однако полная истина лишь одна – это истина философская. Смысл теории «двойственной истины» заключался в стремлении сделать науку и философию самостоятельными, избавить их от церковной опеки.

4.3. Учение о душе и познании в схоластической философии

В конце VIII в. – начале IX в. центр философской мысли перемещается на запад и север Европы. Главным центром тогдашней средневековой культуры становится франкское царство Карла Великого, которое простиралось на север от Альп, на территории между Испанией и Дунаем, от Дании до Италии. Носителями культуры становятся прежние варвары. Начинается новое оживление культуры – «каролингское возрождение». Основой могущества монархии Каролингов было более быстрое развитие феодальных отношений у франков по сравнению с византийцами и, в частности, арабами. Арабы были остановлены в своем победном шествии на запад Европы и начали постепенно вытесняться с Пиренейского полуострова.

Политическому и социальному единству должно было способствовать и единство религии и философии. Достижение этого единства было облегчено и общим языком – латынью.

Философия в тот период преподавалась лишь в монастырских школах, где ее изучали будущие священники и церковные служители. Задачей философии было не исследование действительности, а поиски рациональных путей истинности доказательства всего того, что провозглашала вера. Отсюда и название – схоластика.

Начало схоластики приходится на IX столетие, и ее развитие продолжается до конца XV столетия. Она носила лишь религиозный характер; мир, согласно представлениям схоластов, не имеет даже самостоятельного существования, все существует лишь в отношении к богу.

Метод схоластической философии был предопределен еще в ее исходных посылах. Речь идет не о нахождении истины, которая уже дана в откровении, а о том, чтобы изложить и доказать эту истину посредством разума, т.е. философии. Из этого вытекают три цели: первая – с помощью разума легче проникнуть в истины веры и тем самым приблизить их содержание к мыслящему духу человека; вторая – придать религиозной и теологической истине систематическую форму при помощи философских методов; третья – используя философские аргументы, исключить критику святых истин.

Одной из исторических заслуг **Альберта Великого** (ок. 1206–1280 гг.) было введение аристотелизма, коего он был горячим поклонником, в контекст христианской мысли. Эту великую миссию продолжит позже блистательный его ученик Фома Аквинский. Выступая против антиаристотелизма, Альберт подчер-

квивал, что греки, особенно Аристотель, разработали технику тончайшего анализа души, ее духовных потенций и чувственных возможностей, то была последняя степень углубления с использованием рациональных принципов.

Теологи открыли в душе новую способность и особую реальность, новую научную сферу, о которой философы и не подозревали. Это то, что Августин называл «высшим рацио», той частью души, которая дает работу не науке, а мудрости. Последняя вступает в свои права, когда на душу падают лучи нового солнца, по-новому освещая проблемы, казалось бы известные. Здесь мы перед лицом двух различных типов познания – обычного и специфического, что определено структурой самого объекта. Познание может состояться в непосредственном контакте с вещью, а перед идеей вечности оно уже будет другим. В первом случае – это низший разум, обычное познание, во втором – разум высший, познание специфическое.

Родители **Фомы Аквинского** (1225–1274 гг.) жили в средней Италии (Лацио). Свое образование он начал в аббатстве Монте Кассино. Продолжив, впоследствии, в университете Неаполя, основанного Фридрихом II, где он познакомился с доминиканцами. Несмотря на возражения со стороны семьи, его решение стать доминиканцем остается непоколебимым. С 1248 по 1252 год он был учеником Альберта Великого. Позже, преодолев немало препятствий, становится магистром теологии и главой кафедры Парижского университета, где преподает с 1256 по 1259 годы. Затем начался период странствований Фомы (по традиции своего ордена). Он посетил самые крупные университеты Кельна, Болоньи, Рима, Неаполя. Аквинат не прекращал научной работы до самой своей смерти в 1274 году.

Фома Аквинский был самым крупным схоластом, гением метафизики и восхитительным по масштабу умом. Его логическая система поражает прозрачностью и органичностью связей. Он был скорее аристотелевского, чем платоно-августинианского круга мыслителем.

Разум и философия суть «*praeeambula fidei*», преамбула веры. Разница между философией и теологией не в том, что первая занята одним, вторая другим: обе говорят о Боге, человеке, мире. Но первая дает знание несовершенное о том, о чем теология в состоянии говорить более внятно, ведя к спасению. Следовательно, вера совершенствует разум, а теология философию. Благодать не подменяет, но облагораживает природу.

Поэтому, будучи апологетом, не следует упускать из внимания то, что разум образует нашу сущностную характеристику: не пользоваться им – значит не уважать его природных требований. Такое умаление не оправдывает даже ссылка на Всевышнего. Более того, существует со времен античности философский корпус как результат своего рода гимнастики рацио: эти плоды стали органичной частью христианской традиции. Ф. Аквинский уверен, радикальная зависимость человека от Бога не лишает его относительной автономии. Необходимо держать в боевой готовности весь арсенал средств чистого разума, познавательный потенциал, чтобы сделать достойным его ответ на изначальный вызов «знать и господствовать над миром». И если верно, что теология не вытесняет философию, а вера – разум, то ясно, что он – последний мотив и единственный источник истины.

Два понятия – «эссенция» (*essentia*) и «актус эссенди» (*actus essendi*) – сущность и бытийственный акт – есть то, благодаря чему вещи отличаются друг

от друга. В отличие от Бога, в ком бытие совпадает с сущностью, все прочее лишь тяготеет к тому, чтобы быть, т. е. наделено бытийной потенцией (*id quod potest esse* – то, что может быть). Все это следует понимать так, что бытование некоторых вещей не необходимо, что они могут быть, а могут и не быть, исчезнув, превратиться в прах. А поскольку нет полного совпадения бытия с сущностью у отдельных компонентов мира, то и весь мир может быть, а может и не быть в своей совокупности, ибо он не необходим, а лишь возможен и случаен. Наконец, очевидно, что и существующий мир существует не сам по себе, а благодаря чему-то иному, чье бытие тождественно сущности, и это иное – Бог. Это и есть метафизическое ядро всех томистских доказательств бытия Бога.

Метафизика бытия предлагает фундамент знания более глубокий, чем метафизика сущностей, ибо ее интересуют реальность и возможность самих сущностей. Говоря о теме бытия, мы обнаруживаем себя в круге таинственного и чудотворного. Бытие предшествует самой возможности любого дискурса. Это исток, начало которого не просматривается, ибо факт наличия существ вопрошающих уже присутствует, как реально существует то, чего могло бы и не быть. Изумление перед тайной бытия, изначальный восторг, пробуждающийся в нас в момент ощущения этого бесценного и неопишуемого дара, благодаря которому мы вызваны к бытию из ничто, – характеристика томизма, возможно, наиболее точная.

Перед нами философия оптимизма, она вскрывает в бытии глубокий смысл. Это философия конкретного, ибо бытие – акт, действие, благодаря чему сущности есть. Это философия веры, ибо лишь верующий может уловить и удержать позитивность благословенного действия, из ничего создающего нечто.

Человек, по мнению Аквината, – это природа рациональная: «*Ratio est potissima hominis natura*» – «Разум есть могущественнейшая природа человека». Назначение человека – понимать и действовать с пониманием. Это положение лежит в основании его этики, и политики. Человеку природным образом свойственно постигать цель, к которой тяготеет всякая вещь, природный порядок вещей, завершением которого является высшее Благо – Бог. Если бы человеческий интеллект мог обладать блаженством Божественного видения, воля человека не могла бы желать ничего другого. Но в земном измерении разум знает добро и зло в вещах и действиях, что ниже Бога, а потому наша воля свободна хотеть или не хотеть нечто из земных ценностей. Это и составляет суть свободной разумной воли: «*ratio causa libertatis*», разум – причина свободы. Именно в свободе человека склонен искать корень зла Фома Аквинский. Человек грешит именно потому, что свободен, – свободен удаляться и забывать универсальные законы, открываемые разумом, и откровение Божества.

Мы перед лицом христианской философии, ибо все проблемы греческой философии модифицированы. В контексте томизма Бог – источник бытия и само бытие, в греческом горизонте бог – тот, кто дает форму миру, лепит предсуществующую материю (Платон) или дает исток космосу, увлекая его к совершенству. Греческий бог не дарует бытие, он сам определенный модус бытия. Его бытие не тотально, но частично, ибо материя существует от века и независимо от него. Томизм интересуют не столько формы, сколько бытие, конкретизирующееся через формы. Бог дарует своим созданиям бытие, а это больше, чем формы. Бог не просто Вечный Двигатель, как называл его Аристотель, он – частный акт, творец, и как творец, двигатель.

Новизна и глубина такой интерпретации в том, что все в реальности обретает свой смысл и назначение: нет отныне ничего пустячного, все малое и незначительное бытийствует как знакомое и желанное Им.

В другой контекст попадает также проблема зла. Исток физического и морального зла – возможность конечного бытия, в рамках которого нам знакомы мутации и смерть, свобода рациональных существ, не признающих родства своего с Богом. Тело к злу не причастно. Не тело заставляет грешить дух, а дух порочит тело. Зло не в утрате рациональности, рассудительности, это не ошибка в расчете, как хотели думать греки. Зло – в неподчинении Богу, в утрате связи и памяти о фундаментальной зависимости от него. Корень зла – в порче духа и утраты свободы.

Материя в томизме – начало индивидуализации. В ее отношении к духовному мы уже не находим типичного для греков дуалистического и пессимистического взгляда. Тело свято, как свята душа. Платон, обожествляя душу, несколько переусердствовал, сведя тело к темнице, понимая единство тела и души как что-то эпизодическое и негативное. Аристотель реабилитирует единство тела и души, но лишь до того пункта, где начинается платоновское объяснение бессмертия души (обособленного интеллекта). Аквинат следует за Аристотелем, спасая субстанциональность компонентов единства. Мыслит индивид, а не душа, тот, кто чувствует, – человек, а не тело.

Платоновский тезис о субстанциональности души и аристотелевский тезис о душе как формальном начале, соединенные друг с другом, дают нам томистский принцип единства человека, в котором отчетливо проступает примат личности над видом.

4.4. Психологические представления в эпоху Возрождения

Ренессанс определяется как исторический процесс идейного и культурного развития накануне ранних буржуазных революций, имеющий самобытную ценность. Его элементы начинают проявляться на поздней фазе феодализма и обусловлены начинающимся разложением феодальной системы.

В феодальной Европе существовали большие различия в экономическом, политическом и культурном развитии городов, поэтому Ренессанс не возникает сразу во всех странах, но прежде всего в самых развитых. Его колыбелью является Италия – почти весь первый период своего развития Ренессанс был «итальянским явлением», и лишь во втором периоде он приобретает европейский характер.

Для мышления, идеологии и культуры Ренессанса решающей тенденцией, которая характеризует переворот, является переход от теоцентрического к антропоцентрическому пониманию мира. Это процесс диалектический, противоречивый, сложный, осуществляется он повсеместно, но в различных модификациях, вариантах, формах. Ренессанс охватывает ту фазу истории, в которой христианская религия уже не имеет доминирующей, монолитной позиции. Этот переворот совершается прежде всего в религиозных рядах; ни в философии, ни в искусстве или литературе сразу не устраняется существовавший столетиями традиционный образ мыслей.

В борьбе со средневековым теократизмом на первый план культуры Ренессанса выступают гуманистические, антропоцентрические мотивы. Презрение к

земному естеству заменяется признанием творческих способностей человека, разума, стремления к земному счастью. Реализация человечности предполагает освоение достижений культурного богатства прошлого, поэтому гуманизм Ренессанса побуждает интерес к античному культурному наследию, к овладению многоликим богатством древней философии. Вновь и по-иному открываются Платон и Аристотель, а также неоплатоники, стоики, эпикурейцы, Цицерон и др. Их философия рассматривается в историческом контексте. Ренессанс – это прежде всего свободное осмысление произведений античности, отказ от готовых и неизменных истин. Вместо надындивидуального понятия истины самой личности предоставляются возможность и право решать, что истинно, а что нет.

Духовное и культурное преобразование Западной Европы, проходящее в различных условиях, имеет свои характерные черты и периоды. В первом, раннем периоде, в XIV – XV вв., новая культура имеет прежде всего «гуманистический» характер и сосредоточивается главным образом в Италии, в XVI и в значительной мере в XVII в. она имеет главным образом естественнонаучную направленность.

Гуманизм (лат. *humanus* – человеческий) в общем смысле слова означает стремление к человечности, к созданию условий для достойной человека жизни. Гуманизм начинается тогда, когда человек начинает рассуждать о самом себе, о своей роли в мире, о своей сущности и предназначении, о смысле и цели своего бытия.

Свое гуманистическое мировоззрение **Данте Алигьери** (1265–1321 гг.) изложил прежде всего в бессмертной «Комедии», а затем в трактатах «Пир» и «Монархия». Его литературное и идейное творчество составляют единство. Элементы нового, нарождающегося мировоззрения Ренессанса содержатся в его поэтическом творчестве. Христианскую догматику Данте принимает как неизменную истину, однако дает новое изложение отношения божественного и человеческого. Он не противопоставляет эти начала, но видит их во взаимном единстве. Бога нельзя противопоставлять творческим силам человека. Человек детерминирован двояким способом: с одной стороны, Богом, с другой – природой. К блаженству, таким образом, ведут два пути: философское поучение, т.е. человеческий разум, и «духовное» поучение, исходящее от святого духа. Подчеркивание божественного в человеке выступает как отклонение от средневековых традиций, за это Данте был подвергнут критике и осуждался томистами.

Гуманизм Данте антиаскетичен, он полон веры в силы человека. Человек сам ответственен за свое благо, решающим здесь являются его личные качества, но ни в коем случае не богатство или унаследованное положение.

Франческо Петрарка (1304–1374 гг.) считается «первым гуманистом», его называют «отцом гуманизма». Его антропоцентризм выступает как противовес средневековому теоцентризму. Петрарку интересовали прежде всего внутренние, этические проблемы человека, что является признаком индивидуализма эпохи Ренессанса. В философском диалоге «Моя тайна» он вскрывает глубочайшие внутренние конфликты человека и способы их преодоления. Творчество Петрарки отличается земным характером, полным пониманием радостей и страстей человека.

Среди тех, кто способствовал созданию новых, гуманистических традиций в итальянской культуре, был друг Петрарки, флорентиец **Джованни Боккаччо** (1313–1375 гг.), который в своем «Декамероне» высмеивал глупое и лживое ду-

ховенство, восхвалял разум, энергию, полнокровие нового городского класса. В его творчестве отразились типичные черты Ренессанса: земной характер, телесная чувственность, практический утилитаризм, который он выражает живым, лишенным аллегорий языком.

К выдающимся гуманистам XV в. принадлежит **Лоренцо Вала** (1407–1457 гг.), замечательный филолог, один из основателей метода сравнительного анализа.

В этике Вала близок к эпикуреизму и предпочитает его стоицизму. Он подчеркивает естественность человека, полагает, что добродетельным является все, что относится к жизненно важному инстинкту самосохранения, поэтому никакое наслаждение не является безнравственным. Этика Вала является индивидуалистической.

Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.) – величайший представитель эпохи Возрождения, соединивший в одном лице непревзойденного художника, философа, естествоиспытателя и изобретателя. Леонардо обычно оценивался только как гениальный живописец. Однако он известен и как блестящий анатом, длительное время занимавшийся вскрытием трупов животных и людей.

Особенность анатомических представлений Леонардо заключалась в том, что они тесно увязывались с различными психическими состояниями человека. К числу общечеловеческих страстей он относил радость, печаль и физические усилия. Только в связи с этими состояниями, считал Леонардо, может быть понято основное жизненное значение различных частей организма (мышц, костей, сухожилий и т.д.), движениями и изменениями которых сопровождаются человеческие страсти (печаль, страх, жестокость и т.д.).

Большое место в анатомических опытах Леонардо занимали вопросы биомеханики, т.е. строения и работы двигательных систем организма, причем деятельность живых существ он стремился описывать в категориях механики. По мнению Леонардо, движения всех тел, в том числе и живых, осуществляются по законам механики.

Сосредоточив большое внимание на работе различных мышечных систем, Леонардо удалось установить не только подчиненность их законам механики, но также зависимость двигательных систем от деятельности нервов, спинного и головного мозга. В известных опытах на лягушках им было показано, что в случае удаления головного мозга у лягушки остается сохранной часть мышечных движений, тогда как при проколе или разрушении спинномозгового ствола исчезают и эти движения. Важность этого открытия состояла в двух моментах, а именно в том, что мышечные реакции определяются нервной системой и что разные ее отделы отвечают за различные функции.

Особый интерес вызывают представления Леонардо относительно работы глаза, который рассматривался им как «повелитель всех других органов чувств». Характеризуя деятельность глаза, Леонардо показывает, что работа глаза управляется не особой способностью души, а является ответной реакцией на световые воздействия. В приводимом им описании механизма зрения по существу давалась схема зрачкового рефлекса, и, таким образом, Леонардо довольно близко подошел к рефлекторному принципу.

4.5. Великие открытия и изобретения в астрономии и математике XVI – XVII вв.

Во второй половине XVI и в начале XVII вв. на сцену выходит специфическая философская область – философия природы. Человек открывает новые горизонты, приходит к убеждению в возможности своего прочного, творческого и свободного закрепления в этом мире, верит, что он способен познать естественный характер мира и самого себя в нем. Идея незаменимой ценности и достоинства человека, идеалы свободы являются духовным климатом, в котором рождается и новая философия природы.

Параллельно с философией природы развивается новое естествознание, реализующее радикальную переоценку старых традиций и предпосылок. Оно приносит ряд эпохальных открытий, становится одним из важнейших источников новой философии. Отбрасываются господствовавшие в средние века философские и методологические основы науки, создаются новые. Новые тенденции в науке получили отражение в творчестве Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.), Николая Коперника (1473–1543 гг.), Иоганна Кеплера (1571–1630 гг.) и Галилео Галилея (1546–1642 гг.).

К вершинам философской мысли Ренессанса бесспорно принадлежит пантеистическая философия природы **Джордано Бруно** (1548–1600 гг.). Пантеизм философии Бруно – самый радикальный и последовательный из всех систем итальянской философии природы.

К главным трактатам Бруно относятся философские диалоги «О причине, принципе и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах», в которых ставятся проблемы бесконечности мира, его динамического единства и вечности. Он приходит к идее о всеобщей одушевленности материи. Его философия природы имеет характер панпсихического материализма.

Теория познания Бруно исходит из идеи, что в человеческой душе проявляется единая вселенская мировая душа, которая неотделима от одушевленной материи. Человеческая душа отличается от душ животных своей особой «конфигурацией» – строением, зависящим от физической структуры телесных органов. Бруно развивает также идею классиков древности о значении руки и труда для развития разума. Цель разума – проникновение в глубину явлений, познание закономерностей природы, т.е. ее «божественности». Познание начинается с восприятия и идет к представлениям, рассудку и разуму. Чувственное познание само по себе недостаточно. Познание является бесконечным процессом, потому что и предмет его бесконечен.

Этика Бруно призывает к борьбе за благородные цели, за добро, которое неограниченно реализуется во вселенной (Единое и есть добро). Однако борьба за возвышенные цели требует жертв. Человек в этом устремлении должен преодолевать страх личной гибели, уничтожения. Истинным мерилom нравственности является деятельность, земные цели человека. Он отвергает пассивный аскетизм религиозной веры, выступает и против пассивного гедонизма. Человеческая деятельность должна быть возвышенной, устремленной к бесконечности, частью которой является он сам. Человек должен познавать вселенную и в соответствии с этим реализовать самого себя.

Пантеистическая философия природы Бруно завершает развитие ренессансного мышления. Последующее развитие философии связано с эрой, в которой естествознание развивается на экспериментальных и математических основах,

что обуславливает новые способы отражения мира, новый подход к вопросам методологии наук.

Социальные теории. Поворот Ренессанса к человеку и его культуре, освободившийся от диктата теологии, был замечен и в области социальных и политических теорий. Новые концепции государства и права исходили из других предпосылок, чем в средние века. Вместо одностороннего и однозначного религиозного объяснения они основывались на положении о естественном характере человека, на его земных интересах и потребностях.

Государственный деятель, историк, поэт **Николо Макиавелли** (1469–1527 гг.). Отделяет политику от теологических и религиозных представлений. Политику определяют не Бог или мораль, но сама практика, естественные законы жизни и человеческая психология.

Исследование исторической и политической практики приводит Макиавелли к пониманию того, что определяет мотивы политической деятельности. Оказалось, что это реальные интересы, корысть, стремление к обогащению, которые и детерминируют политическую деятельность. Макиавелли тем самым весьма близко подходит к пониманию роли материальных и классовых интересов в развитии общества, считает политику в конечном счете продуктом свободной человеческой воли, личных желаний, особенностей характера. В сущности, он выводит политику из психологии.

Подводя общие итоги краткого обзора развития психологии в эпоху Возрождения, следует отметить, что для будущих судеб психологии эта эпоха имела большое значение. В рассматриваемый период психологическая мысль развивалась не только в направлении религиозного раскрепощения и снятия «тонзуры» с древних мыслителей, что уже само по себе расчищало и готовило почву для возникновения новых воззрений на природу психического, но и в направлении разработки и формулирования новых принципов и подходов объяснения психики и поведения человека, которые станут отправными в ведущих философско-психологических системах нового времени.

Контрольные вопросы

1. Каковы на Ваш взгляд основные причины смены политеистического мировоззрения на монотеистическое?
2. Как развивалась психология в Европе в эпоху Средневековья?
3. Особенности познания души в философии Филона Александрийского, Оригена.
4. Как понимали душу и психику человека философы Средневековья Аврелий Августин и Фома Аквинский?
5. Каковы особенности развития психологии в недрах арабской средневековой философии?
6. Как развивалась психология в эпоху Возрождения (Ренессанса)?
7. Определите роль человека в теориях космоцентризма, теоцентризма, антропоцентризма, социоцентризма.
8. Какие воззрения на природу души имели следующие гуманисты: Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джованни Бокаччо, Лоренцо Вала.
9. Основные психологические идеи Леонардо да Винчи.
10. Какие идеи развивались в естествознании эпохи Возрождения?

Тема 5. ВЫДЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Философия Ренессанса знаменовала поиски новых путей, нового способа, а также нового содержания философствования. Этот поиск был реакцией на длительный период гегемонии схоластики. Выливается он в новый способ философского мышления, который можно определить как философскую мысль Нового времени.

Быстрое экономическое развитие, интересы нарождающегося класса – буржуазии, ведут к ориентации на действительное познание мира, в частности природы. Для формирующейся в этот период науки характерна ориентация на познание реальности, опирающейся на чувство. Формирование естествознания в этот период связано с тенденцией познания не единичных, изолированных фактов, но определенных систем, целостностей.

Одновременно с этим перед философами и учеными встает вопрос о сущности и характере самого познания, что приводит к повышенной значимости гносеологической ориентации новой философии.

Ориентация на чувственность и практичность познания не является, однако, единственной выразительной чертой формирующейся науки Нового времени, которая повлияла на характер философского мышления того времени. Стремление к систематизации, количественный рост и усиливающаяся дифференциация познания вызывают развитие теоретического мышления, не только ищущего причинно-следственного (связанного с законами) объяснения взаимосвязи между отдельными явлениями и областями явлений, но и стремящегося к созданию целостного образа мира, опирающегося на новую науку и ее данные. Если ориентация на чувственность и практичность познания проецируется на развитие опирающейся на науку эмпирии, то стремление к выяснению взаимосвязей и взаимодействий закономерно ведет к повышению роли рационального рассмотрения, которое, однако, по своему характеру ближе, например, к Евклидовой геометрии, чем к аристотелевско-схоластической контемплации (духовному созерцанию). Поэтому с развитием чувственного, эмпирического познания мира развивается и точное, рациональное, математическое мышление. Как эмпирическое, так и рациональное познание ведут к развитию науки как целого, формируют ее характер и проецируются на складывающиеся основные направления философского мышления Нового времени (Бэкон, Декарт).

5.1. Ф. Бэкон и его понимание души

Родоначальником нового подхода к науке является знаменитый английский политический деятель и философ **Фрэнсис Бэкон** (1561–1626 гг.).

Фрэнсис Бэкон происходил из дворянской семьи, которая в английской политической жизни занимала видное место (его отец был лордом-хранителем печати). В молодости Бэкон получил соответствующее его происхождению и словую образование. Учился он в Кембриджском университете. Политическая карьера Бэкона достигла вершины в эпоху Якова I (Шотландского). Сравнительно в короткое время он становится лордом-хранителем большой печати, а потом и лордом-канцлером. Однако в 1621 г. был обвинен парламентом в интригах и коррупции, предстал перед судом и был осужден. Когда же приговор был отменен, а процесс аннулирован, Бэкон отходит от прежних дел и вплоть до самой смерти посвящает себя научной работе.

Одну группу работ Бэкона составляют труды, относящиеся к вопросам формирования науки и научного познания: «Великое Восстание Наук», «Новый Органон». Другая группа посвящена нравственным, экономическим, социальным проблемам: «Новая Атлантида», «Моральные, экономические и политические эссе», «О принципах и началах».

Основное внимание Бэкон уделяет проблематике науки, знания и познания. Смысл науки Бэкон видит в познании действительного, реально существующего мира. Основным орудием этого познания являются чувства, опыт, эксперимент и то, что из них вытекает.

Бэкон предлагает новый метод познания и новую концепцию реальности, которые изложены в «Новом Органоне». Исходным моментом любой познавательной деятельности для Бэкона являются, прежде всего, чувства, поэтому его называют основателем эмпиризма – направления, которое строит свои гносеологические посылки на чувственном познании и опыте. Основной принцип теории познания выражен в тезисе: «Нет ничего в разуме, чтобы это не прошло через чувство».

Искусство познания является разновидностью логики. Саму логику он понимает как орудие познания – органон. Однако его «логика» представляет собой иной вид логики, резко отличающейся от аристотелевской дедуктивной логики, опирающейся на теорию силлогизма.

Основным рабочим методом своей логики Бэкон считает индукцию. Бэкон отвергает ту индукцию, которая осуществляется простым перечислением и говорит, что нужны такие формы индукции, которые проведут анализ опыта и отличат друг от друга отдельные элементы, а потом придут к убедительному выводу. Наука должна овладевать своим предметом новым способом, новым способом его классифицировать и для этого она нуждается в новом понятийном аппарате, адекватно отражающим реальность.

Но на пути развития действительного познания есть препятствия: с одной стороны «старая» логика, с другой – предрассудки, вжившиеся, закоренелые представления, которые способствуют тому, что мир в нашем сознании отражается не полностью адекватно. Бэкон называет эти представления идолами. Учение об идолах, согласно Бэкону, является важным средством преодоления этих представлений.

Бэкон вводит четыре основных типа идолов. Он называет их аллегорически: идолы рода, пещеры, рынка, театра. Идолы рода и пещеры он считает врожденными, идолы рынка и театра приобретаются в ходе индивидуального развития. Об идолах рода Бэкон говорит, что они имеют основание в самом несовершенстве человеческой природы, оно проявляется в том, что человек предполагает больший порядок и равновесие в вещах, чем те, которые в них есть.

Идолы пещеры вызваны также врожденными недостатками человеческого разума, но индивидуального характера.

Идолы рынка уходят своими корнями в социальную жизнь и определяются как наиболее вредные. Эти идолы, которые возникают путем взаимного общения. Плохой и неправильный выбор слов мешает пониманию и разуму. Эти помехи не могут исправить ни определения, ни объяснения. Слова просто насилуют разум, а людей ведут к бесчисленным излишним спорам и идеям.

Идолы театра определяются существующими в настоящее время наукой и философией, в них проявляются все недостатки, вызванные существующим методом получения знаний, опирающимся на «старую» логику.

После рассмотрения идолов как основного препятствия достижения подлинного знания Бэкон излагает свой метод во второй книге афоризмов «Нового Органона». Исходный пункт заключен в достаточном и правильном описании природы и экспериментов. Для упорядочения разнообразных и достаточно пустых знаний и взглядов Бэкон разрабатывает основные виды таблиц.

В понимании души Бэкон вводит различие разумной и чувственной души. Разумная душа входит в человека, согласно Бэкону «божьем вдохновением» и тем самым становится предметом исследования теологии, тогда как чувственная душа имеет все характеристики телесности и принадлежит к сфере исследований философии.

Чувствующая душа представлялась Ф. Бэкону как невидимое глазу телесное вещество, родственное воздуху, огню и жидкости, пульсирующее и движущееся в мозгу, нервных трубках и артериях всего тела. Душа как особая чувствующая сила проявляет себя в ощущениях и восприятиях, модальность и качество которых определяется природой физического раздражителя. Все виды ощущений между собой связаны и связи эти обуславливаются близостью природы самих раздражителей. Так, близкими друг к другу являются обоняние, вкус, осязание. По мнению Ф.Бэкона, вкус, например, – это внутреннее обоняние, к которому присоединено осязание. Для возникновения ощущений и восприятий необходимо, чтобы внешние раздражители были определенной степени интенсивности. Различая ощущения и восприятия, Ф.Бэкон указывает, что более главной формой чувствительности является восприятие. Если ощущение есть нечто подобное толчку в сознании, то восприятие связано с осознанием этого толчка, т.е. с замечаемыми самим человеком состояниями сознания.

Весь чувственный материал, доставляемый человеку органами чувств, подвергается затем обработке со стороны данной человеку от бога разумной души, деятельность которой по отношению к первичным ощущениям проявляется в памяти, воображении и мышлении. С помощью памяти чувственные данные соединяются, разъединяются, сохраняются и воспроизводятся. Благодаря воображению разумная душа не только может подражать ощущениям и восприятиям, полученным через органы чувств, но и создавать новые образы. Однако разум-

ная душа может комбинировать и преобразовывать чувственный опыт исходя из законов логики. Эту функцию в разумной душе выполняет рассудок.

По этим трем составляющим разумной души Ф.Бэкон считал возможным классифицировать и самих людей, и род их занятий, и даже науки. Он полагал, что названные три способности разумной души (память, воображение и рассудок) даны людям в разной степени, и в зависимости от того, какие из этих свойств представлены в большей мере, должно определить тот или другой род деятельности человека. Так, люди, наделенные хорошей памятью, должны заниматься историей. Людям с большим воображением следует выбирать для себя в качестве основных занятий поэзию и различные формы искусства. Научные занятия предпочтительны для людей, имеющих высокий рассудок. Работы Бэкона представляют собой первую попытку в философии Нового времени реализовать общий методический подход к получению научных знаний, которые имели практическое применение.

5.2. Проблема метода в рационалистической философии Р. Декарта

Рене Декарт (1596–1650 гг.) – основатель современной философии. Декарт наметил радикальный поворот мысли критикой традиционного философского наследия, выдвинув новые принципы, новый тип знания, сфокусированный не на бытие и Боге, а на человеке и рациональном начале.

Рене Декарт родился в маленьком городке Лаэ провинции Турень, в не очень знатной, но зажиточной дворянской семье. В восемь лет он уходит на учебу в иезуитский колледж Ла-Флеш, где получает основы образования. В ряде жизнеописаний Декарта указывается, что сухое, педантичное обучение его не удовлетворяло. Отрицательное отношение к схоластическому пониманию науки и философии проявилось у него, однако, позже, когда он как военный побывал в значительной части Европы. В 1621 г. он уходит с военной службы и путешествует. Посетил Германию, Польшу, Швейцарию, Италию и некоторое время жил во Франции. Наиболее интенсивно предавался исследованиям во время своего сравнительно долгого пребывания в Голландии в 1629–1644 гг. В этот период он пишет большинство своих работ. Годы 1644–1649 были наполнены стремлением отстоять, и не только теоретически, взгляды и идеи, содержащиеся, в частности, в «Размышлениях о первой философии» и в «Началах философии». В 1643 г. в Утрехте, а в 1647 г. в Лейдене (где сравнительно долго жил Декарт) было запрещено распространение его воззрений, а его труды были сожжены. В этот период Декарт вновь несколько раз посещает Париж и думает даже о возвращении во Францию. Однако затем он принимает приглашение шведской королевы Кристины и уезжает в Стокгольм, где вскоре умирает от простуды.

Основные работы: «Рассуждение о методе», «Правила для руководства разума», «Начала философии», «Страсти души».

Философия Декарта представляет собой новый, цельный и рационально обоснованный образ мира, не только соответствующий состоянию естествознания, но и полностью определяющий направление его развития.

Исходным пунктом философии Декарта является определенность сознания – мышления. Требование, что все должно исходить лишь из мышления как тако-

вого, Декарт выражает словами: «Во всем должно сомневаться». То есть первым условием философии он делает отвержение всех определений. Принцип Декарта, согласно которому во всем следует сомневаться, выдвигает сомнение не как цель, но лишь как средство. Скепсис Декарта по своей сути является скепсисом методологическим. Он должен разрушить всякие мнимые достоверности затем, чтобы найти единственную действительную первичную достоверность.

Такую достоверность Декарт находит в мыслящем Я – в сознании, в его внутренней сознательной очевидности. И поэтому факт, выраженный словами «*cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») является наипервейшими и наидостовернейшим из всех.

Декартово мыслящее Я для своего существования ни в чем, кроме самого себя, не нуждается, а также не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи. Декарт определяет его как «*res cogitans*» – как мыслящую вещь, духовную субстанцию.

С другой стороны, субстанция, характеризующаяся формой, положением, движением и т.д., называется телом, «*res extensa*» – вещь распространенная. Так же как духовная субстанция не нуждается ни в какой из материальных вещей, так же и тело не требует для своего существования субстанций духовных. Таким образом, они могут существовать независимо друг от друга.

Декарт закладывает в новой философии основы дуализма. Он признает материальный принцип – не зависящее от сознания (духа) существование материи, так и духовный принцип – не зависящее от материального мира «*cogito*».

В отличие от всех существ человек объединяет в себе две субстанции, «*res cogitans*» и «*res extensa*», являясь местом встречи двух миров или, в традиционных терминах, души и тела. Душа не отождествляется с жизнью в градации ее типов от растительной до чувствующей и рациональной. Душа – это мысль, а не жизнь, и отделение ее от тела не означает смерть, которая обусловлена причинами физиологического порядка. Душа непротяженна. Душа и тело – две реальности, не имеющие ничего общего.

Однако наш опыт свидетельствует о постоянном взаимопроникновении этих двух субстанций, как видно из факта произвольных перемещений тел и ощущений, отражаемых в душе.

Чтобы разобраться в этих трудностях, Декарт пишет «Трактат о человеке», в котором пытается дать объяснение физическим процессам, предвосхищая современную физиологию. Он начинает с воображаемой ситуации, будто Бог создал из земли статую, похожую на наше тело, с теми же органами и теми же функциями, кровообращением, дыханием и движением животных духов. Он сравнивает теплоту крови с огнем без света, который, проникая в полости сердца, сохраняет его надутым и эластичным. От сердца кровь проходит к легким, освежая дыхание, вводя воздух. Пары крови из правой полости сердца проникают к легким через артериальную вену и медленно нисходят в левую полость, вызывая движение сердца, от которого зависят все другие движения организма. Омывая мозг, кровь не только питает мозговую субстанцию, но также производит «легкое дуновение, живое и чистое духовное пламя». Артерии, транспортирующие кровь к мозгу, разветвляются в ткани, а потом собираются вокруг маленького органа, называемого «мозговой железой» (*glandula pinealis*). Она расположена в центре мозга, где находится душа – «очень маленькая железка, расположенная в центре мозговой субстанции, подвешенная над проходом, через

который духи передних полостей вступают в контакт с духами задних полостей, так что самые легкие ее движения могут значительно изменить течение духов, как и, наоборот, минимальные изменения в беге духов могут внести большие изменения в движения этой железки».

Тема дуализма и возможного контакта «res cogitans» с «res extensa» в дальнейшем была углублена в трактате «Страсти души», с уточнениями этического плана. Сочинение состоит из трех частей, соответствующих трем группам страстей. Первая группа состоит из страстей чисто физиологических, и в этом теория очень похожа на ту, изложение которой мы находим в «Трактате о человеке»: страсти от восхищения до гнева, от радости до печали, здесь ощущение навязывает свой закон субъекту. Вторая группа – психологических страстей, где душа и тела в единстве реализуются внутри самой страсти. Сюда относится желание, надежда, страх, любовь и ненависть, которые могут исходить как от субъекта, так и от объекта. Наконец, третья категория: страсти, которые мы назовем моральными, т.е. связанные со свободой воли. Эти страсти слишком отчетливо несут на себе печать души, чтобы их можно было объяснить телесным механизмом, реализуя характер человека как «духовного животного». Одна из таких страстей – щедрость.

Картина действий, руководимых волей, восприятий, чувств и эмоций, провозируемых телом и воспринимаемых душой, подробно доказывает, что душа может победить эмоции или, по крайней мере, обуздать их. Для этой цели важны два чувства – печаль и радость, первая позволяет увидеть то, чего надо избегать, вторая – наоборот, что следует культивировать. Человек должен руководствоваться не эмоциями и вообще чувствами, но разумом, который один только может оценить и, следовательно, указать, какие эмоции следует принять, а какие – отвергнуть. Мудрость заключается в возведении ясной и отчетливой мысли в ранг жизни.

В области познания Декарт однозначно отстаивает рационалистическую позицию. Декарт не отвергает чувственное познание как таковое. Однако это познание следует подвергнуть подробной (скептической) критике. Также необходимо подвергнуть критике суждения разума, которые, как показывает опыт, много раз приводили к ошибкам. Истинность познания, по Декарту, состоит лишь в достоверности сомневающегося сознания – сомневающегося Я. То есть, главным принципом было во всем сомневаться, его четко определенный методологический скепсис.

Правила Декарта, как и все его «Рассуждения о методе» имели исключительное значение для развития философии и науки Нового времени. Условие «очевидности» и «интуитивной ясности» исходных утверждений научной теории является одним из основных характеристик научного познания в нашу эпоху.

В отличие от Бэкона, который считал индукцию основным методом получения истинных фактов, Декарт таким методом считает рациональную дедукцию.

5.3. Монизм учения Спинозы о субстанции

Бенедикт Спиноза (1632 – 1677 гг.) – нидерландский философ. На формирование философских взглядов Спинозы имели влияние сенсуализм Локка, рационализм Декарта, а также Т. Гоббс и идеи Дж. Бруно. Б. Спиноза родился в Амстердаме в состоятельной семье испанских евреев (вынужденных скрываться

от преследований инквизиции и принять христианство, втайне сохраняя верность своей прежней вере). Семья переехала из Португалии в Голландию, чтобы укрыться (евреев и мавров, вынужденных отречься от своей веры, в Испании называли презрительным словом «марраны»). В школе еврейской общины в Амстердаме Спиноза выучил древнееврейский язык, глубоко изучил Библию и Талмуд. Между 1652 и 1656 гг. он посещал школу Франциска ван ден Эндена (ученого католической формации, ставшего позднее независимым мыслителем), изучал латинский язык и науки. Знание латыни открыло мир классики (а среди них Цицерона и Сенеку), Возрождения и современных философов, в особенности Декарта, Бэкона и Гоббса.

В 1656 г. Спиноза был отлучен от синагоги, проклят и изгнан из общины, друзья-евреи и родственники покинули его. После изгнания из общины Спиноза нашел приют в небольшой деревне в окрестностях Амстердама, где сочинил «Апологию» в защиту собственной позиции.

В 1673 г. философу предложили занять университетскую кафедру в Гейдельберге, однако он вежливо, но твердо отказался, опасаясь, что официальный пост университетского профессора ограничит его свободу как мыслителя.

Он умер от туберкулеза в 1677 г. в возрасте 44 лет.

Основные идеи философии Спинозы изложены в его главном и основном труде «Этика», а также можно отметить его труды «О боге и человеке и его счастье», «Теологическо-политический трактат», «Трактат о совершенствовании разума».

В основу философской системы Спиноза положил учение о единой субстанции. Следуя традиции пантеизма, Спиноза утверждает, что не существует никакой другой субстанции. Бог не стоит над природой, не является творцом вне природы, он находится прямо в ней как ее имманентная причина. Спиноза отвергает личного Бога и понимает его как универсальную причину мира.

Субстанция сама по себе бесконечна и совершенна, что, естественно, включает возможность какого-либо движения или изменения. Субстанция существует сама по себе с необходимостью и сама является своей собственной причиной.

Для описания единичных вещей, которые являются «конечными», Спиноза использует понятие «модус». Существование модусов характеризуется не только конечностью, но и изменением и движением. Между модусами существуют и внешнее воздействие, и внешние связи.

Субстанция является природой творящей, а единичные вещи – природой сотворенной. Из понятия субстанции как бесконечной, единой и неделимой вытекает понятие детерминизма. Согласно концепции Спинозы, в мире (в сфере субстанции) не происходит ничего случайного. Спиноза подчеркивает, что все имеет свою причину и лишь субстанция имеет причину в самой себе. Все остальные вещи и процессы имеют лишь внешнюю причину своего существования и своего развития. Мир единичного характеризуется как имеющий причины, то есть в мире господствует жесткий детерминизм.

Идеи и вещи представляют собой не что иное, как два разных аспекта одного и того же события. У каждой идеи неизбежно есть телесное соответствие, так же как у каждого события неизбежно имеется соответствующая идея.

Человека Спиноза трактует человека как единство души и тела. Человек – не субстанция и тем более не атрибут, он состоит из определенных модификаций

атрибутов Бога, иначе говоря, «из модусов мышления», идей и «модусов протяженности» – т.е. тела, образующего предмет разума. Душа или разум человека – это идея или познание тела. Спиноза говорит, «чем больше вещей тело приспособлено воспринимать одновременно, тем лучше разум приспособлен к восприятию множества вещей одновременно, а чем больше действий зависят от разума, тем отчетливее познание».

Доктрина параллелизма Спинозы устраняет картезианский тупик. Всякая идея (а под идеей подразумевается любое мысленное содержание, представленное в любой форме – простой или сложной), раз она существует, является объективной, т.е. имеет соответствие в вещном порядке именно потому, что *ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum*. Идеи и вещи представляют собой не что иное, как два разных аспекта одного и того же события. У каждой идеи неизбежно есть телесное соответствие, так же как и у каждого события неизбежно имеется соответствующая идея.

Поэтому Спиноза не проводит различия в абсолютном смысле между идеями ложными и истинными; он различает только менее и более адекватные идеи. Знаменитая доктрина Спинозы о трех «родах познания» представляет три «степени познания»: мнение и воображение; рациональное познание; интуитивное познание.

1. Первая форма – эмпирическая, т.е. связанная с чувственным восприятием и образами, которые всегда «беспорядочны и неясны». Любопытно, что Спиноза относит к первой форме познания общие понятия (дерево, человек, животные), а также такие, как *ens* (сущее), *res* (вещь), *aliquid* (нечто). Очевидно, он посвоему разделяет мнение номиналистов об интерпретации общих понятий, сводя их к чему-то вроде бесцветного образа или неясным и расплывчатым представлениям.

Эта форма познания, теоретически неадекватная по сравнению с последующими формами, тем не менее практически незаменима. Ее «ложность» заключается в недостатке ясности. Действительно, она ограничивается частными случаями, не передает связи и отношений причин, т.е. общего порядка Природы.

2. Познание второго рода, называемое Спинозой *ratio* (рассудок), является познанием собственно научным, иными словами, такой формой познания, которая находит типичное выражение в математике, геометрии и физике. Однако это не означает, что *ratio* представляет только математику и физику. Имеется в виду форма познания, основанная на общих для всех людей адекватных идеях (во всяком случае, все люди могут их иметь) и представляющая общие характеристики вещей: «Есть некоторые идеи или знания, общие для всех людей, воспринимаемые адекватно, т.е. ясно и отчетливо». Речь может идти, например, об идеях количества, формы, движения и им подобных. Тем не менее рациональное познание, в отличие от первого рода познания, ясно и отчетливо улавливает не только идеи, но и их неизбежные связи (можно сказать, что идеи ясны только в том случае, если найдены связи между ними). Следовательно, рациональное познание устанавливает причинную цепочку в ее необходимости. Поэтому речь идет об одной из форм адекватного познания, даже если она не самая совершенная.

3. Третий род познания получил у Спинозы наименование интуитивного; он заключается в видении вещей исходящими от Бога. Точнее, так как сущность Бога познается посредством составляющих ее атрибутов, интуитивное познание

отталкивается от адекватной идеи атрибутов Бога и приходит к идее сущности вещей. Одним словом, речь идет о Божественном озарении.

«Рационализм» Спинозы в действительности представляет собой формальный рационализм, выражающий видение на уровне интуиции и местами почти граничащий с мистикой. Суть спинозизма заключена в том, чтобы чувствовать и видеть все в Боге.

Как высшую цель философского пути он проповедовал видение вещей «sub specie aeternitatis» (с точки зрения вечности), освобождающее от страстей состояние мира и покоя. Мир, покой и беспристрастие, по единодушному утверждению современников, символ существования Спинозы.

«Трактат об усовершенствовании разума» представляет собой разновидность беседы о спинозовском методе в области этики. В то время как Декарта интересовал гносеологический аспект, Спиноза исследует, какая истина способна придать смысл человеческому существованию, есть ли она благо, которое, будучи обретенным, обеспечило бы человеку счастье.

Анализ страстей. Человеческие страсти обязаны своим происхождением отнюдь не «слабостям» и «недостаткам» индивида и не «бессилию» и «непостоянству» его души (или мыслей), поэтому их не следует ненавидеть и порицать, но необходимо объяснять и понимать, как любую другую реальность Природы.

Спиноза предполагает, что страсти берут начало из влечения (*conatus*), устойчиво сохраняющегося в течение неопределенного периода времени. «*Conatus*» в умственной сфере называется волей, в телесной – влечением (*appetites*). Положительный модус его мы называем удовольствием или радостью (*laetitia*), противоположное явление мы называем неудовольствием или печалью (*tristitia*). Из этих двух главных страстей возникают все остальные. В частности, мы называем «любовью» аффект удовольствия, а «ненавистью» – аффект неудовольствия, с идеей внешней причины.

Аналогичным способом из человеческого сознания Спиноза выводит все страсти. Философ характеризует «страсть» как «неадекватную и смутную идею». Пассивность ума вызывается именно неадекватностью идеи. И поскольку для Спинозы разум и тело суть одно и то же в двух различных аспектах, то оба рассмотренных выше определения страсти согласуются друг с другом. На основе этого легко объяснить заключительную дефиницию: «<...> аффект, называемый страстью души (*animi pathema*), представляет собой смутную идею о наличии жизненной силы в теле либо в одной из его частей, присутствующей в большей или меньшей степени».

Как явления природного мира страсти неукротимы: одна порождает другую с неотвратимой силой. «Без сомнения – говорит философ, – дела человеческие шли бы намного лучше, если бы человек умел говорить и молчать по необходимости. Однако опыт доказывает, что меньше всего люди способны контролировать свою речь и обуздывать влечения. И если бы из опыта не было известно, что мы совершаем много вещей, в коих позднее раскаиваемся, а часто, когда мы взволнованы или возбуждены противоречивыми страстями, даже зная, каково лучшее решение, выбираем худшее, то ничто не помешало бы думать, что мы поступаем сообразно свободной воле. Так, ребенок уверен, что он «свободен» требовать молока, разгневанный подросток убежден, что он «свободно» стремится к мщению, а трус – к бегству. Равным образом пьяница убежден, что он разумно и свободно говорит то, о чем бы в трезвом уме промолчал, помешанные,

болтуны, дети и многие другие уверены, что говорят сообразно своей воле, в то время как они просто не в состоянии обуздать свою болтливость. Итак, сам опыт не меньше, чем рассудок, доказывает, что люди сознают только собственные желания и поступки, но не ведают об их причинах».

Из этого кажущегося беспощадным анализа Спиноза выводит этически позитивное заключение. Если мы предполагаем, что поступки людей, которые мы считаем вредными, вызваны их свободной волей, мы начинаем их ненавидеть, однако если нам известно, что они не вольны в своих действиях, мы не станем их ненавидеть или, во всяком случае, будем ненавидеть намного меньше.

«Поистине вещи, которых добиваются простонародье, не только ничем не помогают, но даже вредны, поскольку часто приводят к смерти их обладателей и всегда ведут к смерти тех, кто ими одержим. Сколько доведенных до гибели из-за своих богатств, и сколько подвергаются опасности из-за страсти к накопительству, платя жизнью за собственное безрассудство! Не меньше и тех, кто, чтобы добиться почестей или сохранить их, закончили самым жалким образом. И, наконец, бесчисленны примеры людей, приблизивших свою гибель из-за чрезмерного сладострастия. Так в чем же причина этих зол? Мне казалось, что любое счастье или несчастье зависят только от природы предмета, к которому нас привязывает любовь. Действительно, из-за вещей безразличных никогда не возникает ссор, не бывает печали, когда их теряют, зависти, если ими владеют другие, они не вызывают ни страха, ни ненависти, в общем, никаких страстей: все, напротив, обычно случается из-за любви к тем вещам, которые могут погубить. Иначе происходит с любовью к тому, что вечно и нескончаемо: она наполняет душу чистой радостью, очищая от печали, именно такого блага мы должны желать и искать всеми силами».

Решение всех сомнений может прийти следующим образом. Удовольствия, богатство, почести, говорит Спиноза, – зло, если их добиваются как цели (ведь они таковыми не являются), но как средства, т.е. инструменты, необходимые для жизни в соответствии с высшей целью, они нейтральны: «<...> поиски денег, наслаждений, любовь к славе – препятствия в том случае, если кто-нибудь добивается их ради них самих, а не в качестве средства для чего-либо другого, наоборот, если они нужны как средство, то не становятся препятствием, поскольку могут принести большую пользу».

В духе параллелизма Спиноза трактует человека как единство души и тела. Человек – не субстанция и, тем более, не атрибут, он состоит из «определенных модификаций атрибутов Бога», иначе говоря, «из модусов мышления», идей и «модусов протяженности» – т.е. тела, образующего предмет разума. Душа или разум человека – это идея или познание тела. Параллелизм настолько совершенен, что, говорит Спиноза, «чем больше вещей тело, по сравнению с остальными, приспособлено воспринимать одновременно, тем лучше, по сравнению с другими, разум приспособлен к восприятию множества вещей одновременно, а чем больше действий тела зависят от него самого, тем отчетливее познание».

В Природе, по мнению Спинозы, нет «совершенства» и «несовершенства», «добра» и «зла», так же как не существует целей, поскольку все происходит под знаком самой строгой необходимости. «Совершенное» и «несовершенное» – конечные модусы человеческого мышления, рождающиеся из сопоставления человеком произведенных им предметов с присущей Природе реальностью. В результате получается, что «совершенство» и «реальность» – одно и то же. А зна-

чит, ни о какой природной реальности нельзя сказать, что она «несовершенна». Из всего сущего нет ничего неполноценного, ущербного: все именно таково, каким и должно быть.

При укоренившемся представлении о человеке как субъекте, пекущемся главным образом о сохранении и продлении собственного существования, Спинозе не остается ничего другого, как заключить, что те вещи, которые называют «добром», на самом деле просто полезны, а «зло» представляет собой противоположность: «Я понимаю под хорошим то, что нам достоверно известно как полезное. Под плохим, наоборот, – то, что, как нам достоверно известно, препятствует обладанию добром».

Следовательно, «добродетель» становится не чем иным, как достижением пользы, а «порок», наоборот. Спиноза решительно утверждает: «Чем больше человек старается и чем более он способен добиться собственной пользы, т.е. сохранения собственного существования, тем большей добродетелью он одарен, и наоборот, лишь никчемный человек пренебрегает собственной пользой, т.е. не заботится о самосохранении». «Для нас действовать по добродетели означает не что иное, как жить, заботясь о самосохранении, руководствуясь разумом и собственной пользой». Человек, руководствующийся в своем поведении Рассудком, наиболее полезен другим людям. Спиноза прямо заявляет, что человек, руководствующийся рассудком, близок к Богу.

Познание как освобождение от страстей и основа добродетели. Еще Сократ говорил, что порок – это невежество, а добродетель – знание, и этот тезис в самых разнообразных формах повторялся в ходе развития философии. Вот один из красноречивых примеров этого тезиса в «Этике» с отзвуками суждений Сократа и стоиков: «Усилия, направленные на самосохранение, фундаментальны. Однако сущность человека – его Разум, поскольку он познает ясно и отчетливо. Значит, всякое разумное усилие не что иное, как познание. Ни об одной вещи мы не знаем достоверно, хороша она или плоха, но ведет ли она действительно к познанию или препятствует ему – разуму открыто».

Однако возрожденные классические античные тезисы у Спинозы приобретают новый смысл. «Как только мы сформируем ясную и отчетливую идею», страсть перестает быть страстью. «Поясни свои мысли – и ты перестанешь быть рабом страстей».

Истинная сила, освобождающая и возвышающая человека, – ум и познание: «<...> сила души определяется только знанием, и наоборот, ее бессилие (или страсть) оценивается как утрата знания, из этого следует, что в высшей степени пассивна душа, большей частью состоящая из неадекватных идей <...> Власть над аффектами дает ясное и отчетливое знание и особенно знание третьего рода. Если это познание и не устраняет аффекты абсолютно, избавляя сознание от рабства, оно, тем не менее, способствует тому, чтобы аффекты занимали в душе минимальное место, а любовь к вечному и неизменному – максимальное. Таковую Любовь не может осквернить ни один из пороков, присущих обычной земной любви, напротив, такая Любовь будет постоянно расти, занимая все большую часть души».

В процитированном выше отрывке Спинозой упоминается третий род познания, а именно: на основе интеллектуальной интуиции, воспринимающей все как исходящее от Бога (т.е. в качестве модусов Его атрибутов). В такой форме познания все несет радость, максимально возвеличивая человека.

Вот знаменитое суждение Спинозы, в котором он определяет «*amor Dei intellectualis*». «Интеллектуальная Любовь души к Богу является частью бесконечной любви Бога к себе Самому».

Еще раз мы встречаемся с отголосками тезисов Сократа и стоиков в философии Спинозы, когда он говорит, что испытываемое нами при высшем интеллектуальном познании блаженство – не только добродетель, но также и единственная и наивысшая награда за добродетель. Другими словами, для Спинозы добродетель несет награду в себе самой, и Рай наступает уже здесь, на земле.

Завершает «Этику» одна из древних максим стоиков: очень трудно потребовать душевный покой мудреца, если он в самом деле мудрец: осознавая себя, и Бога, и все вещи моментами вечной необходимости, царящей в природе, мудрец никогда не перестает им быть и всегда уравновешен. Указанный путь не прост, но достижим. Все истинно редкое должно быть труднодоступным.

5.4. Эпифеноменализм в учении Т. Гоббса

Одним из видных представителей английской философской мысли является **Томас Гоббс** (1588–1679 гг.). Он родился в 1588 г. После завершения университетского образования, которое состояло в изучении теологии и античной философии, Гоббс попадает в образованную аристократическую среду. В начале 40-х годов он эмигрирует во Францию, где издает работу, посвященную философско-политической проблематике, – «О гражданине» (1642 г.). Выходят его работы «О теле» (1655 г.), «О человеке» (1658 г.), которые органически дополняют трактат «О гражданине». Эта трилогия составляет цельный и систематический обзор философских, социальных и политических воззрений Гоббса. Она представляет вершину его мысли вообще. В последние годы своей жизни, в годы реставрации королевской власти в Англии, Гоббс живет в отдалении, а его труды игнорируются. Умер он в 1679 г., а в 1682 г. его наиболее известный труд «Левиафан» был публично сожжен в Оксфордском университете.

И хотя Гоббс во многом, в частности в области познания, близко подходит к сенсуализму Бэкона, в своих философских воззрениях он опирается и на европейскую континентальную мысль, прежде всего на рационализм Декарта. В первой части своей работы «О теле» он даже характеризует философию как «рациональное познание». Рациональное познание в понимании Гоббса опирается на чувственный опыт (ощущения он полагает основным источником познания). Однако он не останавливается лишь на констатации фактов, но видит смысл познания в рациональном выяснении причин.

Признание «рационального» метода является результатом успехов механистического естествознания как на континенте, так и в Англии. Гоббс однозначно подчеркивает, что философия должна опираться на разум как на твердую основу. Научной истины, согласно ему, не могут достичь ни теология (основывающаяся на откровении), ни те науки, которые основаны лишь на констатации фактов или совокупности эмпирических познаний (здесь Гоббс имеет в виду прежде всего общественные науки). Лишь научная философия постигает действительную истину. Так Гоббс преодолевает теорию двойственности истины (познание, опирающееся на веру, не может дать действительную истину). Понятие истины у Гоббса в определенном смысле является и более последовательным, чем у Бэкона. Истину он считает свойством наших суждений о вещах, а ни в коем случае

не тем, что принадлежит самим объектам (и может быть познано чувствами), и не тем, что опирается на откровение, или врожденную интуицию.

Наибольшее значение имеют, однако, социально-политические взгляды Гоббса. Они содержатся в заключительной работе его философской системы «О гражданине» и в трактате «Левиафан». Исходной точкой его рассуждений об общественном устройстве и государстве является «естественное состояние людей». Это естественное состояние характеризуется у него «естественной склонностью людей вредить себе взаимно, которую выводят они из своих страстей, но главное, из тщеславного самолюбия, права всех на все». Это не является причиной факта, «что естественным состоянием людей, раньше чем они вступили в общество, была лишь война, и не простая, но война всех против всех». В этой войне, по Гоббсу, не может быть победителей. Она выражает ситуацию, в которой каждому угрожают все. Выход из нее Гоббс видит в образовании общества. Но так как общество может покоиться лишь на согласии интересов, а это «согласие между людьми основано лишь на соглашении, а оно искусственно», то необходимо, чтобы «кроме договоров было еще нечто иное, что соглашение усилило бы и надолго упрочило. Этим является общественная власть, держащая в узде и направляющая все действия людей к общественному благу». Единственным путем, ведущим к созданию такой власти, Гоббс считает передачу всей «власти и силы» единственному человеку или группе людей. Такая «общественная власть» должна опираться на добровольное отречение от права владеть самим собой. «Отрекаюсь от своего права владеть собой и отдаю это право такому-то мужу или такому-то собранию мужей, если ты также отдаешь им свое право и так же, как я, уполномочишь их на все и признаешь их действия своими. Когда же так станется, называют множество, таким образом объединенное в одну особую общность, общину, государство, по-латыни *civitas*. Так родился этот великий Левиафан <...>». Так понимает Гоббс возникновение государства. Государство ставит на место законов природы законы общества. Этим оно, собственно, ограничивает естественные права (договор, на основе которого возникает государство) гражданским правом. Гражданские права являются не чем иным, как естественными правами, перенесенными на государство. А так как естественные права (а это значит права человека в естественном состоянии) были неограниченны, неограниченны и права государства, и обязательность гражданских законов.

Гоббс является сторонником сильной абсолютистской государственной власти, так как он считает, что только она способна устранить все остатки «естественного состояния» и все споры и беспорядки. Требование крепкой и сильной государственной власти (опирающейся на разум) объективно соответствовало и интересам формирующейся буржуазии.

По отношению к носителю верховной государственной власти (суверену) Гоббс различает три вида государства: «первый, когда власть у собрания и когда каждый гражданин имеет право голосовать, слывет демократией; второй, когда власть у собрания, где не все, но лишь некоторая часть имеет голос, называем ее аристократией; третий, когда верховная власть остается только у одного, именуется монархией». Из этих форм государства наилучшей Гоббс считает монархию. Правитель-суверен, опирающийся на разум, должен заботиться о духовном и материальном возвышении подданных, он должен заботиться и о развитии экономики, и о поднятии уровня морали. В этом ему помогают законы, их обязательность гарантируется государственной властью.

Социально-политические воззрения Гоббса являются не только концептуализацией его политических симпатий, но и попыткой найти естественное объяснение обществу и государству в духе механистического естествознания его времени.

5.5. Джон Локк – «отец эмпирической психологии»

Джон Локк (1632–1704 гг.), в противоположность Декарту, отрицает существование врожденных идей. От рождения человек не обладает никакими знаниями, все приходит с опытом. Локк признает, что некоторые идеи, например, идея Бога могут показаться взрослому человеку врожденными. Но это происходит только потому, что мы усвоили эту идею в раннем детстве и просто не понимаем себя без нее.

За многие века до этого сходные мысли высказывал Аристотель: ум человека при рождении представляет собой «*tabula rasa*» – чистую доску, на которой опыт запечатлевает свои отметки.

Каким же образом появляется знание? По Локку, все знание исходит только из опыта. Существуют два различных вида опыта: внешний и внутренний. Один из них основывается на чувствах, другой – на осмыслении своих собственных действий и состояний – другими словами, рефлексии. Те идеи, которые происходят из чувств (то есть на основе непосредственного воздействия объектов внешнего мира на органы чувств), представляют собой простые чувственные впечатления. Эти чувственные впечатления воздействуют на наш ум, а тот, в свою очередь, оперирует с чувственными впечатлениями, наблюдая за собственной деятельностью. На основе наблюдения за деятельностью ума возникает опыт рефлексии. Этот внутренний, рефлекторный опыт вторичен по отношению к опыту внешнему, чувственному.

Локк различает простые и сложные идеи. Простые идеи появляются на основе как чувственного, так и рефлективного опыта, и пассивно воспринимаются нашим умом, простые идеи совершенно элементарны, они не содержат в себе никаких частей и поэтому не поддаются анализу или сведению к каким-либо еще более простым идеям.

В процессе своей деятельности разум активно создает новые идеи путем комбинирования и сочетания различных простых идей между собой. Эти новые производные идеи Локк называет сложными идеями. Они состоят из ряда простых идей, а потому поддаются анализу и могут быть разложены на компоненты.

С точки зрения Локка, сознание человека работает в полном соответствии с законами физики. Элементами психики, своеобразными психическими атомами, являются простые идеи. Базовые элементы психики (простые идеи) неделимы, как и их материальные аналоги. Из их сочетаний и комбинаций образуется все многообразие знаний.

Большое значение для ранней истории научной психологии имеет локковское различение первичных и вторичных качеств. Первичные качества существуют независимо от нашего восприятия. Примером такого рода первичных качеств будут, скажем, размеры и форма здания. Вторичные качества – такие как цвет, запах, звук и вкус – существуют не сами по себе, а через наше восприятие.

Эти свои представления Локк иллюстрирует при помощи следующего простого опыта: возьмем три емкости, заполненные водой. В одну емкость нальем холодную воду, во вторую – теплую, а в третью – горячую. Далее, опускаем левую руку в со-

суд с холодной водой, а правую – в горячую воду. Затем помещаем обе руки в сосуд с теплой водой. При этом одна рука будет ощущать эту воду как теплую, а другая – как холодную, понятно, что теплая вода не меняет своей температуры ни в первом, ни во втором случае, вторичные качества существуют лишь в нашем восприятии объекта, но не присущи объекту самому по себе (в данном случае, воде).

Подобные взгляды полностью согласуются с механистическим воззрением на мир, согласно которому он весь состоит лишь из движущейся материи. Если вся объективная реальность представляет собой материю, то любые восприятия – цвет, запах и вкус, есть не что иное, как реальность субъективная. А те характеристики предметов, которые присущи им независимо от какого бы то ни было восприятия – это первичные качества.

5.6. Монадология Г. Лейбница

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 – 1716 гг.) представляет определенное завершение европейского философского рационализма. Родился он в Лейпциге. Был знаком с рядом выдающихся представителей тогдашней науки, особенно быстро развивающегося естествознания. В Париже он встречался с Х. Гюйгенсом, в Лондоне – с И. Ньютоном. С 1677 г. живет (за исключением частых путешествий) преимущественно в Ганновере. И хотя Лейбниц заметно способствовал развитию теоретических наук, в частности математики – является одним из основателей дифференциального и интегрального исчисления – и философии, он не был типичным кабинетным абстрактным теоретиком. Занимался он и вопросами организации научного труда (разработал проект прусской королевской Академии наук, которая была основана по его предложению), а также решением проблем технического характера (выработал проект осушения долины в Гарце). Является автором ряда исторических исследований. Умер он в 1716 г. в Ганновере.

Ядро философской системы Лейбница составляет учение о «монадах» – монадология. Монада – основное понятие системы – характеризуется как простая, неделимая субстанция. Лейбниц отвергает учение Спинозы о единой субстанции, которое, по его представлениям, вело к тому, что из мира исключаются движение, активность. Он утверждал, что субстанций бесконечное множество. Они, согласно его воззрениям, являются носителями силы, имеют духовный нематериальный характер. Так Лейбниц развивает систему идеалистического плюрализма. Каждую монаду он считает субстанцией. Как таковая монада является самостоятельной единицей бытия, которая способна к активности, деятельности. Лейбниц характеризует монады как простые субстанции. Простота монад основывается на такой аргументации: если мы допустим, что субстанция может быть сложной и простой, то сложная субстанция не может существовать без простых. Поэтому если монада является субстанцией (а у этого понятия Лейбниц сохраняет основные характеристики субстанции Спинозы), то она является причиной самой себя, т.е. не зависит от другой субстанции. Сложная субстанция всегда бы зависела от простых.

Из простоты монад вытекает их следующее свойство. Монады не изменяются в своей внутренней определенности под влиянием других монад. Каждая монада представляет собой некий мир сам по себе, при этом, однако, отражает весь мировой порядок в себе. Единственное отношение, которое между монадами существует, – это «гармония».

Вопрос гармонии – важнейший в философии Лейбница. Она является неким внутренним порядком всего мира монад и представляет собой принцип, преодолевающий изолированность монад.

Следующая характерная черта монад заключается в том, что каждая монада имеет собственную определенность (является носителем определенных качеств), которой она отличается от всех остальных. В этой связи Лейбниц формулирует и свой известный принцип тождества. Если бы две монады были полностью одинаковы, они были бы тождественны, т.е. неразличимы.

По степени развития он различает монады трех видов. Низшая форма, или монады низжайшей степени характеризуется «перцепцией» (пассивной способностью восприятия). Они способны образовывать неясные представления. Монады высшей степени уже способны иметь ощущения и опирающиеся на них более ясные представления. Эти монады Лейбниц определяет как монады-души. Монады наибольшей степени развития способны к апперцепции (наделены сознанием). Их Лейбниц определяет как монады-духи.

Монады сами не имеют никаких пространственных (или каких-либо физических) характеристик, они, таким образом, не являются чувственно постижимыми. Мы можем их постичь лишь разумом. Чувственно воспринимаемые тела, т.е. соединения монад, различаются согласно тому, из каких монад они состоят. Тела, содержащие лишь монады низшей степени развития (т.е. тела, в которых не содержатся монады, способные к сознанию или ощущениям), – это тела физические (т.е. предметы неживой природы). Тела, в которых монады способны к ощущениям и представлениям (содержат монады-души), являются биологическими объектами. Человек представляет собой такую совокупность монад, в которой организующую роль играют монады, наделенные сознанием. Образование совокупностей монад не является случайным. Оно определено «предустановленной гармонией». При этом, однако, в каждой из монад потенциально заключена возможность развития. Этим Лейбниц объясняет тот факт, что все монады постоянно изменяются, развиваются и при этом их развитие не «подвержено влиянию извне».

В этой связи Лейбниц различает два основных типа причин развития. Причины, вызывающие изменения в телах (соединения монад), он определяет как причины «действующие». Действие этих причин понимается в духе механистического детерминизма. Причины, которые определяют развитие отдельных монад, т.е. внутренние причины их развития, он определяет как «целевые» или «финальные» причины (*causa finalis*).

Развитие, которое Лейбниц считает универсальным (оно присуще не только отдельным монадам и их соединениям, но и всему бесконечному множеству монад), характеризуется бесконечным процессом постепенных изменений, при которых не происходит возникновения или гибели в собственном смысле слова. Качественные изменения в развитии Лейбниц объясняет различной степенью развития монад. Каждая из монад содержит в себе как все свое будущее, так и все свое прошлое.

Понятие «развитие» у Лейбница, собственно, первая идея универсальности развития в философии Нового времени. Источником движения и развития является каждая монада. Каждая монада наделена «активной силой». В этом направлении Лейбниц через телеологию приближается к принципу неразрывного (универсального, абсолютного) единства материи и движения.

С основными идеями монадологии связана и теория познания Лейбница. В ней он во многом близок Декарту, хотя и резко критикует его теорию врожденных идей. Он отвергает идею, согласно которой существует заранее данное, врожденное понятие, или идея как таковая. Разум, по Лейбницу, располагает лишь врожденными принципами, т.е. тенденциями или зародышами, обладающими способностью развиваться до осознания идей. Так Лейбниц вносит в главные принципы своей теории познания момент развития.

Отношение Лейбница к основным идеям сенсуалистской концепции познания более внимательное и осторожное, чем, например, отношение к ней Спинозы. Он не отвергает чувственного познания или роли опыта в процессе познания. Он принимает главный тезис сенсуализма «ничего нет в разуме, что не прошло бы раньше через чувства», но он дополняет его следующим положением – «кроме самого разума», т.е. врожденных способностей к мышлению и образованию понятий или идей.

Чувственное познание выступает, таким образом, как определенная низшая ступень или предпосылка рационального познания. Разумное, рациональное познание раскрывает действительное, необходимое и существенное в мире, тогда как чувственное познание постигает лишь случайное и эмпирическое.

С этим решением проблемы взаимосвязи чувственного и рационального тесно связана и концепция двух ступеней истины Лейбница. Чувственное познание (как низкая ступень) может дать лишь «истины факта», истины эмпирические. Заключение, которые вытекают из этих знаний, также имеют эмпирический характер. Эти истины всегда касаются лишь единичных явлений и событий. Рациональное познание же, напротив, дает истины общие и необходимые. Здесь необходимость Лейбниц понимает в логическом смысле слова. Этот вид истины не может быть установлен на основании чувственного познания или индукции.

В различении двух плоскостей истины Лейбниц в значительной мере постигает проблематику истины факта и истины аналитической так, как ее понимает современная логика.

Контрольные вопросы

1. Каковы особенности развития психологии в Новое время и в эпоху Просвещения?
2. Каковы основные положения философской теории Фрэнсиса Бэкона и в чем заключается ее значение для психологии?
3. Как Декарт объяснял взаимодействие души и тела?
4. В чем суть учения Декарта о теле? Как он объяснял движения тела и поведение животных?
5. В чем суть рационализма Декарта?
6. В чем суть учения Декарта о страстях?
7. В чем заключается учения Спинозы об аффектах?
8. Каковы представления о психике и сознании у Лейбница и в чем их значение для психологии?
9. В чем суть и значение эмпирической психологии Томаса Гоббса?
10. Какое значение Локк придавал опыту?
11. Как Джон Локк понимал ассоциации и идеи?

Тема 6. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Джордж Беркли (1868–1753 гг.) родился и поучил образование в Ирландии. В 24 года был посвящен в сан дьякона англиканской церкви. Он много путешествовал по Европе, переменил множество различных занятий, включая преподавание в Тринити колледж в Дублине. Однажды на званом обеде он разговорился с некой дамой. Спустя некоторое время дама преподнесла ему в дар весьма значительную сумму денег, что позволило Беркли в итоге обрести финансовую независимость. Уезжая, он подарил свой дом и библиотеку Йельскому университету. В последние годы жизни он занимал пост епископа г. Клойна.

Дж. Беркли полностью принимал тезис Локка о том, что все наши знания о внешнем мире происходят из опыта, но отвергал различие первичных и вторичных качеств. Он утверждал: «esse est percipi», что в переводе с латинского «быть – значит быть в восприятии». Нам недоступны истинные характеристики внешнего, объективного мира, поскольку все, что мы о нем можем знать, – это наше восприятие. Но поскольку восприятие – внутренние ощущения человека и потому субъективны, они не могут с достоверностью считаться отражением внешнего, объективного мира.

Беркли не утверждал, что физические объекты в действительности существуют только в то время, когда их кто-либо воспринимает. Его позиция состоит в следующем: поскольку весь наш опыт существует внутри нас и неотделим от ощущений, то у нас нет достаточно надежного доступа к объективным характеристикам предметов внешнего мира. Мы можем с достоверностью полагаться только на собственные ощущения.

Беркли признавал, что некоторые впечатления обладают определенной независимостью, стабильностью и согласованностью, поэтому ему необходимо было найти объясняющий это обстоятельство фактор. Выход был найден при помощи введения в предложенную схему понятия Бога (поскольку Беркли был все же священником). Бог воспринимает все, что происходит в мире.

Для объяснения процесса познания Беркли использовал теорию ассоциаций. Наши знания преимущественным образом есть сочетания взаимосвязанных простых идей, отдельных психических элементов. То есть сложные представления представляют собой комбинации ряда простых, возникающих благодаря имеющимся у нас органам чувств. Наше сознание конструирует сложное восприятие, соединяя между собой базовые психические строительные блоки – простые представления.

Беркли использует идею ассоциаций для объяснения так называемого глубинного, пространственного зрения. Он исследует то, каким образом мы воспринимаем третье измерение, если принять во внимание, что человеческий глаз способен воспринимать только два измерения. С его точки зрения, мы воспринимаем трехмерные изображения благодаря предшествующему опыту, проводя ассоциации данного ощущения с другими зрительными ощущениями, которые мы имели прежде, рассматривая этот предмет с различных расстояний. Таким образом, по Беркли, трехмерное восприятие объекта – не элементарное восприятие, а ассоциативное и многоплановое, которое усваивается нами в процессе научения.

Давид Юм (1711–1776 гг.) – известный шотландский философ и историк, получил образование в университете г. Эдинбурга. Однако ему не довелось закончить полный курс. Он попробовал себя в коммерции, но скоро обнаружил, что это дело не для него. В итоге он отправился во Францию изучать философию. После этого Юм вновь вернулся в Англию, где вскоре приобрел известность и славу как литератор. Его наиболее значительной работой в области психологии считается «Трактат о природе человека» (*A Treatise of Human Nature*, 1739 г.). В своей жизни он также побывал государственным чиновником, адвокатом в военной экспедиции и наставником страдающего лунатизмом отпрыска одного благородного семейства.

Юм разделял представления Локка об объединении ряда простых идей в сложные, однако подверг существенному пересмотру его теорию ассоциаций. Он был согласен с Беркли в том, что материальный мир не существует для индивида до тех пор, пока он не доступен наблюдению. Все знания о «внешнем мире» основываются только на наших представлениях и, следовательно, носят опосредованный характер, мы в принципе не можем с уверенностью сказать, существует ли на самом деле «внешний мир» или нет. Возможно, он существует, а возможно, и нет, однако у нас нет оснований утверждать что-либо определенное.

Юм проводил различие между впечатлениями и «идеями». Впечатления являются базовыми психическими элементами, в современной терминологии – это ощущения или восприятие. Идеи же, появляющиеся у человека в связи с пережитыми ощущениями, – это мысленные переживания, возникающие в отсутствие стимуляции от внешних объектов, в современной терминологии – это воображение.

Впечатления отличаются от идей не по источнику возникновения, а по своей относительной силе. Впечатления представляют собой более сильные и яркие образования, в то время как идеи – просто слабые копии впечатлений. И те и другие психические элементы могут быть как простыми, так и сложными. Простые идеи сходны с простыми впечатлениями. Сложные идеи не обязательно должны иметь сходство с какой-либо простой идеей, поскольку в ходе объединения нескольких простых составляющих благодаря ассоциациям могут возникнуть совершенно новые комбинации.

Юм выявил два закона ассоциации: закон сходства, или подобия, и закон смежности, или ассоциации, во времени и пространстве. Чем более сходны идеи друг с другом, чем более они близки в пространстве и времени, тем с большей вероятностью между ними образуется ассоциативная связь.

В целом позиция Юма близка к механистическому взгляду на мир и продолжает линию эмпиризма и ассоцианизма. По мнению Юма, законы ассоциации представляют собой некий психический аналог закона тяготения в физике.

Давид Гартли (1705–1757 гг.) – сын министра, первоначально готовил себя к церковной карьере. Но из-за разногласий с господствующей доктриной он обратился к медицине. Гартли прожил тихую, лишенную громких событий жизнь врача. Свой досуг он посвящал занятиям философией. В 1749 году он опубликовал работу под названием «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» (*Observations on Man. His Frame, His Duty, and His Expectations*). Это произведение Гартли многие ученые считают первым систематическим исследованием по проблеме ассоциаций.

Как и многие другие философы до него, Гартли воспринимал мир с механистических позиций. Однако в одном отношении он превзошел прочих эмпириков и ассоцианистов. Он не только пытался объяснить психологические процессы, руководствуясь механистическими принципами, но и старался раскрыть лежащие в основе физиологические процессы.

Одной из основных характеристик любого импульса в физическом мире являются его волновые свойства, вибрации. Гартли применил эту идею к пониманию функционирования мозга и нервной системы в целом. Можно сказать, что в своих работах он предвосхитил многие идеи современной нейропсихологии. Посредством вибрации импульсы передаются по нервам (Гартли считал их цельными структурами, а не полыми трубками, как Декарт) из одной части тела в другие. Эти вибрации порождают малые колебания в мозге. С точки зрения Гартли, мозговые вибрации и являются физиологической основой появления идей у человека.

Он был согласен с Локком в том, что все наши знания происходят из опыта, – врожденных ассоциаций нет, как нет и знаний, которыми человек обладает от рождения. По мере взросления человека и накопления многообразных чувственных впечатлений появляются все более сложные психические связи между его идеями, все множатся ассоциации. В зрелости человек достигает высшего уровня развития умственной деятельности. Однако высшие мозговые функции, такие как мышление, вынесение суждений и умозаключений, при помощи анализа могут быть сведены к набору элементарных ощущений. Именно Гартли первым попытался дать систематическое объяснение всем видам умственной деятельности на основе теории ассоциаций.

Джемс Милль (1773–1836 гг.) получил образование в университете г. Эдинбурга в Шотландии. В течение непродолжительного времени он служил священником. Обнаружив, что никто из прихожан не понимает его проповедей, он оставил службу в церкви и попробовал себя в качестве писателя. Над одной из своих наиболее популярных работ под названием «История Британской Индии» (*History of British India*) он трудился в течение одиннадцати лет. Наибольший интерес для истории психологии представляет его книга «Анализ феноменов человеческого ума» (*Analysis of the Phenomena of the Human Mind*, 1829 г.).

Джемс Милль применил механистическую доктрину к пониманию умственной деятельности человека с редкой прямоотой и последовательностью. Человеческий ум есть не более чем машина – он функционирует точно так же, как часовой механизм. Он приводится в действие внешними физическими силами, а затем функционирует под воздействием внутренних физических сил. По мне-

нию Джемса Милля, ум есть некая пассивная структура, приводимая в движение только внешними стимулами. В ответ на эти стимулы человек реагирует автоматически. То есть, по словам Милля, мы вообще не обладаем способностью действовать спонтанно. Понятно, что в такой концепции свободной воле попросту нет места.

По его мнению, единственными психическими элементами являются ощущения и идеи. Познание начинается с ощущений, затем через процессы ассоциации образуются сложные идеи все более высокого уровня. Ассоциации же зависят от смежности понятий и их согласованности и могут носить одновременный или последовательный характер.

По убеждению Милля, ум человека не обладает никакими творческими функциями: ассоциации – это процесс автоматический, пассивный. Те ощущения, которые встречаются вместе в определенном порядке, в том же порядке будут воспроизведены и в идеях. Возникающие в результате подобных механических ассоциаций идеи есть не что иное, как сумма некоторых индивидуальных психических элементов.

Джон Стюарт Милль (1806–1873 гг.) вполне мог бы подписаться под заявлением Локка о том, что ум ребенка при рождении представляет собой чистый лист бумаги, на котором жизненный опыт запечатлевает свои письмена. Когда у него родился сын Джон, Милль поклялся, что он сам решит, какие именно впечатления наполнят ум ребенка. В итоге он создал одну из самых суровых систем домашнего воспитания. Каждый день в 5 часов утра он лично занимался с сыном греческим, латынью, алгеброй, геометрией, логикой, историей и политической экономией, донимая юного Джона вопросами до тех пор, пока тот не давал на все вопросы правильные ответы.

В возрасте трех лет Джон уже читал Платона в оригинале, в 11 он написал свою первую научную работу, а в 12 лет – уже завершил стандартный университетский курс. В 18 лет он называл сам себя «логической машиной», а в 21 – испытал тяжелейший депрессивный срыв. Он так описывает свое состояние в то время: «Я постоянно находился в унылом состоянии духа <...> Мне казалось, что жить совершенно незачем». Для того чтобы справиться с недугом и восстановить чувство собственной значимости, ему потребовалось несколько лет.

Джон Стюарт Милль подверг критике позицию своего отца, Джемса Милля, по вопросу о пассивности человеческого ума, действующего под влиянием только внешних стимулов. По Джону Стюарту Миллю, ум играет активную роль в выработке ассоциативных идей. Сложные идеи не есть просто результат суммирования нескольких простых идей. В ходе процесса ассоциирования возникают новые качества, отсутствующие у составных элементов. Например, если смешать между собой синий, красный и зеленый цвет в надлежащей пропорции, то в конце концов вы получите белый цвет – совершенно новое, отличное от исходного, качество.

Несомненным вкладом Милля в развитие психологии является то, что он отстаивал возможность научного познания в психологии. Милль опубликовал работу под названием «Порабощение женщины». Он был возмущен тем, что женщины не имели финансовых и иных прав собственности и сравнивал их положение с положением других ущемленных групп. Он осуждал те представления, по которым женщина должна подчиняться сексуальным требованиям своего супруга вне зависимости от собственных желаний, даже против своей воли. Также

Милль осуждал запрещение разводов на основании сексуальной несовместимости. С его точки зрения, брак в большей степени представляет собой партнерство между равными участниками, нежели отношения раба и господина.

Контрольные вопросы

1. Какие основные теории и учения разрабатывались в ассоциативной психологии в Англии?
2. Как понимал природу сознания Джордж Беркли?
3. Сравните идеи Джона Локка с идеями Давида Юма и Давида Гартли.
4. В чем отличие теорий Джеймса Милля и его сына Джона Стюарта Милля?

Тема 7. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

В XVIII в. во Франции движение Просвещения получило широкий резонанс в общественно-политических и научных кругах. В этот период во Франции впервые вышло издание 35-томной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780 гг.), где освещались новейшие достижения человеческого знания и, в частности, с материалистических позиций излагались и вопросы психологии, вокруг которой и объединилось движение сенсуалистов, называвших себя энциклопедистами. Французские сенсуалисты выступали против любых учений, рассматривающих человека и природу как субъектов, на которые могут влиять некие силы, не выводимые из опыта и разума.

В эпоху Просвещения активно развивалась и французская эмпирическая психология, отличительными чертами которой стали внимание к проблемам активности человеческого сознания и зависимость ее от общественных условий. Основателями и вдохновителями французской эмпирической психологии явились такие крупнейшие мыслители Просвещения, как Ж. Ламетри, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах, Ф. Вольтер, Э. Кондильяк, Ш.Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Век Просвещения во Франции рассматривал человека как величайшее создание природы, имеющее безграничные возможности совершенствования.

Ответственность за наличие или отсутствие тех или иных качеств и способностей у человека возлагалась исключительно на противоестественные внешние обстоятельства, а не на ее греховную сущность, которая естественным образом отрицалась. На основе такого подхода к природе человека «энциклопедисты» видели главную практическую задачу в утверждении решающей роли воспитания и законов в формировании человека.

В эпоху Просвещения развитие психологической мысли и изучение сознания шло в двух направлениях. В первом направлении, представителями которого являются Кондильяк, Ламетри, Кабанис, психика определялась как функция высоко-организованной материи – головного мозга, что способствовало экспериментальному изучению тех явлений, которые ранее определялись как создания души, имеющей бестелесную, божественную природу. Второе направление, представленное теориями Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, представляло индивидуальную психику как результат влияния социальных условий, нравов и обычаев, духовного мира людей, которыми движет собственная энергия культурного творчества.

Теории французских материалистов эпохи Просвещения оказали существенное влияние и подготовили почву для дальнейшего развития психологии, физиологии, нейрофизиологии и других наук о природе человека. В своих тео-

риях они утвердили принцип целостности человека, выразившийся в нераздельности психических явлений и мозга, который их производит, а также они отстаивали нераздельную связь человека с социальной и культурной средой. В учениях французских материалистов впервые среда и наследственность рассматривались как основные факторы, определяющие психическое развитие ребенка и влияющие на формирование всех его способностей.

Французский сенсуализм провозгласил чувственный опыт единственным источником и гарантом рационального знания об окружающем мире и доказал, что эмпирическое изучение связей внутри психики, а не умозрительные теоретизирования по этому поводу является единственно верным источником получения научного знания. Таким образом, энциклопедисты подготовили почву для движения научной мысли следующего столетия в новом, практическом направлении.

Французский философ **Этьен Бонно де Кондильяк** (1715–1780 гг.), зарекомендовав себя крайним сенсуалистом, отверг разделение Локка на два источника опыта, признавая лишь один – ощущение. Он поставил задачу объяснить происхождение самих психических процессов – ощущений. В «Трактате об ощущениях» он выводит все психические способности из обоняния, используя для этого образ статуи и наделяя ее схожей с человеком внутренней организацией, не обладающей какими-либо врожденными идеями и не способной пользоваться своими чувствами, но имеющей только лишь обоняние, которое и является основой всех идей и психических способностей, включая внимание, память, сравнение, рассуждение, потребности, воображение, волю. Кондильяк представил следующую схему формирования всех психических способностей через первичность обоняния.

1. Вначале возникает ощущение запаха и, неоднократно повторяясь, трактуется как опыт, который включает в работу память. Внимание определяется Кондильяком как ощущение исходя из силы возникающих ощущений, т.е. оно появляется при определенном, более сильном по сравнению с другими ощущениями. С возникновением памяти формируются два ощущения – прошлое и наличное.

2. Следующий этап – суждение – также имеет в своей основе ощущение, так как внимание по отношению к двум ощущениям дает сравнение, результатом которого является выяснение отношений между двумя идеями. Отсюда возникает вывод о том, что суждение есть видоизмененное ощущение.

3. На основе обоняния как первичной функции психики человека Кондильяк выводит и его потребности, которые вторичны, так как являются результатом познания. Потребность возникает на основе сравнения двух ощущений – удовольствия и неудовольствия, которые тесно взаимосвязаны: без познания второго невозможно понимание первого. Однако понять разницу между ними человек может только сравнив их, а сравнение есть результат ощущения.

4. Далее на основе потребности возникает воображение, задача которого сводится к восстановлению образа, соответствующего потребности.

5. На основе потребности создаются также воля и желание.

6. Взаимодействие организма со средой также осуществляется с помощью ощущения, которым на этот раз является осязание. Именно через силу воздействия организма на предмет или, наоборот, предмета на организм вначале появляется внутреннее проживание этого воздействия, т. е. внутреннее ощущение, а

затем с помощью проекции этих внутренних ощущений появляются понимание и осмысление этого предмета как части окружающей среды.

Понимание Кондильяком мышления опирается на позиции материалистического сенсуализма и не делает различия между мышлением и ощущением. Более того, мышление не только основывается на ощущении, но представляет собой разновидность самого ощущения.

Жюльен Ламетри (1709–1751 гг.) был противником дуализма Декарта и наделял материю всеми основными способностями: протяженностью, способностью к движению, ощущению и мышлению. В понимании психики Ламетри использовал механистический подход, предложив для определения сущности человеческой природы некий образ «человека-машины». Он считал, что душа не является какой-то особой субстанцией, внутри которой сосредоточены все способности человека, а ее свойства обусловлены своеобразной организацией мозговой ткани. Исходя из механистической трактовки человеческой природы, Ламетри отрицал факт божественности души и ее способность регулировать все психическое бытие человека, и доказывал, что человеческий организм в целом и психические способности в частности являются продуктами его машиноподобных действий. Таким образом, природа души понимается с материалистических позиций: она не наделена божественной силой, а является лишь одной из составляющих мозга.

Ламетри также развивал идеи о зависимости душевных способностей от телесной организации и разделял мнение Локка о том, что только опыт и наблюдения являются источником познания. Сенсуалистическая направленность его взглядов сказалась и на понимании чувственного начала и мышления, которые в его понимании не отделяются друг от друга. Познание, по Ламетри, обеспечивается благодаря двум функциям – воображению, которое, опираясь на ощущения, строит в сознании человека определенные образы, и вниманию, задачей которого является внесение в процесс построения образов активности, волевого начала.

Потребности, по Ламетри, являются очень важной стороной душевной жизни, так как обеспечивают наличие ума у человека и формируют его поведение. По Ламетри, потребности и ум прямо пропорциональны, и они же являются основой его природного существования. То есть важность придается именно удовлетворению органических и телесных потребностей, которые составляют основу счастья и благополучия большинства людей. При этом существуют и высшие удовольствия, которые производны от чувственных и доступны немногим людям.

Такое натуралистическое понимание потребностей и, более того, провозглашение их как основы счастья шло вразрез с общепринятой идеологией христианского аскетизма и отрицания чувственной природы человека, что, безусловно, не могло не сказаться на дальнейшем расшатывании старых устоев и укреплении новых буржуазных тенденций. Также это понимание человеческих потребностей впоследствии нашло свое отражение в современных концепциях мотивации, в частности в теории А. Маслоу.

Важным в понимании Ламетри природы человека является его указание на преимущество в развитии от животных к человеку, что создает предпосылки возникновения антибожественных представлений о природе человека и отрицании Бога как творца. В противоположность Декарту он считал, что животные также способны чувствовать, но человека от животного отличает, во-первых, иная внутренняя организация, благодаря которой он стоит на высшей ступени

развития природы, а во-вторых, социальные условия развития, т. е. образование и воспитание. При этом процесс воспитания он трактует механистически.

Клод Адриан Гельвеций (1715–1771 гг.) поставил своей задачей выявление причин различий в умах людей. Теория Гельвеция имеет следующие положения относительно этих различий, логически подводящие его к ответу на поставленный вопрос.

1. Способность к ощущению и сохранению этих ощущений, т. е. к памяти, является у человека врожденной.

2. Ощущения являются базой для всех остальных человеческих способностей, включая интеллектуальные, или умственные, например сравнение и суждение.

3. Внимание является основой для выполнения любых умственных операций, так как обуславливает сравнение идей.

4. Внимание основано на усилении, которое, в свою очередь, обусловлено интересом, заинтересованностью человека в чем-либо.

5. Интерес является движущей силой и формирует стремление человека к счастью, которое определяется как физическое удовольствие. Таким образом, понимание счастья у Гельвеция схоже с пониманием потребностей у Ламетри.

6. Физические потребности обуславливают и определяют все человеческие, поступки, действия и мысли, а также некоторые эмоции, например дружбы и любви.

7. Исходя из первого положения о первичности и врожденном характере способности к ощущению, которая реализуется благодаря работе органов чувств, Гельвеций ставит вопрос о том, что качество и совершенство этих органов и определяет различия между людьми и их мышлением, но сам же и отрицает правомерность этого утверждения.

8. Это отрицание основано на опытном заключении о том, что люди имеют одинаковый изначальный уровень способностей к восприятию ощущений.

9. Неравенство умов не заключается и в различиях культуры, географии, национальностей, пищи и темперамента. То есть объективные внешние факторы также не влияют на интересующие нас различия.

10. Исходя из того что причиной различий не могут быть ни врожденные феномены, т. е. ощущения, ни объективная окружающая среда, есть что-то субъективно приобретенное, и именно оно и обуславливает эти различия.

11. Субъективно приобретенным феноменом человеческой психики Гельвеций считал, во-первых, страсти, которые и являются движущей силой мышления, и, во-вторых, случайные необъективно происходящие внешние воздействия, иначе говоря, случай.

12. Страстью, побуждающей человека к действию, т.е. развитию своих мыслительных способностей, является стремление к славе. При этом страсть есть продукт и результат воспитания и, более того, является сублимацией физического наслаждения.

13. Таким образом, воспитание и случай есть две причины различия в умственных способностях у разных людей.

Историческое значение теории Гельвеция об индивидуальных различиях умственных способностей заключается в том, что он обнаружил решающее влияние воспитания на процесс формирования личности ребенка, что впослед-

ствии нашло свое отражение во многих современных теориях развития и воспитания.

Жан Жак Руссо (1712–1778 гг.), выдающийся мыслитель, философ, писатель, создал первую в истории психологии целостную систему воспитания и развития ребенка, сведя в своем сочинении «Эмил, или О воспитании» все существующие до этого взгляды на эту проблему.

Руссо считал, что культура и цивилизация оказали негативное воздействие на человека, изначально доброго, способного к состраданию и любви. На основе такого понимания природы человека Руссо считал, что для создания гармоничной целостной личности необходимо следовать за природой, но не подражать ей внешне, а обращать внимание на естественное развитие ребенка.

В своей теории Руссо выдвигал и научно обосновывал следующие принципы развития и воспитания ребенка. Во-первых, всегда необходимо учитывать индивидуальные различия ребенка, и взрослый воспитатель должен знать особенности развития каждого ребенка, с тем чтобы адекватно применять это знание в процессе воспитания. Во-вторых, помимо индивидуальных различий, существуют и общие для всех детей особенности, связанные с тем или иным возрастным этапом, и эти особенности также должны быть хорошо известны воспитателю, выполняющему свою главную задачу – формирование личности ребенка. На основе этого утверждения Руссо создал первую возрастную периодизацию, включающую в себя четыре этапа.

Первый этап длится с рождения до 2 лет, главной задачей здесь является физическое развитие ребенка, так как в это время речь еще не развита, а следовательно, нет необходимости заниматься умственным воспитанием.

Второй этап, длящийся 10 лет – с 2 до 12 лет, должен быть посвящен развитию сенсорных способностей ребенка, в первую очередь развитию способности к ощущению, так как именно ощущение является основой формирования у ребенка мышления. В связи с этим Руссо считал, что систематическое обучение может быть успешным только в случае сформированности у ребенка способности к ощущению и поэтому не должно начинаться ранее 12 лет.

Третий период – с 12 до 15 лет – необходимо посвятить обучению ребенка, так как основа мышления – ощущение – уже сформирована, и поэтому ребенок способен воспринимать и усваивать полученные знания. Но важно помнить, что в этот период у ребенка еще не сформированы моральные и этические нормы и чувства, поэтому знания, получаемые им, должны иметь отношение только к естественным и точным наукам, а не гуманитарным.

Четвертый период, длящийся от 15 лет до совершеннолетия, является основой для закладывания главных ценностей, норм и понятий, так как в этот период у ребенка начинает активно формироваться чувственная сфера, что обусловлено накоплением определенного жизненного опыта. Важнейшей задачей для воспитателя в этот период является формирование правильных, добрых чувств и суждений, а также способности к волевому действию.

Историческое значение теории Руссо заключается в том, что в ней впервые была произведена попытка с научной точки зрения объяснить психическую природу ребенка и была дана первая в истории психологии возрастная периодизация психического развития. И хотя теория Руссо не учитывала многих факторов, влияющих на становление личности ребенка, она явилась основой для дальнейших разработок в области возрастной психологии.

Дени Дидро (1713–1784 гг.), полемизируя с Гельвецием по вопросу природы человеческих способностей, отрицал решающее влияние случая на их формирование. Он определял случай как условие, но не ведущую причину, а результат формирования тех или иных способностей зависит в первую очередь от возможностей самого человека, которые есть продукт естественной истории его развития. Таким образом, Дидро стремится к рассмотрению психики человека в широком биолого-историческом контексте.

Учение французского врача – философа **Пьера Кабаниса** (1757–1808 гг.), исследовавшего опытным путем функции человеческого мозга, является завершающим этапом в развитии французского материализма. Кабанис через наблюдение за приговоренными к смертной казни людьми и их поведением сделал вывод о том, что мышление неразрывно связано с мозгом и является его функцией. Эта связь представляется как процесс выработки мысли – единицы мышления – мозгом, подобно выработке желчи печенью. В объяснении и происхождении всех человеческих способностей, характеров и нравов Кабанис также опирался на физиологические основы природы человека.

Контрольные вопросы

1. Общая характеристика психологии эпохи Просвещения.
2. В чем суть психологических идей Э. Кондильяка, Ж. Ламетри, П. Кабаниса.
3. В чем суть психологических идей К. Гельвеция, Д. Дидро.
4. В чем суть теории воспитания Ж.-Ж. Руссо.
5. Объясните суть такого явления как «энциклопедизм».

Тема 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Немецкая классическая философия представляет собой определенный период в развитии немецкой философской мысли – с середины XVIII в. до середины XIX в. Традиционно к этому течению относят философские учения Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Немецкая классическая философия – это высшее, завершающее звено в развитии философского рационализма. При всем разнообразии идей и концепций, немецкая классическая философия представляет собой преемственный ряд систем философского идеализма, органически связанных между собой, что позволяет говорить о ней, как об относительно целостном, едином, духовном образовании. Немецкая классическая философия обогатила духовную мысль новым способом философствования, сосредоточившись главным образом на гносеологической проблематике. Немецкая классическая философия – это еще и критическая философия, осознающая диапазон познавательных сил и подвергающая все и вся суду разума. Немецкая классическая философия явилась значительным этапом в истории мировой философской мысли, оказав чрезвычайно важное и глубокое воздействие на духовную историю человечества.

8.1. Антропология И. Канта

Иммануил Кант (1724–1804 гг.) – немецкий философ, с работ которого начинается немецкая классическая философия. Вся жизнь Канта была связана с Кенигсбергом, где он родился, учился, работал и был похоронен. В интеллектуальной биографии Канта выделяют два периода: докритический и критический. В докритический период (до 1770 года) Кант выступал прежде всего, как крупный ученый, в центре интересов которого находились вопросы философии природы и особенно космологии – происхождение и развитие Солнечной системы, история Земли. Основное сочинение этого периода – «Всеобщая естественная история и теория неба».

Но специфическая кантовская философия, заложившая основы всей немецкой классической философии, сформировалась в так называемый критический период, после опубликования им трех работ: «Критики чистого разума» (1781 г.), «Критики практического разума» (1788 г.), «Критики способности суждения» (1790 г.). Этот период называется докритическим, потому что Кант исходит из следующего требования: каждое философское исследование надо основывать на

критике познавательных способностей человека и тех границ, до которых простирается само знание.

Кант осуществил коренной переворот в постановке и решении философских проблем. По Канту, разработке любой философской проблемы должна предшествовать гносеология, или критическое исследование познавательных способностей, на которые опираются все отрасли философии. Проблема гносеологии была центральной в философии Нового Времени (Спиноза, Локк, Бэкон, Декарт, Беркли, Юм). Однако в основной проблеме гносеологии – взаимодействии субъекта и объекта – докантовская философия акцентировала внимание на анализе объекта познания. Кант делает предметом философии специфику познающего субъекта, который определяет способ познания и контролирует предмет знания. Кант ставит задачу: установить различие между субъективными и объективными элементами знания в самом субъекте, в его различных уровнях и структурах. Кант переосмысливает само понятие субъекта и впервые ставит вопрос о всеобщности объекта. В самом субъекте Кант различает два уровня познания: эмпирический (опытный) и априорный (до-опытный). Всякое знание начинается с опыта и передается органами чувств, но тем не менее не сводится к нему. Часть наших знаний порождается самой познавательной способностью, носит априорный характер. Кантовский априоризм отличается от учения о врожденных идеях, так как по Канту доопытны только формы знания, содержание же целиком поступает из опыта; с другой стороны сами доопытные формы имеют свою историю.

Далее Кант проводит различие между аналитическими и синтетическими суждениями. Первые носят поясняющий характер, вторые расширяют наши знания.

Главным вопросом «Критики чистого разума» является следующее: как возникает новое знание вне опыта, т.е. как возможны априорные, не зависящие от опыта синтетические суждения. Это главный вопрос распадается на три вопроса:

- Как возможна математика?
- Как возможно естествознание?
- Как возможна метафизика в качестве науки?

Отсюда три основных раздела, в которых Кант исследует познавательные способности с точки зрения их априорных форм: трансцендентальная эстетика (чувственность), трансцендентальная аналитика (рассудок), трансцендентальная диалектика (разум). Трансцендентальной Кант называет свою философию потому, что она изучает переход в систему знаний.

Опытные данные, поступающие извне, не дают нам адекватного знания об окружающем нас мире. Априорные формы обеспечивают всеобщность знания, но не делают его отражением, копией вещей. То, чем вещь является для нас (феномен), принципиально отличается от того, что она представляет сама по себе (ноумен). Кант утверждал, что ноумены не доступны никакому познанию, трансцендентны. Сколько бы мы не проникали в глубь явлений, наше знание все же не будет знанием вещей, каковы они на самом деле. Но отсюда не вытекает то, что познание невозможно. Напротив, Кант верил в прогресс знания, в расширение границ опыта. Но сколько бы не увеличивались наши знания, эти границы не могут исчезнуть. Истина – это процесс все более глубокого постижения мира, движение от незнания к знанию, движение, которое не может прекратиться, ибо мир неисчерпаем. Здесь Кант выступает, с одной стороны, против агностициз-

ма – учения о непознаваемости мира, с другой стороны, против претензии науки на абсолютное знание.

Априорные формы имеют двойственный характер: к ним относятся априорные формы чувственности (пространство и время), а также логические категории (количество, качество, отношение, модальность).

Пространство и время, по Канту, не формы бытия вещей, а субъективные формы чувственности, изначально присущие человеку. Пространство – априорная форма внешнего созерцания, время – внутреннее созерцание.

Математика как наука возможна на основе функционирования пространства (геометрия) и времени (арифметика). Априорные формы чувственности создают предпосылки достоверности математического знания, придают объективную значимость идеальным математическим конструкциям.

В трансцендентальной аналитике Кант отвечает на вопрос о возможности априорных синтетических суждений в естествознании, которые представляют собой синтез чувственности и рассудка.

Синтезирующая деятельность познания начинается уже на уровне чувства. Это «схватывание» представлений, сведение многообразного содержания в единый образ. Далее – «репродукция» – воспроизведение представлений в памяти и, наконец, «апперцепция» – узнавание, установление тождества воспроизведенных представлений с явлениями, благодаря которым они даны. Все три эти синтеза осуществляются с помощью воображения. Кант пишет: «у нас есть чистое воображение как одна из основных способностей человеческой души, лежащая в основании всякого априорного познания».

Компонентами синтеза чувственности и рассудка являются категории. Они проникают в чувственность, делая ее осмысленной, подлинно человеческой. По Канту категории априорны, созданы нами самими в ходе развития чистого разума. В соответствии с четырьмя различными видами суждений у Канта возникает следующая таблица категорий:

1. Категории количества – единство, множество, всеполнота.
2. Категории качества – реальность, отрицание, ограничение.
3. Категории отношения – субстанция, причинность, взаимность.
4. Категории модальности – возможность, бытие, необходимость.

Категории – предельно общие понятия. Только потому, что они существуют, возможно «чистое» естествознание.

Категории имеют независимый от индивидуального сознания необходимый и всеобщий характер. Поэтому знание, основанное на них, приобретает объективный характер.

Таким образом, теорию познания Канта можно представить следующим образом: существуют «вещи в себе». Эти вещи действуют на органы чувств человека, порождая многообразные ощущения. Такие ощущения упорядочиваются априорными формами чувственности – пространством и временем, т.е. располагаются в традиционном измерении и фиксируются как длительность. На основе этих преобразований формируются восприятия, которые носят субъективный и индивидуальный характер. Деятельность рассудка на основе логических категорий придает этим восприятиям всеобщий характер. Таким образом, вещь становится достоянием сознания субъекта, и Кант называет это явлением или феноменом. Кант считал, что человек может знать только явление.

Кроме чувственности и рассудка Кант выделяет еще одну сферу интеллектуальной деятельности, высшую ее степень – разум. Разум – это высшая контрольная и направляющая способность субъекта. Разум оперирует идеями. Идеи, по Канту, это представление о цели, к которой стремится наше познание, о задачах, которые оно перед собой ставит. Идеи разума выполняют регулирующую функцию в познании, побуждая рассудок к деятельности. Побуждаемый разумом, рассудок стремится к абсолютному знанию, стремится проникнуть в суть вещей, и неизбежно наталкивается на противоречия – антиномии.

Антиномии – это исключаящие друг друга равно доказуемые суждения; к ним с неизбежностью приходит разум, пытающийся охватить мир в целом. В соответствии с четырехступенчатой таблицей категорий перед разумом возникает четыре космологические идеи, где тезис и антитезис существуют на равных основаниях:

1. Тезис: мир имеет начало во времени и пространстве. Антитезис: мир во времени и пространстве безграничен.

2. Тезис: все в мире состоит из простого. Антитезис: нет ничего простого, все сложно.

3. Тезис: в мире существует причинность через свободу. Антитезис: никакой свободы в мире нет, все совершается по законам природы.

4. Тезис: в ряду мировых причин есть некая необходимая сущность. Антитезис: в этом ряду нет ничего необходимого, все случайно.

Противоречия эти для Канта неразрешимы. Учение Канта об антиномиях сыграло громадную роль в истории диалектики. Этим учением перед философской мыслью было поставлено множество философских проблем и, прежде всего, проблема противоречия. Встал вопрос об уяснении противоречивого единства конечного и бесконечного, простого и сложного, необходимости и свободы, случайности и необходимости.

В «Критике чистого разума» делается вывод о том, что философия может быть наукой о границах познания. Высшие сущности – это Бог, душа, свобода; они не даны ни в каком опыте, рациональная наука о них невозможна. Однако теоретический разум, будучи не в силах доказать их бытие, не может доказать и обратное, т.е. он не запрещает верить в бытие Бога, в бессмертие души и в свободу воли. Человеку дана возможность выбора – между верой и неверием. Это уже переход от теоретического разума к разуму практическому.

Основные идеи своего учения о нравственности Кант изложил в «Критике практического разума». Практическим этот разум называется потому, что его главное назначение – руководить поступками человека.

Кант говорит о первенстве практического разума над теоретическим: знание только тогда имеет ценность, когда оно помогает человеку стать человечнее, реализовать идею добра. Движущей силой этого разума является не мышление, а воля. Кант называет человеческую волю автономной. Автономия воли состоит в том, что она определяется не внешними причинами – природной необходимостью или божественной волей, а своим собственным законом, который она ставит перед собой. Законы практического разума это нравственные законы. Главное требование, категорический императив, гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Это значит: поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе. Знай, что своими поступками ты

формируешь образ действия других и создаешь форму, характер взаимных отношений.

Главным в этике для Канта было найти всеобщую форму нравственного поведения людей, исключаящую саму возможность безнравственных поступков, зла и несправедливостей.

«Критика способности суждения» была задумана как связующее звено между теоретической и нравственной частями философии. В «Критике способности суждения» Кант изложил теорию эстетического суждения, а также эстетическое отношение к миру с телеологической точки зрения (телеология – учение о целесообразности).

В философской проблеме Канта способности суждения отведено промежуточное место между рассудком и разумом, между наукой и нравственностью. Художественные потенции человека, культурное творчество есть связующее звено в философии Канта.

Формула философской системы Канта – истина, добро и красота, взятые в их единстве, замкнутые на человеке, его культурном творчестве, которое направляет художественная интуиция.

Главное завоевание «Критики способности суждения» состояло в следующем: была показана несводимость эстетического ни к знанию, ни к морали, но одновременно подчеркнута неразрывная связь красоты с истиной и добром. Эстетическое есть нечто иное, чем познание и нравственность, оно своеобразный «мост» между ними. Оно глубочайшим образом связано со способностью человека испытать чувство удовольствия от соприкосновения с феноменом целесообразности мира – природного и сотворимого самим человеком. Но последнее – сотворенная целесообразность есть искусство. Ему принадлежит величайшая роль – увенчать культуру, преодолеть антиномию явления и сущности, природы и свободы.

8.2. Психологические идеи Фихте

Иоганн Готтлиб Фихте (1762–1814 гг.) – один из виднейших представителей немецкой классической философии. Путь от Канта к Фихте можно рассматривать как логически закономерный процесс развития критической философии. Основные произведения: «Опыт критики всяческого откровения», «Основа общего наукоучения», «Основные черты современной эпохи», «Речи к немецкой нации».

Фихте ставит перед собой задачу создать «науку всех наук», последовательно и доказательно вывести знание из одного принципа, т.е. преодолеть кантовский дуализм теоретического и практического разума, «вещей в себе» и явлений.

Свою философию Фихте назвал «наукоучением» (наукой о науке) – фундаментом всех наук. Фихте отмечает, что первая черта подлинной науки состоит в том, что она должна быть единым целым, иметь систематическую форму, поэтому должен быть один принцип, который связывает все положения в одно целое. Вторая важная черта наукоучения та, что она есть развивающееся целое, которое должно совпадать с историей своего объекта.

Исходный пункт его рассуждений – деятельность «сама по себе». Философская система Фихте строится на признании активной, практически-деятельной сущности человека.

Основное понятие системы Фихте – «Я». «Я» утверждает себя в качестве такового в акте самосознания. «Я есть» – это самоочевидное суждение. В отличие от Декарта, у которого самоочевидность «Я» основывается на акте мышления, у Фихте «Я» есть волевое, действующее существо.

Далее, Фихте стремиться найти общее основание для духовного мира. Отсюда второй принцип: «<...> «Я» безусловно противопоставляется некоторое «Не-я»». «Не-я» – это не что-то вне Я, оно внутри, ведь ничто не мыслимо вне Я. Таким образом, это неограниченное не-я. Так, если первый момент – изначальная свобода, второй – оппозиция – момент необходимости.

Так Фихте вводит категорию отрицания, рядом с тезисом вырастает антитезис. Третий принцип учения Фихте представляет собой диалектическое единство первых двух – синтез «Я» и «не-я», тождество субъекта и объекта.

Оппозиция Я и не-Я происходит внутри Я. Я и не-Я и их взаимное ограничение объясняет активность как познавательную, так и моральную. Познавательная активность основана на детерминации Я со стороны не-Я. Практическая активность основана на ограничении не-Я со стороны Я. Поскольку оба момента разрешаются внутри бесконечного Я, то стало быть налицо динамика прогрессивного преодоления.

Фихте рассматривает по существу два различных понятия Я. С одной стороны Я – это конкретный индивид, с присущей ему волей и мышлением, а с другой стороны «Я» – это человечество в целом, т.е. «абсолютное Я». Взаимоотношения индивидуального «Я» и «абсолютного Я» характеризует, по Фихте, процесс освоения человеком окружающей среды. Индивидуальное «Я» и абсолютное «Я», то совпадают и отождествляются, то распадаются и различаются. Эта пульсация совпадений-расхождений составляет основное ядро диалектики Фихте, движущий принцип его системы. Идеал всего движения, развития состоит в достижении совпадений индивидуального и абсолютного Я. Однако достижение этого идеала полностью невозможно, ибо привело бы к прекращению деятельности, которая, по Фихте, абсолютная.

Практическая философия Фихте – это прежде всего его учение о нравственности, праве и государстве. Нравственный долг человека – стать свободным и достичь этого благодаря своей активности. Худшее из зол – бездействие, инерция, – они оставляют человека на уровне вещи природы, не-Я, следовательно, это отрицание сущности и самой судьбы человека.

Человек реализует свое моральное призвание в полной мере, лишь вступая в связь с другими людьми. Именно для того чтобы стать человеком в полном смысле слова, он нуждается в других.

Множественность людей влечет за собой множественность идеалов и, стало быть, конфликт между ними. В этом конфликте побеждает лучший, даже если он видимым образом побежден. Ведь в божественном мире нравственного порядка на высоте лучший в моральном отношении.

Множественность людей предполагает возникновение «прав» и «государства». Поскольку человек – часть общества и свободное существо, наряду с другими таким же свободными существами, он обязан ограничить свою свободу,

признавая свободу других. Иначе говоря, рамки моей свободы ограничены правом других на собственную свободу. Так рождается право.

Государство, рожденное путем общественного договора с согласия индивидов, должно гарантировать недееспособным существование, а дееспособным – работу, а также препятствовать паразитическому образу жизни.

В философии Фихте содержится ряд идей, оказавших влияние на развитие немецкой классической философии и последующей философской мысли, – это понятие бесконечного и неудержимого порыва к бесконечному; редукция не-Я к творению Я, т.е. идея господства субъекта, рассмотрение субъекта как активного, творческого начала. Фихтеанский идеализм – это идеализм этический, или моральный, и не только потому что свобода и моральный закон – ключ к его системе, но и потому что свобода объясняет выбор человека в мире вещей и в мире философии.

Философия Фихте оказала большое влияние на развитие немецкой классической философии в лице Шеллинга, наметившего выход из области теории познания в область философии природы, как необходимой ступени развития самого духа.

8.3. Идеи Ф. Шеллинга о развитии природы и сознания

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854 гг.), прежде чем выработать свою точку зрения, целиком находился под влиянием идей Фихте. Его работы до середины 1790-х годов представляют собой комментарии к работам Фихте. Расхождение между мыслителями наметилось в понимании природы. Шеллинг убежден, что начинать философию с самосознающего «Я» неисторично: следует вернуться к его истокам, рассмотреть длительный путь бессознательного природного развития.

Природа, у Шеллинга, толкуется как проявление бессознательной жизни разума, который проходит ряд этапов – от низших (неорганическая природа) до высших (органическая), и находит свое завершение в появлении человека и его сознания. Основная особенность природы – быть вечно становящейся.

Основной принцип развития природы – это развитие через противоречие (поляризацию). Всеобщий закон конечных явлений материи, по Шеллингу, – это закон полярности или двойственности, и тождественности. В каждом явлении природы Шеллинг видит продукт борьбы разнонаправленных сил: эта борьба составляет структуру всего живого и всей природы в целом.

Так как все процессы природы происходят из одного источника – противоречия, Шеллинг делает заключение, что вся природа есть «великий организм», а мир един и целостен. «Вся материя внутренне едина и по существу представляет собой тождество».

Далее Шеллинг выдвигает идею идеальной сущности природы, он как бы находится в русле гилозоистской традиции Бруно, Спинозы, Лейбница; придерживается взглядов панпсихизма, согласно которым вся природа обладает одушевленностью.

Выводы из натурфилософии Шеллинг пытается использовать для построения собственной философской системы в противовес ограниченному субъективному идеализму Фихте. С этой целью он пишет работу «Системы трансцендентального идеализма», в которой он ставит задачу представить философию

как науку об абсолютном, познающей тот принцип, из которого следует действительный мир, заключающий в себе и природу и дух, абсолютное тождество субъекта и объекта, идеального и реального. Философия должна объяснить факт знания, соответствия представлений предметами (или совпадение предметно-бессознательного (природы) и сознательного (субъекта)).

Главной задачей трансцендентального идеализма становится исследование развития самого интеллекта. Далее Шеллинг подразделяет интеллект на теоретический и практический. Теоретическая философия отвечает на вопрос как интеллект познает мир; практическая философия исследует то, как практический интеллект приводит этот мир в порядок. Возникает противоречие: чтобы добиться теоретической достоверности, мы жертвуем практикой; для практической достоверности приносится в жертву точность теоретическая.

Решение проблемы Шеллинг видит в таком виде деятельности, которая будучи сознательным и бессознательным одновременно, присутствует как в природе, так и в духе. Эта деятельность есть «эстетическая активность». Именно философия искусства является у Шеллинга своеобразным завершением и высшим сводом философского здания.

В философии искусства преодолевается противоположность теоретического и практического, наступает гармония сознательной и бессознательной деятельности, совпадение природы и духа.

Следующий этап философского развития Шеллинга – это его система абсолютного тождества, цель которой – согласовать натурфилософию и трансцендентальный идеализм. Абсолют, будучи тождеством субъективного и объективного, не есть ни дух, ни природа, а безразличие обоих, содержащая в себе возможность всех определений. В этом плане сложным оказался вопрос о переходе от Абсолюта к миру, от единства к разнообразному, от бесконечного к конечному. Шеллинг нашел выход в количественном различии между субъективным и объективным на каждой ступени развития, не смотря на их, в то же время, абсолютное тождество.

Учение Шеллинга оказало большое влияние на философскую мысль XIX века, оно является переходом от субъективно-идеалистического наукоучения Фихте к объективному идеализму и принципам развитой им диалектической натурфилософии. Работы Шеллинга стали важным связующим звеном между философией Канта и Фихте, с одной стороны, и учением Гегеля, с другой.

8.4. Философская система Г.В.Ф. Гегеля

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831 гг.) родился в Штутгарте. Его отец был государственным чиновником, и доходы позволяли дать сыну высшее образование. В местной гимназии Гегель изучал греческую и латинскую классику. С годами интерес к греческому миру у него будет возрастать, и это прямо отразится на теоретических обобщениях.

В 1788 г. Гегель поступил в Тюбингенский университет, где сначала два года изучали философию, а три следующих – теологию.

После университета церковной карьере Гегель предпочел учительское поприще – сначала в Берне (1793–1796 гг.), а затем во Франкфурте (1797–1799 гг.). И хотя интерес к теологии не угасал, он погрузился в изучение политической и экономической истории.

Получив наследство после смерти отца в 1799 г., он отправился в Йенский, самый известный по тем временам, университет: Фихте и Рейнгольд читали там лекции. После ухода Фихте его место занял Шеллинг, а братья Шлегели основали свой первый кружок. В Йене Гегель защитил диссертацию «Об орбитах планет», и в 1801 г. вышло в свет его первое сочинение «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», которым обнаруживает свои симпатии последнему. Вместе с Шеллингом в 1802 – 1803 гг. Гегель издает «Критический философский журнал», публикуя и свои работы. В этот период времени философ работал над первым крупным произведением «Феноменология духа», которое закончил в 1802 г.

Вызванные войной материальные затруднения подтолкнули Гегеля к переезду в Бамберг, где он занялся «Бамбергской газетой». Но через несколько месяцев он уехал в Нюрнберг, где до 1816 г. оставался директором местной гимназии. Самое сложное из своих произведений – «Науку логики» – он создает именно в это время (1812–1816). Затем работа в Гейдельбергском университете, здесь он закончил и опубликовал «Энциклопедию философских наук».

Наибольшее признание все же ожидало его в Берлине, куда он переехал в 1818 г. и где прожил до самой смерти в 1831 г.

Основы гегелевской системы

Основные идеи философии Гегеля можно свести к двум исходным пунктам:

1. Реальность как таковая есть бесконечный Дух.
2. Сама жизнь Духа, а значит, и процесс, в соответствии с которым развивается философское познание, есть диалектика.

Для понимания Гегеля необходимо усвоить главное: реальное и действительное – это не «субстанции» (то есть застывшая сущность), а Субъект, Мысль, Дух. Реальность есть деятельность, процесс, самодвижение. Дух в самопорождении создает и преодолевает собственную определенность, становясь бесконечным.

Бесконечное – позитивность, реализуемая через отрицание отрицания, свойственное всему конечному. Конечное как таковое имеет чисто идеальную, или абстрактную природу, ибо его нет в чистом виде, в противовес бесконечному. Это, по мнению Гегеля, основное положение любой философии. Гегелевский бесконечный Дух кругообразен, начало и конец совпадают в динамике: частное всегда разрешается во всеобщем, сущее – в должном, реальное – в разумном.

Здесь просматривается новизна гегелевской мысли относительно Фихте и Шеллинга. Дух – это не одно и то же; он воплощается в вечно меняющихся формах, непрерывно воссоздающих равенство. Это единство – множественно – создающее – себя.

Движение как свойство Духа – это движение самопознания. В движении духовной основы Гегель различает три момента: 1) бытие-в-себе; 2) инобытие, бытие-для-другого; 3) возвратное бытие-в-себе-и-для-себя.

Абсолют у Гегеля выступает как некий круг кругов. Абсолют проходит три стадии: Идея, Природа, Дух. Идея (Логос, чистая рациональность, субъективность) содержит в себе принцип саморазвития, в силу которого она в самоотчуждении сначала объективируется в Природу, а затем, через отрицание отрицания, возвращается к себе самой в Духе. Соответственно Гегель делит философию на: 1) логику; 2) философию Природы; 3) философию Духа.

Диалектика Гегеля как высший закон реального и как способ разворачивания философской мысли

Диалектический метод в философии встречается и до Гегеля. Первоначально термин «диалектика» означал искусство ведения спора. Родоначальниками диалектики можно считать Сократа и софистов. Вместе с тем, диалектика разрабатывалась в философии как метод анализа действительности (учение Гераклита, Зенона, Канта и т.д.). Однако только Гегель придал диалектике наиболее развитую и совершенную форму. Основным понятием диалектики у Гегеля, становится движение. Причина этого ясна: движение – это сама природа Духа; движение – это жизненная сила бытия. Диалектическое движение не может быть ничем иным, как определенного рода круговым или спиралевидным движением с триадичным ритмом. Понимание трех сторон диалектического движения проясняет подлинную основу мышления Гегеля. Первый момент – тезису или абстрактная, рассудочная сторона; второй – антитезис или негативно-разумная сторона; третий – синтез или спекулятивная или позитивно-разумная сторона.

1. Рассудок – это способность, которая формирует понятия. Он различает, разграничивает, останавливается на понятиях, которые находит в какой-то степени окончательными. Рассудок имеет возможность абстрагироваться от частного ко всеобщему. При этом рассудок дает неадекватное познание, замкнутое в границах конечного, в застывших абстракциях, вследствие чего становится жертвой противоречий. Философское мышление должно выйти за пределы рассудка.

2. Выход за грани рассудка есть особое свойство разума. При этом происходит расшатывание окостеневшего рассудка и его продуктов. Однако размягчение рассудочных понятий выводит на свет целый ряд противоречий и противоположностей, которые первоначально были подавлены рассудком. Большинство из диалектически рассмотренных понятий на поверку обращается в свою противоположность. Всякое конечное выступает как отрицание самого себя.

«Все, что нас окружает, может быть осмысленно как пример диалектики. Мы знаем, что любое конечное изменчиво и преходяще, а это не что иное, как диалектика конечного, посредством которой конечное как вещь в себе выталкивается из своего непосредственного состояния и превращается в собственную противоположность» (Семя должно превратиться в свою противоположность, то есть умереть как семя, чтобы стать побегом).

3. Спекулятивный или положительно – разумный момент есть постижение единства противоположных определений, или положительное, возникающее в результате разрешения противоположностей.

Диалектика как реальность, а значит, как истинное представляет собой круговое движение. Негативное лишь в абстракции кажется ложным. Феномен, возникающий и исчезающий, не уничтожает и не родит сам себя, он просто момент движения живой истины.

«Феноменология духа»

Введением к гегелевской философии служит его «Феноменология духа». В этой работе сформулировано исходное положение философии Гегеля – тождество бытия и мышления, субъекта и объекта, т.е. понимание реального мира как проявления идеи, понятия, духа.

Первым шагом на пути преодоления противоположности субъекта и объекта, по мнению Гегеля, является движение индивидуального сознания к отождествлению с «абсолютным Я», то есть с общечеловеческим сознанием, духовным миром всего человечества. Это возможно лишь путем поступательного развития сознания, в ходе которого индивидуальное сознание проходит весь тот путь, который прошло человечество на протяжении всей своей истории.

Феноменология духа – это одновременно процесс развития всемирной культуры, накопления духовного опыта человечества и освоение этого опыта конкретным индивидом.

Индивид, освоивший этот опыт, становится способен посмотреть на мир и на себя с точки зрения «мирового духа». Таким образом, снижается противоположность субъекта и объекта, и достигается абсолютное тождество, тождество мышления и бытия.

Можно утверждать, что «Феноменология» отводит человеку не менее значимую роль, чем самому Абсолюту. В самом деле, у Гегеля не существует конечного в отрыве от бесконечного, частного – отдельно от всеобщего. Стало быть, и человек неотделим от Абсолюта, являясь определяющей частью его структуры, ведь гегелевское Бесконечное есть бесконечно-саморазвивающееся-посредством-конечного. Абсолют же есть «сущее, вечно возвращающееся к себе из инобытия».

Следовательно, речь идет о «введении», или пропедевтике, составляющей принадлежность как человеческой жизни, так и жизни Абсолюта; Феноменология духа есть путь, который ведет конечное сознание к бесконечному, он совпадает с тем путем, которым следовал и следует Абсолют, дабы достичь самого себя (возвращение к себе из существования в ином).

Феноменология – это наука о Духе, который проявляется в форме как определенного бытия, так и множественного бытия, и который через ряд последовательных воплощений (фигур), иначе говоря через ряд диалектически связанных между собой моментов, достигает абсолютного Знания.

Рассмотрим, какова же схема пути следования Духа в его проявлениях.

В целом феноменологический путь предполагает следующие этапы:

- сознание (в узком смысле);
- самосознание;
- разум;
- дух;
- религия;
- абсолютное Знание.

Тезис Гегеля состоит в том, что любое сознание представляет собой самосознание (самосознание есть истина сознания); в свою очередь, самосознание раскрывается как Разум (Разум есть сущность самосознания); наконец, в полной мере Разум реализует себя как Дух, который через Религию достигает своей вершины в абсолютном Знании.

Первый этап представлен «**сознанием**» в гносеологическом смысле (более узком), для которого характерно созерцание и познание мира как иного по отношению к себе и не зависимо от себя. Эта стадия разворачивается в трех последовательных моментах:

- а) чувственной достоверности;
- б) восприятия;
- в) рассудка.

Каждый из них диалектически подводит к последующему.

1. На стадии ощущений единичное кажется истиной, но очень скоро в ней появляются внутренние противоречия, так что для понимания единичного необходимо перейти к общему.

2. На стадии восприятия объект может показаться истиной, но и он тоже противоречив, так как предстает единым и множественным одновременно, иными словами, предстает как объект со множеством свойств.

3. На стадии рассудка объект выступает как феномен, являющийся продуктом деятельности сил и законов: именно здесь чувственное разрешается в силу и закон – производные рассудка. Так сознание приходит к пониманию того, что объект зависит от чего-то иного, т. е. от рассудка, а значит, в некотором смысле от него самого (объект разрешается в субъекте). Таким образом, сознание становится самосознанием (знанием себя).

Второй этап феноменологического пути состоит в **самосознании**, которое посредством ряда моментов учится познавать, что оно из себя представляет. В начальном проявлении самосознание характеризуется аппетитами и желаниями, стремлением обладать предметами, ставить их в полную зависимость от себя и «устранять чужеродность, выступающую в виде самостоятельной жизни». Сначала самосознание абстрактно исключает из себя всякую чужеродность, оценивая «иное» как несущественное и отрицательное. Но вскоре оно вынуждено отказаться от этой позиции. В результате столкновения с другими самосознаниями оно вступает в «борьбу не на жизнь, а на смерть», ибо только через нее самосознание реализует себя (меняет абстрактное положение «в себе» на положение «для себя»). «Индивид, не подвергающий опасности собственную жизнь, – пишет Гегель, – вполне может быть признан личностью (в абстракции); при этом он не достигает истинности подобного признания как независимого самосознания». Согласно Гегелю, каждое самосознание структурно нуждается в другом самосознании и их борьба должна иметь исходом не смерть одного из них, но подчинение одного другому.

1. В поединке «господин» подвергся смертельному риску и, победив, стал хозяином. «Раб» убоился смерти и, потерпев поражение, спасая свою жизнь, согласился с положением раба и превратился в некую «вещь», зависимую от господина. Господин эксплуатирует раба, принуждая его работать на себя, и довольствуется потреблением тех предметов, которые производит для него раб. В отношениях такого типа развивается диалектическое движение, которое в конечном счете приводит к перестановке участников. Действительно, господин становится зависимым от вещей, утратив прежнюю независимость, потому что теряет навык делать то, что делает раб; тем временем раб становится не зависимым от вещей, так как он их производит. При этом господин не способен полностью реализовать свое самосознание, в силу того что раб, низведенный до положения вещи, не в состоянии быть диалектическим полюсом, с которым его хозяин мог бы себя адекватно соотносить (справедливо замечено, что быть только господином значит намного меньше, чем быть личностью, наделенной самосознанием). В то же время раб имеет в лице господина диалектический полюс, позволяющий обнаружить в нем сознание, ибо как раз сознание господина повелевает, а слуга делает то, что велит господин. Так Гегель прекрасно обозначил необычайную диалектическую потенцию, таящуюся в труде. По словам Гегеля,

рабское сознание «именно в труде обретает самое себя, стремясь найти собственное значение, хотя труд, как казалось, делал это значение отвлеченным».

Самосознание достигает полного знания о себе только через последующие стадии:

- а) стоицизма;
- б) скептицизма;
- в) несчастного сознания.

2. Стоицизм представляет собой свободу сознания, признает себя в форме мысли, которая выше власти и подчинения. Последние рассматриваются стоиками как полностью «индифферентные» (с моральной точки зрения, быть господином или слугой – одно и то же). Стоическое сознание, согласно Гегелю, «негативно по отношению к власти и подчинению, поскольку оно не совпадает ни с деятельностью господина, истина которого заключается в рабе, ни с деятельностью раба, чья истина лежит в воле его господина и в услужении ему. Оно в том, чтобы быть свободным на троне (как Марк Аврелий) и в цепях (как Эпиктет), при любой зависимости от чего бы то ни было <...>» Однако, желая освободить человека от всех порывов и страстей, стоицизм изолирует его от жизни, отчего, по словам Гегеля, его свобода остается абстрактной, уходит вовнутрь, не снимая иную по отношению к себе.

3. Стоицизм диалектически переходит в скептицизм, который преобразует отрешенность от мира в установку отрицания мира. При этом, отрицая все то, что сознание полагало несомненным, скептицизм в некотором смысле опустошает самосознание и приводит его к противоречивости и разладу с собой. Действительно, скептическое самосознание отрицает то, что вынуждено создавать, и наоборот: отрицая ценность восприятия – воспринимает, отрицая ценность мысли – мыслит, отрицая моральные ценности – действует сообразно последним.

4. Признаки разлада, скрытого в противоречивости скептицизма, становятся явными в «несчастном», или «раздвоенном», сознании, «еще более запутавшемся в противоречиях». Такое раздвоение имеет два аспекта: постоянный и изменчивый. Первый соотносится с трансцендентным Богом, второй – с человеком. По Гегелю, несчастное (двухмирное) сознание главным образом характерно для средневекового христианства. Это «надломленное сознание», ищущее свою цель исключительно в недостижимом, потустороннем мире: оно живет в этом мире, но всецело обращено к другому (недостижимому); всякое приближение к трансцендентному Божеству несет несчастному сознанию умерщвление и ощущение собственной ничтожности.

Третий важнейший этап феноменологического пути – это снятие отрицания, свойственного этому разладу (согласно Гегелю, признание, что трансценденция, в которой несчастное сознание видело единственную и истинную реальность, лежит именно внутри разлада, а не за его пределами), ведет к высшему синтезу, который реализуется на уровне **«Разума»**.

Разум рождается в момент, когда сознание обретает достоверность быть любой реальностью. Такова суть философии идеализма. Проследившая феноменологические этапы диалектического пути Разума, мы пришли к достоверному выводу, что он есть всякая вещь, – т. е. к единству бытия и мышления. В процессе верификации заявленной определенности (*certum*) обозначиваются три этапа:

- разум, созерцающий природу;
- действующий Разум;

– разум, делающий сознание Духом.

1. Разум, созерцающий природу, конституируется наукой о природе, при этом само собой разумеется, что мир прозрачен для разума, т.е. рационален.

2. Действующий Разум на более высоком уровне (уровне определенности = быть чем угодно) повторяет момент самосознания. Сначала он проявляет себя в индивидуе, чтобы затем возвыситься до уровня духовного единения индивидов.

3. Разум, синтезирующий первые два момента, представлен самосознанием, нашедшим собственное содержание. И здесь есть свои три момента: а) сначала человек посвящает себя делу, отождествляя себя с делаемым. Однако в таком совместном делании не хватает абсолютно реального содержания в качестве цели; б) такое содержание есть в законодательном Разуме в виде универсальных императивов. Но именно потому что они универсальны и абсолютны, недостаток их – в абстрактности; в) критический разум находит свое максимальное выражение в этическом формализме (кантианского типа), однако и он страдает абстрактностью.

Заключительный этап самосознания подтверждает, что этическая субстанция есть не что иное, как этос, социальная среда, в которую погружен народ. «У свободного народа разум – актуализованная истина. Это дух, живой и присутствующий, в котором индивид находит свое предназначение (универсально особую сущность) и реализует его».

Разум, реализованный свободным народом, внутренне соединенный с «этической субстанцией», – это **Дух**. Дух есть индивид, конституирующий мир, который реализуется в жизни свободного народа. Дух, следовательно, есть единство самосознания в совершенной свободе и независимости и целое в его опосредованной оппозиции. Дух – это «Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я».

Феноменология содержит еще один этап – **религию**, через которую приходят к цели, к **абсолютному Знанию**. В религии и ее различных проявлениях Дух осознает сам себя с точки зрения сознания, понимающего абсолютную сущность. Можно сказать, что религия – самосознание Абсолюта, но пока несовершенное, т. е. в форме представления, а не понятия.

В Феноменологии религии Гегель выделяет три ступени: а) восточную религию, представляющую Абсолют в виде природных элементов (звезд, животных); б) греческую религию, представляющую Абсолют в форме человеческого, конечного; в) высшую, христианскую, религию. Воплощение, Царство Духа, Троица суть основные понятия и его, гегелевской, философии. Самообладание Духа выражается в удержании себя при синтезировании противоположностей.

Логика

Итогом и выводом «Феноменологии духа» является «Логика» – важнейшая часть системы Гегеля. Фундаментальный тезис гегелевской логики состоит в том, что мышление и бытие совпадают, следовательно, логика совпадает с онтологией (метафизикой). Логика становится наукой о чистом мышлении. «Логика – царство чистого мышления <...> истина, как она есть в себе и для себя». Логика у Гегеля делится на три части:

- логика бытия;
- логика сущности;
- логика понятия.

Логика Бытия – результат становления – ставшее. Гегель называет его наличным бытием. Это бытие, присущее реальным предметам, важнейшими категориями которого являются: качество, количество и мера.

Логика сущности – главная часть гегелевской логики. Бытие образует внешний мир действительности, ее поверхность. Сущность – это внутренний мир, глубинные связи, лежащие в основе бытия.

Сущность Гегель рассматривает посредством трех основных категорий:

- 1) рефлексии или как сущности, отраженной в себе самой;
- 2) феномена, то есть как проецированную на бытие;
- 3) актуальности, то есть как единство первого и второго.

Главной проблемой этого учения является проблема противоречия и связанных с ней парных категорий – сущность и явление; тождество и различие; содержание и форма; необходимость и случайность и др.

Гегель рассматривал противоречие как источник саморазвития всего сущего; он пишет: «Противоречие – корень всякого движения и жизненности: лишь, поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью».

Логику понятия Гегель называет «субъективной логикой» в отличие от «объективной логики» (логики бытия и логики сущности). Субъективная она потому, что вводит Субъект в высшую сферу. Под «понятием» Гегель понимает весь результат логического движения, вплоть до самого конца. Понятие – это мыслящее Я, которое создает самое себя и, тем самым, логические определения. Из чего следует, что мы находимся уже на уровне разума, а не рассудка. «Понятие мыслится как форма, то только как бесконечная форма, творящая, включающая в себя все богатство содержания, само время и разрешающая самое себя».

Понятие – это то, что формирует и создает. Оно абсолютная негативность в значении преодоления, отрицание любой определенности и конечности. В нем абсолютная негативность совпадает с абсолютной позитивностью.

Философия природы

От логики Гегель переходит к философии природы. Это наиболее слабая часть его системы. Природа для Гегеля – инобытие идеи, «окаменевший дух». Поэтому нельзя ни обожествлять природу, ни ставить ее произведение выше человеческих свершений. В природе явственно видна система последовательных ступеней, высшей из которых является жизнь. Однако Гегель отрицает эволюционистский взгляд: естественные формы не знают развития. Философия природы состоит из трех частей:

- механики, изучающей универсальную телесность, внешнюю пространственность;
- физики, вникающей в магнитные, электрические и химические процессы;
- органики, изучающей как рождается жизнь.

Философия Духа

Дух – это Идея, вернувшаяся к себе из своего иного. Дух – высшая манифестация Абсолюта. Понять его содержание – значит понять абсолютную тенденцию любой культуры и философии, на это направлены усилия любой религии и любой науки, этот импульс объясняет мировую историю.

Возвращаясь к триаде Идея – Природа – Дух, можно сказать, что Идея есть лишь познавательное понятие и поэтому логическая возможность Духа. А Дух – актуализация и реализация этой возможности. Дух в действительности не последний, а первичный момент.

Философия Духа включает в себя учения о субъективном, объективном и абсолютном Духе.

Учение о субъективном Духе распадается на:

1) антропологию, которая изучает «душу», то есть ту часть духовной деятельности человека, которая непосредственно связана с его телесностью; душа это только сон Духа;

2) феноменологию, ведущую от сознания через самосознание к Разуму;

3) психологию, изучающую теоретический Дух (восприятие, представление, мышление), практический Дух (чувства, воля), свободный Дух как синтез двух первых.

Субъективный Дух завершается с появлением свободы.

Объективный Дух – момент реализации свободы; диалектические моменты его таковы: 1) право; 2) моральность; 3) нравственность.

Свободная воля, чтобы не остаться чисто абстрактной, должна приобрести существование, то есть конкретизироваться. Воплощение воли в вещах – сфера формального и абстрактного права, отношений собственности.

От права Гегель переходит к морали. Первый след свободы, реализующий в вещах не адекватен своему понятию. Воля личности должна проявиться не только в чем-то внешнем, но и в ее внутреннем мире. Внутренний мир личности есть мораль, мы должны не просто хотеть чего-то великого, но и уметь добиться его, в противном случае наше желание ничтожно.

Выше морали Гегель ставит нравственность. Для него это разные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности проявляются органические формы общности людей – семья, гражданское общество, государство. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода.

Нравственность достигает своей высшей ступени в государстве. Государство, говорит Гегель, есть «вступление Бога в мир», оно – «реальный Бог». Не государство существует для гражданина, а, наоборот, гражданин – для государства. Гражданин существует не иначе как в качестве члена государства. История, рождающаяся из диалектики государств, есть не что иное, как развертывание этого самого Разума. Через государство разум входит в мир.

Реализовавшись в истории как свобода, Идея возвращается к самой себе в абсолютном самопознании. Таким образом, абсолютный Дух – это Идея, познавшая себя абсолютным образом. Это и есть самопознание Бога, где человеку отведена существенно значимая роль. Бог, в трактовке Гегеля, максимально приближен к человеку, а человек поднят до высоты Бога.

Знание Духа о самом себе не является мистической интуицией, а реализуется в диалектическом процессе: 1) искусство; 2) религия; 3) философия.

Это три формы, посредством которых мы познаём Бога, а Бог познает Самого Себя: 1) через чувственное восприятие; 2) представление веры; 3) посредством чистого понятия.

Законы диалектики Гегеля

1. Закон перехода количественных изменений в качественный

Отличие одного предмета от другого зафиксировано в понятии качества. Качество – это внутренняя определенность предмета, тождественная с бытием; это то, что отличает данный предмет от другого.

Качество любого предмета, явления, по Гегелю, определяется через его свойства. Свойства предмета – это способность его определенным образом соотноситься, взаимодействовать с другими предметами, то есть свойства проявляются в отношении между предметами, явлениями и т.д. Сами по себе свойства не существуют.

Качество выступает как внутреннее основание всех свойств, присущих данной вещи, но это внутреннее основание проявляется при взаимодействии данного предмета с другими предметами. Число свойств у каждого предмета теоретически бесконечно. Различия между свойствами предмета и его качествами всегда относительны, ибо, то, что является качеством в другом отношении оказывается свойством.

Количество Гегель определял как внешнюю для бытия определенность; количественные изменения не устраняют бытия предмета.

Вместе с тем Гегель рассматривал качество и количество как взаимопроникающие характеристики и считал, что как нет качества без количества, так и не может быть количества, абсолютно лишённого качественной определенности.

Единство количества и качества есть мера. Мера – категория, которой обозначены количественные границы, в пределах которых предмет остается самим собой. Нарушение меры приводит к появлению нового качества, которое возникает путем перерыва постепенности, скачкообразно. Всякое рождение и всякая смерть представляют собой скачок из количественного изменения в качественное. Скачок – это единство бытия и небытия, означающее, что старого качества уже нет, а нового качества еще нет, и одновременно, прежнее качество еще есть, а новое – уже есть.

Не существует другого вида перехода от одного состояния к другому помимо скачка. Однако скачок может принимать бесконечное многообразие форм.

2. Закон взаимопроникновения противоположностей

Этот закон рассматривает всякое развитие как борьбу противоположных сторон, тенденций того или иного процесса, явления.

Тождество – категория, выражающая равенство объекта самому себе.

Противоположность – это категория, отражающая взаимоотношения таких сторон объекта или объектов друг с другом, которые коренным образом отличаются друг от друга.

Противоречие – это процесс взаимопроникновения и взаимоотрицания противоположностей.

Противоречия, согласно учению Гегеля, являются внутренней основой развития мира. Развитие представляет собой процесс становления, обострения и разрешения противоречий.

Каждый предмет первоначально существует как тождество самому себе, в котором содержатся определенные различия. В начале различия носят несущественный характер, затем превращаются в существенные и, наконец, пере-

ходят в противоположности. Развитие противоположностей достигает стадии противоречия, которая фиксируется моментом единства и борьбы противоположностей. Эта стадия становления противоречия, которая характеризуется конфликтом, острым противостоянием сторон, разрешается переходом противоположностей не только друг в друга, но и на более высокие формы развития предмета. Разрешение любого конфликта противоречий представляет собой скачок, качественное изменение данного объекта, превращение его в качественно иной объект, отрицание новым объектом старого, возникновение новых противоречий, присущих объекту нового качества.

3. Закон отрицание отрицания

Закон отрицание отрицания отражает, по Гегелю, общий результат и направленность процесса развития.

Диалектическая природа отрицания представляет собой единство трех основных моментов: 1) преодоление старого; 2) преемственность в развитии; 3) утверждение нового.

Отрицание отрицания в двойном виде включает в себя эти три момента и характеризует цикличность развития. Эту цикличность Гегель связывал с прохождением в процессе развития трех стадий: утверждения (тезис), отрицание (антитезис) и отрицание отрицания или снятие противоположностей (синтез).

Процесс отрицание отрицания, на примере логического мышления, Гегель показывает так: мысль сначала полагается, затем противопоставляется самой себе и, наконец, сменяется синтезирующей высшей мыслью, в которой борьба снятых ею предыдущих мыслей как противоположностей, является движущей силой дальнейшего развития логического процесса.

Главное в цикличности состоит в том, что в развитии осуществляется повторение прошлого, возвращение к исходному состоянию, «якобы старому», но на принципиально иной качественной основе. Поэтому процесс развития носит поступательный характер.

8.5. Антропологический материализм Л. Фейербаха

Людвиг Фейербах (1804–1872 гг.) изучал теологию в Гейдельберге, затем слушал в Берлине лекции Гегеля. «За четыре недели я узнал от Гегеля больше, чем за два предыдущих года», – писал он отцу. В 1830 г. своей работой «Мысли о смерти и бессмертии» Фейербах выступил против правых гегельянцев. Книга, в которой бессмертие закреплялось только за человечеством, а индивид объявлялся смертным, закрыла автору академическую карьеру. Правда, позднее о сорочетырехлетнем философе вспомнили, пригласив прочесть курс лекций в Гейдельберге. Так появились «Лекции о сущности религии», опубликованные в 1851 г. Философ жил в нищете и умер, всеми забытый, в 1872 г. в Рехенберге.

Фейербаха интересует не идея человечества, а реальный человек, который прежде всего – природа, тело, чувственность и потребности. «Истина есть жизнь, а не мысль, остающаяся на бумаге, не то, что дается в дополнение к бумаге». Идеализм надлежит отвергнуть, ибо он упразднил конкретного человека. Теизм неприемлем, ибо не Бог творит человека, а человек создает Бога.

После Гегеля критика теологии уже должна была быть иной, чем просветительская. Как и Гегель, Фейербах принимает единство конечного и бесконечного. Однако это единство реализуется в человеке, а не в Боге и не в абсолютной Идее.

Человека философия должна принять во всей его полноте – с головы до пят, в его природной социальности. Великий основной факт человеческой истории – религия – не может быть отвергнут философией: его следует понять. Понять религию можно лишь тогда, когда будет понято: «То, что человек думает о Боге, – это осознание человеком самого себя». Другими словами, отстраняя от себя собственные качества, желания, надежды, человек конструирует свою божественность. Истина религии – в отношении человека к своей сущности. Ложность ее в том, что эту сущность он уже воспринимает не как свою, но как чужую. Бог, следовательно, есть зеркало человека.

В молитве он обращается к собственному сердцу, чудо есть реализованное сверхъестественное желание. Основные христианские догмы – не что иное, как осуществившиеся чаяния сердца.

Итак, по Фейербаху, религия – это исключительно человеческий факт. Что человек думает, каковы его принципы, – таков его Бог. Насколько ценен он сам, настолько ценен его Бог. Бог – внутренний образ, сущность выраженного человека. Религия – публичное признание своей тайной любви. Отсюда вывод Фейербаха: скрытое ядро теологии есть антропология. Человек склонен вынести свое бытие вовне, чтобы затем найти его в себе. Это «возвращение к самому себе есть открытое признание того, что сознание Бога – это сознание вида». Такой поворот истории он обозначает как «*homo homini deus est*».

Все определения Божественного бытия становятся квалификациями бытия человека. Возникает вопрос: так почему же происходит самоотчуждение, почему человек создает Божественность, не отдавая себе в том отчета? Потому что природа бесчувственна к его страданиям, отвечает Фейербах, и в религии страдающее сердце находит некоторое облегчение. В Боге сосредоточены чаяния человеческого сердца, ставшие реальной блаженной определенностью. Это свободное от предрассудков всеисцеляющее чувство, услышанная молитва, чувство, слышащее само себя, эхо нашего страдания. Страдание ищет выхода: музыкант берет в руки лютню и поверяет музыке свою горечь. Так боль вырастает во всеобщее страдание. Но природа не слышит жалоб и молитв. Отчаявшийся человек, ища забвения, уходит из мира чувственного в себя. «Бог – это слеза любви, упавшая в самую потаенную глубь человеческой души, где покоится тайна ее бессилия и ничтожества».

Таким образом, Фейербах вместо недоступного Бога создает иную божественность – человека в крови и плоти. Там, где была любовь во имя Господа, теперь – любовь во имя человека. Суть нового гуманизма – «не верующие люди, а думающие, не молящиеся, а работающие, не стремящиеся в небеса, а изучающие мир посюсторонний, не христиане – полуживотные и полуангелы, а люди во всей полноте».

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте основные психологические идеи Л.Фейербаха.
2. В чем суть ранних идей философии Г.В.Ф. Гегеля.
3. Объясните смысл разделения Г.В.Ф. Гегелем философии на логику, философию природы и философию Духа.
4. Поясните гегелевское понимание понятия «Абсолют».
5. В чем состоит сходство и различие философских идей Г.В.Ф. Гегеля, И.Фихте, Ф.В.И. Шеллинга.

Тема 9. РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ

9.1. Физиологические исследования в XIX в.

В середине XIX столетия проводилось большое число исследований структуры нервной системы и природы нервной деятельности. К первым теориям нервной деятельности относятся теория нервных «трубок» Декарта и теория вибрации Давида Гартли.

В конце XVIII в. итальянский исследователь **Луиджи Гальвани** (1737–1798 гг.) предположил, что нервные импульсы имеют электрическую природу. К середине XIX века электрическая природа импульса стала общепринятым актом. Ученые полагали, что нервная система по существу является проводником электрических импульсов, а центральная нервная система функционирует подобно коммутатору, переключающему импульсы на сенсорные или двигательные нервные волокна.

В XIX веке проводились изыскания анатомической структуры нервной системы. Ученые установили, что нервные волокна состоят из отдельных структур, нейронов, которые определенным образом соединены между собой в точках, называемых синапсами. Эти выводы последовательно вытекали из механистического, материалистического представления человеческой сущности.

Физиология стала экспериментальной дисциплиной в 30-х годах XIX в. – главным образом под влиянием немецкого физиолога **Иоганесса Мюллера** (1801–1858 гг.), отстаивавшего применение экспериментальных методов в физиологии. Один из наиболее влиятельных его трудов – многотомное «Руководство по физиологии человека», где подводятся итоги физиологическим исследованиям середины позапрошлого века и систематизируется большой объем знаний в этой области.

И для физиологии, и для психологии огромное значение имел сформулированный Мюллером принцип «специфической энергии органов чувств». Мюллер предположил, что возбуждение определенного нерва всегда вызывает характерное ощущение, потому что в каждом рецепторном отделе нервной системы заложена собственная «специфическая энергия». Эта идея вдохновила множество исследователей, стремившихся в своих работах разграничить функции нервной системы и точно определить механизм действия всех периферийных сенсорных рецепторов.

На раннем этапе развития физиологии рядом ученых был сделан существенный вклад в изучение функций мозга. Для психологии значимость их работ

определяется открытием специфических отделов мозга и разработкой методов исследования, которые позже стали широко применяться в физиологической психологии.

Метод удаления – это технический прием, с помощью которого исследователь пытается установить функцию определенной части мозга, удаляя или уничтожая эту часть, и наблюдая за последующими изменениями в поведении животного.

В середине XIX в. начали применять еще два экспериментальных подхода к изучению мозга: клинический метод и электрическую стимуляцию. Клинический метод был предложен в 1861 г **Полем Брока** (1824 – 1880 гг.), хирургом одной из больниц для душевнобольных под Парижем. Брока произвел вскрытие трупа мужчины, который при жизни долги годы не мог внятно говорить. При осмотре было выявлено поражение третьей лобной извилины коры головного мозга. Брока обозначил эту часть мозга как центр речи, позже за ней закрепилось название «область Брока».

Метод электростимуляции для изучения мозга был впервые применен в 1870 г. Густавом Фритшем и Эдуардом Хитцигом. Этот метод предполагает исследование коры головного мозга путем воздействия на ее участки слабыми электрическими разрядами.

Впервые экспериментальные методы изучения мышления, которое, собственно, и является предметом исследования в психологии, применили четверо ученых Герман фон Гельмгольц, Эрнст Вебер, Густав Теодор Фехнер и Вильгельм Вундт. Все они были немцами, все получили образование в области физиологии все были в курсе последних достижений науки.

Для психологии представляют интерес изыскания **Германа фон Гельмгольца** (1821–1894 гг.) по вопросам определения скорости нервных импульсов, а также исследования в области зрения и слуха. В те времена считалось, что скорость нервного импульса мгновенна или по крайней мере так велика, что не поддается измерению. Гельмгольц был первым, кто эмпирически измерил скорость прохождения нервного импульса, фиксируя моменты возбуждения двигательного нерва ножной мышцы лягушки и последующей мышечной реакции.

Опытным путем Гельмгольц установил, что прохождение нервных импульсов происходит с определенной скоростью. Этот подтвердило, что процессы мозговой и мышечной деятельности протекают не одновременно, как считалось ранее, а следуют друг за другом через некоторое время. Работа Гельмгольца заложила основу для будущих экспериментов по определению количественных характеристик психофизиологических процессов.

Его работы по изучению механизма зрения также оказали заметное влияние на психологию. Он исследовал внешние мускулы глаза, и механизмы, с помощью которых внутренние мускулы глаза перемещают хрусталик при фокусировании зрения. Он пересмотрел и расширил теорию цветовидения.

Не менее важными были исследования Гельмгольца, посвященные механизму слуха, а именно восприятию тонов, природе согласованности звучания, а также вопросам резонанса. Труды Гельмгольца, касающиеся механизма зрения и слуха, включены в современные учебники по психологии, что свидетельствует о выдающемся значении его исследований.

Один из вкладов **Эрнста Вебера** (1795–1878 гг.) в новую психологию заключался в экспериментальном определении точности тактильных ощущений, а

именно расстояния между двумя точками кожного покрова, при котором человек ощущает два отдельных касания. Испытуемых, которые не могут видеть специальный прибор, просят сообщить, сколько касаний они ощутили. Когда две точки раздражения находятся близко друг от друга, испытуемые отмечают только одно касание. По мере увеличения расстояния между двумя источниками раздражения, участники эксперимента начинают испытывать неуверенность относительно того, почувствовали они одно или два касания. На определенном, достаточно большом расстоянии между двумя точками, испытуемые уверенно сообщают о двух разных касаниях. Этот эксперимент продемонстрировал наличие так называемого двухточечного порога – некоего момента, в котором можно распознать два независимых источника.

Еще один существенный научный вклад Вебера заключается в разработке математических методов измерения в психологии. Вебер поставил перед собой цель установить величину едва заметного различия – наименьшую разницу в весе двух грузов, которую способен распознать человек. Он попросил участников эксперимента поднять два груза и определить, какой из них тяжелее. Вес одного был одинаковым на всех этапах эксперимента, вес другого все время менялся. Если различие было незначительным, вес признавался одинаковым, но на определенном этапе увеличения разницы она распознавалась. В процессе экспериментов Вебер установил, что едва заметное различие является константой и составляет 1/40 от стандартного, первоначально предложенного веса.

Густав Теодор Фехнер (1801–1887 гг.) предположил, что существует закон, устанавливающий связь между мозгом и телом, этот закон может быть выражен через количественное отношение между психическим и физическим раздражителем.

Фехнер пришел к выводу, что повышение уровня раздражения не вызывает идентичного роста интенсивности ощущения – с увеличением интенсивности раздражения в геометрической прогрессии интенсивность ощущений возрастает лишь в арифметической.

Гениальное открытие Фехнера показало, что количество ощущений (психическое качество) зависит от количества раздражения (телесное или физическое качество). Чтобы измерить изменения в ощущениях, необходимо измерять изменения при разных уровнях раздражения. Таким образом, появилась возможность соотнести психический и физический миры в количественных показателях. Фехнеру удалось эмпирическим способом преодолеть барьер, разделяющий душу и тело.

Фехнер предложил два способа измерений ощущений. Во-первых, можно определять: наличествует раздражитель или отсутствует, ощущается он или нет. Во-вторых, можно установить тот уровень интенсивности раздражителя, при котором испытуемые заявляют о появлении первых ощущений, это абсолютный порог чувствительности – та точка в интенсивности раздражения, ниже которой не фиксируется никаких ощущений, а выше которой субъект испытывает некое ощущение.

Чтобы определить связь между силами раздражения и ощущения, надо уметь точно квалифицировать весь диапазон значений раздражения и соответствующих им ощущений. С этой целью Фехнер выдвинул идею дифференциального порога чувствительности, то есть наименьшей разницы между двумя раздражениями, вызывающей изменения в ощущениях.

Фехнер предположил, что для каждого из чувств есть некое относительное значение увеличения раздражения, которое всегда вызывает наблюдаемое изменение в интенсивности ощущения. Таким образом, ощущение (психическое качество), равно как и раздражение (материальное качество), поддаются количественному измерению, и соотношение между ними можно выразить в виде логарифма:

$$S = K \log R,$$

где S есть величина ощущения,

K – экспериментально установленная постоянная,

R – величина раздражения.

Раздражение нарастает в геометрической прогрессии, а ощущения – в арифметической, и отношение раздражителей к ощущениям может быть представлено в виде логарифмической кривой.

9.2. В. Вундт и становление экспериментальной психологии

Психология **Вильгельма Вундта** (1832–1920 гг.) основывалась на экспериментальных методах естественных наук – в основном, на методах физиологии. Предметом изучения Вундта было сознание. Вундт считал, что сознание – явление сложносоставное, и для его изучения лучше всего подходит метод анализа или редукционизма.

На этом, однако, сходство между эмпирицистами, ассоцианистами и Вундтом заканчивается. Вундт был не согласен с идеей статичности элементов сознания – так называемых атомов мозга – которые пассивно, в результате некоего механического процесса, соединяются друг с другом. Он считал, что сознание играет гораздо более активную роль в организации собственной структуры. А значит, изучение только составляющих, только содержания сознания или его структуры – лишь начало в понимании психологических процессов.

Поскольку главное внимание Вундт сосредоточил на способностях мозга к самоорганизации, он назвал свою систему волюнтаризм (от слова *volition* – волевой акт, хотение). Другими словами, волюнтаризм объясняет то, как сила воли делает мышление высокоорганизованным. Вундт делал упор не на самих элементах, как английские эмпирицисты и ассоцианисты (а позднее и Титченер), а на процессе их активной организации или синтеза.

Согласно Вундту, психологам в основном следует иметь дело с непосредственным опытом субъекта.

Непосредственный опыт визуального восприятия не зависит от предыдущего опыта того, кто на него смотрит, он очищен от всякого рода интерпретаций.

Психология Вундта – наука об опыте сознания, следовательно, метод психологии должен включать наблюдение за собственным сознанием. И человек способен проводить такие наблюдения, он может воспользоваться методом интроспекции – проверки состояния собственного мышления. У Вундта этот метод получил названия внутренней перцепция.

Метод интроспекции был позаимствован психологами из физики, в которой он применялся для исследований света и звука, а также из физиологии, где он использовался для изучения органов чувств.

Эксперименты по интроспекции, или внутренней перцепции, проводились Вундтом в Лейпцигской лаборатории со строжайшим соблюдением установленных им же правил. Вот эти правила:

- наблюдатели должны уметь правильно определять момент начала эксперимента,
- наблюдатели никогда не должны снижать уровень своего внимания,
- эксперимент должен быть организован так, чтобы его можно было провести несколько раз,
- условия проведения эксперимента должны быть приемлемыми для изменения и контроля за изменением факторов раздражения.

Определив предмет и метод новой психологии, Вундт в общих чертах набросал ее задачи:

- проанализировать процессы сознания посредством исследования его основных элементов,
- выяснить, как эти элементы соединяются,
- установить принципы, согласно которым такое соединение происходит.

Вундт предположил, что ощущения являются одной из первичных форм опыта. Ощущения возникают каждый раз, когда на органы чувств воздействует какой-либо раздражитель и, возникающие импульсы, достигают мозга. Вундт разделил ощущения по интенсивности, продолжительности и модальности. Вундт не проводил различия между ощущениями и возникающими мысленными образами, так как образы также связаны с возбуждением коры головного мозга.

Чувства – еще одна форма первичного опыта. Вундт утверждал, что ощущения и чувства возникают одновременно в процессе одного и того же непосредственного опыта. Чувства непременно следуют за ощущениями, любым ощущениям соответствуют определенные чувства. В результате соединения ощущений возникает новое качество или новое чувство.

В процессе проведения сеансов самоанализа Вундт разработал трехмерную модель чувств. Он пришел к идее трех разнонаправленных измерений чувств: удовольствие – дискомфорт, напряжение – расслабление, подъем – угасание. Любое чувство располагается в некоем диапазоне внутри определенного таким образом трехмерного пространства.

Как же из отдельных составляющих сознания возникает единый опыт? Для объяснения этого явления Вундт предложил теорию апперцепции. Он назвал процесс организации базовых элементов в единое целое творческим синтезом (по-другому, принципом психических составляющих), в результате такого процесса из комбинации элементов возникает новое качество.

Вундт, в отличие от большинства британских ученых, представителей эмпирической и ассоциативной психологии, не рассматривал процесс связи психических элементов как пассивный и чисто механический.

9.3. Структурализм Э. Титченера

Согласно Эдуарду Баддфорду Титченеру (1867–1927 гг.), предмет психологии заключается в изучении сознательного опыта, так как именно такой опыт зависит от испытуемого субъекта. Этот вид знаний отличен от того, который получают ученые, исследующие традиционные проблемы естественных наук.

Титченер предупреждал, что при изучении сознательного опыта нельзя допускать так называемой ошибки стимула – то есть смешения психических процессов восприятия объекта и влияния самого объекта. Например, наблюдатели, которые видят яблоко и описывают его просто как яблоко, не определяя цвет и форму, которые они также воспринимают, совершают «ошибку стимула». Объект наблюдения, по мнению Титченера, должен описываться не обыденным языком, а языком терминов осознанного его восприятия.

Титченер определял сознание как сумму наших переживаний, существующих в данный момент времени, а разум как сумму наших переживаний, накопленных в течение жизни. Сознание и разум во многом схожи – за исключением того, что сознание включает в себя психические процессы, происходящие в текущий момент, а разум содержит в себе общий итог этих процессов.

Структурная психология представляла собой чистую науку, не имеющую прикладного значения.

Титченеровский способ интроспекции, или самонаблюдения, доверялся наблюдателям, которые были обучены описывать состояние своего сознания, а не воспринимаемые стимулы. Подобно Кюльпе, он использовал подробные, качественные, субъективные сообщения о психической деятельности наблюдаемых субъектов в процессе интроспекции. Титченер выступал против подхода Вундта, главное внимание уделявшего объективным, количественным показателям, поскольку был убежден, что такой метод не позволяет выявить элементарные ощущения и образы, возникающие в сознании. В этом была суть его системы – не синтез элементов посредством апперцепции, а разложение сложного осознанного опыта на составляющие. Титченер придавал особое значение исследованию отдельных частей, в то время как Вундт делал упор на изучение целого. Подобно большинству английских эмпириков и ассоцианистов, Титченер стремился к открытию атомов человеческой психики.

Согласно Титченеру, тремя основными задачами психологии являются:

- разбиение сознательных процессов на простейшие составляющие,
- определение законов, по которым происходит их объединение,
- связь элементов сознания с физиологическими состояниями.

Основная часть исследований Титченера была посвящена первой задаче – обнаружению элементов сознания.

Титченер предложил считать тремя основными элементами структуры сознания следующие: ощущения, образы и эмоциональные состояния. Ощущения являются основными элементами восприятия и даются нам в виде звуков, зримых образов, запахов и других переживаний, вызываемых в нас физическими объектами окружающего пространства. Образы представляют собой элементы идей и отражают переживания, которые не связаны с текущим моментом, – например, происходящие в нашей памяти. Эмоциональные состояния являются выражениями душевных переживаний и проявляются в таких чувствах, как любовь, ненависть или печаль.

В своих «Очерках психологии» (1896 г.) Титченер представил список элементарных ощущений, выявленных им в процессе исследований. Он включал в себя более 44 000 наименований, из которых 32 820 относились к зрительным и 11 600 к звуковым. Каждый элемент рассматривался как осознанный и имеющий свои отличия – кроме того, он мог быть объединен с другими для образования более сложных ощущений и идей.

Являясь базовыми элементами, не подлежащими дальнейшему делению, они, подобно химическим элементам, могли быть объединены в отдельные группы.

Основные характеристики всех ощущений:

- качество,
- интенсивность,
- длительность,
- отчетливость.

Ощущения и образы обладают всеми четырьмя этими признаками, а эмоциональные состояния имеют только качество, интенсивность и продолжительность. Также он стал пересматривать интроспективный метод и отдавать предпочтение феноменологическому подходу, изучая переживания как таковые, не пытаясь разбить их на составляющие.

9.4. Метод аналитической интроспекции

Подобно Вундту, **Франц Brentano** (1838–1917 гг.) ставил своей целью сделать психологию наукой. Но если психология Вундта была чисто экспериментальной, то основным научным методом Brentano было наблюдение.

Он не принял фундаментальную идею Вундта о том, что психология должна изучать содержание сознания. Главным предметом изучения психологии он полагал психическую активность – то есть не содержание процесса восприятия, не видимый объект, а сам акт видения. Таким образом, психология акта Brentano противостоит взглядам Вундта о том, что психология должна заниматься элементами психических процессов.

Brentano утверждал, что необходимо различать опыт как структуру и опыт как деятельность. К примеру, так называемое сенсорное содержание красного цвета, выступающего как раздражитель, отличается от акта его восприятия. По его мнению, цвет является не психическим, а исключительно физическим качеством. А вот акт видения цвета – это психический процесс. Конечно, любой акт предполагает наличие объекта; некоторая доля сенсорного содержания всегда присутствует, поскольку акт видения невозможен, если нечего видеть.

Акты восприятия не поддаются анализу путем интроспекции – метода, который применялся в лейпцигской лаборатории Вундта. Изучение психических актов требует наблюдения на более широкой основе, чем это практиковал Вундт. Психология акта Brentano по своей методологии была не экспериментальной, а эмпирической.

Brentano доказывал, что психические акты можно исследовать двумя способами: посредством памяти (припоминая, какие психические процессы присущи тем или иным психическим состояниям) и посредством воображения (представляя себе некое психическое состояние и ведя наблюдение за сопутствующими этому состоянию психическими процессами).

Карл Штрumpf (1848–1936 гг.) принял менее точный научный метод, чем проповедовал Вундт, это объясняется влиянием Brentano. Штрumpf утверждал, что данными психологии являются, прежде всего, феномены. Он не разделял взглядов Вундта по поводу дробления опыта на элементы. Он считал, что такой метод делает опыт искусственным и абстрактным, и, следовательно, он более не может быть естественным.

Освальд Кюльпе и вюрцбургская школа психологии

Освальд Кюльпе (1862– 915 гг.) предложил метод, который он назвал систематической экспериментальной интроспекцией. Он заключался в том, что перед испытуемым ставилась некая сложная задача (допустим, установить логические связи между понятиями), после выполнения которой от него требовалось ретроспективное описание пережитого (проделанного). Иными словами, испытуемые должны были рассказать о том, как проходил у них процесс – например, формирование суждения.

Интроспективный метод Кюльпе был систематическим, потому что описание всего пережитого опыта разделялось на определенные промежутки времени. Аналогичные задачи выполнялись множество раз, с тем, чтобы можно было скорректировать, проверить и утвердить результаты наблюдений.

В систематической экспериментальной интроспекции Кюльпе, упор делался на субъективные, качественные и подробные описания испытуемых о характере их мыслительных процессов. В его лаборатории от испытуемых требовали не просто произнести суждение о силе раздражителя. Их просили описывать сложные психические процессы, которые происходили во время выполнения ими поставленных задач. Целью Кюльпе было изучение того, что происходит в голове субъекта во время того или иного переживания. Кюльпе хотел расширить вундтовскую концепцию предмета психологии, включить в него сложные психические функции и усовершенствовать методологию интроспекции.

Результаты интроспекции мыслительных процессов, полученные психологами вюрцбургской школы Кюльпе, подтверждали точку зрения, что мысль возможна без всякого сенсорного или образного содержания. На основе этих выводов сложилась теория безобразной, или ненаглядной, мысли: ощущения и образы выполняют в мышлении лишь вспомогательную, побочную роль. Таким образом, исследования Кюльпе установили наличие несенсорной формы сознания.

9.5. Развитие экспериментальной психологии

Герман Эббингауз (1850–1909 гг.) стал первым психологом, изучавшим память и обучаемость с помощью экспериментального опыта. Изучение Эббингаузом процессов заучивания и забывания – признанный пример поистине гениальной работы в экспериментальной психологии – было первым опытом рассмотрения собственно психологических, а не физиологических проблем (в отличие от экспериментов Вундта). Как следствие, исследования Эббингауза значительно расширили горизонты экспериментальной психологии.

В качестве материала для запоминания Эббингауз использовал бессмысленные списки трехбуквенных слогов, он повторял их с такой частотой, чтобы быть уверенным в точности результата эксперимента. Так он мог исключить ошибки, возникающие во время повторов, и получить некое среднее значение оценки процесса запоминания. Это изобретение кардинально изменило изучение процесса обучения.

Эббингауз задумал провести несколько экспериментов с использованием бессмысленных слогов для определения особенностей обучения и запоминания в разных условиях. В ходе одного из них он исследовал разницу в скорости запоминания бессмысленного списка слогов и скорости запоминания бессмыслен-

ного материала. Эббингауз пришел к выводу, что бессодержательный и не ассоциирующийся ни с чем материал запоминается почти в девять раз труднее, чем материал осмысленный.

Также Эббингауз исследовал зависимость числа повторов, требующихся для безупречного воспроизведения представленного для запоминания материала, от его объема. Он заключил, что чем больше объем материала, тем больше повторов требуется для его запоминания, а следовательно, и больше времени. Большое значение имеет заключение Эббингауза о том, что с увеличением списка слогов возрастает время запоминания каждого слога и общее время запоминания всех слогов.

На основе изучения влияния фактора времени на процессы памяти, Эббингауз составил кривую забывания («кривая Эббингауза»), в соответствии с которой быстрее всего материал забывается в первые несколько часов после запоминания, а затем скорость забывания медленно снижается. Его опыты проводились с такой точностью, тщательностью и методичностью, что вот уже более ста лет на них ссылаются во всех учебниках по психологии.

Исследования Эббингауза привнесли объективность количественных и экспериментальных методов в изучение высших психических процессов.

Георг Элиас Мюллер (1850–1934 гг.) стал одним из первых, кто продолжил начатое Эббингаузом экспериментальное изучение высших психических функций, его работы подтвердили и расширили выводы Эббингауза. Подход последнего отличался строгой объективностью, Эббингауз не анализировал собственные психические процессы, происходящие во время выполнения опытов по запоминанию.

Мюллер полагал, что в подходе Эббингауза заложен взгляд на обучение как на процесс механический и автоматический. Воспользовавшись методами Эббингауза, он добавил к изучению психических функций интроспективный оттенок. Результаты экспериментов Мюллера подтвердили, что обучение протекает не механически. Субъект активно участвует в сознательном группировании и организации предложенного материала, и находит смысл в самом, казалось бы, бессмысленном списке слогов.

Опираясь на свои исследования, Мюллер заключил, что сама по себе ассоциативность слов не объясняет явление обучения, так как субъект активно ищет взаимосвязи между представленными раздражителями. Мюллер предположил, что на обучение влияют и некоторые психические состояния – такие, как готовность, нерешительность и сомнение (так называемое осознанное отношение).

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте результаты физиологических исследований XIX в. и их влияние на развитие психологических идей.
2. Как Г. Фехнер преодолевает барьер между душой и телом?
3. Поясните значение психофизики и психометрии для становления экспериментальной психологии.
4. В чем суть экспериментальной психологии В.Вундта?
5. В чем суть метода аналитической интроспекции?
6. Каковы взгляды Г. Гельмгольца на природу психического и как они повлияли на развитие психологии?

7. Каковы естественно-научные предпосылки становления психологии как самостоятельной науки?
8. Каковы основные тенденции и направления в развитии психологии как самостоятельной науки в конце XIX – начале XX в.?
9. Как Вильгельм Вундт понимал предмет, метод и задачи экспериментальной психологии?
10. Как Вундт понимал сознание индивида? В чем суть его теории ассоциаций?
11. Какова историческая роль Вильгельма Вундта в развитии психологии как самостоятельной науки?
12. Как развивался интроспекционизм В. Вундта в структурной психологии Э. Титчинера?
13. Какие экспериментальные исследования и опыты проводил Герман Эббингауз и в чем заключается их значение для психологии?
14. Каковы воззрения Г.Э.Мюллера на свойства памяти?

Тема 10. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ. ФУНКЦИОНАЛИЗМ. ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Истоки движения функциональной психологии берут начало от работ Чарльза Дарвина, Френсиса Гальтона и от еще более ранних исследователей поведения животных. Основная работа по изучению функций сознания, индивидуальных различий и поведения животных выполнялась в то же самое время, когда Вундт и Титченер обдуманно исключали эти вопросы из сферы своих исследований.

Работа **Чарльза Дарвина** (1809–1882 гг.) «О происхождении видов путем естественного отбора», увидела свет в 1859 г. Дарвин разработал свою концепцию естественного отбора. Согласно его представлениям, особи, победившие в борьбе за существование и достигшие зрелости, стремятся передать своему потомству навыки и преимущества, позволившие им преодолеть барьер естественной селекции. Далее, поскольку изменчивость является одним из проявлений закона наследственности, она неизбежно скажется и на новом поколении, причем отдельные его представители будут обладать большим преимуществом в борьбе за существование по сравнению с родителями. В итоге эти качества, передаваясь из поколения в поколение, могут вызвать заметные внутривидовые изменения. Иногда внутривидовые различия становятся столь глубокими, что, как подтвердили исследования, приводят к образованию новых видов.

Теория эволюции вызвала изменения также и в предмете исследований психологии. Раньше структуралисты основное внимание уделяли анализу содержания сознания. Работы Дарвина подтолкнули некоторых из них начать изучение функций, которые могло выполнять сознание. Для многих исследователей это показалось более важным, чем заниматься анализом его отдельных элементов. По мере того, как психология все больше интересовалась тем, как функционирует организм в процессе адаптации к внешним условиям, задача поиска психических элементов стала терять свою привлекательность.

Методы Дарвина, позволявшие получать результаты, применимые как к людям, так и к животным, не имели сходства с приемами исследований основанными на физиологии. Данные Дарвина были получены из многих источников, включая геологию, археологию, демографию, наблюдения диких и домашних животных, а также их селекции.

В теории Дарвина содержались убедительные доказательства того, что ученые могут изучать психику человека способами, отличными от экспериментальной интроспекции.

В то время, как сторонники структурализма продолжали свои поиски общих законов, позволяющих охватить все виды психической деятельности, психологи, испытавшие влияние идей Дарвина, начали исследовать индивидуальные различия и способы их оценки.

В своей работе «Наследственный гений» (1869 г.) **Френсис Гальтон** (1822–1911 гг.) пытался показать, что рождение в семьях гениальных детей происходит значительно чаще, чем это можно было бы объяснить исключительно влиянием окружающих условий.

Он утверждал, что человеческий род, подобно домашним животным, может быть улучшен путем искусственной селекции. Если бы талантливые люди выбирались из общей массы и сочетались браком только друг с другом в течение многих поколений, то в результате возникла бы новая высокоодаренная человеческая раса.

В своей работе Гальтон выяснил, что из 4000 детей одаренных родителей 977 мужчин впоследствии стали знаменитыми. Когда же группа родителей выбиралась на случайной основе, то одаренных детей насчитывалось, как и ожидалось, меньше, только 332.

Гальтон первым разработал тесты умственных способностей. Основное предположение Гальтона состояло в том, что интеллект может быть измерен в терминах сенсорных способностей человека – причем чем выше уровень интеллекта индивидуума, тем выше должен быть уровень его сенсорного функционирования. Он вывел это предположение из эмпирических взглядов Джона Локка о том, что знание дается нам через ощущения. Если это предположение верно, утверждал Гальтон, то из него следует, что «у наиболее одаренных индивидуумов появляются более тонкие ощущения. Тот факт, что умственно отсталые люди нередко имеют неразвитые чувства, по-видимому, подтверждает эту мысль».

В 1884 году он основал антропометрическую лабораторию. Она функционировала шесть лет, в течение которых Гальтон собрал результаты обследования более чем девяти тысяч людей.

Гальтон работал над двумя проблемами в области изучения ассоциаций: исследованием многообразия ассоциации идей и определением времени, требуемого для возникновения ассоциаций (времени реакции).

Метод, разработанный Гальтоном для изучения ассоциаций, имел даже большее значение для науки, чем полученные им результаты. Словесно-ассоциативный тест Гальтона и стал первым по-настоящему научным инструментом для изучения ассоциаций. Карл Юнг также усовершенствовал методику Гальтона для проведения своих исследований проблем с помощью словесных ассоциаций.

Эволюционный ассоцианизм Герберта Спенсера

Философией, принесшей **Герберту Спенсеру** (1820–1903 гг.) столь шумное признание, был дарвинизм – эволюционная концепция выживания сильнейших. Но в развитии этой теории Спенсер пошел дальше самого Дарвина.

Спенсер утверждал, что эволюционным является развитие всех аспектов Вселенной, включая человека и социальные институты. Вселенная развивается согласно закону выживания сильнейших (по собственному выражению Спенсера). Именно из этого положения выросла концепция эволюции применительно к человеку и обществу, названная социальным дарвинизмом.

По Спенсеру, люди и организации должны развиваться, полагаясь лишь на собственные силы, – так же, как живут и приспособляются другие виды. Любая помощь государства противоречит естественному эволюционному процессу. Индивидуумы, коммерческие и другие институты, не способные приспособиться к среде, не отвечают принципу выживания сильнейших, и в целях улучшения всего общества следует дать им погибнуть или «уйти со сцены». Если правительства продолжают поддерживать плохо функционирующие системы (людей, группы, организации), то эти системы, в результате, ослабляют общество, тем самым нарушая закон выживания самых сильных и приспособленных. Спенсер подчеркивал, что при условии выживания лучших общество, в конечном счете, достигнет совершенства.

Эти идеи вполне соответствовали царившему в Америке духу индивидуализма, поэтому словосочетания «выживание сильнейших» и «борьба за существование» быстро стали частью национального сознания и рефреном американского общества конца XIX столетия, Соединенные Штаты были живым воплощением идей Спенсера.

В «Основах психологии» **Вильяма Джемса** (1842–1910 гг.) заложен главный принцип американского функционализма: цель психологии – не выявление элементов опыта, а изучение функции приспособленного сознания. Джемс писал, что сознание ведет нас к тем целям, которые необходимы для выживания. Сознание – это жизненно важная функция высокоразвитых существ, живущих в сложной среде, без него была бы невозможна эволюция человека.

Джемс рассматривал психические процессы как полезную, функциональную деятельность живых организмов в их попытках выжить и приспособиться к окружающей среде.

Джемс также подчеркивал нерациональные аспекты человеческой природы. Люди – создания не только мыслящие, но еще и импульсивные, подверженные страстям. По Джемсу, главную часть психологии составляют физические основы сознания. Он признавал важную роль изучения сознания в неразрывной связи с человеческим бытием, то есть в своей естественной среде. Вместо искусственного анализа и разложения сознательного опыта на мнимые элементы Джемс предложил новую программу психологии. Он провозгласил единство всей психической жизни, целостность непрерывно изменяющегося опыта. Сознание существует в форме непрерывного течения, – которое он назвал потоком сознания – и любая попытка разделить его на отдельные элементы или фазы только извращает суть.

Главное, что подчеркивал Джемс, – это цель сознания. Он полагал, что сознание обладает биологической полезностью, в противном случае оно не выжило бы. Цель, или функция сознания – дать человеку способность – в виде умения выбирать – приспособиться к окружающей среде. Джемс различал сознательный выбор и «привычку», он считал, что привычки бессознательны и произвольны. Сознание начинает действовать, когда мы сталкиваемся с новой проблемой и необходимостью выбрать путь ее решения. Поскольку психология изучает индивидуальное и непосредственное сознание, лучшим инструментом для этого является самоанализ.

В дополнение к экспериментальному и интроспективному методам Джемс предложил использовать в психологии сравнительный метод.

Джемс подчеркивал ценность прагматизма для психологии. Его главный принцип заключается в том, что обоснованность идеи или понятия должна быть рассмотрена в терминах их практических последствий. В популярной форме прагматический взгляд можно выразить словами «истинно то, что дает результат».

Теория эмоций Джемса, изложенная им в статье 1884 года и позже в «Основах психологии», противоречила существовавшим в то время взглядам на природу эмоциональных состояний. Психологи предполагали, что субъективное психическое переживание эмоционального состояния предшествует физическому выражению или действию. Джемс перевернул это утверждение: физическая реакция предшествует появлению эмоций, в особенности, таких «ярких», как страх, гнев, печаль и любовь. К примеру, видя зверя, мы бежим, и лишь затем испытываем страх. «Мы чувствуем, как происходит физическое изменение, – вот что такое эмоции».

В 1904 году **Джемс Роулэнд Энджелл** (1869–1949 гг.) выпустил учебник под названием «Психология», где представил вниманию читателей описание функционального подхода.

Энджелл обозначил три главных темы движения функционализма:

1. Функциональная психология – это учение о психических операциях, учение, противостоящее психологии психических элементов (структурализму).

2. Функциональная психология – это учение о фундаментальной полезности сознания. С этой утилитарной точки зрения, сознание – инструмент, с помощью которого организм приспосабливается к требованиям окружающей обстановки. Структуры и функции организма, позволяющие ему приспособиться к среде, существуют потому, что они необходимы для выживания.

3. Функциональная психология – это учение о психофизических связях (разум / тело) в общем контексте взаимоотношений организма с окружающей средой. Функционализм рассматривает все функции разума / тела и утверждает, что фактической разницы между ними нет. По сути, они принадлежат к феноменам одного порядка и легко переходят друг в друга.

Джеймс МакКин Кеттел (1860–1944 гг.) поставил изучение психических процессов человека на практическую экспериментальную основу. В своих психологических исследованиях он занимался скорее не содержанием сознания, а способностями человека.

В одной из статей Кеттела, написанной им в 1890 году появилось определение тестов умственных способностей. С помощью различных тестов Кеттел пытался измерить диапазон и многообразие человеческих способностей. Эти тесты в значительной степени отличались от появившихся позднее тестов на интеллект, в которых используются более сложные способы проверки умственных способностей. Тесты Кеттела относились прежде всего к элементарным сенсомоторным измерениям: работе с динамометром, определение скорости движения конечностей, использованию метода двухточечного порога для определения чувствительности кожи, измерение величины давления на лобную часть головы до момента появления болезненных ощущений, определению наименьшего осязаемого веса, выявлению времени реакции на звук и времени, необходимого для определения различных цветов, разделению надвое линии длиной пятьдесят сантиметров, фиксированию промежутка времени продолжительностью десять секунд и количества букв, запоминаемых после одного показа.

Понятие «тест умственных способностей» ввел Кеттел, а сам тестовый метод получил распространение благодаря работам **Альфреда Бине** (1857–1911 гг.). Бине использовал более сложные критерии оценки умственного развития, чем те, что разработал Кеттел. Его метод обеспечил возможность эффективно измерять умственные способности человека, он знаменовал собой начало современной тестологии.

Бине полагал, что наилучшим критерием умственного развития может служить оценка таких познавательных функций, как память, внимание, воображение, сообразительность. Бине и психиатр Тедор Симон участвовали в работе комиссии и вместе разработали ряд интеллектуальных задач для детей различных возрастных групп. На основе этих задач был составлен первый тест на интеллект. Первоначально он состоял из тридцати вербальных, перцептивных и манипулятивных задач, которые располагались по возрастанию трудности.

В последующие годы тест неоднократно пересматривался и модифицировался. Бине и Симон предложили понятие умственного возраста, который определялся по уровню тех интеллектуальных задач, которые способен решать ребенок. В 1916 году Льюис М. Терман, также бывший ученик Холла модифицировал тест Бине-Симона, который с тех пор стал стандартным. Он назвал его шкалой Стэнфорд-Бине по названию Стэнфордского университета, где тест был впервые представлен, и ввел в практическое обращение понятие коэффициента умственного развития (IQ).

В 1896 году **Лайтнер Уитмер** (1867–1956 гг.) открыл первую в мире клинику психологии. То, что Уитмер практиковал в своей клинике, не было клинической психологией в том смысле, какое сегодня вкладывается в это понятие. Его деятельность была посвящена диагностике и лечению отклонений в умственном развитии школьников. Современная же клиническая психология занимается более широким диапазоном психологических нарушений – от легких отклонений до тяжелых форм – людей всех возрастов. Хотя Уитмер способствовал развитию клинической психологии и вполне обоснованно пользовался этим термином, на самом деле это направление намного шире того, с чем он имел дело.

Начиная работать с детьми, Уитмер полагал, что многие отклонения в поведении и трудности в обучении обусловлены генетическими факторами, но позже, с ростом клинического опыта, он понял, что огромную роль здесь играет влияние окружающей среды. Предвосхитив современные программы духовного обогащения, Уитмер подчеркивал, что с самых первых дней жизни ребенка его необходимо обеспечивать разнообразным сенсорным опытом. Он также верил в прямую зависимость поведения ребенка от его взаимоотношений с окружающими, утверждая, что если обстановка дома и в школе изменится к лучшему, то улучшится и поведение ребенка.

Вскоре такие клиники появились во многих городах США. Их цель состояла в максимально ранней диагностике и лечении нарушений психики детей – так, чтобы эти проблемы не развились с возрастом в более серьезные расстройства. В этих лечебницах использовался предложенный Уитмером бригадный метод работы, при котором психологами, психиатрами и социальными работниками оценивались, а затем корректировались по возможности все аспекты проблем пациента.

Клиническая психология развивалась очень медленно и к 1940 году представляла собой все еще незначительную отрасль психологии. Так как существо-

вало не так много способов лечения людей с нарушениями психики, следовательно, не было и перспективы для работы клинических психологов. Ситуация изменилась в 1941 году, когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Армия заказала клиническим психологам сотни программ, требующихся для лечения эмоциональных расстройств среди военных.

После войны потребность в клинических психологах даже возросла. Управление по делам ветеранов несло ответственность более чем за сорок тысяч ветеранов войны, страдающих различными психологическими расстройствами. Еще более трех миллионов людей нуждались в профессиональной переподготовке и индивидуальных консультациях для возвращения к нормальной гражданской жизни.

Уолтер Дилл Скотт (1869–1955 гг.) был первым, кто применил психологию к сфере рекламы, подбора персонала и управления, первым, кто получил звание профессора прикладной психологии, он основал первую психологическую консалтинговую компанию.

Скотт утверждал, что потребители – существа не рациональные и легко поддаются влиянию. Особое внимание он уделил эмоциям и сочувствию как важным факторам, усиливающим внушаемость. Применив к рекламе принцип, который Скотт назвал законом внушаемости, он советовал рекламодателям для успешной продажи товаров использовать в обращениях к потребителям прямые команды. Ему же принадлежит идея использования возвратных купонов: в этом случае от потребителя требуется произвести некое действие – вырезать купон из журнала или газеты, заполнить его и отправить по почте, чтобы получить бесплатный образец товара. Эти методы – прямые команды и возвратные купоны – использовали многие рекламодатели, и уже к 1910 году они получили широкое распространение в США.

Для отбора лучших работников Скотт изобрел специальные шкалы и групповые тесты, с помощью которых оценивались качества людей, уже зарекомендовавших себя в этой области. Скотт разработал психологические тесты для оценки интеллектуальных и прочих способностей, его тесты годились для проверки не только каждого кандидата в отдельности, но и целых групп претендентов. Это было особенно важно для кадровых служб крупных предприятий и армии, где требовалось быстро и адекватно оценить способности большого количества людей.

Тесты Скотта отличались от аналогичных разработок Кеттела и других психологов. Цель Скотта состояла не в том, чтобы установить уровень интеллекта вообще, а в том, чтобы определить, как человек использует свой интеллект.

Гренвилл Стэнли Холл (1844–1924 гг.) имел очень разносторонние научные интересы, но все его интеллектуальные блуждания в конце концов сводились к единственной теме: эволюционной теории. Его обращением к множеству разнообразных проблем в психологии двигало убеждение, что нормальное психическое развитие предполагает ряд эволюционных стадий. Используя теорию развития как основу для широких теоретических и прикладных построений, Холл таким образом внес более весомый вклад не в экспериментальную, а в педагогическую психологию. Холла глубоко интересовали вопросы развития человека и животных и связанные с ними проблемы приспособляемости, за что его часто называют генетическим психологом.

При изучении детской психологии Холл широко пользовался методом анкетирования, с которым он познакомился в Германии. С самого начала изучение детской психологии имело громадный общественный резонанс и привело к возникновению движения под условным названием «Изучение развития ребенка».

С самого начала изучение детской психологии имело громадный общественный резонанс и привело к возникновению движения под условным названием «Изучение развития ребенка». Книга Холла – внушительное (около полутора тысяч страниц) двухтомное произведение «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте». В этой энциклопедической работе наиболее полно изложена разработанная Холлом теория рекапитуляции психологического развития. Он полагал, что ребенок в своем индивидуальном развитии повторяет стадии развития психики всего рода человеческого.

Контрольные вопросы

1. Какое влияние на развитие психологии оказал эволюционный подход Чарльза Дарвина?
2. Охарактеризуйте психологические воззрения на природу человеческой психики Дж. Кеттела, Ф. Гальтона, А. Бине, Л. Уитера, У.Д. Скотта, Г.С. Холла.
3. В чем заключается специфика применения методов экспериментальной психологии в психиатрической клинике.
4. Какие положения дифференциальной психологии выдвигал Ф. Гальтон и в чем историческое значение его концепции индивидуальных различий?

Тема 11. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В русской психологии, составляющей часть мировой, также не было единого понимания ее предмета и основных проблем. Направления, сложившиеся к началу XX века в американской и европейской психологии, имели место и в русской науке.

Эмпирическую линию в отечественной психологии отличали приверженность эмпиризму Локка и английскому ассоцианизму, внимание к методам эмпирического исследования, положительное отношение к эксперименту. М.И. Владиславлев представлял это направление в Петербургском университете (автор трудов «Современные направления в науке о душе» и «Психология» в двух томах). Выступил против материализма и физиологических методов, считая их бесплодными для психологии, впервые в России дал большой обзор развития психологических знаний, начиная с Античности. Его учениками были Н.Н. Ланге, Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, А.И. Введенский.

Главный труд **Александра Ивановича Введенского** (1856–1925 гг.) – «Психология без всякой метафизики», в котором он провозгласил отказ от обсуждения в психологии каких-либо философско-метафизических вопросов: психология изучает душевные явления безоценочным образом как факты внутренней природы, в отличие от этики, эстетики, педагогики, логики, задача психологии – исследовать состав каждого душевного явления, каким образом из элементарных явлений оно складывается, как изменяется в зависимости от изменения элементов, как влияют друг на друга разные душевные явления (память, мышление, воля и пр.).

В Московском университете сторонником английского эмпиризма был **Матвей Михайлович Троицкий** (1835–1899 гг.). В своем труде «Немецкая психология в текущем столетии» он дал критику немецкой идеалистической психологии за ее отрыв от эмпирии и пропагандировал в России английскую линию на эмпиризм, в духе которого выполнил «Науку о духе» (1882).

Георгий Иванович Челпанов (1862–1936 гг.) развивал общепсихологические взгляды, близкие вундтовским. Указывал на приложимость экспериментальных методов изучения к психическим явлениям еще в первых научных работах и предположил использование интроспективного метода.

В книге «Мозг и душа» (1900) подверг тщательному анализу многочисленные факты связи между психическими и физическими явлениями и нашел, что наиболее приемлемой является гипотеза психофизического параллелизма в ее эмпирической форме: «когда в сознании имеется определенное состояние, то в физической сфере ему соответствует некоторое определенное физическое явление».

ние». Из принципа параллелизма следует признание самостоятельности психологии как науки, пользующейся интроспективным методом.

Проблеме метода в психологии посвятил учебник «Введение в экспериментальную психологию», статью «Об аналитическом методе в психологии». В советский период деятельность Челпанова оказалась трагичной: развернулась кампания по внедрению в науку марксизма, а психология Челпанова была оценена как идеалистическая и не соответствующая марксизму. Поэтому Челпанова сместили с поста директора психологического института и уволили из университета.

Густав Густавович Шпет (1879–1937 гг.), ученик Челпанова, философ, психолог, логик, литературовед, искусствовед. Был вице-президентом Академии художественных наук (ГАХН), вместе с Челпановым принимал участие в разработке проекта Психологического института.

Выступил с требованием восстановить связь психологии и философии, считая ее «по существу необходимой», критиковал абстрактные построения психологии и ее тесную связь с физиологией. Отмечал, что в России философия всегда была тесно связана с жизнью. Видел новизну описательной психологии В. Дильтея, в книге «Внутренняя форма слова» исследовал природу языка в соответствии с сознанием и мышлением, его взгляды повлияли на лингвистов (Винокура, Якобсона и др.). Обращается к языку и в связи с проблемой этнической психологии, критикуя за понимание ее как продолжения или модификации общей индивидуальной психологии («Введение в этническую психологию») По Шпету, этническая психология изучает «конкретный духовный уклад человека, народа, группы», который своеобразно сочетается с другими реальными силами исторической действительности и «предопределяет действия и переживания не только индивида, но всякой группы». Особое значение для этнической психологии видел в изучении языка, т.к. оно дает образец для изучения всех других форм выражения (миф, обычай).

Семен Людвигович Франк (1877–1950 гг.) развивал взгляды, соотносимые с психологией акта Brentano, выслан из России в 1922 году с группой ученых, писателей и философов. В десятых годах XX века выступил с программой философской психологии («Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» – 1917 г.). Пытался восстановить психологию в старом, буквальном и точном значении слова. Ее основной смысл видел в борьбе против всякого перенесения естественно-научных принципов в психологию, против эмпирической психологии, которая вытеснила душу как предмет психологии. «Душевные явления», изучаемые в эмпирической психологии, по его мнению, оторваны от почвы и рассматриваются как явления внешнего предметного мира. Философская психология – это общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия – материальному миру и идеальному бытию – сфере истины, красоты, добра.

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965 гг.) развивал философию интуитивизма, основываясь на психологии акта, в частности на идеях Т. Липпса, и определял волюнтаризм как направление в психологии, утверждающее, что все явления душевной жизни протекают по образцу волевых актов. Волевые акты – типичная форма процессов сознания. В жизни «Я» нет состояний сознания, есть только акты-поступки. Три элемента в волевом акте: «мое» стремление, чувство «моей» активности, результаты «моей» деятельности (подчеркивая их близость «я»). Соответственно все явления душевной жизни рассматривались как имею-

шие волевой характер. Восприятие, акт припоминания – все это активные процессы, направляемые стремлениями (узнать, вспомнить и пр.), связанные с чувствами удовольствия-неудовольствия и сопровождаемые переживаниями «моей» активности. Особенно напряженной является активность в таких деятельности, как воображение, размышление, сложная практическая деятельность. Окончательное определение волонтаризма: «Все сознательные процессы, поскольку мы относим их к своему «Я», заключают в себе все элементы волевого акта и причиняются «моими» стремлениями».

Естественно-научное направление составляло мощную линию в дореволюционной науке и было нацелено на утверждение объективного и причинного метода в психологии. Представители этого направления: Н.Н. Ланге, Б.М. Бехтерев, В.А. Вагнер, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский.

Николай Николаевич Ланге (1858–1921 гг.) отстаивал биологический подход и выступал против эпифеноменализма в его различных вариантах. Психика представляет собой реальный факт, психическая жизнь должна быть рассматриваема как особое, своеобразное жизненное приспособление организма, развившееся в нем в пору его биологической полезности для сохранения индивида и рода.

Психическая жизнь развивается в процессе эволюции от низших форм к высшим. Человек занимает высшую ступень «как существо общественное и историческое. Душа человеческой личности на 99% – продукт истории и общности». Эти общепсихологические взгляды сложились под влиянием эволюционной биологии и в результате собственных экспериментальных работ, проводимых при стажировке у Вундта в 1883 году.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927 гг.) – психиатр, невропатолог и психолог. Был одним из основоположников анатомио-физиологического направления в невропатологии и психиатрии. От структуры и функций мозга перешел к психологии. Создал объективную психологию, предложив новую систему понятия и новую терминологию на основе объективных исследований человека. Психическую деятельность понимает как рефлекторную, стороны и формы – ее виды. Внимание – это рефлекс сосредоточения, мыслительная деятельность – символические рефлексы и т.д. Его «Объективная психология» выходит в свет в 1907–912 годах, переводится на европейские языки и становится важной вехой в истории психологии XX века.

На основе экспериментальных работ по изучению сочетательных, т.е. вырабатываемых у индивида пожизненно, двигательных рефлексов животного и человека, совокупность которых Бехтерев назвал соотносительной деятельностью, ученый сделал вывод, что именно эта деятельность должна стать объектом изучения как воплощение строго объективного подхода к психической деятельности. Соотносительная деятельность – это все отношения человека с окружающим миром, материальным и социальным, совершающиеся при помощи многообразных рефлексов. Комплексный подход к изучению соотносительной деятельности – основная черта методологии рефлексологии. Он предполагает использование объективных данных о гормональных химико-физических процессах организма, анатомии и физиологии нервной системы и других наук.

Иван Петрович Павлов (1849–1936 гг.) не создал собственной психологической концепции, но оказал огромное влияние на развитие психологии, мировой и отечественной. Областью его научной деятельности, благодаря которой он

занял выдающееся место в истории психологии, стало изучение условных рефлексов.

Открытие условных рефлексов, как и многие другие выдающиеся научные достижения, произошло, по мнению ученых, совершенно случайно, когда Павлов, исследуя работу пищеварительных желез, – для того чтобы получить возможность собирать желудочный сок вне организма собаки, – воспользовался методом хирургического вмешательства.

Эти физические рефлексы, как поначалу называл их Павлов, возбуждались в собаках под воздействием раздражителей, отличных от исходного (то есть от пищи). Павлов пришел к выводу, что это происходит по причине ассоциативной связи между кормлениями и этими раздражителями (видом человека и издаваемыми им звуками).

Павлов продемонстрировал, что высшая нервная деятельность может изучаться в терминах физиологии, на подопытных животных и без привлечения такого понятия, как сознание. В дальнейшем понятие условных рефлексов получили широкое распространение в бихевиоризме. Таким образом, работы Павлова оказали огромное влияние на уклон научной психологии в сторону большей объективности в предмете изучения и методах, а также усилил тенденцию к функциональности и практичности.

Павлов продолжил традиции механицизма и атомизма, в которых с самого начала формировалась новая психология. Согласно взглядам Павлова, собаки и люди, как и все прочие животные, были механизмами. Он придерживался представления, согласно которому «живой организм ведет себя как машина – несомненно сложная, но столь же покорная и послушная, как любая другая машина».

Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942 гг.) выступил с учением о доминанте: обнаружил, что «в нормальной деятельности центральной нервной системы текущие переменные задачи ее в постоянно меняющейся среде вызывают главенствующие очаги возбуждения (доминанта) и, тормозя другие центральные приборы, могут существенно разнообразить работу центров». Доминанту Ухтомский называл функциональным органом, понимая термин «орган» как пространственно-временной комплекс. «Доминанты составляют физиологическую основу актов внимания, предметного мышления и держат в своей власти все поле душевной жизни». Через «культивирование требуемых доминант» можно овладеть собственным поведением. Доминанта на лицо другого человека – самая трудная, ее надо воспитать, и заключается она в том, чтобы по возможности уметь слышать каждого человека, видеть во встречном не своего двойника, но заслуженного собеседника. В творчестве Ухтомского естественнонаучные исследования связываются с философско-мировоззренческими проблемами.

Для **отечественной психологии двадцатых годов** характерно напряженное внимание к достижениям мировой психологии. Оперативно издаются труды Фрейда, Адлера, Юнга, Келера, Коффки, Торндайка, Пиаже и др. Переводы снабжались вступительными статьями, содержащими обстоятельные характеристики работ. В научных журналах издавалась информация о новой зарубежной литературе. Устанавливались личные контакты с зарубежными психологами. Особое внимание привлекла к себе гештальтпсихология, персонализм Штерна, психоанализ Фрейда, психотехника и тестология. 10 – 15 января 1923 года состоялся Первый Всероссийский съезд по психоневрологии, ставший крупным

событием в научной жизни. Было заслушано 184 доклада («...» отчетливая постановка проблем, полное знание тонкостей методики, соответствие уровню современной экспериментальной психологии, глубокое знакомство с литературой» – черты школы Челпанова). Прозвучал и доклад Корнилова «Психология и марксизм», который после закрытия съезда был поддержан в газете «Известия» в виде опубликования автореферата. Началась перестройка психологии на основы марксизма, что осуществлялось в острой идейной борьбе, особенно в Психологическом институте, руководимом Г.И. Челпановым. Постепенно усилился процесс противопоставления советских исследований мировым.

В двадцатые годы получили распространение поведенческие концепции, которые в целом не выходили за рамки естественно-научного материализма. В категориях поведения определяли предмет психологии П.П. Блонский и М.Я. Басов.

Михаил Яковлевич Басов (1892–1931 гг.) боролся за построение психологии на основах диалектического материализма, против идеализма, механистического материализма Бехтерева, против биологизации психики человека. Предметом психологии является поведение, а методом – наблюдение. Поведение состоит из системы актов и развивается из изолированных действий, когда активность организма еще не имеет в себе внутренней целостности и связности, ко все более внутренней связности. Анализировалась проблема роли среды в развитии личности и поведения. По Басову, человек в «каждом своем проявлении отражает всю среду и всю многовековую культуру». При этом стимул больше непосредственной стимуляции, включает прошлый опыт и не сводится к физическим явлениям. Психологическое исследование должно понять изучаемый организм (человека или животное) «как деятеля в окружающей среде».

Павел Петрович Блонский (1884–1941 гг.) – психолог, деятель народного образования, написал крупные работы по психологии памяти и мышления и их развитию в детском возрасте.

«Реформа науки» (1920): цель работы – искоренить «атавизмы мышления» в науке, научная психология – наука о поведении. Идеи Блонского о поведении отличаются механицизмом и близки бихевиоризму Уотсона.

Константин Николаевич Корнилов (1879–1957 гг.) в борьбе против Челпанова и рефлексологии выступил с программой новой науки в 1921 году – реактологии. Опирался на диалектический материализм. Задача реактологии – исследование поведения как совокупности реакций человека на биосоциальные раздражители. Реакция – акт биологического порядка как выявление функций организма во всей их совокупности, где есть и физиологическая сторона, и ее интроспективное выражение. Это единица поведения человека. Корнилов выделял три компонента в структуре реакции:

- 1) сенсорный – раздражение органа,
- 2) центральный – процесс в нервной системе,
- 3) моторный – двигательный импульс.

Сенсорный и моторный компоненты могут быть в скрытой форме. В реакции выделяются три момента: временной (показатель быстроты реакции), динамический (показатель интенсивности или силы реакции), моторный (формы движения, выражается в величине пройденного пути, скорости движения и пр.). Три метода изучения реакции: хронометрический (психометрический), динамометрический и моторно-графический.

Был сформулирован принцип однополюсной траты энергии: чем больше энергии идет на умственную работу, тем меньше энергии остается для двигательной реакции. Теоретическое значение полученных результатов аккумулировалось в следующем положении, есть одна энергия – физическая. Ее трата может быть периферической или центральной. На этом основании был сделан вывод об антитезе между интеллектом и волей.

Контрольные вопросы

1. В чем смысл воззрений на психическую природу человека А.И. Введенского, М.М. Троицкого, Г.И. Челпанова.
2. В чем сходство и отличие психологических идей Г.Г. Шпета и С.Л. Франка.
3. В чем суть философии интуитивизма Н.О. Лосского.
4. Охарактеризуйте естественно-научное направление в русской психологической мысли XIX – начала XX вв.
5. Каково значение открытия И.П. Павловым условных рефлексов для развития отечественной психологии.
6. Каковы основные направления развития отечественной психологии в XIX в.?
7. Какую программу построения научной психологии разработал И.М. Сеченов?
8. В чем суть учения И.П. Павлова об условно-рефлекторной деятельности?
9. Как проходило развитие психологических взглядов В.М. Бехтерева и какова их характеристика?
10. Каковы психологические взгляды Г.И. Челпанова и его роль в развитии отечественной науки?
11. В чем суть учения К.Н. Корнилова, названного реактологией?

Тема 12. БИХЕВИОРИЗМ

12.1. Основные идеи бихевиоризма

Бихевиоризм – концепция науки о поведении, созданная Дж. Уотсоном, занимающаяся только наблюдаемыми актами поведения, доступными для объективного описания.

Основные положения бихевиоризма Уотсона были просты, смелы и прямы. Он призывал научную психологию заниматься только наблюдаемым поведением, которое можно объективно описать в терминах «стимул-реакция». Позднее психология Уотсона отвергнет все концепции и термины, касающиеся процесса мышления. Такие слова, как «образ», «разум», «сознание», которые традиционно использовались еще со времен ранней философии, – для науки о поведении потеряли всякий смысл.

Уотсон особенно упорствовал в опровержении концепции сознания. Он говорил, что еще никто и никогда «не видел, не трогал, не нюхал, не пробовал на зуб и не двигал» сознания. Сознание – «это не более чем научное допущение, столь же недоступное для опытной проверки, как старое понятие «души».

Основные идеи движения бихевиоризма развивались в психологии и биологии в течение многих лет. Это:

- философские традиции объективизма и механицизма,
- позитивизм,
- зоопсихология,
- функциональная психология.

Наиболее важной фигурой в истории объективизма был французский философ Огюст Конт (1798–1857 гг.), основатель учения, получившего название позитивизма и ставившего во главу угла только позитивное знание (факты), истинность которых не вызывает сомнений. Согласно Конту, единственно истинным знанием является знание, социальное по своей природе и объективно наблюдаемое. Эти критерии совершенно исключают из рассмотрения интроспекцию, зависящую от личного, индивидуального сознания и не являющуюся объективно наблюдаемой.

Влияние зоопсихологии на бихевиоризм. Уотсон указал на отчетливую связь между зоопсихологией и бихевиоризмом: «Бихевиоризм представляет собой прямое продолжение исследований поведения животных, проведенных в первые десятилетия двадцатого века». Зоопсихология, развивающаяся на основе эволюционной теории, была предшественником программы Уотсона; она привела к попыткам продемонстрировать наличие разума у низших организмов и показать непрерывность перехода от разума животных к разуму человека.

Эдвард Ли Торндайк (1874–1949 гг.) был одним из авторитетных исследователей зоопсихологии. Торндайк создал экспериментальный подход, который назвал коннекционизм – подход к обучению, основанный на рассмотрении связей между раздражением и реакцией.

Он писал, что если бы ему надо было проанализировать сознание человека, он стал бы «искать связи между ситуациями (элементами ситуаций и составляющими ситуаций) и реакциями (готовностью реагировать, стимулами, торможением и направленностью реакций). Если все это подробно учесть, говоря о том, что человек будет думать и делать, что будет раздражать или радовать его в любой воображаемой ситуации <...> ничего не останется в стороне <...> Научение – это связь, соединение. Разум – это система связи человека».

Эта позиция явилась логическим продолжением более старого философского понятия об ассоциации, но с одной существенной разницей: вместо рассуждений об ассоциации или связи между идеями, Торндайк ввел понятие связи между ситуациями и реакциями.

Теории Торндайка были созданы на основе исследований, которые проводились с использованием оборудования, изобретенного самим Торндайком, – так называемого «проблемного ящика». Животное, помещенное в ящик, для того, чтобы выйти, должно было научиться открывать замок. Торндайк поместил в решетчатый ящик голодную кошку. Еда была поставлена перед коробкой – в качестве награды за успешный выход. Дверца коробки закрывалась несколькими замками. Чтобы открыть дверцу, кошка должна была потянуть за рычаг или за цепочку, а иногда проделать несколько последовательных действий.

Сначала кошка демонстрировала хаотичное поведение, осматривала, обнюхивала, царапала дверцу, чтобы добраться до еды. Со временем она нащупывала правильный способ поведения и открывала дверцу. При первой попытке правильность поведения обнаруживалась случайно. При последующих попытках случайное поведение встречалось все реже – и, в конце концов, достигалось полное научение. После этого кошка начинала действовать правильно с самого начального момента, как только ее помещали в клетку. Такой способ обучения получил название – обучение методом проб и ошибок, основанное на повторении тех реакций, которые ведут к успеху.

Законы научения Торндайк сформировал в виде:

Закон эффекта – любое действие, вызывающее удовлетворение, ассоциируется с данной ситуацией, так что, когда она возникает вновь, появление этого действия становится более вероятным, чем прежде.

Закон упражнения – чем чаще действие или реакция используются в данной ситуации, тем сильнее ассоциативная связь между действием и ситуацией.

12.2. Джон Б. Уотсон – основатель бихевиоризма

Джон Б. Уотсон (1878–1958 гг.) родился на ферме недалеко от Гринвилла, штат Южная Каролина. Начальное образование получил в сельской школе. Семья его жила на грани нищеты, его мать была глубоко религиозным человеком, а отец, напротив, был неверующим. В ранней юности и в молодости Уотсон, по слухам, был типичным правонарушителем. Он плохо учился, ввязывался в драки, дважды был арестован, причем один раз за стрельбу в черте города. Тем не менее, в возрасте шестнадцати лет он поступил в баптистский университет Фурма-

на в Гринвилле, намереваясь стать священником, как когда-то обещал своей матери, в 1900 году окончил его, получив степень магистра. Затем Уотсон поступил в Чикагский университет, намереваясь заниматься философией. Ознакомившись с работами Энджелла в области функциональной психологии, Уотсон увлекся психологией. Кроме того, он начал изучать биологию и физиологию вместе с Жаком Лебом, который изложил ему концепцию механицизма. В 1903 году Уотсон получил степень доктора философии и стал самым молодым доктором Чикагского университета. До 1908 года Уотсон оставался в Чикагском университете в должности преподавателя. В 1908 году Уотсону предложили должность профессора в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе, где впоследствии он стал заведующим кафедрой психологии и занял место редактора влиятельного журнала «Психологическое обозрение». Таким образом, в возрасте тридцати одного года Уотсон стал важной персоной в американской психологии.

Опубликованная в 1919 г. его работа «Психология с точки зрения бихевиориста» является более полным изложением основ бихевиоризма и утверждает, что методы и принципы, рекомендуемые для зоопсихологии, являются уместными и при изучении поведения людей.

Первичным предметом изучения и исходными данными для бихевиоризма Уотсона являются основные элементы поведения: мышечные движения или секреция желез. Психология, как наука о поведении должна иметь дело только с теми актами, которые можно объективно описать, не прибегая к менталистическим концепциям и терминологии.

Несмотря на объявленную задачу свести поведение к единичным парам «стимул-реакция» (S-R), Уотсон утверждал, что бихевиористы в итоге должны изучать поведение организма в целом. Ведь реакция может быть простейшей, к примеру, подергивание колена, так и более сложной. В последнем случае Уотсон применил термин «акт». Он полагал, что акты реакций включают такие вещи, как употребление пищи, написание книги, игра в бейсбол или строительство дома. Таким образом, акт представляет собой ответную реакцию организма, выраженную движениями в пространстве, – такими, например, как произнесение слов, потягивание или бег.

Все это говорит о том, что Уотсон воспринимал акт реакции в терминах достижения определенного результата – воздействия на окружающую среду, а не как набор мышечных элементов. И тем не менее, по его мнению, акты поведения – вне зависимости от их сложности – могут быть сведены к моторным или железистым реакциям низшего уровня.

Реакции могут быть явными или неявными. Явные реакции являются внешними и непосредственно наблюдаемыми. Неявные реакции – сокращения внутренних органов, выделения желез, нервные импульсы – происходят внутри организма. Несмотря на то, что такие движения не являются внешними, они также считаются элементами поведения. Прибегая к использованию понятия нервной реакции, Уотсон тем самым модифицировал свое требование, что предмет изучения психологии должен быть фактически наблюдаемым. Движения и реакции, которые происходят внутри организма, становятся наблюдаемыми с помощью приборов.

Таким образом, бихевиоризм имеет дело со всем организмом в целом, со всеми его связями с окружающей средой. Путем анализа совокупностей пар «стимул-реакция» и разложения их на элементарные составляющие можно разработать определенные законы поведения.

Бихевиоризм Уотсона представляет собой попытку построить науку свободную от менталистических понятий и субъективных методов, столь же объективную и здравомыслящую, как физика. Уотсон отказался от концепции инстинктов. Те аспекты человеческого поведения, которые кажутся инстинктивными, утверждал он, на самом деле являются социально условными рефлексам. Встав на точку зрения, что научение является ключом к пониманию человеческого поведения, Уотсон совершенно отошел от своих прежних взглядов. Более того, он пошел дальше: он не только отрицал роль инстинктов, но даже отказался признавать существование наследственных дарований любого рода. Те качества, которые кажутся наследственными, утверждал он, прослеживаются только до обучения в раннем возрасте. Дети не рождаются на свет со способностями выдающихся спортсменов или музыкантов, их направляют родители или воспитатели, которые поощряют определенные виды поведения.

Эмоции, согласно Уотсону, являются реакцией организма на специфические раздражители. Такие раздражители, как нападение или агрессия, вызывают внутренние изменения в организме – в частности, учащение сердцебиения, а также те внешние реакции, которые были приобретены в процессе научения. Эта теория не предполагает какого-либо сознательного восприятия эмоций или внутренних ощущений.

В исследовании, которое уже стало классическим, Уотсон изучал раздражители, которые вызывали у младенцев эмоциональные ответные реакции. Он выяснил, что младенцы демонстрируют три основные эмоциональные реакции: страх, гнев и любовь. Страх порождается громкими звуками и внезапной потерей поддержки, гнев – ограничением свободы движений, любовь – ласками, прикосновениями, укачиванием и поглаживанием.

Уотсон также выявил типичные образцы поведения, соответствующие каждому раздражителю. Он полагал, что страх, гнев и любовь являются единственными эмоциональными реакциями, которые возникают не в процессе научения. Прочие человеческие эмоциональные реакции состоят из этих трех основных эмоций и формируются в процессе выработки условных рефлексов. Нередко они могут оказаться связанными с такими стимулами, которые исходно не вызывали подобных реакций.

Уотсон наглядно продемонстрировал правильность своей теории выработки эмоциональной реакции с помощью условных рефлексов в ходе экспериментального исследования, проведенного с одиннадцатимесячным Альбертом, которого приучили бояться белой крысы, хотя до начала эксперимента он такого страха не испытывал. Страх сформировался в результате громкого и резкого звука (удар молотком по железной полосе) за спиной Альберта, который он слышал, когда ему показывали крысу. Вскоре ребенок начал проявлять признаки страха уже просто при виде крысы.

Такой обусловленный страх можно распространить на другие раздражители – кролика, белую шубу, бороду деда Мороза. Уотсон предположил, что многие страхи, тревожные состояния и антипатии взрослых были аналогичным образом сформированы в их раннем детстве.

12.3. Дальнейшее развитие идей бихевиоризма

Мэри Ковер Джонс (1896–1987 гг.) предприняла исследование, которое стало еще одним классическим примером в истории психологии. Ее подопытно-

го звали Питер, к моменту проведения экспериментов он уже демонстрировал страх перед кроликами, хотя этот страх и не был выработан в лабораторных условиях. Когда Питер принимал пищу, в помещение вносили кролика, но держали его на расстоянии, достаточном для того, чтобы не включить реакцию страха. После нескольких попыток кролика начали подносить все ближе и ближе – причем всякий раз это делалось когда ребенок ел. Со временем Питер привык к кролику и даже начал трогать его, не выказывая признаков страха. С помощью этой процедуры были устранены и другие проявления страха по отношению к похожим предметам. Исследования Мэри Ковер Джонс считаются предвестниками бихевиоральной терапии.

Система бихевиоризма Уотсона предприняла попытку свести мышление к неявному моторному поведению. Уотсон утверждал, что мысль, как и другие аспекты функционирования человека, представляет собой сенсомоторное поведение определенного рода. Он предполагал, что поведение мышления должно включать неявную речевую реакцию или движение. Таким образом, он свел мышление к беззвучному разговору, в основе которого лежат такие же мышечные движения, которые мы усваиваем для привычной речи. По мере того, как дети взрослеют, это «мышечное поведение» становится неслышимым и невидимым, потому что родители и учителя не позволяют детям громко разговаривать самим с собой. Следовательно, мышление превращается в способ беззвучной внутренней беседы.

Общественность была взбудоражена призывом Уотсона создать общество, базирующееся на научно обоснованном управляемом поведении, свободное от мифов, обычаев и традиций. Его теория давала надежду людям, которые разочаровались в старых идеях. По своей страсти и убежденности бихевиоризм оказался чем-то сродни религии.

Первый этап эволюции бихевиоризма – бихевиоризм Уотсона – продолжался примерно с 1913 по 1930 год. Второй этап, или необихевиоризм, можно датировать примерно 1930–1960 годами. Он охватывает работы таких ученых, как Эдвард Толмен, Эдвин Гатри, Кларк Халл и Б.Ф. Скиннер. Эти необихевиористы сходились во мнениях о некоторых основных положениях, которые использовались для объяснения полученных данных:

- сердцевиной психологии является исследование процесса научения,
- большинство видов поведения, независимо от их сложности, подчиняются законам условных рефлексов,
- психология должна принять принципы операционизма.

Третьим этапом эволюции бихевиоризма является нео-необихевиоризм, или социальный бихевиоризм, начало которого приходится на шестидесятые годы нашего столетия и который характеризуется возвратом к когнитивным процессам.

Когнитивный бихевиоризм Э.Ч. Толмена

Основные положения учения **Эдварда Ч. Толмена** (1886–1959 гг.) представлены в его работе «Целенаправленное поведение у животных и человека». Его система целенаправленного бихевиоризма может на первый взгляд показаться любопытной смесью двух противоречащих друг другу понятий: цель и поведение.

Целенаправленность поведения, писал Толмен, можно определить в терминах объективного бихевиоризма, без ссылок на интроспекцию или предположе-

ний о том, что организм «чувствует» в связи с тем или иным переживанием. Для него было совершенно очевидно, что любое поведение направлено на достижение определенной цели. Например, кошка старается выбраться из «проблемного ящика», крыса осваивается в лабиринте, а ребенок учится играть на фортепиано.

Как говорил сам Толмен, поведение «пахнет целью». Любое поведение направлено на достижение некоторой цели, на освоение некоторых средств.

Причины поведения включают пять основных независимых переменных: стимулы окружающей среды, психологические побуждения, наследственность, предшествующее обучение и возраст. Поведение является функцией всех этих переменных, что выражается математическим уравнением.

Между этими наблюдаемыми независимыми переменными и результирующим ответным поведением (зависимой наблюдаемой переменной) Толмен ввел набор ненаблюдаемых факторов, которые назвал промежуточными переменными. Эти промежуточные переменные фактически являются детерминантой поведения. Они представляют собой те внутренние процессы, которые связывают стимулирующую ситуацию с наблюдаемой реакцией. Формула бихевиоризма S-R (стимул-реакция) теперь должна читаться как S-O-R. Промежуточными переменными является все, что связано с «О», то есть с организмом, и формирует данную поведенческую реакцию на данное раздражение.

Гипотетико-дедуктивный бихевиоризм К. Халла

Кларк Леонард Халл (1884 – 1952 гг.) был всецело предан объективной бихевиоральной психологии. В его программе не было места сознанию, целенаправленности или иным психологическим концепциям. Для описания своих бихевиористских представлений о человеческой природе он использовал исключительно механистическую терминологию. Человеческое поведение он рассматривал как автоматическое и полагал, что его можно свести к языку физики. Он предостерегал ученых против антропоморфизма – то есть против придания собственной интерпретации наблюдаемому поведению, чем нередко грешили ранние исследователи в области зоопсихологии. Кларк Халл искал средство, способное защитить от подобного субъективизма, и в конце концов обрел его, выдвинув предположение о том, что организм есть «полностью самоподдерживающийся робот, сконструированный из материалов, отличный от нас настолько, насколько это возможно».

Оперантный бихевиоризм Б.Ф. Скиннера

Самой влиятельной фигурой в психологии в течение нескольких десятилетий являлся **Б.Ф. Скиннер** (1904–1990 гг.). Скиннер родился в городке Саскуе-ханна, штат Пенсильвания, где и жил до поступления в колледж. Согласно его собственным воспоминаниям, его детство прошло в обстановке любви и спокойствия. В детстве и отрочестве он увлекался созданием самых разных предметов: плотов, тележек, каруселей, пращей и рогаток, моделей самолетов, и даже паровой пушки, которая стреляла поверх крыши соседского дома картофелинами и морковками. Несколько лет он потратил на то, чтобы изобрести вечный двигатель. Он также много читал о поведении животных и держал дома целый зоопарк, состоявший из черепах, змей, ящериц, жаб и бурундуков. Психологическая система Скиннера отражает опыт его жизни в детстве и юности. Согласно его собственным взглядам, жизнь человека является плодом прошлых подкреплений.

Он утверждал, что его собственная жизнь была настолько предопределенной, упорядоченной и правильной, насколько его система предписывает быть любой человеческой жизни. Он полагал, что все аспекты человеческой жизни можно проследить до самых их истоков.

Прочитав об экспериментах Уотсона и Павлова по формированию условных рефлексов, Скиннер круто повернулся от литературных аспектов человеческого поведения к научным. В 1928 году он поступил в аспирантуру Гарвардского университета по психологии. По завершении научной работы, после защиты докторской диссертации, он преподавал в университете штата Миннесота (1936–1945 гг.) и университете штата Индиана (1945–1974 гг.), после чего вернулся в Гарвард.

В шестидесятые годы началось восхождение звезды Скинпера, отчасти по причине принятия его идей в области образования, отчасти – благодаря растущему влиянию идей Скиннера в области клинической модификации поведения. Столь широкая применимость идей Скиннера соответствовала его устремлениям, поскольку он испытывал глубокий интерес к проблемам реальной жизни. Его более поздняя работа «Наука и человеческое поведение» стала основным учебником по бихевиоральной психологии.

При рассмотрении скиннеровского подхода к личности следует различать две разновидности поведения: оперантное и респондентное.

Оперантное поведение возникает без воздействия каких-либо внешних наблюдаемых раздражителей. Реакция организма кажется спонтанной в том смысле, что внешне она никак не связана с каким-либо наблюдаемым раздражителем. Это вовсе не означает, что стимула, вызывающего ту или иную реакцию, не существует, это значит, что при возникновении данной реакции ни один стимул не является наблюдаемым. С экспериментальной же точки зрения, если стимул отсутствует, то это значит, что он не применялся, а потому и не наблюдается.

Другим различием между респондентным и оперантным поведением является то, что оперантное поведение воздействует на окружающую организм среду, в то время как респондентное поведение этого не делает. Подопытная собака в лаборатории Павлова, закованная в сбрую, не может сделать ничего иного, как только реагировать (например, пускать слюну), когда экспериментатор предлагает ей какие-либо стимулы. Собака сама по себе ничего не может сделать, чтобы достать стимул (пищу).

Оперантное поведение крысы в коробке Скиннера, напротив, является инструментальным в том смысле, что крыса достигает своего стимула (пищи). Когда крыса нажимает на рычаг, она получает пищу, а если не нажимает на рычаг, то не получает пищи. Таким образом крыса воздействует на окружающую среду.

Скиннер считал, что оперантное поведение характерно для повседневного научения. Поскольку поведение, как правило, носит оперантный характер, то наиболее эффективным подходом к науке о поведении является изучение обуславливания и угасания оперантного поведения.

Классическая экспериментальная демонстрация заключалась в нажатии на рычаг в скиннеровском ящике. В этом эксперименте крыса, лишенная пищи, помещалась в ящик и получала полную возможность исследовать его. В ходе исследований она неизбежно должна была задеть рычажок, который приводил в действие механизм, выдвигающий полочку с пищей. После получения нескольких порций пищи, которые должны были служить подкреплением, у крысы до-

вольно быстро формировался условный рефлекс. Обратите внимание, что поведение крысы (нажатие на рычаг) оказывает влияние на окружающую среду и является инструментом приобретения пищи. Зависимая переменная в этом эксперименте проста и понятна: это скорость реакции.

На основании этого эксперимента Скиннер сформулировал свой закон приобретения, который гласит, что сила оперантного поведения возрастает, если поведение сопровождается подкрепляющим стимулом. Несмотря на то, что для формирования быстрой реакции нажатия на рычажок требуется практика, ключевым параметром все таки является подкрепление.

Является ли та или иная схема подкрепления лучшей, чем остальные, с точки зрения ее воздействия на поведение?

В одном таком исследовании Скиннер сравнил частоту реакции у животных, которые получали подкрепление при каждой реакции, с частотой реакции тех животных, которые получали подкрепление только по истечении некоторого интервала времени. Последнее условие получило название схемы подкрепления с фиксированным интервалом. Подкрепление могло выдаваться, например, один раз в минуту или каждые четыре минуты. Важным моментом в данном случае является то, что подопытное животное получало подкрепление только по истечении определенного отрезка времени. Исследование Скиннера показало, что чем короче интервал между подкреплениями, тем чаще животное проявляет обусловленную реакцию. И наоборот, по мере того, как увеличивается интервал между подкреплениями, частота реакции снижается.

Самые высокие показатели реагирования при схеме подкрепления с фиксированной частотой наблюдались и у крыс, и у голубей, и у людей. Пример тому: сдельная оплата труда, когда заработок работника на его рабочем месте зависит от количества продаж. Правда, такая схема подкрепления успешно работает только тогда, когда требуемый уровень обусловленной реакции не слишком высок (так, нормы дневной выработки должны быть реальными) и если ожидаемое подкрепление стоит затраченных усилий.

Программа Скиннера для общества, основанная на положительном подкреплении, существовала только теоретически, но зато контроль или модификация поведения людей или малых групп являлись широко распространенными практически. Модификация поведения посредством положительного подкрепления является одной из самых популярных методик в психиатрических клиниках, где оно используется для того, чтобы изменить ненормальное или нежелательное поведение, сделать его более приемлемым или желательным. Модификация поведения действует на людей также, как метод оперантного обусловливания, изменяющий поведение крыс или голубей путем подкрепления желательного поведения и не подкрепления нежелательного поведения.

Программы модификации поведения доказали свою эффективность во время их использования в целях изменения поведения пациентов психиатрических клиник. За хорошее поведение пациенты получали вознаграждение в виде значков, которые можно было обменивать на определенные привилегии или блага, разрушительное или негативное поведение не вознаграждалось.

Наказание не применялось. Люди не подвергались наказанию за то, что они вели себя не так, как требуется. Они только получали подкрепление или вознаграждение, когда их поведение менялось в положительном направлении. Скин-

нер верил, что положительное подкрепление является более эффективным, чем наказание.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные положения концепции бихевиоризма Дж. Уотсона?
2. В чем суть теории «оперантного бихевиоризма» Скиннера?
3. Каковы объективные достоинства и недостатки бихевиоризма как одного из направлений в психологии?
4. В чем заключается историческая роль бихевиоризма?
5. В чем суть теории «когнитивного необихевиоризма» Э. Толмена?
6. Каковы психологические идеи Э. Гатри и К. Халла?

Тема 13. ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ

13.1. Возникновение и история развития школы гештальтпсихологии

Гештальтпсихология – психологическая школа, в которой в качестве основного принципа формирования психики был выдвинут принцип целостности.

Немецкое существительное «gestalt» в переводе означает «форму» или «образ», а среди значений глагола «gestalten» имеются следующие: «формировать», «придавать форму», «моделировать», «организовывать», структурировать. Другие значения слова «гештальт» – «образец», «конфигурация», «целостная структура». Перлс отмечал: «Основная предпосылка гештальтпсихологии следующая – человеческая природа организована в виде набора множества образцов или целостностей, она представляется индивидууму именно в таком виде, понять суть человеческой природы можно, только представив ее как функцию элементов, из которых она состоит». Главной целью экспериментальной работы гештальтпсихологов было показать, что люди воспринимают вещи не изолированно, а организуют их посредством перцептивных процессов в значимые целостности.

Как и у любого научного направления, у гештальтпсихологии были свои исторические предшественники. Отражение ее главного принципа, основанного на целостности восприятия, можно найти в работах немецкого философа Иммануила Канта.

Согласно Канту, восприятие – это не пассивное впечатление и не комбинация чувствительных элементов, как предполагали эмпирики и ассоцианисты, а активная организация элементов в связный, согласованный опыт. Таким образом, утверждал Кант, именно разум придает определенную форму результатам восприятия.

Психолог **Франц Brentано** (1838–1917 гг.), работавший в Венском университете, возражал против представления Вундтом сознательного опыта в виде суммы его отдельных составляющих и утверждал, что психология должна изучать процесс осознания. Он считал, что вундтовская интроспекция несет в себе много надуманных ограничений, и оказывал предпочтение менее строгим, более непосредственным методам наблюдения возникающих переживаний.

Книга профессора физики пражского университета **Эрнста Маха** (1838–1916 гг.) «Анализ ощущений», вышедшая в 1885 году, оказала непосредственное влияние на возникновение гештальтпсихологии. В этой работе Мах рассматривал проблемы восприятия пространственных объектов (геометрических фигур) и

временных процессов (музыкальных мелодий). Восприятие этих объектов и процессов оказалось независимым от их отдельных элементов. К примеру, круглые предметы могут быть белыми или черными, большими или маленькими, что никак не отразится на их геометрической форме.

Мах утверждал, что наше восприятие объекта не связано с изменениями его пространственного положения. Стол мы будем воспринимать как стол, независимо от того, будем ли мы смотреть на него сверху или сбоку. Подобным образом и мелодия останется в нашем восприятии той же мелодией, даже если станет исполняться быстрее или медленней – то есть, если ее временная форма изменится.

Идеи Маха получили свое развитие в идеях **Кристиана фон Эренфельса** (1859 – 1932 гг.), предположившего, что существуют качества, которые не могут быть объяснены простым комбинированием элементарных ощущений. Он назвал их качества формы (*gestalt qualitäten*) – то есть качествами, основанными на чем-то, что не воспринимается индивидуальными ощущениями. Например, мелодии присуще качество формы, которое сохраняется и при переводе мелодии в любую другую тональность. Другими словами, мелодия не зависит от восприятия элементарных ощущений.

Исследования **Вильяма Джемса**, выступавшего против идеи атомизма, также послужили основой для создания гештальтпсихологии. Джемс рассматривал элементы сознания лишь в качестве отвлеченных понятий. Он подчеркивал, что мы воспринимаем объекты как единое целое, а не в качестве набора ощущений.

Еще одним научным течением, повлиявшим на возникновение гештальтпсихологии, стало феноменологическое движение в немецкой философии и психологии. Феноменология изучает неискаженное описание непосредственного опыта в том виде, в каком он происходит.

Среди прочих факторов, повлиявших на возникновение гештальтпсихологии, нельзя не отметить изменения самого «духа времени» – особенно в интеллектуальном климате физики начала XX века.

Идея атомизма, оказавшая сильное влияние на создание новой науки психологии, стала активно пересматриваться в физике. Физики подходили к мышлению в терминах поля и взаимосвязанного единства физических процессов. Их взгляды оказали поддержку сторонникам гештальтпсихологии, которые вслед за ними стали разрабатывать аналогичный целостный подход к проблеме перцепции. Идеи гештальтистов явились отражением новых веяний в физике тех дней.

К середине двадцатых годов, движение гештальтистов трансформировалось в мощную научную школу немецкой психологии, центр которой находился в Психологическом институте Берлинского университета.

Издаваемый гештальтистами журнал «Психологические исследования» пользовался популярностью и уважением в научном мире, а выполняемые ими исследовательские работы затрагивали самые разнообразные психологические проблемы.

13.2. Основные представители школы гештальтпсихологии

Максу Вертгеймеру (1880–1943 гг.) однажды во время отпуска пришла идея одного эксперимента, суть которого состояла в том, чтобы выяснить, почему мы иногда наблюдаем движение, когда оно на самом деле не происходит. Он

сошел с поезда во Франкфурте, купил игрушечный стробоскоп и провел предварительную проверку своей догадки прямо в отеле. (Стробоскоп, предшественник современного проекционного аппарата, представляет собой устройство, которое на мгновение освещает изображения последовательных фаз изменения положения объектов, создавая у зрителя впечатление их движения). Позднее Вертхеймер провел более глубокое исследование проблемы во Франкфуртском университете.

Эксперимент Вертхеймера был посвящен изучению восприятия кажущегося движения предметов – то есть движения, которое на самом деле не происходит. Для его определения Вертхеймер пользовался термином «впечатление движения». Используя тахистоскоп, он пропускал луч света через две прорези, одна из которых располагалась вертикально, а другая имела наклон от вертикали приблизительно в 20 – 30 градусов.

Если световой луч пропускался сначала через одну прорезь, а потом через другую через относительно длительный интервал времени (более двухсот миллисекунд), наблюдатели видели последовательное появление света сначала в одной, а затем в другой прорези. Если временной интервал сокращался, то наблюдателям казалось, что обе прорези освещены постоянно. При длительности интервала порядка 60 миллисекунд, создавалось впечатление, что линия света непрерывно перемещается от одной прорези к другой и обратно.

Вертхеймер был убежден, что это явление, получившее экспериментальное подтверждение в его лаборатории, по-своему также является элементарным, как и обычное ощущение, но, в то же время, представляет собой нечто отличное от одного или даже нескольких простых ощущений. Он назвал это явление фи-феноменом.

Согласно теории Вундта, интроспекция этих стимулов должна была создавать восприятие двух соседних полосок света и ничего более. Но как бы строго не проводилась интроспекция в опыте Вертхеймера, движущаяся полоска продолжала наблюдаться, а все попытки объяснения ее появления со старых теоретических позиций оканчивались неудачей. Целое (в данном случае кажущееся движение линии света) было отлично от суммы его составляющих (двух неподвижных световых лучей). Таким образом, традиционный атомистической ассоцианистской психологии был брошен открытый вызов.

Вертхеймер опубликовал результаты своего исследования в 1912 году в статье под названием «Экспериментальные исследования восприятия движения». Считается, что именно она положила начало возникновению школы гештальт-психологии.

В 1921 году Вертхеймер, Коффка и Келер при содействии Курта Гольдштайна и Ганса Грюле основали журнал «Психологические исследования», который стал официальным печатным изданием школы гештальтпсихологии.

Вертхеймер изложил принципы организации восприятия в своей работе, опубликованной в 1923 году. Он исходил из того, что мы воспринимаем предметы в той же манере, в какой воспринимаем кажущееся движение – то есть как единое целое, а не как наборы индивидуальных ощущений.

Базовая предпосылка этих принципов состоит в том, что организация восприятия происходит мгновенно, в тот же момент, когда мы видим или слышим различные формы или образы. Части перцептивного поля становятся связанными, объединяясь между собой, чтобы создать структуру, которая выделялась бы

на общем фоне. Организация восприятия происходит самопроизвольно, и ее возникновение неизбежно всякий раз, когда мы смотрим вокруг себя.

Согласно гештальттеории, первичная деятельность нашего мозга по визуальному восприятию объектов заключается не в накоплении их отдельных проявлений. Область мозга, отвечающая за зрительное восприятие, не реагирует на отдельные элементы визуальных входных сигналов и не связывает их вместе с помощью механического процесса ассоциации. Напротив, мозг представляет собой динамичную систему, в которой все элементы являются активными в каждый момент взаимодействия. Элементы, которые являются одинаковыми или близкими друг другу, стремятся к объединению, а элементы, которые являются несходными или далекими друг от друга, не объединяются.

Основные принципы организации восприятия:

- близость,
- непрерывность,
- сходство,
- замыкание,
- простота,
- фигура-фон.

Эти принципы восприятия не зависят от высших мыслительных процессов или прошлого опыта, они присутствуют в наблюдаемых объектах сами по себе.

Книга Макса Вертхеймера, посвященная проблемам продуктивного мышления, была опубликована уже после смерти ее автора, в 1945 году. В ней он попытался применить гештальтпринципы научения к вопросам творческого мышления людей, на основе предположения, что мышление осуществляется в терминах целостного осознания проблемы. При этом он утверждал, что для успешного решения поставленной задачи ситуацию в целом должны хорошо представлять себе и ученик, и учитель.

Рассматривая различные этапы взросления человека и его решения разных по сложности задач, Вертхеймер нашел доказательства в поддержку того, что понимание проблемы в целом должно преобладать над пониманием ее отдельных составляющих. Он утверждал, что отдельные детали следует рассматривать в непосредственной связи с общей ситуацией и что решение проблемы должно двигаться от общего к частному, а не наоборот.

Вертхеймер считал, что если преподаватель организует материал классных упражнений в целостную систему, то у его учеников легче проявится «инсайт», они смогут уловить суть проблемы и найти ее решение. Вертхеймер продемонстрировал, что как только принцип решения задачи усвоен, он может применяться и в других ситуациях.

В книге «Основы психического развития» (1921 г.) и других работах **Курт Коффка** (1886–1914 гг.) доказывал, что от того, как воспринимает ребенок мир, зависит его поведение и понимание ситуации. К такому выводу он пришел потому, что считал, как уже отмечалось выше, что процесс психического развития – это рост и дифференциация гештальтов. Данное мнение разделяли и другие гештальтпсихологи. Так как определяет и направляет процесс формирования и трансформации гештальтов восприятие окружающего мира, то именно восприятие и является ведущей психической функцией психического развития в целом.

Сам процесс психического развития, с точки зрения Коффки, делится на два параллельных процесса – созревание и обучение. В своих работах он подчеркивал их независимость, доказывал, что в процессе развития обучение может опережать созревание, а может, и отставать от него, хотя чаще они идут параллельно друг другу, создавая иллюзию взаимозависимости. Тем не менее обучение не может ускорить процесс созревания и дифференциации гештальтов, так же как и процесс созревания не ускоряет обучение.

Изучая процесс восприятия, гештальтпсихологи утверждали, что его основные свойства рождаются постепенно, с вызреванием гештальтов. Так появляются константность и правильность восприятия, а также его осмысленность.

Исследования развития восприятия у детей, которые проводились в лаборатории Коффки, показали, что ребенок рождается с набором смутных и не очень адекватных образов внешнего мира. Постепенно в течение жизни эти образы дифференцируются и становятся все более точными.

Обобщающие результаты своего исследования восприятия Коффка изложил в работе «Принципы гештальтпсихологии» (1935 г.). В этой книге анализируется множество феноменов перцепции, которые относятся к 24 различным «законам», описываются свойства и процесс формирования восприятия, на основании которых он сформулировал теорию восприятия, не потерявшую значения и в настоящее время.

В 1921 году Коффка опубликовал книгу «Основы психического развития», посвященную формированию детской психологии. В 1935 году Коффка издал книгу «Принципы гештальтпсихологии».

Первые работы **Вольфганга Келера** (1887–1967 гг.), посвященные исследованию интеллекта шимпанзе, привели его к наиболее значимому открытию – открытию инсайта (озарения). Исходя из того, что интеллектуальное поведение направлено на решение проблемы, Келер создавал такие ситуации, в которых подопытное животное для достижения цели должно было найти обходные пути. Операции, которые совершали обезьяны для решения поставленной задачи, были названы двухфазными, так как состояли из двух частей. В первой части обезьяне нужно было при помощи одного орудия получить другое которое было необходимо для решения проблемы (например, при помощи короткой палки, которая находилась в клетке, получить длинную, находящуюся на некотором расстоянии от клетки). Во второй части полученное орудие использовалось для достижения искомой цели, например для получения банана, находящегося далеко от обезьяны.

Эксперимент должен был помочь понять, каким способом решается задача – происходит ли слепой поиск правильного решения (по типу метода проб и ошибок) или обезьяна достигает цели благодаря спонтанному схватыванию отношений, пониманию. Эксперименты Келера доказывали, что мыслительный процесс идет по второму пути, т.е. происходит мгновенное схватывание ситуации и верное решение поставленной задачи. Объясняя феномен инсайта, он доказывал, что в тот момент, когда явления входят в другую ситуацию, они приобретают новую функцию. Соединение предметов в новых сочетаниях, связанных с их новыми функциями, ведет к образованию нового гештальта, осознание которого составляет суть мышления. Келер называл этот процесс «переструктурированием гештальта» и считал, что такое переструктурирование происходит мгновенно.

венно и не зависит от прошлого опыта субъекта, но только от способа расположения предметов в поле. Именно это переструктурирование и происходит в момент инсайта.

Доказывая универсальность открытого им способа решения задач, Келер по возвращении в Германию провел серию экспериментов по исследованию процесса мышления у детей.

Данные эксперименты, подтверждая универсальность инсайта, раскрывали, с точки зрения Келера, и общее направление психического развития, и роль обучения в этом процессе. Доказывая основное положение его школы о том, что психическое развитие связано с переходом от схватывания общей ситуации к ее дифференциации и формированию нового, более адекватного ситуации гештальта, Келер раскрывал условия, способствующие этому переходу.

Понятие об инсайте – ключевое для гештальтпсихологии – стало основой объяснения всех форм мыслительной деятельности, в том числе и продуктивного мышления.

13.3. Теория поля К. Левина

В основе взглядов **Курта Левина** (1890–1947 гг.) лежит концепция гештальта, но он сумел развить свои идеи и пошел дальше позиций ортодоксального гештальтизма, обратившись к проблеме личности, ее потребностям и влиянию общественных связей на ее поведение.

Теория поля – психологическая система Курта Левина, использующая концепцию силового поля для объяснения поведения личности в терминах влияния на него поля общественного воздействия.

Теория физических полей привела Левина к мысли о том, что психическая деятельность человека происходит в условиях воздействия психологического поля, которое получило название годологического пространства. Годологическое пространство включает в себе все события прошлого, настоящего и будущего, которые могут повлиять на нашу жизнь. С точки зрения психологии, каждое из этих событий предопределяет поведение человека в конкретной ситуации. Таким образом, годологическое пространство формируется личностными потребностями человека во взаимодействии с его психологическим окружением. Годологическое пространство отражает различные степени развития как функцию его накопленного жизненного опыта. Поскольку в детстве наблюдается недостаток опыта, этот период имеет менее дифференцированные участки в годологическом пространстве. Высокообразованные, искушенные в житейских делах взрослые люди имеют более сложное и в значительной мере дифференцированное годологическое пространство, отражающее их прошлый многообразный опыт.

На своих топологических картах Левин изображал векторы, указывающие направление движения человека к цели. Для придания завершенности своему описанию годологического пространства для каждой из целей – в зависимости от ее привлекательности для индивидуума – он ввел положительные и отрицательные значения валентностей.

Левин высказал предположение о существовании баланса или равновесия между индивидуумом и его психологическим окружением. Когда это равновесие нарушается, возникает напряженность отношений, которая вызывает опреде-

ленные изменения, ведущие к восстановлению баланса. В этом заключался главный смысл его концепции мотивации. Согласно взглядам Левина, поведение представляет собой чередование циклов возникновения напряженности и последующего действия по его снятию. Поэтому всякий раз, когда у индивидуума возникает какая-то потребность, то есть состояние напряженности, он своими действиями старается снять это напряжение и восстановить внутреннее равновесие.

Первая попытка экспериментальной проверки этого предположения была выполнена в 1927 году под руководством Левина его ученицей Блюмой Зейгарник. Суть опыта заключалась в том, что наблюдаемым субъектам давался набор задач, и они получали возможность решить только несколько из них, потому что процесс решения искусственно прерывался, прежде чем они могли выполнить все задание. Перед началом эксперимента Левин предсказывал, что:

- напряженное состояние возникает, когда субъект получает задание для выполнения,
- когда задание выполнено, напряжение пропадает,
- когда задание не закончено, сохранение напряженности повышает вероятность того, что оно сохранится в памяти субъекта.

Результаты, полученные Зейгарник, подтвердили предсказания Левина. Наблюдаемые субъекты, чей процесс поиска решения прерывался, с большей вероятностью могли вспомнить суть задания, чем те, кто успевал выполнить его до конца. Многие последующие исследования проводились на основе использования этой закономерности, получившей название эффекта Зейгарник.

В тридцатых годах Левин начал интересоваться вопросами социальной психологии. Главной особенностью социальной психологии Левина является введение понятия групповой динамики, применимое как к индивидуальному, так и к групповому поведению. Согласно его взглядам, так же как индивидуум и его окружение формируют психологическое поле, так и группа и ее окружение формируют социальное поле. Социальное поведение проявляется внутри группы и определяется конкурирующими подгруппами, отдельными членами, ограничениями и каналами общения. Таким образом, групповое поведение в любой момент времени является функцией общего состояния социального поля.

Левин подчеркивал важность изучения коллективных действий и сопутствующих проблем с целью проведения коррекции социального поведения. Обеспокоенный ростом межрасовой напряженности, он провел групповые исследования по широкому кругу вопросов, посвященных совместному проживанию и предоставлению равных возможностей трудоустройства лиц с разным цветом кожи, а также предотвращению появления расовых предрасудков у их детей. Его подход к изучению этих вопросов позволил разработать строгие экспериментальные методы анализа социальных проблем.

Программы научных экспериментов и результаты исследовательских работ Курта Левина получили даже более высокую оценку психологов, чем его теоретические изыскания. Его вклад в социальную и детскую психологию оказался неоспорим. Многие его идеи и методики проведения экспериментов широко используются при изучении проблем личности и мотивации ее поведения.

Гештальтизм оставил заметный след в современной психологии и оказал влияние на отношения к проблемам перцепции, научения, мышления, изучения личности, мотивации поведения, а также на развитие социальной психологии.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные идеи гештальтпсихологии?
2. Каково историческое значение гештальтпсихологии как психологической школы?
3. В чем суть теории поля Курта Левина и каково ее историческое значение для психологии?
4. В чем отличие концепции гештальтпсихологии от взглядов классического бихевиоризма Дж. Уотсона?
5. В чем суть эксперимента М. Вертгеймера, посвященного изучению восприятия движения?
6. Как В. Келер объяснял феномен «инсайта»?

Тема 14. ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

14.1. Предшествующее влияние на развитие идей психоанализа

Фрейд однажды высказал мнение, что за всю свою историю человечество испытало три значительных удара по своему коллективному эго. Первый такой удар был нанесен польским астрономом Николаем Коперником (1473–1543 гг.), который доказал, что Земля не является центром Вселенной; она всего лишь одна из множества планет, вращающихся вокруг Солнца. Вторым откровением стало в XIX веке учение Чарльза Дарвина, показавшего, что человек не является уникальным, отличным от всего живого видом и потому он не может претендовать на какое-то особое место в мире. Он не более чем один из высокоорганизованных видов животных, которые в свою очередь возникли в ходе эволюции из более низких форм жизни.

Третий удар нанес сам Зигмунд Фрейд, провозгласив, что мы не в состоянии полностью контролировать собственную жизнь при помощи разума. Напротив, мы – игрушка в руках бессознательных сил, не подвластных контролю сознания. Таким образом, «Коперник переместил человечество из центра мира на его окраину, Дарвин заставил его признать свое родство с животными, а Фрейд доказал, что рассудок не является хозяином в собственном доме».

Все рассмотренные нами прежде школы исходили из одного и того же академического наследия: в значительной мере все они черпали вдохновение в работах Вундта. Их понятия и методы рождались в лабораториях, библиотеках и лекционных аудиториях. Они отстаивали идеал чистой науки. Напротив, психоанализ не имел никакого отношения ни к университетским аудиториям, ни к идеалу чистой науки. Он произрастал в недрах психиатрической традиции, видевшей свою задачу в том, чтобы помогать тем людям, которых общество отвергло как «психически больных».

Психоанализ с самого начала выбивался из основного русла психологической мысли по своим целям, интересам и методам. Его предметом было аномальное поведение, что сравнительно мало интересовало остальные школы; исходным методом – клиническое наблюдение, а не контролируемый лабораторный эксперимент. И, кроме того, психоанализ преимущественно интересовался бессознательным – темой, которая практически игнорировалась прочими школами.

Вундт и Титченер не включали бессознательное в свои системы по одной простой причине: оно не доступно интроспекции. Для функционализма с его исключительным вниманием к сфере сознания бессознательное также не пред-

ставляло особого интереса. В бихевиористской системе Уотсона для бессознательного не могло найтись места более, чем для сознания.

Но тем не менее, есть все же нечто, что роднит психоанализ с базовыми характеристиками функционализма и бихевиоризма. Все они испытали на себе значительное влияние «духа механицизма», работ Фехнера в области психофизики и эволюционных идей Дарвина.

На развитие психоаналитического движения существенное влияние оказали два источника:

- философские концепции бессознательных психических феноменов,
- работы в сфере психопатологии.

В самом начале XVIII века немецкий философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716 гг.) разработал концепцию, названную им монадологией. Монады, по мысли Лейбница, представляют собой единичные единицы реальности, отличные от физических атомов. Монады состоят не из материи в обычном смысле слова. Каждая монада представляет собой непротяженную психическую сущность. Хотя они и имеют психическую природу, тем не менее им присущи и некоторые свойства физической материи. Когда достаточное количество монад соединяются вместе, они образуют протяженные объекты.

Монады можно уподобить актам восприятия. С точки зрения Лейбница, активность монад, всецело протекающая в сфере идеального, психических актов, имеет различную степень сознательности от почти полного бессознательного до ясного и четкого сознания. Низшие уровни сознания называются малыми перцепциями, их сознательная реализация получила название апперцепции.

Спустя столетие немецкий философ и педагог Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841 гг.) развил эту лейбницевскую идею. Он сформулировал концепцию порога сознания. Порог сознания – уровень психической деятельности, ниже которого идеи оказываются бессознательными.

По Герbartу, идеи, находящиеся ниже определенного порога, бессознательны. Когда идея поднимается до уровня сознания, она апперцептируется. Для того, чтобы та или иная идея могла подняться до уровня сознания, она должна быть сопоставима с теми идеями, которые уже находятся в сфере сознания. Несовместимые идеи не могут находиться в сознании одновременно. Идеи, противоречащие уже имеющимся в сознании, вытесняются.

Вытесненные идеи находятся ниже порога сознания. Они во многом подобны перцепциям Лейбница. Согласно воззрениям Герbartа, различные идеи конкурируют между собой за возможность сознательной реализации. Он даже предложил математические формулы, позволяющие вычислить механику движения идей на пути к сфере сознания.

Густав Фехнер также оказал значительное влияние на развитие теорий бессознательного. Как и Герbart, он также использовал понятие порога. Это ему принадлежит образ психики, как айсберга. Фехнер считал, что, подобно айсбергу, большая часть психической деятельности скрыта под поверхностью сознания и подвержена действию ненаблюдаемых сил.

Разного рода представления о бессознательном составляли важную часть общего интеллектуального климата в Европе 80-х годов XIX столетия. Книга Э. фон Гартмана «Философия бессознательного» была столь популярна, что выдержала девять изданий в период с 1869 по 1882 годы

К началу XIX века постепенно распространяется более гуманное и рациональное отношение к психическим расстройствам. Одним из лидеров нового подхода стал французский врач Филлип Пиннель (1745–1826 гг.). Он утверждал, что душевные расстройства – это естественное явление, и потому лечить их надо методами естественных наук. Он освободил пациентов от оков и стал относиться к ним значительно более гуманно. Именно он первым начал записывать истории болезни и отмечать характер и ход лечения.

Ранее жители Древнего Вавилона верили, что душевные недуги возникают из-за того, что человеком овладевает демон. Их лечение, впрочем, было довольно гуманным и сочетало в себе магию и молитвы. Древние иудеи расценивали такие недуги как наказание за грехи. Они полагались при лечении на магию и молитву. По мере распространения и упрочения в Европе христианства в IV веке, к психическим расстройствам вновь стали относиться как к чему-то, достойному осуждения, как к одержимости бесами или дьяволом. А потому надлежащее, с точки зрения церкви, лечение представляло собой сочетание морального и религиозного осуждения, пыток и других мучительных, варварских процедур по изгнанию бесов.

На протяжении XIX века в области психиатрии боролись две основные школы – соматическая и психическая. Соматическая школа видела главную причину аномального поведения в физических нарушениях – таких, как поражение головного мозга, недостаточная стимуляция нервных окончаний или же излишнее их напряжение. Психическая школа, напротив, полагала, что причины аномального поведения следует искать в сфере психики. Однако в целом ведущая роль принадлежала все же соматической школе.

Психоанализ явился своеобразным протестом против соматической ориентации. По мере достижения успешных результатов в области лечения душевнобольных многие ученые все более приходили к убеждению, что эмоциональные факторы играют в развитии болезни не меньшую, а зачастую и большую роль, чем поражения мозга или какие-то иные физические причины.

Использование гипноза еще больше подогрело интерес к исследованию психических причин аномального поведения. В конце XVIII века интерес медиков к гипнозу стимулировали работы австрийского врача Франца Антона Месмера (1734–1815 гг.). Но еще в течение, по крайней мере, целого столетия официальная медицина отрицала роль гипноза, относясь к месмеризму как к шарлатанству и мошенничеству.

Признание со стороны профессионального сообщества гипноз получил прежде всего благодаря работам французского врача Жана Мартина Шарко (1823–1893 гг.). Ему удалось добиться некоторых успехов в лечении истерии при помощи гипноза. Ученик Шарко Пьер Жане (1859–1947 гг.) отбросил представление об истерии как о следствии физических причин. Вместо этого он стал трактовать истерию как душевную болезнь. Он выдвинул предположение, что подлинными причинами истерии являются психические явления – и, прежде всего, нарушения памяти, навязчивые идеи и силы бессознательного. В качестве основного метода лечения был выбран гипноз.

Именно благодаря работам Шарко и Жане отношение к душевным болезням в психиатрии постепенно менялось: в них все больше видели не проявление физических и соматических причин, а следствие психических и душевных факто-

ров. Психиатры стали лечить эмоциональные расстройства, обращаясь к рассудку пациентов, а не к их телу.

Фрейд испытал на себе сильное влияние со стороны Чарльза Дарвина. Дарвин настаивал на том, что человеческие существа подвержены воздействию биологических сил, в особенности инстинкту продолжения рода и инстинкту поиска пищи, которые, по его мнению, составляют основу всякого поведения. Именно Дарвиным был высказан ряд идей, которые потом легли в основу психоанализа. Это представления о бессознательных психических процессах и конфликтах, о роли сновидений и скрытом символизме некоторых поведенческих симптомов, о значимости сексуального пробуждения. Кроме того, Дарвин, как и Фрейд после него, сосредоточил внимание именно на нерациональных аспектах поведения и психики.

Еще в годы учебы в университете Фрейду довелось соприкоснуться с механистическими идеями. Они основывались на тех представлениях, что, помимо физических и химических. В человеческом организме нет других активно действующих сил. Впоследствии Фрейд сформулировал свою детерминистическую концепцию поведения человека и назвал ее психическим детерминизмом.

14.2. Зигмунд Фрейд и развитие психоанализа

Зигмунд Фрейд (1856–1939 гг.) родился 6 мая в г. Фрайберге, Моравия (ныне, г. Прибор, Чешская Республика). Отец Фрейда торговал сукном. После того, как его дела зашли в Моравии в тупик, он вместе с семьей перебрался в Лейпциг, а затем, когда маленькому Фрейду исполнилось четыре года, – в Вену. В дальнейшем Фрейду было суждено провести в этом городе почти 80 лет. Отец Фрейда был на двадцать лет старше матери. По складу характера это был жесткий и авторитарный человек. В детстве Фрейд испытывал по отношению к отцу смешанные чувства страха и любви. Его мать, напротив, была женщиной мягкой и заботливой. К ней он всегда испытывал сильную привязанность. Страх по отношению к отцу и сексуальное влечение к матери – именно это Фрейд впоследствии назвал эдиповым комплексом.

Фрейд был одним из девяти детей в семье. С детства он проявлял недюжинные интеллектуальные способности, что получало постоянную поддержку в семье. Фрейд пошел в среднюю школу на год раньше положенного. За годы учебы он проявил себя как блестящий ученик и закончил школу с отличием в 17 лет. Знакомство с теорией эволюции Дарвина пробудило в нем интерес к научным исследованиям, и он решил посвятить себя медицине.

В 1873 году он поступил в Венский университет. Фрейд собирался продолжить научную карьеру в академической сфере, но Эрнст Брюкке, профессор медицины в университете и одновременно директор физиологического института, где Фрейд впоследствии работал, отговорил его от этого намерения по финансовым соображениям. Фрейд был слишком беден, чтобы позволить себе в течение многих лет дожидаться профессорской должности в университете. Фрейд вынужден был согласиться с доводами Брюкке и в итоге решил готовиться к сдаче экзаменов на право заниматься частной медицинской практикой.

Он получил ученую степень доктора медицины в 1881 году и начал практику в качестве клинического невролога. Как Фрейд и ожидал, клиническая прак-

тика оказалась делом не слишком увлекательным. Но экономические реалии взяли верх, и он продолжил свою клиническую деятельность.

В 1885 году Фрейду удалось получить небольшой грант, позволивший ему провести несколько месяцев в Париже на стажировке у Шарко. Онзнакомился с применением метода гипноза при лечении истерии. Шарко также обратил внимание Фрейда на роль секса в развитии истерического поведения. Фрейд с энтузиазмом воспринял методы гипноза и катарсиса, которые Брейер использовал в лечебных целях. Однако со временем применение гипноза вызывало у него все большую неудовлетворенность. Он также разработал новую психологическую технику – метод свободных ассоциаций.

При использовании метода свободных ассоциаций пациент лежит на кушетке, а врач побуждает его открыто и спонтанно говорить. При этом надо по возможности полно высказывать все, что только приходит на ум, первые впечатления – вне зависимости от того, насколько глупым, незначительным или непристойным это бы ни казалось. Задачей данного метода было выведение на экран сознания тех вытесненных мыслей или переживаний, которые могли быть причиной аномального поведения пациента.

В 1895 году совместно с Брейером Фрейд выпустил работу под названием «Исследования по истерии». Именно эту публикацию считают формальным началом психоанализа. В этой книге содержались статьи обоих авторов, а также подробные описания некоторых историй болезни, в том числе и случай Анны О.

К середине 90-х годов убеждение Фрейда о решающей роли секса в развитии неврозов окончательно окрепло. В большинстве случаев его пациенты сообщали о травматических сексуальных переживаниях в детстве, часто связанных с членами их семей. Он также пришел к заключению, что невроз не может развиться у человека, ведущего нормальную сексуальную жизнь.

В докладе, представленном им Венскому психиатрическому и неврологическому обществу в 1896 году, Фрейд сообщал, что во время сеансов свободных ассоциаций его пациенты вспоминали об имевшихся в детстве попытках совращения.

Примерно через год Фрейд пересмотрел свою позицию и заявил, что в большинстве случаев описываемые пациентами ситуации совращения были вообразимыми и в действительности не могли иметь места. Эта позиция Фрейда представляет собой еще одну поворотную точку в развитии психоанализа. Поначалу осознание того факта, что описываемые пациентами переживания были всего лишь фантазиями, повергло Фрейда в шок. Ведь вся его теория неврозов основывалась на том, что пациенты действительно имели в детстве некоторые психосексуальные травмы. Это, по его мнению, и было причиной последующего иррационального поведения во взрослом состоянии.

Правда, после некоторого размышления, Фрейд пришел к выводу, что фантазии пациентов все же были для них совершенно реальными. А поскольку все эти фантазии концентрировались вокруг проблем секса, то последние и оставались подлинной причиной расстройств. Таким образом, Фрейду удалось сохранить базовую идею своей сексуальной теории неврозов.

В ходе своей работы Фрейд убедился, что сны пациента могут быть источником богатейшей информации о его эмоциональной жизни. Сновидения часто содержат в себе ключ к пониманию глубинных причин тех или иных расстройств. Анализ сновидений – одна из психоаналитических техник, включаю-

щая в себя толкование сновидений с целью открыть с их помощью скрытые бессознательные конфликты. Книга «Толкование сновидений», которую ныне считают одной из главных работ Фрейда.

В первые годы XX века Фрейд продолжал развивать идеи психоанализа. В 1901 году он опубликовал свою знаменитую работу «Психопатология обыденной жизни». Именно там впервые прозвучала популярная ныне идея о значении ошибок, обмолвок и других произвольных действий – то, что впоследствии получило название «фрейдовской оговорки». Фрейд высказал предположение, что в нашем повседневном поведении бессознательные идеи, которые конкурируют между собой за то, чтобы выйти на уровень осознания, могут оказывать существенное воздействие на наши мысли и поступки, изменяя их. То, что на поверхности явлений выглядит как случайность, оговорка или простая забывчивость, на самом деле отражает реальные, но еще не осознанные мотивы.

Термин «психоанализ» имеет три значения: 1) теория личности и психопатологии, 2) метод терапии личностных расстройств и 3) метод изучения неосознанных мыслей и чувств индивидуума. Это соединение теории с терапией и с оценкой личности принижает все аспекты представлений Фрейда о человеческом поведении. Рассмотрим сначала его взгляды на организацию психики, которую часто называют «топографической моделью» Фрейда. Согласно этой модели, в психической жизни можно выделить три уровня: сознание, подсознательное и бессознательное. Рассматривая их в единстве, Фрейд использовал эту «психическую карту», чтобы показать степень осознаваемости таких психических явлений, как мысли и фантазии.

Уровень сознания состоит из ощущений и переживаний, которые вы осознаете в данный момент времени. Фрейд настаивал на том, что только незначительная часть психической жизни входит в сферу сознания. Определенное содержание осознается лишь в течение короткого периода времени, а затем быстро погружается на уровень предсознательного или бессознательного по мере того, как внимание человека перемещается на другие сигналы.

Область предсознательного, иногда называемая «доступной памятью», включает в себя весь опыт, который не осознается в данный момент, но может легко вернуться в сознание или спонтанно, или в результате минимального усилия.

Самая глубокая и значимая область человеческого разума – это бессознательное. Бессознательное представляет собой хранилище примитивных инстинктивных побуждений плюс эмоции и воспоминания, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены или вытеснены в область бессознательного.

Однако в начале 20-х годов Фрейд пересмотрел свою концептуальную модель психической жизни и ввел в анатомию личности три основные структуры: ид, эго и суперэго. Данное трехчастное деление личности известно как структурная модель психической жизни, хотя Фрейд полагал, что эти составляющие следует рассматривать скорее как некие процессы, чем как особые структуры личности. Взаимосвязь между этими личностными структурами и уровнями сознания (то есть топографическая модель) показывает, что сфера ид полностью неосознаваема, в то время как эго и суперэго действуют на всех трех уровнях сознания. Сознание охватывает все три личностные структуры, хотя основная его часть сформирована импульсами, исходящими от ид.

Слово «ид» происходит от латинского «оно» и означает исключительно примитивные, инстинктивные и врожденные аспекты личности. Ид функциони-

рует целиком в бессознательном и тесно связано в инстинктивными биологическими побуждениями (еда, сон, дефекация и копуляция), которые наполняют наше поведение энергией. Согласно Фрейду, ид – нечто темное, биологическое, хаотичное, не знающее законов, не подчиняющееся правилам. Ид сохраняет свое центральное значение для индивидуума на протяжении всей его жизни. Будучи примитивным в своей основе, оно свободно от всяких ограничений. Являясь самой старой исходной структурой психики, ид выражает первичный принцип всей человеческой жизни – немедленную разрядку психической энергии, производимой биологически обусловленными побуждениями (особенно сексуальными и агрессивными). Немедленная разрядка напряжения получила название принцип удовольствия. Ид подчиняется этому принципу, выражая себя в импульсивной, иррациональной и нарциссической (преувеличенно себялюбивой) манере, невзирая на последствия для других или вопреки самосохранению.

Эго (от лат. ego – я) – это компонент психического аппарата, ответственный за принятие решений. Эго стремится выразить и удовлетворить желания ид в соответствие с ограничениями, налагаемыми внешним миром. Эго получает свою структуру и функцию от ид, эволюционирует из него и заимствует часть энергии ид для своих нужд, чтобы отвечать требованиям социальной реальности. Таким образом, эго помогает обеспечивать безопасность и самосохранение организма. В борьбе за выживание как против социального внешнего мира, так и инстинктивных потребностей ид, эго должно постоянно осуществлять дифференциацию между событиями в психическом плане и реальными событиями во внешнем мире. Эго подчиняется принципу реальности, цель которого – сохранение целостности организма путем отсрочки удовлетворения инстинктов до того момента, когда будет найдена возможность достичь разрядки подходящим способом и/или будут найдены соответствующие условия во внешней среде. Принцип реальности дает возможность индивидууму тормозить, переадресовывать или постепенно давать выход грубой энергии ид в рамках социальных ограничений и совести индивидуума.

Суперэго (от лат. super – сверх, ego – я) – это компонент психического аппарата, представляющий интернализованную версию общественных норм и стандартов поведения. Для того, чтобы человек эффективно функционировал в обществе, он должен иметь систему ценностей, норм и этики, разумно совместимых с теми, что приняты в его окружении. Все это приобретает в процессе «социализации»; на языке структурной модели психоанализа – посредством формирования суперэго.

Дети должны обретать его, благодаря взаимодействию с родителями, учителями и другими «формирующими» фигурами. Будучи морально-этической силой личности, суперэго является следствием продолжительной зависимости ребенка от родителей. По мере того, как социальный мир ребенка начинает расширяться (благодаря школе, религии и группам сверстников), сфера суперэго увеличивается до пределов того поведения, которое считают приемлемым эти новые группы. Совесть приобретает посредством родительских наказаний. Она связана с такими поступками, которые родители называют «непослушным поведением» и за которые ребенок получает выговор. Совесть включает способность к критической самооценке, наличие моральных запретов и возникновение чувства вины у ребенка, когда он не сделал того, что должен был сделать. Поощрительный аспект суперэго – это эго-идеал. Он формируется из того, что родители

одобряют или высоко ценят; он ведет индивидуума к установлению для себя высоких стандартов. Суперэго считается полностью сформировавшимся, когда родительский контроль заменяется самоконтролем. Однако этот принцип самоконтроля не служит целям принципа реальности. Суперэго, пытаясь полностью затормозить любые общественно осуждаемые импульсы со стороны ид, пытается направлять человека к абсолютному совершенству в мыслях, словах и поступках.

Инстинкты – движущая сила поведения

Психоаналитическая теория основывается на представлении, согласно которому люди являются сложными энергетическими системами. Поведение человека активируется единой энергией, согласно закону сохранения энергии (то есть она может переходить из одного состояния в другое, но количество ее остается при этом тем же самым). У каждого человека определенное ограниченное количество энергии, питающей психическую активность; цель любой формы поведения индивидуума состоит в уменьшении напряжения, вызываемого неприятным для него скоплением этой энергии. Мотивация человека полностью основана на энергии возбуждения, производимого телесными потребностями. По Фрейду, психические образы телесных потребностей, выраженные в виде желаний, называются инстинктами. В инстинктах проявляются врожденные состояния возбуждения на уровне организма, требующие выхода и разрядки. Фрейд утверждал, что любая активность (мышление, восприятие, память и воображение) определяется инстинктами. Влияние последних на поведение может быть как прямым, так и непрямым, замаскированным. Люди ведут себя так или иначе потому, что их побуждает бессознательное напряжение – их действия служат цели уменьшения этого напряжения. Инстинкты как таковые являются «конечной причиной любой активности».

Хотя количество инстинктов может быть неограниченным, Фрейд признавал существование двух основных групп: инстинктов жизни и смерти. Первая группа (под общим названием Эрос) включает все силы, служащие цели поддержания жизненно важных органов и обеспечивающие размножение вида. Признавая большее значение инстинктов жизни в физической организации индивидуумов, наиболее существенными для развития личности Фрейд считал сексуальные инстинкты. Энергия сексуальных инстинктов получила название либидо (от лат. *libido* – хотеть или желать), или энергия либидо – термин, употребляющийся в значении энергии жизненных инстинктов в целом. Либидо – это определенное количество психической энергии, которая находит разрядку исключительно в сексуальном поведении.

Вторая группа – инстинкты смерти, называемые Танатос, – лежит в основе всех проявлений жестокости, агрессии, самоубийств и убийств. Ссылаясь на Шопенгауэра, Фрейд утверждал: «Целью жизни является смерть». Тем самым он хотел сказать, что всем живым организмам присуще компульсивное стремление вернуться в неопределенное состояние, из которого они вышли. То есть Фрейд верил в то, что людям присуще стремление к смерти.

Любой инстинкт имеет четыре характеристики: источник, цель, объект и стимул. Источник инстинкта – состояние организма или потребность, вызывающая это состояние. Цель инстинкта всегда состоит в устранении или редукции возбуждения, вызванного потребностью. Если цель достигнута, человек ис-

пытывает кратковременного блаженства. Объект означает любого человека, предмет в окружающей среде или что-то в собственном теле индивидуума, обеспечивающее удовлетворение (то есть цель) инстинкта. Наконец, стимул представляет собой количество энергии силы или давления, которое требуется для удовлетворения инстинкта. Оно может быть оценено косвенным образом путем наблюдения количества и видов препятствий, которые предстоит преодолеть человеку в поисках конкретной цели.

Ключом к пониманию динамики энергии инстинктов и ее выражения в выборе объектов является понятие смещенной активности. Согласно этой концепции, высвобождение энергии и ослабление напряжения происходит благодаря смене поведенческой активности. Смещенная активность имеет место тогда, когда по каким-то причинам выбор нужного объекта для удовлетворения инстинкта невозможен.

Фрейд считал, что многие социально-психологические феномены можно понять в контексте смещения двух первичных инстинктов: сексуального и агрессивного. Например, социализацию ребенка можно частично объяснить как результат последовательного смещения сексуальной потребности от одного объекта к другому, как того требуют родители и общество.

Развитие личности: психосексуальные стадии

В термине «психосексуальный» подчеркивается, что главным фактором, определяющим развитие человека, является сексуальный инстинкт, прогрессирующий от одной эрогенной зоны к другой в течение жизни человека. Согласно теории Фрейда, на каждой стадии развития определенный участок тела стремится к определенному объекту или действиям, чтобы вызвать приятное напряжение. Психосексуальное развитие – это биологически детерминированная последовательность, развертывающаяся в неизменном порядке и присущая всем людям, независимо от их культурного уровня.

Психоаналитическая теория основывается на двух предпосылках. Первая, или генетическая предпосылка, делает упор на том, что переживания раннего детства играют критическую роль в формировании взрослой личности. Фрейд был убежден в том, что основной фундамент личности индивидуума закладывается в очень раннем возрасте, до пяти лет. Вторая предпосылка состоит в том, что человек рождается с определенным количеством сексуальной энергии (либидо), которая затем проходит в своем развитии через несколько психосексуальных стадий, коренящихся в инстинктивных процессах организма.

Фрустрация и сверхзаботливость

В случае фрустрации психосексуальные потребности ребенка (например, сосание, жевание или кусание) пресекаются родителями или воспитателями и поэтому не находят оптимального удовлетворения. При сверхзаботливости со стороны родителей ребенку предоставляется мало возможностей (или их вовсе нет) самому управлять своими внутренними функциями (например, осуществлять контроль над выделительными функциями). По этой причине у ребенка формируется чувство зависимости и некомпетентности. В любом случае, как полагал Фрейд, в результате происходит чрезмерное скопление либидо, что впоследствии, в зрелые годы может выразиться в виде «остаточного» поведения

(черты характера, ценности, установки), связанного с той психосексуальной стадией, на которую пришлось фрустрация или сверхзаботливость.

Важным понятием в психоаналитической теории является понятие регрессии, то есть возврат на более раннюю стадию психосексуального развития и проявление ребячливого поведения, характерного для этого более раннего периода. Например, взрослый человек в ситуации сильного стресса может регрессировать, и это будет сопровождаться слезами, сосанием пальца, желанием выпить чего-нибудь «покрепче». Регрессия – это особый случай того, что Фрейд называл фиксацией. Фиксация представляет собой неспособность продвижения от одной психосексуальной стадии к другой; она приводит к чрезмерному выражению потребностей, характерных для той стадии, где произошла фиксация. Например, упорное сосание пальца у десятилетнего мальчика является признаком оральной фиксации.

Оральная стадия длится от рождения приблизительно до 18-месячного возраста. Выживание младенца всецело зависит от тех, кто о нем заботится. Зависимость для него – единственный способ получения инстинктивного удовлетворения. В этот период область рта наиболее тесно связана и с удовлетворением биологических потребностей, и с приятными ощущениями.

Фрейд выдвинул постулат, согласно которому у ребенка, который получал чрезмерную или недостаточную стимуляцию в младенчестве, скорее всего сформируется в дальнейшем орально-пассивный тип личности. Человек с орально-пассивным типом личности – веселый и оптимистичный, ожидает от окружающего мира «материнского» отношения к себе и постоянно ищет одобрения любой ценой.

В течение второй половины первого года жизни начинается вторая фаза оральной стадии – орально-агрессивная, или орально-садистическая фаза. Фиксация на орально-садистической стадии выражается у взрослых в таких чертах личности как любовь к спорам, пессимизм, саркастические «подкусывания», а также часто в циничном отношении ко всему окружающему.

Аральная стадия начинается в возрасте около 18 месяцев и продолжается до третьего года жизни. В течение этого периода маленькие дети получают значительное удовольствие от удерживания и выталкивания фекалий. С самого начала приучения к туалету ребенок должен учиться разграничивать требования ид (удовольствие от немедленной дефекации) и социальные ограничения, исходящие от родителей.

Фрейд выделял две основные тактики родителей, наблюдаемые в процессе преодоления неизбежной фрустрации, связанной с приучением ребенка к туалету. Если тенденция «удерживания» становится чрезмерной и распространяется на другие виды поведения, у ребенка может сформироваться анально-удерживающий тип личности. Анально-удерживающий взрослый необычайно упрям, скуп, методичен и пунктуален. У этого человека также наблюдается недостаточная способность переносить беспорядок, неразбериху и неопределенность. Второй отдаленный результат анальной фиксации, обусловленный родительской строгостью в отношении туалета – это анально-выталкивающий тип. Черты данного типа личности включают склонность к разрушению, беспокойство, импульсивность и даже садистическую жестокость.

Между тремя и шестью годами интересы ребенка, обусловленные либидо, сдвигаются в новую эрогенную зону, в область гениталий. На протяжении фаллической стадии психосексуального развития дети могут рассматривать и исследовать свои половые органы, мастурбировать и проявлять заинтересованность в вопросах, связанных с рождением и половыми отношениями.

Доминирующий конфликт на фаллической стадии состоит в том, что Фрейд назвал эдиповым комплексом (аналогичный комплекс у девочек получил название комплекса Электры). Описание этого комплекса Фрейд заимствовал из трагедии Софокла «Царь Эдип», в которой Эдип, царь Фив, непреднамеренно убил своего отца и вступил в кровосмесительную связь с матерью. Когда Эдип понял, какой чудовищный грех он совершил, он ослепил себя. Хотя Фрейд знал, что повествование об Эдипе берет начало из греческой мифологии, он в то же время рассматривал трагедию как символическое описание того одного из величайших человеческих психологических конфликтов. В сущности, этот миф символизирует неосознанное желание каждого ребенка обладать родителем противоположного пола и одновременно устранить родителя одного с ним пола.

Первоначально объектом любви у мальчика выступает мать или замещающая ее фигура. С момента рождения она является для него главным источником удовлетворения. В то же время он воспринимает отца как конкурента, препятствующего его желанию получить генитальное удовольствие. Отсюда следует, что отец становится его главным соперником или врагом. Соперничество влечет за собой страх мальчика, что отец лишит его пениса. Боязнь воображаемого возмездия со стороны отца, которую Фрейд назвал страхом кастрации, заставляет мальчика отказаться от своего стремления к инцесту с матерью.

В возрасте примерно между пятью и семью годами эдипов комплекс разрешается: мальчик подавляет (вытесняет из сознания) свои сексуальные желания в отношении матери и начинает идентифицировать себя с отцом (перенимает его черты). Процесс идентификации с отцом, получивший название идентификации с агрессором, выполняет несколько функций. Во-первых, мальчик приобретает конгломерат ценностей, моральных норм, установок, моделей полоролевого поведения, обрисовывающих для него, что это значит – быть мужчиной. Во-вторых, идентифицируясь с отцом, мальчик может удержать мать как объект любви заместительным путем, поскольку теперь он обладает теми же атрибутами, которые мать ценит в отце. Еще более важным аспектом разрешения эдипова комплекса является то, что мальчик интернализирует родительские запреты и основные моральные нормы. Это есть специфическое свойство идентификации, которое, как считал Фрейд, подготавливает почву для развития суперэго или совести ребенка.

В промежутке от шести-семи лет до начала подросткового возраста располагается фаза сексуального затишья, получившая название латентного периода. Теперь либидо ребенка направляется посредством сублимации в виды деятельности, не связанные с сексуальностью, – такие, как интеллектуальные занятия, спорт и отношения со сверстниками.

С наступлением половой зрелости восстанавливаются сексуальные и агрессивнее побуждения, а вместе с ними интерес к противоположному полу и возрастающее осознание этого интереса. Начальная фаза генитальной стадии (пе-

риода, продолжающегося от зрелости до смерти) характеризуется биохимическими и физиологическими изменениями в организме.

Согласно теории Фрейда, все индивидуумы проходят в раннем подростковом возрасте через «гомосексуальный» период. Новый взрыв сексуальной энергии подростка направлен на человека одного с ним пола (например, на учителя, соседа, сверстника) – в основном, таким же образом, как это происходит при разрешении эдипова комплекса. Хотя явное гомосексуальное поведение не является универсальным опытом этого периода, согласно Фрейду, подростки предпочитают общество сверстников одного с ними пола. Однако постепенно объектом энергии либидо становится партнер противоположного пола, и начинается ухаживание. Увлечения юности в норме ведут к выбору брачного партнера и созданию семьи.

Генитальный характер – это идеальный тип личности в психоаналитической теории. Это человек зрелый и ответственный в социально-сексуальном отношении. Он испытывает удовлетворение в гетеросексуальной любви.

Фрейд был убежден: для того, чтобы сформировался идеальный генитальный характер, человек должен отказаться от пассивности, свойственной раннему детству, когда любовь, безопасность, физический комфорт – в сущности, все формы удовлетворения легко давались, и ничего не требовалось взамен. Люди должны учиться трудиться, откладывать удовлетворение, проявлять в отношении других тепло и заботу, и прежде всего, брать на себя более активную роль в решении жизненных проблем. И наоборот, если в раннем детстве имели место разного рода травматические переживания с соответствующей фиксацией либидо, адекватное вхождение в генитальную стадию становится трудным, если не невозможным.

Природа тревоги

Тревога является функцией эго и назначение ее состоит в том, чтобы предупредить человека о надвигающейся угрозе, которую надо встретить или избежать. Тревога как таковая дает возможность личности реагировать в угрожающих ситуациях адаптивным способом.

Согласно приведенному тезису, первичный источник испытываемой человеком тревоги коренится в неспособности новорожденного справляться с внутренним и внешним возбуждением. Эта ситуация вызывает травмирующее состояние, известное как первичная тревога, примером которой может служить сам процесс рождения.

В зависимости от того, откуда исходит угроза для эго (из внешнего окружения, от ид или суперэго), психоаналитическая теория выделяет три типа тревоги.

Эмоциональный ответ на угрозу и/или понимание реальных опасностей внешнего мира (например, опасные животные или выпускной экзамен) называется реалистической тревогой. Она в основном является синонимом страха.

Эмоциональный ответ на опасность того, что неприемлемые импульсы со стороны ид станут осознанными, называется невротической тревогой. Она обусловлена боязнью, что эго окажется неспособным контролировать инстинктивные побуждения, особенно сексуальные или агрессивные.

Когда эго испытывает угрозу наказания со стороны суперэго, результирующий эмоциональный ответ называется моральной тревогой. Моральная тревога

возникает всегда, когда ид стремится к активному выражению безнравственных мыслей или действий, и суперэго отвечает на это чувством вины, стыда или самообвинения.

Защитные механизмы эго

Основная психодинамическая функция тревоги – помочь человеку избежать осознанного выявления у себя неприемлемых инстинктивных импульсов и поощрять удовлетворение этих импульсов надлежащими способами в подходящее время. Защитные механизмы эго помогают осуществлению этих функций, а также охраняют человека от захлестывающей его тревоги. Фрейд определял защитные механизмы эго как сознательную стратегию, которую использует индивид для защиты от открытого выражения импульсов ид и встречного давления со стороны суперэго. Фрейд полагал, что эго реагирует на угрозу прорыва импульсов ид двумя путями:

- блокированием выражения импульсов в сознательном поведении;
- искажением их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону.

Все защитные механизмы обладают двумя общими характеристиками:

- они действуют на неосознанном уровне и поэтому являются средствами самообмана;

- они искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивидуума.

Вытеснение. Фрейд рассматривал вытеснение как первичную защиту эго не только по той причине, что оно является основой для формирования более сложных защитных механизмов, но также потому, что оно обеспечивает наиболее прямой путь ухода от тревоги. В результате действия вытеснения индивидуумы не осознают своих вызывающих тревогу конфликтов, а также не помнят травматических прошлых событий.

Фрейд считал, что вытесненные мысли и импульсы не теряют своей активности в бессознательном, и для предотвращения их прорыва в сознание требуется постоянная трата психической энергии. Эта непрерывная трата ресурсов эго может серьезно ограничивать использование энергии для более адаптивного, направленного на собственное развитие, творческого поведения. Однако постоянное стремление вытесненного материала к открытому выражению может получать кратковременное удовлетворение в сновидениях, шутках, оговорках и других проявлениях того, что Фрейд называл «психопатологией обыденной жизни». Более того, согласно его теории, вытеснение играет роль во всех формах невротического поведения, в психосоматических заболеваниях (таких, например, как язвенная болезнь), психосексуальных нарушениях (таких как импотенция и фригидность). Это основной и наиболее часто встречающийся защитный механизм.

Проекция. Как защитный механизм по своей теоретической значимости проекция следует за вытеснением. Она представляет собой процесс, посредством которого индивидуум приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и поведение другим людям или окружению.

Замещение. В защитном механизме, получившем название замещение, проявление инстинктивного импульса переадресовывается от более угрожающего объекта или личности к менее угрожающему. Распространенный пример – ребе-

нок, который, после того как его наказали родители, толкает свою младшую сестру, пинает ее собачку или ломает ее игрушки.

Рационализация. Другой способ для эго справиться с фрустрацией и тревогой – это исказить реальность и, таким образом, защитить самооценку. Рационализация имеет отношение к ложной аргументации, благодаря которой иррациональное поведение представляется таким образом, что выглядит вполне разумным и поэтому оправданным в глазах окружающих.

Одним из наиболее часто употребляемых видов такой защиты является рационализация по типу «зелен виноград». Это название берет начало из басни Эзопа о лисе, которая не могла дотянуться до виноградной кисти и поэтому решила, что ягоды еще не созрели.

Реактивное образование. Иногда эго может защищаться от запретных импульсов, выражая в поведении и мыслях противоположные побуждения. Здесь мы имеем дело с реактивным образованием, или обратным действием. Этот защитный процесс реализуется двухступенчато: во-первых, неприемлемый импульс подавляется; затем на уровне сознания проявляется совершенно противоположный. Фрейд писал, что многие мужчины, высмеивающие гомосексуалистов, на самом деле защищаются от собственных гомосексуальных побуждений.

Регрессия. Еще один известный защитный механизм, используемый для защиты от тревоги, – это регрессия. Для регрессии характерен возврат к ребячливым, детским моделям поведения. Это способ смягчения тревоги путем возврата к раннему периоду жизни, более безопасному и приятному.

Сублимация. Согласно Фрейду, сублимация является защитным механизмом, дающим возможность человеку в целях адаптации изменить свои импульсы таким образом, чтобы их можно было выражать посредством социально приемлемых мыслей или действий. Сублимация рассматривается как единственно здоровая, конструктивная стратегия обуздания нежелательных импульсов, потому что она позволяет изменить цель или/и объект импульсов без сдерживания их проявления. Энергия инстинктов отводится по другим каналам выражения – тем, которые общество полагает приемлемыми.

Фрейд утверждал, что сублимация сексуальных инстинктов послужила главным толчком для великих достижений в западной науке и культуре. Он говорил, что сублимация сексуального влечения является особенно заметной чертой эволюции культуры – благодаря ей одной стал возможен необычайный подъем в науке, искусстве и идеологии, которые играют такую важную роль в нашей цивилизованной жизни.

14.3. Дальнейшая судьба психоанализа. Неофрейдизм

Далеко не все последователи психоанализа непременно стремились подвергнуть ревизии или ниспровергнуть фрейдовскую систему в целом. Были среди них и такие, кто твердо держался центральных положений психоанализа, хотя, тем не менее, позволял себе пересматривать некоторые его аспекты.

Наибольшие перемены во взглядах таких лояльных фрейдистов касались понятия эго. Права эго были существенным образом расширены, и теперь его роль уже не сводилась только к подчинению ид. Эго становится значительно более независимым: оно обладает собственной энергией и функциями, не сводимыми к энергии и функциям ид. Более того, многие из неофрейдистов этого

направления высказывали предположение, что эго независимо и от тех конфликтов, которые возникают в сфере ид.

Как известно, с точки зрения самого Фрейда, эго всегда подчинено ид и не может быть свободно от его импульсов. В новом варианте психоанализа эго может функционировать независимо от ид, что, безусловно, представляется значительным отходом от ортодоксальной позиции.

Еще одной существенной новацией неофрейдизма можно назвать переоценку влияния биологических факторов на развитие личности в пользу усиления роли социальных и психологических сил. Пересмотру подверглась также роль детской психосексуальности и понятие эдипова комплекса. Согласно новой точке зрения, влияние этих факторов минимально. Развитие личности определяется не психосексуальными, а преимущественно психосоциальными факторами. Социальные воздействия в детском развитии имеют гораздо большее влияние, чем сексуальность, реальная или воображаемая.

Одним из лидеров неофрейдистской эго-психологии была дочь Фрейда **Анна Фрейд** (1895–1982 гг.). Анна была самым младшим ребенком среди шестерых детей Фрейда. Детство Анны не было счастливым, в семье ее не баловали. От детских лет у нее осталось «впечатление заброшенности, постоянное ощущение того, что ты только в тягость, чувство скуки и одиночества». Она постоянно завидовала своей сестре Софи – явной любимице матери. Однако, через некоторое время она сама стала любимицей отца. Вскоре он «привязался к ней так же, как был привязан к своим сигарам».

Анна увлеклась исследованиями отца. Уже с 14 лет она часто присутствовала на заседаниях Венского психоаналитического общества, тихонько сидя в сторонке и жадно впитывая в себя все сказанное. В 22 года, движимая глубокой эмоциональной привязанностью к отцу, а также под влиянием беспокойства по поводу того, что Фрейд называл «ее сексуальностью», она прошла несколько сеансов психоанализа под руководством отца. Как она сообщала, в ее сновидениях было много ситуаций, связанных с насилием: стрельба, убийства, смерть. Часто она защищала отца от врагов.

В 1924 году Анна сделала свой первый доклад на заседании Венского психоаналитического общества под названием «Порка, фантазии и грезы». В значительной мере он был построен на истории некой анонимной пациентки.

Анна Фрейд никогда не была замужем. Она посвятила жизнь лечению детей с эмоциональными расстройствами при помощи психоанализа. Впоследствии, на протяжении всей длительной болезни отца, она была рядом с ним.

Несмотря на все хлопоты, много сил она отдавала психоаналитической практике и заложила основы новой области исследований – детского психоанализа. Она является автором множества статей и книг и внесла существенный вклад в развитие идей своего отца.

В 1927 году Анна Фрейд опубликовала свою первую книгу под названием «Введение в технику детского анализа». Она обосновала необходимость создания особого направления психоаналитической терапии – детского анализа, который учитывал бы незрелость детской психики и сравнительно низкий уровень вербализации.

Анна Фрейд подвергла существенному пересмотру ортодоксальную психоаналитическую теорию, расширив роль эго и допустив его независимое от ид функционирование. В работе «Эго и механизмы защиты» она развивала одно из

базовых положений психоанализа – роль и функционирование механизмов, защищающих эго от тревоги.

14.3.1. Аналитическая теория личности К. Юнга

Карл Юнг (1875–1961 гг.) родился и вырос в маленькой деревушке на севере Швейцарии, неподалеку от знаменитого Рейнского водопада. По его собственному признанию, детские годы были наполнены чувством одиночества, отсутствием взаимопонимания и счастья.

В 1900 году Юнг поступил в университет г. Базеля в Швейцарии и окончил его, получив научную степень по медицине. Он заинтересовался психиатрией, и его первым местом работы стала клиника для душевнобольных в Цюрихе.

Юнг впервые познакомился с идеями Фрейда в 1900 году, прочитав работу «Толкование сновидений». Он оценил книгу как подлинный шедевр. В 1906 году между ним и Фрейдом началась переписка, а год спустя он приехал к Фрейду в Вену.

В отличие от большинства учеников Фрейда, Юнг состоялся как профессионал еще до встречи с Фрейдом. В 1911 году по настоянию Фрейда и при явном противодействии со стороны венского психоаналитического сообщества, Юнг становится первым президентом Международной психоаналитической ассоциации. Фрейд опасался, что антисемитизм помешает росту психоаналитического движения, если президентом ассоциации будет еврей.

Вскоре после этих событий его дружба с Фрейдом дала первые трещины, а к 1912 году они совсем прекратили личные отношения. В 1914 году Юнг сложил с себя полномочия президента и вышел из ассоциации.

Под влиянием давнего интереса к мифологии в 20-х годах Юнг участвовал в полевых экспедициях в Африке, изучая особенности сознания племен, не знающих письменности. В 1932 году он получил приглашение занять должность профессора в Федеральном политехническом университете г. Цюриха. Эту должность он занимал вплоть до 1942 года и оставил ее только по причине серьезно ухудшившегося здоровья. Специально для него была организована кафедра психологии в университете г. Базеля, которую он возглавлял всего лишь в течение одного года и оставил также по причине плохого здоровья. Однако он оставался активным исследователем до 86-летнего возраста, поражая воображение обилием опубликованных работ.

Главные отличия аналитической психологии Юнга от фрейдовского психоанализа касаются вопроса о природе либидо. Если Фрейд характеризует либидо преимущественно в терминах сексуальной сферы, то для Юнга это жизненная энергия вообще, в которой секс присутствует только как один из компонентов. По Юнгу, базовая жизненная энергия либидо проявляется в росте и размножении, а также в других видах деятельности – в зависимости от того, что в данный момент времени является наиболее важным для конкретного человека.

Юнг отвергал фрейдовское понятие эдипова комплекса. Он объяснял привязанность ребенка к матери чисто житейскими потребностями ребенка и способностью матери их удовлетворять. По мере роста ребенка у него появляются сексуальные потребности, которые накладываются на прежде доминировавшие потребности в еде. Юнг высказал предположение, что энергия либидо приобретает гетеросексуальные формы лишь в пубертатный период. Он не отрицал напрочь

наличия сексуальных сил в детском возрасте, однако свел сексуальность до положения лишь одного из многих влечений в психике.

Жизненный опыт Юнга, несомненно, наложил существенный отпечаток на его воззрения. Юнг не использовал в своей концепции понятие эдипова комплекса потому, что таковой опыт отсутствовал в его собственных детских переживаниях. Он отзывался о своей матери как о женщине излишне полной и непривлекательной, а потому и никак не мог понять, на каком основании Фрейд утверждал, будто каждый мальчик испытывает в детстве сексуальное влечение к собственной матери.

Еще одно существенное различие между позициями Фрейда и Юнга касается представления о направленности сил, определяющих личность человека. С точки зрения Фрейда, человек есть продукт своих детских переживаний. Для Юнга же человек определяется не только прошлым, но в равной мере и своими целями, ожиданиями и надеждами на будущее. По его мнению, формирование личности вовсе не завершается к пяти годам. Человек может меняться и, подчас, довольно значительно, на протяжении всей своей жизни.

Третье различие между позициями Фрейда и Юнга заключается в том, что Юнг попытался проникнуть в область бессознательного глубже, чем это удалось Фрейду. Он добавил еще одно измерение в понимание бессознательного: врожденный опыт человечества как вида, унаследованный им от своих животных предков (коллективное бессознательное).

Юнг выделял два уровня бессознательного. Непосредственно под уровнем сознания находится личное бессознательное, состоящее из всех воспоминаний, импульсов и желаний, нечетких восприятий и другого личного опыта, подвергшегося вытеснению или просто забытого. Этот уровень бессознательного не слишком глубок, находящиеся там события легко могут быть восстановлены в сознании.

Содержание личного бессознательного сгруппировано в определенные тематические комплексы: эмоции, воспоминания, желания и тому подобное. Данные комплексы проявляются в сознании в виде определенных доминирующих идей – идеи силы или идеи неполноценности – и таким образом оказывают влияние на поведение.

Ниже уровня личного бессознательного лежит более глубокий уровень – коллективное бессознательное, неизвестное индивиду и содержащее в себе аккумулированный опыт прошлых поколений, включая и животных предков. Коллективное бессознательное содержит в себе универсальный эволюционный опыт и составляет основу личности человека. Важно отметить, что опыт, находящийся в коллективном бессознательном, является действительно бессознательным. Мы не можем осознать его, каким-либо образом вспомнить, как это возможно с содержанием личного бессознательного.

Врожденные тенденции внутри коллективного бессознательного, получившие название архетипов, являются внутренними детерминантами психической жизни человека. Они направляют действия человека в определенное русло, в чем-то схожее с тем, каким образом вели себя в подобных ситуациях наши животные предки. Архетипы обнаруживают себя в сознании в виде эмоций и некоторых других психических явлений. Они обычно связаны с такими важнейшими моментами жизненного опыта, как рождение и смерть, основные стадии жизненного пути (детство, юность), а также с реакцией на смертельную опасность.

Юнг исследовал мифологию и художественное творчество ряда древнейших цивилизаций, выявляя лежащие в их основе архетипические символы. Оказалось, что существует значительное количество таких символов, которые присущи всем архаическим культурам, причем даже таким, которые были столь разделены во времени и пространстве, что прямой контакт между ними был заведомо невозможен. Ему также удалось обнаружить в сновидениях пациентов нечто, что он посчитал следами подобных символов. Это еще более укрепило Юнга в его приверженности идее коллективного бессознательного.

Четыре таких архетипа встречаются чаще других – это персона, анима и анимус, тень и Я.

Персона – это та маска, которую каждый из нас надевает, общаясь с другими людьми. Она представляет нас такими, какими мы хотим, чтобы нас воспринимало общество. Персона может не совпадать с подлинной личностью индивида.

Архетипы анима и анимус отражают предположение Юнга, что каждый человек несет в себе определенные психологические характеристики противоположного пола. Анима отражает женские (феминные) черты в мужском характере, а анимус – мужские (маскулинные) характеристики в женском.

Архетип тени – это некая обратная, темная сторона Я. Она наиболее глубоко укоренена в животном прошлом человека. Юнг считал ее своеобразным наследием низших форм жизни. Тень представляет собой совокупность всех наших аморальных, неистовых, страстных и абсолютно неприемлемых желаний и поступков. Юнг писал, что тень подталкивает нас совершить нечто такое, чего мы в нормальном состоянии никогда себе не позволим. Когда с нами случается нечто подобное, мы склонны объяснять происшедшее тем, что на нас нечто нашло. Это «нечто» и есть тень, наиболее примитивная часть нашей природы. Однако тень имеет и свою позитивную сторону. Она – источник спонтанности, творческого порыва, внезапных озарений и глубоких эмоций, без чего нормальная, полноценная человеческая жизнь также невозможна.

Но наиболее важным архетипом Юнг считал Я. Сочетая и гармонизируя все аспекты бессознательного, Я создает единство и стабильность личности. Таким образом, задача Я – интеграция различных подсистем личности. Юнг сравнивал Я с порывом или стремлением к самоактуализации, что определяет гармоничность и целостность, наиболее полное раскрытие возможностей личности.

Юнговские понятия интроверсии и экстраверсии в наши дни широко известны. Экстраверты – это такие люди, которые направляют либидо (жизненную энергию) вовне, на внешние события и других людей. Люди подобного типа обычно подвержены воздействию окружения, легко приспосабливаются к обществу, в котором живут, и уверены в себе в широком диапазоне различных ситуаций. У интровертов либидо направлено на внутренний мир. Такие люди склонны к созерцательности, интроспекции. Они мало поддаются внешним влияниям, менее уверены во взаимоотношениях с другими людьми и внешним миром и менее социально приспособляемы, нежели экстраверты. В каждом человеке такие полярные типы, как правило, сосуществуют вместе, однако, какой-то один из них доминирует.

Согласно юнговской теории, все личностные различия проявляют себя в четырех основных функциях: мышлении, чувствах, ощущении и интуиции, при помощи которых мы и можем, собственно, ориентироваться как во внешнем, объективном мире, так и в мире внутреннем, субъективном. Мышление пред-

ставляет собой концептуальный процесс, ведущий к осознанию значения и пониманию. Чувства – это субъективный процесс взвешивания и оценивания. Ощущения образуют сознательное восприятие физических объектов. Интуиция же включает в себя восприятие на бессознательном уровне.

Юнг полагал, что мышление и чувства образуют рациональный уровень восприятия мира, поскольку включают в себя причинные суждения. Ощущение и интуиция же, напротив, представляют собой нерациональный уровень, поскольку не предполагают использования понятия причины. Внутри каждой пары таких функций только одна может доминировать в каждый отдельный момент времени. Подобная доминирующая функция в сочетании с той или иной психологической направленностью (интроверсия – экстраверсия) образует восемь психологических типов (например, экстравертный мыслительный тип, или интровертный интуитивный тип).

Словесно-ассоциативный тест Юнга выглядит следующим образом: аналитик зачитывает одно за другим ряд слов пациенту. Пациент должен в ответ на каждое слово сказать первое, что ему придет в голову. При этом измеряется время реакции, изменения частоты дыхания, электропроводность кожи и все другие параметры, которые могут свидетельствовать об эмоциональной реакции пациента. Если реакция на то или иное слово требует слишком много времени, приводит к изменению ритма дыхания или сопротивлению кожи, мы можем сделать вывод о том, что существуют определенные подсознательные эмоциональные проблемы, связанные с предложенным словом или с возможным ответом.

Идеи Юнга оказали значительное воздействие на широкие сферы религии, истории, искусства и литературы. Многие историки, теологи и писатели находили в его работах источник вдохновения.

14.3.2. Индивидуальная психология А. Адлера

Альфред Адлер (1870–1937 гг.) родился в обеспеченной семье в одном из пригородов Вены. Его детские годы прошли под знаком постоянных болезней, зависти по отношению к старшему брату и полного неприятия со стороны матери.

Поначалу Адлер был настолько слабым учеником, что, по мнению учителя, мог рассчитывать в будущем только на место подмастерья сапожника. Однако, благодаря усердию и настойчивости он сумел стать одним из первых учеников в классе. Он смог преодолеть свои многочисленные академические и социальные недостатки и комплексы, так что сам вполне может считаться хрестоматийным примером своей же собственной теории, созданной им впоследствии.

Адлер получил медицинское образование и свою первую научную степень в Венском университете в 1895 году. После специализации в офтальмологии и прохождения практики по общей медицине он стал заниматься психиатрией. В 1902 году Адлер присоединился к еженедельным заседаниям психоаналитического дискуссионного кружка на правах одного из четырех членов-основателей. Хотя он и был близким сотрудником Фрейда, личные отношения между ними так и не сложились.

Во время первой мировой войны Адлер служил врачом в австрийской армии. Позже он организовал детскую клинику в рамках венской школьной системы. В 20-е годы его социально-психологическая система, которую он сам называл индивидуальной психологией, привлекла большое число последователей. В 1926 году Адлер совершил несколько визитов в Соединенные Штаты и через 8 лет

получил приглашение занять должность профессора медицинской психологии в медицинском колледже Лонг-Айленда в Нью-Йорке. Умер он в Абердине (Шотландия) во время одного из напряженных лекционных турне.

По убеждению Адлера, поведение человека определяется в первую очередь не биологическими, а социальными факторами. Он ввел понятие социального интереса, определяя его как врожденный потенциал, нацеленный на кооперацию с другими людьми и на достижение личных и общественных целей. Подобный интерес развивается в детстве, по мере накопления опыта. В противоположность Фрейду, Адлер минимизировал роль сексуальных сил в формировании личности и сконцентрировался в большей степени не на бессознательном, а на сознательных факторах поведения. Если Фрейд полагал, что поведение определяется преимущественно прошлым, то Адлер подчеркивал значение наших целей на будущее. Борясь за достижение целей или ожидая наступления некоторых событий в будущем, мы тем самым оказываем влияние на свое нынешнее поведение. Например, человек, который живет в постоянном ожидании вечного проклятия после смерти, неминуемо будет вести себя иначе, чем тот, у которого таких ожиданий нет.

Если Фрейд подразделял личность на несколько частей (ид, эго и супер-эго), то Адлер, наоборот, всячески подчеркивал единство и согласованность личности. В основе его концепции – представление о единой движущей силе, лежащей в основе структуры личности и направляющей все ее ресурсы на достижение самой главной цели, придающей смысл всему существу личности. Такой целью, по его мнению, является стремление к превосходству или самоутверждению. Именно эта цель подчиняет себе все движение к более полному развитию и осуществлению, реализации нашего Я. Адлер был убежден, что данное стремление к превосходству является врожденным фактором, его следы легко можно обнаружить во всех аспектах проявления личности.

Адлер не принимал утверждения Фрейда о том, что только секс составляет первичный, базовый уровень мотивации. Вместо этого он высказал предположение, что подлинной движущей силой личности является генерализованное чувство неполноценности (как это было в его собственной жизни). Первоначально Адлер относил это чувство неполноценности к телесным недостаткам. Ребенок с наследственными органическими недостатками попытается их компенсировать за счет более интенсивного развития дефектной функции. Ребенок-заика при помощи речевой терапии может стать великим оратором, ребенок со слабыми конечностями после интенсивных физических упражнений становится хорошим атлетом или танцором.

Позднее Адлер расширил понятие неполноценности, включив в него все виды физических, душевных или социальных недостатков – реальных или мнимых. Он также полагал, что слабость и беспомощность ребенка, его зависимость от окружающей обстановки ведет к появлению чувства неполноценности, столь знакомого каждому человеку. Ребенок осознает свою неполноценность и необходимость преодолеть недостаток, но при этом им движет врожденное стремление к превосходству. В итоге такой процесс волей-неволей движет индивида по направлению ко все большему совершенству и реализации.

Чувство неполноценности может оказывать и положительное воздействие, как на уровне индивида, так и на уровне социума, поскольку именно с ним связано постоянное стремление к превосходству. Однако, если в детские годы в от-

вет на чувство неполноценности ребенок наталкивается на слишком мягкое, или же, напротив, излишне жесткое отношение, у него в результате может появиться некое аномальное компенсаторное поведение. Неспособность в достаточной мере компенсировать чувство неполноценности может привести к развитию комплекса неполноценности, что приводит человека к серьезным жизненным проблемам.

По Адлеру, борьба человека за превосходство носит всеобщий характер, но при этом возможны разные способы достижения поставленной цели. Мы по-разному осуществляем эту борьбу, что приводит в итоге к появлению уникальных, характерных только для данного человека методов или форм, которые Адлер назвал стилем жизни. Стиль жизни включает в себя те характерные поведенческие типы или приемы, при помощи которых мы компенсируем свою неполноценность, реальную или мнимую. В нашем примере с ребенком, у которого присутствуют телесные недостатки, такой стиль включал бы в себя занятия спортом, что в итоге должно привести к развитию физической силы и выносливости.

Стиль жизни обычно формируется уже к 4–5 годам и в дальнейшем с трудом поддается каким-либо изменениям. Он как бы задает рамки для восприятия и упорядочивания всего доступного жизненного опыта. И вновь мы видим, что Адлер, как и Фрейд, подчеркивает важность раннего периода жизни. Но, в отличие от Фрейда, он настаивает на том, что мы способны сознательно формировать свой стиль жизни – наше собственное Я.

Концепция творческой силы Я составляет, безусловно, вершину и кульминацию всей его теории. Адлер высказал предположение, что мы можем сами формировать свою личность в соответствии с собственным уникальным стилем жизни. Эта творческая сила составляет активный принцип человеческого существования. Ее можно уподобить традиционному понятию души. Мы строим свое поведение на основе определенных способностей и того жизненного опыта, которым обладаем благодаря нашей наследственности и влияния окружающей среды. Но именно от нас зависит, как именно воспринимать и истолковывать этот опыт, что, собственно, и создает основу нашего стиля жизни. А это значит, что мы способны сознательно влиять на формирование собственной личности и свою судьбу. Адлер считал, что, скорее, мы сами определяем свою судьбу, нежели оказываемся объектом воздействия прошлого опыта.

14.4. Постфрейдизм

14.4.1. Эго-психология Э. Эриксона

Эрик Эриксон (1902–1994 гг.) родился в Германии, начал изучать психоанализ на горном курорте вблизи Вены. Там он, будучи младшим преподавателем, впервые познакомился с семейством Фрейда, а потом был принят кандидатом для занятий в Венском психоаналитическом институте. С 1927 по 1933 годы Эриксон продолжал изучать психоанализ под руководством Анны Фрейд.

В Вене Эриксон женился на канадке Джоан Серсон, которая тоже посещала экспериментальную школу Анны Фрейд. В 1933 году семья Эриксона (включая двоих сыновей) отправилась в Копенгаген, где Эриксон попытался получить гражданство и помочь созданию в этой стране центра обучения психоанализу.

Когда стало ясно, что эта идея неосуществима, семья эмигрировала в Соединенные Штаты и поселилась в Бостоне, где годом раньше было основано психоаналитическое общество. Следующие два года Эриксон практиковал в Бостоне, специализируясь в лечении детей. Он также был штатным сотрудником клиники Генри Мюррея в Гарварде и занимал должность научного сотрудника по психологии в отделении нейропсихиатрии Гарвардской медицинской школы.

В 1951 году Эриксон поступил в Центр Остен Риггс в Стокбридже, штат Массачусетс, – частный центр восстановительной терапии для подростков с психическими нарушениями. Эту работу он совмещал с преподаванием в должности профессора в разных университетах США. В течение следующего десятилетия его труды и исследования вылились в теорию психосоциального развития, первоначально сформулированную в книге «Детство и общество».

В 1960 году, после года работы в Центре передовых исследований в области бихевиоральных наук в Пало-Альто, штат Калифорния, Эриксон снова возвратился в Гарвард, где проработал до 1970 года.

Эриксон до своей смерти (в 1994 году) продолжал активную деятельность в Центре Эриксона в Кембридже, штат Массачусетс. В число его недавних публикаций вошли: «В поисках общей почвы» (1973 г.); «История жизни и исторический момент» (1975 г.); «Игрушки и рассуждения: стадии ритуализации опыта» (1977 г.); «Идентичность и жизненный цикл» (1979 г.); «Зрелость» (1978 г.); «Целостный жизненный цикл» (1982 г.); «Жизненная вовлеченность в старости» (1986 г.).

Теоретические формулировки Эриксона касаются исключительно развития эго. Хотя он неизменно настаивал на том, что его идеи не более, чем дальнейшее систематическое развитие концепции Фрейда о психосексуальном развитии в свете новых открытий в социальных и биологических науках. Эриксон решительно отошел от классического психоанализа по четырем важным пунктам. Во-первых, в его работе отчетливо виден решительный сдвиг акцента от ид к эго, что сам Фрейд лишь частично признавал в последние годы своей деятельности. С позиции Эриксона, скорее именно эго составляет основу поведения и функционирования человека. Он рассматривал эго как автономную структуру личности, основным направлением развития которой является социальная адаптация; параллельно идет развитие ид и инстинктов. Подобный взгляд на природу человека, названный эго-психологией, радикально отличается от раннего психодинамического мышления тем, что эго-психология описывает людей как более рациональных и поэтому принимающих осознанные решения и сознательно решающих жизненные проблемы. В то время как Фрейд считал, что эго борется, пытаясь разрешить конфликт между инстинктивными побуждениями и моральными ограничениями, Эриксон доказывал, что эго – это автономная система, взаимодействующая с реальностью при помощи восприятия, мышления, внимания и памяти. Уделяя особое внимание адаптивным функциям эго, Эриксон считал, что человек, взаимодействуя с окружением в процессе своего развития, становится все более и более компетентным.

Во-вторых, Эриксон развивает новый взгляд относительно индивидуального взаимоотношения с родителями и культурным контекстом, в котором существует семья. Если Фрейд интересовало влияние родителей на становление личности ребенка, то Эриксон подчеркивает исторические условия, в которых формируется эго у ребенка. Он основывается на результатах наблюдений за людьми,

принадлежащими к различным культурам, чтобы показать: развитие эго неизбежно и тесно связано с меняющимися особенностями социальных предписаний и системой ценностей.

В-третьих, теория развития эго охватывает все жизненное пространство индивидуума (то есть от младенчества до зрелости и старости). Фрейд, напротив, ограничился влиянием ранних детских переживаний и не уделял внимания вопросам развития за пределами генитальной стадии.

И наконец, в-четвертых, у Фрейда и Эриксона различные взгляды на природу и разрешение психосексуальных конфликтов. Целью Фрейда было раскрытие сущности и особенностей влияния на личность неосознаваемой психической жизни, а также объяснение того, как ранняя травма может привести к психопатологии в зрелости. Эриксон, наоборот, видел свою задачу в том, чтобы привлечь внимание к способности человека преодолевать жизненные трудности психосоциального характера. Его теория ставит во главу угла качества эго, то есть его достоинства, раскрывающиеся в различные периоды развития. Возможно, это последнее различие является ключевым для понимания концепции Эриксона об организации и развитии личности. Фрейдовскому фаталистическому предупреждению о том, что люди обречены на социальное угасание, если отдадутся своим инстинктивным стремлениям, противопоставит оптимистическое положение о том, что каждый личный и социальный кризис представляет собой своего рода вызов, приводящий индивидуума к личностному росту и преодолению жизненных препятствий. Знание того, как человек справлялся с каждой из значимых жизненных проблем или как неадекватное разрешение ранних проблем лишило его возможности справляться с дальнейшими проблемами, составляет, по мнению Эриксона, единственный ключ к пониманию его жизни.

Пока мы касались только основных теоретических расхождений между Эриксоном и Фрейдом. Однако стоит отметить, что существуют вопросы, по которым между ними существует согласие. Например, оба теоретика сходятся в том, что стадии развития личности предопределены, и порядок их прохождения является неизменным. Эриксон также признает биологические и сексуальные основы всех более поздних мотивационных и личностных диспозиций, а также принимает фрейдовскую структурную модель личности (ид, эго, суперэго). Однако, несмотря на наличие сходных положений, многие персонологи считают, что теоретические послышки Эриксона отличаются от таковых в классическом психоанализе.

Центральным для созданной Эриксоном теории развития эго является положение о том, что человек в течение жизни проходит через несколько универсальных для всего человечества стадий. Процесс развертывания этих стадий регулируется в соответствии с эпигенетическим принципом созревания.

Эпигенетическая концепция развития (от греч. *epi* – после, *ge* – рождение, происхождение) базируется на представлении о том, что каждая стадия жизненного цикла наступает в определенное для нее время («критический период»), а также о том, что полноценно функционирующая личность формируется только путем прохождения в своем развитии последовательно всех стадий. Кроме того, согласно Эриксону, каждая психосоциальная стадия сопровождается кризисом – поворотным моментом в жизни индивидуума, который возникает как следствие достижения определенного уровня психологической зрелости и социальных требований, предъявляемых к индивидууму на этой стадии. Иначе говоря, каж-

дая из восьми фаз жизненного цикла человека характеризуется специфичной именно для данной фазы («фазо-специфической») эволюционной задачей – проблемой в социальном развитии, которая в свое время предъявляется индивидууму, но не обязательно находит свое разрешение. Характерные для индивидуума модели поведения обусловлены тем, каким образом в конце концов разрешается каждая из этих задач или как преодолевается кризис. Конфликты играют жизненно важную роль в теории Эриксона, потому что рост и расширение сферы межличностных отношений связаны с растущей уязвимостью функций эго на каждой стадии. В то же время он отмечает, что кризис означает «не угрозу катастрофы, а поворотный пункт, и тем самым онтогенетический источник как силы, так и недостаточной адаптации».

Каждый психосоциальный кризис, если рассматривать его с точки зрения оценки, содержит и позитивный, и негативный компоненты. Если конфликт разрешен удовлетворительно (то есть на предыдущей стадии эго обогатилось новыми положительными качествами), то теперь эго вбирает в себя новый позитивный компонент (например, базальное доверие и автономию), и это гарантирует здоровое развитие личности в дальнейшем. Напротив, если конфликт остается неразрешенным или получает неудовлетворительное разрешение, развивающемуся эго тем самым наносится вред, и в него встраивается негативный компонент (например, базальное недоверие, стыд и сомнения). Хотя на пути развития личности возникают теоретически предсказуемые и вполне определенные конфликты, из этого не следует, что на предшествующих стадиях успехи и неудачи обязательно одни и те же. Качества, которые эго приобретает на каждой стадии, не снижают его восприимчивости к новым внутренним конфликтам или меняющимся условиям. Задача состоит в том, чтобы человек адекватно разрешал каждый кризис, и тогда у него будет возможность подойти к следующей стадии развития более адаптивной и зрелой личностью.

14.4.2. К. Хорни и социокультурная теория личности

Карен Хорни (1885–1952 гг.) родилась в Гамбурге. Ее отец, набожный, но угрюмый человек, капитан корабля, был намного старше матери Карен, женщины живой и свободной. Однажды мать дала понять дочери, что желала бы смерти мужа. Замуж она вышла исключительно из страха остаться старой девой. Детство маленькой Карен было не слишком веселым. Мать явно предпочитала ей старшего брата, которому Карен жестоко завидовала за то, что он мальчик. Отец часто унижал ее, пренебрежительно отзываясь о ее уме и наружности, вызывая чувства неполноценности, бесполезности и враждебности. Недостаток родительского внимания и ласки в детстве породил то, что она впоследствии называла базальной тревожностью.

Несмотря на противодействие отца, Хорни поступила в медицинскую школу при Берлинском университете и по окончании, в 1913 году получила докторскую степень по медицине. Она вышла замуж, родила трех дочерей, все это время страдала от тяжелейших эмоциональных расстройств. В 1927 году она развелась с мужем и в одиночку продолжила свою непрестанную борьбу за место в жизни и признание.

С 1914 по 1918 год Хорни прошла ортодоксальный курс психоаналитической подготовки в Берлинском институте психоанализа. Позже она становится внештатным сотрудником и открывает частную практику. Она публикует ряд

статей в научных журналах о проблемах женской личности, в которых выражает некоторое разногласие с Фрейдом. В 1932 году Хорни приезжает в США в качестве содиректора Чикагского института психоанализа. Она продолжает частную практику и преподавание в Нью-Йоркском институте психоанализа. Хорни вскоре основала Американский институт психоанализа и оставалась его бессменным главой вплоть до самой своей смерти.

Толчком к формированию социокультурного взгляда на личность послужили три основных соображения Хорни. Во-первых, она отвергала высказывания Фрейда относительно женщин и особенно его утверждение о том, что их биологическая природа предопределяет зависть к пенису. Это была отправка точка в ее расхождении с ортодоксальной фрейдовской позицией. Во-вторых, во время пребывания в Чикаго и Нью-Йорке она обменивалась мнениями с такими выдающимися учеными, как Эрих Фромм, Маргарет Мид и Гарри Стэк Салливан. Благодаря им окрепла ее убежденность в том, что социокультурные условия оказывают глубокое влияние на развитие и функционирование индивидуума. В-третьих, клинические наблюдения над пациентами, которых она вела в Европе и Соединенных Штатах, показали поразительные различия в их личностной динамике, что явилось подтверждением влияния культурных факторов. Эти наблюдения привели ее к выводу о том, что в основе нарушений функционирования личности лежат уникальные стили межличностных отношений.

Хорни соглашалась с мнением Фрейда о значении детских переживаний для формирования структуры и функционирования личности у взрослого. Несмотря на общность основных позиций, оба ученых расходились во мнениях по вопросу о специфике формирования личности. Хорни не приняла утверждений Фрейда о существовании универсальных психосексуальных стадий и о том, что сексуальная анатомия ребенка диктует определенную направленность дальнейшего развития личности. Согласно ее убеждениям, решающим фактором в развитии личности являются социальные отношения между ребенком и родителями.

Согласно Хорни, для детства характерны две потребности: потребность в удовлетворении и потребность в безопасности. Удовлетворение охватывает все основные биологические нужды: в пище, сне и т. д. Хотя Хорни придавала значение удовлетворению потребностей в обеспечении физического выживания, она не считала, что они играют основную роль в формировании личности. Главной в развитии ребенка является потребность в безопасности. В данном случае основополагающий мотив – быть любимым, желанным и защищенным от опасности или враждебного мира. Хорни считала, что в удовлетворении этой потребности безопасности ребенок полностью зависит от своих родителей. Если родители проявляют истинную любовь и тепло в отношении к ребенку, тем самым удовлетворяется его потребность в безопасности. Благодаря этому вероятнее всего сформируется здоровая личность. И наоборот, если поведение родителей препятствует удовлетворению потребности в безопасности, весьма вероятно патологическое развитие личности. Многие моменты в поведении родителей могут фрустрировать потребность ребенка в безопасности: неустойчивое, сумасбродное поведение, насмешки, невыполнение обещаний, чрезмерная опека, а также оказание явного предпочтения его братьям и сестрам. Однако основным результатом подобного дурного обращения со стороны родителей является развитие у ребенка установки базальной враждебности. В этом случае ребенок оказывается между двух огней: он зависит от родителей и в то же время испытыва-

ет по отношению к ним чувства обиды и негодования. Этот конфликт приводит в действие такие защитные механизмы, как вытеснение. В результате поведение ребенка, не ощущающего безопасности в родительской семье, направляется чувствами беспомощности, страха, любви и вины, выполняющими роль психологической защиты, цель которой – подавление враждебных чувств по отношению к родителям, чтобы выжить.

К сожалению, подавленные чувства негодования и враждебности, причиной возникновения которых являются родители, не существуют сами по себе: они проявляются во всех взаимоотношениях ребенка с другими людьми как в настоящем, так и в будущем. В подобном случае говорят, что у ребенка наблюдается базальная тревога, ощущение одиночества и беспомощности перед лицом потенциально опасного мира. Базальная тревога – это интенсивное и всепроникающее ощущение отсутствия безопасности – является одной из основополагающих концепций Хорни.

Чтобы справиться с чувствами недостаточной безопасности, беспомощности и враждебности, присущими базальной тревоге, ребенок часто вынужден прибегать к разным защитным стратегиям. Их действие заключается в снижении тревоги и достижении более или менее приемлемой жизни. Кроме того, каждой стратегии сопутствует определенная основная ориентация в отношениях с другими людьми.

Ориентация на людей: уступчивый тип

Ориентация на людей предполагает такой стиль взаимодействия, для которого характерны зависимость, нерешительность и беспомощность. Человеком, которого Хорни относит к уступчивому типу, руководит иррациональное убеждение: «Если я уступлю, меня не тронут».

Уступчивому типу необходимо, чтобы в нем нуждались, любили его, защищали и руководили им. Такие люди завязывают отношения с единой целью избежать чувства одиночества, беспомощности или ненужности. Однако за их любезностью может скрываться подавленная потребность вести себя агрессивно. Хотя и кажется, что такой человек смущается в присутствии других, держится в тени, под этим поведением часто скрываются враждебность, злость и ярость.

Ориентация от людей: обособленный тип

Ориентация от людей как стратегия оптимизации межличностных отношений обнаруживается у тех индивидуумов, которые придерживаются защитной установки: «Мне все равно». Такие люди, которых Хорни относит к обособленному типу, руководствуются ошибочным убеждением: «Если я отстранюсь, со мной будет все в порядке».

Для обособленного типа характерна установка никоим образом не дать себя увлечь, идет ли речь о любовном романе, работе или отдыхе. В результате они утрачивают истинную заинтересованность в людях, привыкают к поверхностным наслаждениям – они просто бесстрастно идут по жизни. Для этой стратегии характерно стремление к уединенности, независимости и самодостаточности.

Ориентация против людей: враждебный тип

Ориентация против людей – это такой стиль поведения, для которого характерно доминирование, враждебность и эксплуатация. Человек, относящийся к

враждебному типу, действует, исходя из иллюзорного убеждения: «У меня есть власть, никто меня не тронет».

Враждебный тип придерживается мнения, что все другие люди агрессивны и что жизнь – это борьба против всех. Поэтому любую ситуацию или отношения он рассматривает с позиции: «Что я буду от этого иметь?», независимо от того, о чем идет речь – деньгах, престиже, контактах или идеях. Хорни отмечала, что враждебный тип способен действовать тактично и дружески, но его поведение в итоге всегда нацелено на обретение контроля и власти над другими. Все направлено на повышение собственного престижа, статуса или удовлетворение личных амбиций. Таким образом, в данной стратегии выражается потребность эксплуатировать других, получать общественное признание и восхищение.

С точки зрения Хорни, эти основополагающие стратегии в межличностных отношениях когда-либо применяет каждый из нас. Более того, по Хорни, все эти три стратегии находятся между собой в состоянии конфликта как у здоровой, так и у невротической личности. Однако у здоровых этот конфликт не несет в себе такого сильного эмоционального заряда, как у больных неврозами. Здоровому человеку присуща большая гибкость, он способен менять стратегии соответственно обстоятельствам. А невротик не в состоянии сделать правильный выбор между этими тремя стратегиями, когда он решает встающие перед ним вопросы или строит отношения с другими. Он использует только одну из трех стратегий совладания, годится она в данном случае или нет. Из этого следует, что невротик, по сравнению со здоровым человеком, ведет себя и менее гибко, и не так эффективно при решении жизненных проблем.

Хорни не соглашалась почти ни с одним утверждением Фрейда в отношении женщин. Она полностью отвергала его взгляд, согласно которому женщины завидуют мужскому пенису и упрекают своих матерей за то, что лишены этого органа. Она также считала ошибочным мнение Фрейда, утверждавшего, что женщина неосознанно стремится родить сына и таким образом символически обрести пенис. Хорни выразила протест против подобного унижительного для женщин взгляда в своих рассуждениях о том, что мужчины испытывают зависть к матке, в чем выражается неосознанная ревность мужчин к способности женщин рожать и кормить детей. Наконец, Хорни пришла к заключению, что психоанализ был создан «мужским гением, и почти все, кто развивал идеи психоанализа, были мужчинами». Надо отметить, что оппозиция Хорни взглядам Фрейда на женщин в то время вызвала большую полемику. Ее дисквалифицировали как инструктора по психоанализу и в конце концов отстранили от этого преимущественно мужского научного направления. Однако, будучи первой крупной феминисткой, она добилась большего, чем просто критики Фрейда. Она выдвинула свою теорию психологии женщины, содержащую новый взгляд на различия между мужчинами и женщинами в контексте социокультурных влияний.

Хорни настойчиво утверждала, что женщины часто чувствуют себя неполноценными по сравнению с мужчинами, потому что их жизнь основывается на экономической, политической и психосоциальной зависимости от мужчин. Исторически сложилось так, что к женщинам относились, как к существам второго сорта, не признавали равенства их прав с правами мужчин и воспитывали так, чтобы они признавали мужское «превосходство». Социальные системы, с их мужским доминированием, постоянно вынуждают женщин чувствовать себя зависимыми и несостоятельными. Хорни доказывала, что многие женщины

стремятся стать более маскулинными, но не из зависти к пенису. Она рассматривала «переоценку» женщинами маскулинности скорее как проявление стремления к власти и привилегиям.

14.4.3. Э.Фромм и гуманистическая теория личности

Эрих Фромм (1900–1980 гг.) родился во Франкфурте, Германия. Он был единственным ребенком родителей-евреев. В отличие от Фрейда, Юнга и Адлера, Фромм не имел медицинского образования. Он изучал психологию, социологию и философию, получил степень доктора философии в Гейдельбергском университете в 1922 году. Он продолжил свое психоаналитическое образование в Берлинском психоаналитическом институте. В 1934 году Фромм эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, стремясь избежать нацистской угрозы. Он начал вести частную практику в Нью-Йорке. Первую свою книгу «Бегство от свободы» Фромм опубликовал в 1941 году. В ней он показал особое значение способов, какими общественные силы и идеологии формируют структуру характера индивидуума. Это направление, получившее развитие в большом количестве последующих книг, принесло Фромму членство в Международной психоаналитической ассоциации.

В 1945 году Фромм стал сотрудником Института психиатрии Уильяма Алансона Уайта. В дальнейшем он читал лекции во многих университетах США и занимал должность профессора психиатрии в Национальном университете в Мехико с 1949 года до своего ухода в 1965 году. Вместе со своей женой Фромм в 1976 году переехал в Швейцарию, где скончался от сердечного приступа в 1980 году.

Фромм стремился расширить горизонты психоаналитической теории, подчеркивая роль социологических, политических, экономических, религиозных и антропологических факторов в формировании личности. Его интерпретация личности начинается с анализа условий существования человека и их изменений, начиная с конца Средневековья (конец XV века) по наше время. По завершении своего исторического анализа Фромм сделал вывод о том, что неотъемлемой чертой человеческого существования в наше время является одиночество, изоляция и отчужденность. В то же время он был уверен в том, что для каждого исторического периода было характерно прогрессивное развитие индивидуальности по мере того, как люди боролись за достижение большей личной свободы в развитии всех своих потенциальных возможностей. Однако значительная степень автономии и свободы выбора, которыми наслаждаются люди, живущие в современном западном обществе, были достигнуты ценой утраты чувства полной безопасности и появления ощущения личной незначимости. С точки зрения Фромма, перед сегодняшними мужчинами и женщинами стоит болезненная дилемма. Невиданная свобода от жестких социальных, политических, экономических и религиозных ограничений (как это имеет место сегодня в американской культуре) потребовала компенсации в виде чувства безопасности и чувства принадлежности к социуму. Фромм полагал, что эта пропасть между свободой и безопасностью стала причиной беспримерных трудностей в человеческом существовании. Люди борются за свободу и автономию, но сама эта борьба вызывает чувство отчуждения от природы и общества. Люди нуждаются в том, чтобы обладать властью над своей жизнью и иметь право выбора, но им также необходимо чувствовать себя объединенными и связанными с другими людьми. Интен-

сивность этого конфликта и способы его разрешения зависят, согласно Фромму, от экономических и политических систем общества.

Фромм описал несколько стратегий, используемых людьми, чтобы «убежать от свободы». Первый из них – авторитаризм, определяемый как «тенденция соединить самого себя с кем-то или чем-то внешним, чтобы обрести силу, утраченную индивидуальным «Я»». Авторитаризм проявляется как в мазохистских, так и в садистских тенденциях. При мазохистской форме авторитаризма люди проявляют в отношениях с окружающими чрезмерную зависимость, подчиненность и беспомощность. Садистская форма, наоборот, выражается в эксплуатации других, доминировании и контроле над ними. Фромм утверждал, что у одного и того же индивидуума обычно присутствуют обе тенденции. Например, в высокоавторитарной военной структуре человек может добровольно подчиняться командам высших офицеров и унижать или жестоко эксплуатировать подчиненных. Второй способ бегства – деструктивность. Следуя этой тенденции, человек пытается преодолеть чувство неполноценности, уничтожая или покаяя других. По Фромму, долг, патриотизм и любовь – общераспространенные примеры рационализации деструктивных действий.

Наконец, люди могут избавиться от одиночества и отчужденности путем абсолютного подчинения социальным нормам, регулирующим поведение. Термин «конформность автомата» Фромм применял к человеку, который использует данную стратегию, благодаря чему он становится абсолютно таким, как все другие, и ведет себя так, как общепринято.

Фромм считал, что люди могут быть автономными и уникальными, не теряя при этом ощущения единения с другими людьми и обществом. Он называл вид свободы, при которой человек чувствует себя частью мира и в то же время не зависит от него, позитивной свободой. Достижение позитивной свободы требует от людей спонтанной активности в жизни. Фромм отмечал, что спонтанную активность мы наблюдаем у детей, которые обычно действуют в соответствии со своей внутренней природой, а не согласно социальным нормам и запретам. В своей книге «Искусство любви», одной из наиболее известных, Фромм подчеркивал, что любовь и труд – это ключевые компоненты, с помощью которых осуществляется развитие позитивной свободы посредством проявления спонтанной активности. Благодаря любви и труду люди вновь объединяются с другими, не жертвуя при этом своим ощущением индивидуальности или целостности.

Дихотомия свобода – безопасность, этот универсальный и неизбежный факт природы человека, обусловлен экзистенциальными потребностями. Фромм выделил пять основных экзистенциальных потребностей человека.

Потребность в установлении связей. Чтобы преодолеть ощущение изоляции от природы и отчужденности, всем людям необходимо о ком-то заботиться, принимать в ком-то участие и нести ответственность за кого-то. Идеальный путь связи с миром осуществляется посредством «продуктивной любви», помогающей людям трудиться вместе и в то же время сохранять свою индивидуальность. Если потребность в установлении связей не удовлетворена, люди становятся нарциссичными: они отстаивают только свои эгоистические интересы и не способны доверяться другим.

Потребность в преодолении. Все люди нуждаются в преодолении своей пассивной животной природы, чтобы стать активными и творческими создателями своей жизни. Оптимальное разрешение этой потребности заключается в

созидании. Дело созидания (идеи, искусство, материальные ценности или воспитание детей) позволяет людям подняться над случайностью и пассивностью их существования и тем самым достичь чувства свободы и собственной значимости. Невозможность удовлетворения этой жизненно важной потребности является причиной деструктивности.

Потребность в корнях. Люди нуждаются в том, чтобы ощущать себя неотъемлемой частью мира. Согласно Фромму, эта потребность возникает с самого появления на свет, когда разрываются биологические связи с матерью. К концу детства каждый человек отказывается от безопасности, которую обеспечивает родительская опека. В поздней зрелости каждый человек сталкивается с реальностью отрыва от самой жизни, когда приближается смерть. Поэтому на протяжении всей своей жизни люди испытывают потребность в корнях, основах, в чувстве стабильности и прочности, сходным с ощущением безопасности, которое в детстве давала связь с матерью. Наоборот, те, кто сохраняют симбиотические связи со своими родителями, домом или сообществом как способ удовлетворения своей потребности в корнях, не способны ощущать свою личностную целостность и свободу.

Потребность в идентичности. Фромм считал, что все люди испытывают внутреннюю потребность тождества с самими собой; в идентичности, благодаря которой они чувствуют свою непохожесть на других и осознают, кто и что они на самом деле. Короче говоря, каждый человек должен быть способным сказать: «Я – это я». Индивидуумы с ясным и отчетливым осознанием своей индивидуальности воспринимают себя как хозяев своей жизни, а не как постоянно следующих чьим-то указаниям. Копирование чьего-либо поведения, доходящее даже до степени слепой конформности, не дает возможности человеку достичь подлинного чувства идентичности.

Потребность в системе взглядов и преданности. Наконец, согласно Фромму, людям необходима стабильная и постоянная опора для объяснения сложности мира. Эта система ориентации представляет собой совокупность убеждений, позволяющих людям воспринимать и постигать реальность, без чего они постоянно оказывались бы в тупике и были неспособны действовать целеустремленно. Фромм особо подчеркивал значение формирования объективного и рационального взгляда на природу и общество. Он утверждал, что рациональный подход абсолютно необходим для сохранения здоровья, в том числе и психического.

Люди нуждаются также и в объекте преданности, в посвящении себя чему-то или кому-то (высшей цели или Богу), в чем заключался бы для них смысл жизни. Такое посвящение дает возможность преодоления изолированного существования и наделяет жизнь смыслом.

Фромм выделял пять социальных типов характера, преобладающих в современных обществах. Эти социальные типы, или формы установления отношений с другими, представляют собой взаимодействие экзистенциальных потребностей и социального контекста, в котором живут люди. Фромм разделил их на два больших класса: непродуктивные (нездоровые) и продуктивные (здоровые) типы.

1. Рецептивные типы убеждены в том, что источник всего хорошего в жизни находится вне их самих. Они открыто зависимы и пассивны, не способны делать что-либо без посторонней помощи и думают, что их основная задача в жизни – скорее быть любимыми, чем любить.

2. Эксплуатирующие типы берут все, что им нужно или о чем они мечтают, силой или изобретательностью. Они тоже неспособны к творчеству, и поэтому добиваются любви, обладания, идей и эмоций, заимствуя все это у других. Негативными чертами эксплуатирующего характера являются агрессивность, надменность и самонадеянность, эгоцентризм и склонность к соблазнению. К положительным качествам относятся уверенность в себе, чувство собственного достоинства и импульсивность.

3. Накапливающие типы пытаются обладать как можно большим количеством материальных благ, власти и любви; они стремятся избегать любых поползновений на свои накопления. В отличие от первых двух типов, «накопители» тяготеют к прошлому, их отпугивает все новое. Они напоминают анально-удерживающую личность по Фрейдю: ригидные, подозрительные и упрямые. Согласно Фромму, у них есть и некоторые положительные особенности – предусмотрительность, лояльность и сдержанность.

4. Рыночный тип исходит из убеждения, что личность оценивается как товар, который можно продать или выгодно обменять. Эти люди заинтересованы в сохранении приятной внешности, знакомствах с нужными людьми и готовы продемонстрировать любую личностную черту, которая повысила бы их шансы на успех в деле продажи себя потенциальным заказчикам. Их отношения с окружающими поверхностны, их девиз – «Я такой, каким вы хотите меня видеть».

Кроме предельной отстраненности, рыночная ориентация может быть описана с помощью следующих ключевых черт характера: оппортунистический, бесцельный, бестактный, неразборчивый в средствах и опустошенный. Их положительные качества – открытость, любознательность и щедрость. Фромм рассматривал «рыночную» личность как продукт современного капиталистического общества, сформировавшегося в США и западноевропейских странах.

5. В противоположность непродуктивной ориентации, продуктивный характер представляет собой, с точки зрения Фромма, конечную цель в развитии человека. Этот тип – независимый, честный, спокойный, любящий, творческий и совершающий социально-полезные поступки. Из работ Фромма видно, что он рассматривал эту ориентацию как ответ на противоречия человеческого существования, присущие обществу. В ней проявляется способность человека к продуктивному логическому мышлению, любви и труду. Благодаря продуктивному мышлению люди узнают, кто они такие, и поэтому освобождаются от самообмана. Сила продуктивной любви дает возможность людям горячо любить все живое на Земле (биофилия). Фромм определял биофилию с помощью таких качеств, как забота, ответственность, уважение и знание. Наконец, продуктивный труд обеспечивает возможность производства предметов, необходимых для жизни, благодаря творческому самовыражению. Результатом реализации всех вышеперечисленных сил, свойственных всем людям, является зрелая и целостная структура характера.

По существу, продуктивная ориентация в гуманистической теории Фромма – это идеальное состояние человека. Вряд ли кто-нибудь достигал всех характеристик продуктивной личности. В то же время Фромм был убежден, что в результате коренной социальной реформы продуктивная ориентация может стать доминирующим типом в любой культуре. Совершенное общество рисовалось Фромму таким, в котором находят удовлетворение базисные потребности человека. Он называл это общество гуманистическим общинным социализмом.

Контрольные вопросы

1. В чем особенности глубинной психологии и какие основные теории существуют в ее русле?
2. В чем суть метода психоанализа З. Фрейда и каковы его основные принципы?
3. Какие уровни психической организации выделял Фрейд?
4. Какова структура личности у Фрейда и как она соотносится с уровнями психической организации?
5. Что такое защитные механизмы и какова их роль в психической регуляции?
6. Как Фрейд понимал развитие личности и какие стадии развития ребенка были им выделены?
7. Каково историческое значение З. Фрейда и его концепции для развития психологии?
8. В чем заключались расхождения между З. Фрейдом и К.Г Юнгом?
9. Что такое коллективное бессознательное и каковы его отличия от бессознательного?
10. Каковы структура личности по Юнгу?
11. Что такое архетипы и какова их роль в жизни человека?
12. Какое влияние оказала аналитическая психология К. Г. Юнга на развитие психологии?
13. Каковы основные положения индивидуальной психологии А. Адлера?
14. В чем выражались теоретические расхождения А. Адлера с З. Фрейдом и К.Г. Юнгом?
15. В чем проявилась сила и ограниченность индивидуальной психологии А. Адлера?
16. Каковы основные отличия неопрейдизма от фрейдизма?
17. Какие основные теории разрабатывались в русле неопрейдизма?
18. В чем суть и своеобразие теории базальной тревоги Карен Хорни?
19. В чем заключались разногласия К. Хорни с классическими идеями психоанализа?
20. В чем суть «гуманистического психоанализа» Э. Фромма?
21. Каковы основные положения эгопсихологии Эриксона?

Тема 15. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

15.1. Основные методологические подходы экзистенциализма

Методологическая проблема понимания экзистенциализма сводится к различию между объяснением и пониманием, что можно приравнять к различию между философской системой и феноменологией. Феноменологию отличает от философской системы ее попытка быть непредвзятой. Не существует философской системы, у которой не было бы вообще никаких исходных посылок. Надежность феноменологии, также как и ее бессилие, проистекает из этого отказа от исходных посылок.

Рассмотрение проблемы человека в рамках объяснительной системы, которую представляет собой естествознание, порождает определенные проблемы. Основная из них заключается в том, что современная концепция научного естествознания основана на предписании удалить воспринимающего, насколько возможно, от того, что воспринимается, при попытке получить знания о том, что воспринимается. Корни этого предписания можно увидеть у Галилея, который поместил пространственно-временные процессы в основание реальности, которую он исследовал, а также у Декарта, который изолировал сферу сознания от сферы тела и воспринимаемого мира, что приводит к чистой материальности, которая, хотя и лишена сознания, доступна математическому познанию.

Таким образом, психология, наука о человеческом сознании и поведении, оказывается в неестественном положении. С одной стороны, она хочет быть (объективной), хочет занять место как одна из естественных наук, хочет найти подтверждение в других науках, таких как биология и химия, и подтверждать их. С другой стороны, она хочет изучать то, что наука со времен Декарта и Галилея требует исключить из области исследования: душу, психику, сознание. Объективный мир, мир *res extensa* – это мир из которого удалены сознание и «Я». Если «Я» исключается, если все, что мы переживаем как «субъективное», не только не объясняется, но изымается из области исследования, у нас больше нет науки о «Я», а есть набор теорий о человеческом поведении, которые в принципе могут быть проверены, только если избегать сам источник проверки – самого создающего субъекта.

Единственный способ размышлять о мышлении – наблюдать мышление. Объяснить мышление путем преобразования его – значит, терять феномен мышления. Но сохранить его в целостности значит отказаться от естественнонаучного метода.

В феноменологическом (понимающем) подходе каждое данное – результат человеческого восприятия, мысль, эмоция и т.д. сами по себе обладают своим собственным смыслом для воспринимающего, думающего, чувствующего – для человека.

В упрощенной до тезиса форме научный идеал феноменологии можно выразить в виде парадоксально звучащей максимы о «теории, свободной от теории». Этот научный идеал привел Л. Бинсвангера к конфликту не только с редуccionистскими модельными представлениями традиционной клинической психиатрии, но и с такой же редуccionистской психоаналитической теорией. Понимание этого конфликта позволяет также увидеть, что движет представителями различных феноменологически и антропологически ориентированных направлений в психопатологии и психотерапии.

Экзистенциальный подход – это не более чем попытка решить этот конфликт, и он не претендует на то, чтобы быть истиной в последней инстанции.

Вышеупомянутое противоречие «теории, свободной от теории» становится несколько более понятным, если учесть неоднозначность слова «теория». «Теория» в значении естествознания и наук, ориентированных на него, обозначает систему гипотез, которые можно проверить на основе опыта и с помощью эксперимента, причем эти методы в той или иной степени уже доказали свою надежность. В рамках такой концепции реальности сущность «теории» состоит в том, что благодаря ей явления (возможно, конкретизированные с помощью модельных представлений, но сами по себе не конкретные) объясняются структурой условий, а внешняя реальность трактуется как то, что ею обусловлено, или как эпифеномен. При этом познание понимается как видение, позволяющее человеку раскрыть констелляцию условий и тем самым контролировать их; этому соответствует также «диагностика» в медицине, ориентированной на естественные науки.

Вместе с тем существует и другое понятие «теории», которое восходит к греческому значению слова *θεωσις*. В этом смысле теория означает «созерцание» как полную противоположность практике, позволяющей властвовать над всем сущим, мотивирующей подход, который направлен на анализ условий, и определяющей техническое отношение позитивистских наук к миру. Лейтмотивом такого понимания теория является максима Гёте: «Не надо ничего искать за феноменами; они сами – теория», и далее: «Главное, что нужно понять: все фактическое уже и есть теория». Это и есть мотив – наряду с прочими – феноменологического исследования, который стал основным и для экзистенциального анализа. Он предполагает познание, нацеленное на постепенное раскрытие воззрения и теории, видения и понимания, а также чувственного и смыслового.

Следовательно, феноменология не означает простого описания, в значении которого иногда употребляют это слово представители естественных наук. То, что должно быть в феноменологии «феноменом», – это не внешний аспект предмета, а прежде всего «логос». Таким образом, феноменология, вопреки широко распространенному неверному мнению, ведет не к абсолютизации поверхностного аспекта мира, а к радикализации принципа опыта. Наглядной данностью должно быть не только то, что воспринимается с помощью органов чувств; речь также идет о структурах, делающих воспринимаемый предмет разумным и понятным.

Экзистенциальный анализ делает предметом своего изучения «бытие». Благодаря концепции «бытия» как бытия в мире достигается уровень рассмотрения, на котором различие между «сознательным» и «бессознательным», равно как и пропасть между субъектом и объектом или между Я и не-Я ликвидируются. Акцент в экзистенциальном анализе делается на открытости человека миру и самому себе, которая в поздних трудах Хайдеггера, а также в произведениях М. Босса, называется «просветом бытия».

15.2. Основные понятия экзистенциализма

Впервые об экзистенциализме (философии существования) заговорили в конце 20-х годов XX века. Многие считали это направление философии бесперспективным, но вскоре оно выросло в крупное идейное движение. Условно это движение разделяется на два направления: атеистическое (представители – М. Хайдеггер в Германии, Ж.-П. Сартр, А. Камю во Франции) и религиозное – К. Ясперс (Германия), Г. Марсель (Франция).

Экзистенциализм – философское выражение глубоких потрясений, постигших общество во время кризисов 20–40-х гг. Экзистенциалисты пытались постигнуть человека в критических, кризисных ситуациях. Они сосредоточились на проблеме духовной выдержки людей, заброшенных в иррациональный, вышедший из под контроля поток событий.

Кризисный период истории, то есть XX век, экзистенциалисты рассматривают как кризис гуманизма, разума, как выражение «мировой катастрофы». Но в этой неразберихе пафос экзистенциализма направлен против личной капитуляции перед «глобальным кризисом». Сознание человека, живущего в XX веке, отличается апокалипсическим страхом, ощущением покинутости, одиночества, потеря смысла жизни.

В задачу экзистенциализма входит создание новых определенных предмета философии, ее задач и возможностей новых постулатов.

Основными вопросами, находящимися в поле внимания экзистенциалистов, являются:

- отчуждение человека – проблема, вышедшая на первый план с началом XX века. Проблемы, принявшие глобальный характер (возможность ядерного взрыва, духовный, экономический, демографический кризисы), заставляют философов задуматься о будущем человечества. Их занимают вопросы поиска собственного Я, преодоления безысходности, обретения свободы, смысла жизни.

- проблемы бытия мира и человека. Философы-экзистенциалисты говорят о неотделимой целостности субъекта и объекта, бытие трактуется как непосредственно данная экзистенция, человеческое существование. Экзистенциализм доказывает, что человек есть, существует, является бытием и через его бытие строится и бытие всего окружающего мира.

- существование и сущность человека. Если сущность предшествует ее существованию, то сущность человека проявляется только в течение его жизни. Человек сам себя превращает в человека.

- человек – уникальное существо. Человеческое Я несводимо ни к духовным, ни к телесным составляющим. Глубже всего человек познает свою экзистенцию в пограничных ситуациях (депрессия, болезнь, приближение смерти и

т.п.). Именно в такие минуты человек может познать свое Я и обрести внутреннюю свободу.

Подводя итог вышесказанному, можно привести цитату из статьи М.К. Мамардашвили: «Экзистенциализм – это не академическая философия, которую излагают с кафедр и уточняют с помощью профессорских словопрений (хотя и словопрений здесь много). Это, скорее, способ фиксации определенных настроений, достаточно широко распространенных в обществе. Категории экзистенциализма суть категории самовыражения, имеющие в виду определенный душевный склад, эмоциональный комплекс личности».

Экзистенциалисты не предлагали новых философских конструкций. Они ставили в центр внимания индивидуальные смысложизненные вопросы и проявляли интерес к проблематике науки, морали, религии, философии истории в той мере, в какой она соприкасалась с этими вопросами. В работах экзистенциалистов нет движения от простейших определений предмета ко все более всестороннему и конкретному его пониманию, что отличает теоретическую мысль от других форм духовного освоения действительности. Их работы отличает, скорее, сюжетность, художественность.

Не случайно категориальные построения экзистенциалистов свободно сложились в художественную прозу. Содержательная сторона их философии заключалась в отказе от теоретически развитого знания и в нацеленности на подвижные умонастроения, ситуационные переживания человека современной эпохи.

15.3. Основы экзистенциализма М. Хайдеггера

С момента публикации работы «Бытие и время», принесшей ему широкую известность, и вплоть до последних лет своей жизни Мартин Хайдеггер (1889–1976 гг.) не устал повторять, что в центре его внимания находится проблема бытия. Фундаментальная онтология, согласно Хайдеггеру, должна начать с вопроса о бытии, т.е. о смысле бытия.

Хайдеггеровская онтология есть фундаментальная (или критическая) онтология, потому что сам вопрос и способ его постановки включается в существо онтологии.

Неэффективность традиционного вопроса о бытии преодолевается Хайдеггером анализом того, кто в состоянии вопрошать. Им может быть сущее, бытийствующее и одновременно рефлекслирующее о бытии. Это сущее, имеющее бытийственную возможность спрашивания, Хайдеггер обозначает термином *Dasein*.

Сущность *Dasein* определяется экзистенцией, важнейшим конституирующим признаком которой является самопонимание и способ его обнаружения. «Само бытие, – пишет Хайдеггер, – к которому присутствие так или иначе может относиться и всегда каким-либо образом относит, мы называем экзистенцией». Содержательно экзистенция означает «пред-стояние в истине бытия». Термин «экзистенция» производное от латинского глагола *exsistere* – выступать, выходить, делаться, становиться. Сущность *Dasein*, таким образом состоит в том, чтобы становиться, выходить за пределы наличности – экзистировать.

Смысл бытия равен пониманию бытия, т.е. самопректированию *Dasein*. Структуру человеческого бытия в ее целостности Хайдеггер обозначает как заботу. Забота представляет собой единство трех моментов: бытия-в-мире, забегания вперед и бытия-при-внутримировном-сущем.

Важнейшей стороной Dasein, благодаря которой оно вообще становится доступным для восприятия, является бытие-в-мире (In-der-Welt-sein). В-мире-бытие означает принадлежность внутримирового содержания человеческому субъекту, т.е. неразрывность человеческого бытия и мира, субъективного и объективного. Хайдеггер провозглашает бытие-в-мире внутренним, априорным определением человека.

Второй момент заботы как забегание вперед, означает, что человеческое бытие, постоянно убегающее от себя и ускользящее вперед, всегда есть бытие, проектирующее само себя в нечто большее, чем есть в данный момент.

Определяя заботу как бытие-при-внутримировном-сущем, Хайдеггер подчеркивает тем самым специфический способ отношения к вещам как к спутникам человека в его жизни, как к чему-то близкому, согретому человеческим теплом и потому отдающему это тепло назад человеку. Интимное отношение к вещам как к «подручным», Хайдеггер противопоставляет современному способу орудования вещами, при котором вещественное начало понимается как сырье и техника.

Человеческое бытие, согласно Хайдеггеру, никогда не выступает как изолированный субъект, существование других, себе подобных, изначально известно ему, ибо составляет один из моментов его собственной бытийной, априорной структуры. Если характеристика бытия среди других – повседневность, обыденность, то бытие-с-другими может быть неподлинным.

Данная взаимозамещаемость, при которой появляется некая фикция среднего человека, приводит к превращению субъекта в нечто безличное среднего рода, в анонима – das Man. По сути дела это – отчужденный человек повседневности. Человек повседневности – несобственный.

Своеобразие, самость человека противится растворению в Man. Экзистенция может осуществляться в совместном бытии-с-другими уже потому, что самость проявляется только в отличии от других. Следовательно, отношение к другим, а, если точнее, противостояние им, оказывается главным конституирующим моментом Dasein.

В основе поворота к собственному, к бытию, лежит осознание человеком своей историчности, конечности, свободы. Безличное существование скрывает от человека его обреченность, он не знает смерти, представляющей собой сугубо личный факт. В повседневности смерть понимается как «умирают», как смерть других. «Проговариваемая или чаще затаенная беглая речь об этом скажет: в конце концов человек смертен <... > и <...> любой и ты сам можешь себя уговорить: всякий раз не именно я, ведь этот человек никто». Но «никто не может снять с другого его умирание». В той мере, в какой смерть есть, она всегда радикальным образом моя смерть. Таким образом, бытие-к-смерти – такая бытийственная возможность, которая выхватывает человека из сферы Man, перемещая его в сферу подлинной экзистенции. Смерть есть абсолют для Dasein, экстремальная точка поворота к бытию в перспективе смерти все индивидуальные ситуации роднит возможность стать невозможными. Осознание смерти, бессмысленности любого проекта обосновывает историчность экзистенции, неполноту каждого из ее моментов. Только приблизившись к постижению смерти как к крайнему пределу, который поставлен всякому существованию, человек находит себе подлинное бытие.

М. Хайдеггер, определяя понятие самости человека, ставит его в зависимость от категории открытости по отношению к миру. По мнению философа, самость не может существовать отдельно от мира. Ее предназначение в том и состоит, чтобы «раскрыть» этот мир. Открытость по отношению к внешнему миру и есть самое существо самости. Поэтому Хайдеггер говорит не о самости как о таковой, а о Dasein. Данное понятие отражает единство человека и мира. Эти два аспекта одной целостности не существуют друг без друга и могут быть поняты лишь посредством друг друга.

15.4. Основные понятия и принципы экзистенциальной психологии

Фундаментальная особенность экзистенциальной психологии – стремление понять человеческую жизнь через призму универсальных экзистенциальных факторов. Как и специфические, индивидуальные экзистенциальные факторы, обуславливающие уникальность каждого из нас, универсальные образуют своего рода «рамку» понимания жизни конкретного человека.

Конечность человека

Основным экзистенциальным фактором является существование человека перед лицом неизбежной конечности:

– жизнь и смерть взаимосвязаны; они существуют одновременно, а не последовательно; смерть, непрерывно проникая в пределы жизни, оказывает огромное воздействие на наш опыт и поведение.

– смерть – первичный источник тревоги и, тем самым, имеет фундаментальное значение как причина психопатологии.

Мысль о переплетенности жизни и смерти столь же стара, как письменная история. Всеу на свете приходит конец – это одна из наиболее самоочевидных жизненных истин, так же как и то, что мы боимся этого конца и тем не менее должны жить с сознанием его неизбежности и своего страха перед ним. Стоики говорили, что смерть – самое важное событие жизни. Научиться хорошо жить – это значит научиться хорошо умирать, и наоборот, уметь хорошо умирать значит уметь хорошо жить. Известны слова Цицерона: «смысл занятий философией – подготовка к смерти» и Сенеки: «Только тот человек воистину наслаждается жизнью, кто согласен и готов оставить ее». Ту же мысль выразил св. Августин: «Только перед лицом смерти по-настоящему рождается человек».

Смерть – неотъемлемая часть жизни, и, постоянно принимая ее в расчет, мы обогащаем жизнь, а отнюдь не обкрадываем ее. Физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его.

Мартин Хайдеггер изучал вопрос о том, от чего идея смерти оберегает человека: сознание предстоящей личной смерти пробуждает нас к переходу на более высокий модус существования. Хайдеггер считал, что имеются два фундаментальных модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознания бытия.

Забвение бытия означает жизнь в мире вещей, погружение в жизненную рутину. Человек «снижен», поглощен «пустой болтовней», затерен в «они». Он капитулировал перед повседневностью, перед заботами о том, «каковы» вещи.

С другой стороны, сознавая бытие, человек сосредоточен не на «как», а на «что» – не на свойствах и оценках вещей, а на том, что эти вещи есть, что они обладают бытием. Существовать в данном модусе, который часто называют «онтологическим», значит непрерывно сознавать бытие – не только мимолетность бытия, но и ответственность за свое бытие. Лишь в онтологическом модусе существования человек соприкасается с собой как творением собственной самости и потому обладает властью изменить себя.

Обычно люди пребывают в первом модусе. Забвение бытия – это повседневный способ существования. Хайдеггер называл его «неаутентичным» – в нем мы не сознаем себя творцами собственной жизни и мира, мы «спасаемся бегством», «попадаем в ловушку» и становимся успокоенными; мы избегаем выбора, будучи «унесены в «никтовость». Перейдя же во второй модус (сознание бытия), мы существуем аутентично. Мы становимся полностью самосознующими – сознающими себя одновременно как трансцендентное (детерминирующее) Эго и как эмпирическое (детерминированное) Эго; приемлющими свои возможности и ограничения; конфронтирующими с абсолютной свободой и небытием – и испытывающими тревогу перед их лицом.

Какое отношение ко всему этому имеет смерть? Хайдеггер отдавал себе отчет, что просто благодаря раздумьям, стойкости и «скрежету зубовному» не перейти из состояния забвения бытия в более просветленное и беспокойное состояние сознания бытия. Нужны какие-то неотвратимые и непоправимые обстоятельства, определенный «экстремальный опыт», который «вытряхивает», «вырывает» человека из повседневного модуса существования в состояние сознания бытия. В качестве такого опыта (Ясперс имел в виду то же самое, говоря о «пограничных», или «предельных» состояниях) смерть превосходит все остальное: смерть есть условие, дающее нам возможность жить аутентичной жизнью.

Эту точку зрения – что смерть вносит позитивный вклад в жизнь – не так-то легко принять. Для большинства из нас смерть – ужасное, нестерпимое зло. Попытка избежать тревоги смерти составляет ядро невротического конфликта. Сответствующее поведение становится «невротически», когда оно достигает крайней степени выраженности и приобретает ригидность; гипертрофия любой из базовых защит от тревоги смерти выливается в ту или иную форму невротической адаптации. Невротический стиль жизни порождается страхом смерти, но поскольку он ограничивает способность индивида к спонтанной и творческой жизни, эта защита от смерти сама представляет частичную смерть. Именно это имел в виду Ранк, когда сказал, что невротик отказывается брать взаймы жизнь, чтобы не платить по векселю смерти: он покупает свободу от страха смерти ценой частичного саморазрушения.

Смысл жизни

Нередко возникает вопрос: если мы сами обязаны создавать свой мир, если по существу являемся одиноками, если должны умереть, то какой смысл имеет жизнь, зачем мы живем и, более того, обязаны жить?

Альбер Камю: «Я видел, как много людей умирает потому, что жизнь для них больше не стоила того, чтобы жить. Из этого я делаю вывод, что вопрос о смысле жизни – самый насущный». В. Франкл с несомненностью пришел к выводу, что отсутствие смысла – первостепенный экзистенциальный стресс. По его мнению, экзистенциальный невроз – синоним кризиса бессмысленности.

Сальваторе Мадди, например, в своем великолепном эссе о поиске смысла утверждает, что «экзистенциальная болезнь» происходит от «всеобъемлющей неудачи поиска смысла жизни». Мадди описывает «экзистенциальный невроз», когнитивным компонентом которого является «бессмысленность», или хроническая неспособность проникнуться истинностью, важностью, полезностью или интересностью чего-либо, в чем человек участвует или может представить себя участвующим». Бенджамин Уолман определяет экзистенциальный невроз аналогичным образом: «Неспособность найти смысл в жизни, чувство, что человеку не для чего жить, не за что бороться, не на что надеяться... он не может найти цель или направление в жизни, ощущение, что как ни выдыхайся на работе, вдохновляться нечем». С этим соглашается Николас Хоббс: «Современная культура часто порождает вид невроза, отличный от описанного Фрейдом. Современные неврозы характеризуются не столько вытеснением и конверсией... отсутствием инсайта, но отсутствием цели, смысла в жизни».

Людей чрезвычайно утешает вера в существование некоего высшего целостного плана, в котором каждый индивид играет свою особую роль. Она дает человеку не только цель и роль, но также набор инструкций о том, как ему следует прожить жизнь. Космические религиозные взгляды составляли фундаментальную часть системы верований в западном мире. Чем больше ставилось под сомнение существование чего-либо непостижимого для человека – сверхъестественного или иного абстрактного абсолюта, – тем труднее становилось людям воспринимать космическую смысловую систему.

Камю использовал слово «абсурд» для описания фундаментальной ситуации человека в мире – ситуации трансцендентного ищущего смысл существа, которое должно жить в мире, не имеющем смысла. Камю утверждал, что мы – нравственные существа, требующие от мира основы для нравственного суждения, то есть смысловой системы, в которой есть эксплицитная калька ценностей. Но мир ее не предоставляет, он полностью безразличен к нам. Напряжение между устремлением человека и безразличием мира и есть то, что Камю называл «абсурдной» человеческой ситуацией.

Согласно его позиции, мы можем созидать новый смысл жизни, любя свои «ночи отчаяния», погружаясь в водоворот бессмысленности и достигая позиции героического нигилизма. Камю считал, что человек может полностью осуществиться, лишь живя с достоинством перед лицом абсурдности. Безразличие мира может быть преодолено бунтом, гордым бунтом человека против собственной ситуации. «Нет ничего равного зрелищу человеческой гордости». «Нет судьбы, которую нельзя победить презрением».

Камю добровольно принял систему личного смысла, систему, которая включает в себя ясные ценности и руководства для поведения: мужество, гордый бунт, братскую солидарность, любовь, светскую святость.

Свобода, ее границы, ответственность

Свобода – главнейшая экзистенциальная ценность, но неоднозначность понимания этой категории создает немало проблем. Хотя экзистенциальная психология отвергает жесткую обусловленность развития человеческой личности внешними силами и обстоятельствами, она не признает и абсолютной ее свободы. Как утверждал С. Кьеркегор, «реальность – это единство возможного и необходимого». Каждый человек обладает так называемой ситуационной свободой,

а это значит, что ситуации, в которых он находится, в чем-то неизбежно ограничивают его. Таким образом, наряду с фундаментальным фактом, что мы как люди являемся свободными существами, существует другой не менее фундаментальный факт – что наша свобода ограничена.

Некоторые из границ человеческой свободы абсолютны. Самые убедительные примеры – рождение и смерть. Существуют ограничения физического или биологического порядка – возможности тела, физические недостатки, генетическая предрасположенность и т.п. Нас ограничивают и многие психологические факторы – особенности характера, эмоциональные состояния, особенности восприятия ситуаций и способы реагирования на них и т.д. Невозможно избежать социальных границ, ибо мы живем рядом с другими людьми и должны учитывать свободу друг друга. Наши свободы при взаимном «столкновении» неизбежно ограничивают друг друга. На протяжении жизни мы неоднократно испытываем силу морально-этических границ, когда, будучи свободными, тем не менее сами налагаем запрет на некоторые свои действия, подчиняясь велениям совести или ценностей, которые диктуют свои ограничения. Таким образом, о свободе можно говорить настолько, насколько мы осознаем и признаем то, что невозможно, необходимо и возможно.

Человеческая природа гибка, и, вопреки наличию ограничивающих обстоятельств, человек все же не лишен возможности с достаточной степенью свободы выбирать способы своих действий в разных жизненных ситуациях. Свобода и означает постоянный выбор между альтернативами и, более того, свободный выбор требует образования новых альтернатив. Эта идея особенно важна в психотерапии, так как позволяет клиентам увидеть, что они намного свободнее, чем думали прежде, но всегда приходится помнить о цене, которую приходится платить за свободу, – необходимых усилиях, риске, тревоге. Нежелание платить эту цену как раз и делает людей несвободными, хотя на первый взгляд этот вывод может показаться парадоксальным.

Взгляд Сартра на свободу чреват серьезными последствиями: человеческое существо не только свободно, но и обречено на свободу. Более того, свобода простирается дальше ответственности за мир (то есть насыщение мира значением): мы полностью ответственны за свою жизнь, не только за свои действия, но и за свою неспособность действовать.

Ж.-П. Сартр писал, что быть ответственным, значит быть «неоспоримым автором события или вещи». Ответственность означает авторство. Осознавать ответственность – значит осознавать творение самим собой своего «я», своей судьбы, своих жизненных неприятностей, своих чувств и также своих страданий, если они имеют место. Никакая реальная терапия невозможна для пациента, не принимающего такой ответственности и упорно обвиняющего других – людей или силы – в своей дисфории.

Осознание и факта собственного конституирования себя и мира, и собственной ответственности – серьезно пугает. Ничто в мире не имеет иного значения, кроме порожденного нами. Нет ни правил, ни этических систем, ни ценностей, никакого внешнего референта, никакого грандиозного вселенского плана. Согласно Сартру, индивид – единственный творец – «это существо с перспективой быть Богом».

В описаниях субъективного опыта сознания ответственности часто используется понятие пустота, или беспочвенность, или отсутствие почвы

(groundless). Мы реагируем на тревогу отсутствия почвы так же, как вообще на тревогу – ищем облегчения. Есть много способов заслониться. Во-первых, тревога отсутствия почвы, в отличие от тревоги смерти, не очевидна в повседневном опыте. Ее нелегко постичь интуицией взрослого и, возможно, она вовсе не испытывается ребенком.

Мы избегаем ситуаций (например, принятия решений, изоляции, автономного действия), которые, по глубоком размышлении, могли бы привести нас к сознанию этого фундаментального отсутствия почвы. Мы ищем структуру, авторитет, грандиозные проекты, магию – нечто большее, чем мы сами. Как напоминает нам Э.Фромм в «Бегстве от свободы», даже тиран лучше, чем полное отсутствие лидера. Поэтому дети плохо переносят свободу и требуют установления границ, и такую же потребность в структуре и границах испытывают находящиеся в состоянии паники психотические пациенты. Та же динамика лежит в основе развития переноса в ходе терапии. Среди других защит от тревоги отсутствия почвы – общие с теми, что используются против полного осознания «моей смерти», потому что отрицание смерти является союзником отрицания пустоты.

Однако самая мощная защита – это, вероятно, переживание реальности как таковой, то есть видимости вещей. Видеть себя первичным конституирующим агентом значит бросить вызов реальности, как мы обычно ее воспринимаем. Наши сенсорные данные говорят нам, что мир находится «здесь», а мы входим в него и покидаем его. Но, как полагают Хайдеггер и Сартр, видимости поступают на службу к отрицанию: мы конституируем мир таким образом, что он видится нам независимым от нас. Конституировать мир как эмпирический мир значит конституировать его как нечто независимо от себя.

Когда нами овладевает один из психологических механизмов, позволяющих бежать от нашей свободы, мы живем «неаутентично» (Хайдеггер), или в «нечестности» (bad faith) (Сартр). Сартр считал своей задачей освободить людей от нечестности и помочь им принять ответственность.

Принятие ответственности – необходимая предпосылка терапевтического изменения. Пока человек верит, что его ситуация и его дисфория порождаются кем-то другим или некоторой внешней силой, – какой смысл стремиться к личностному изменению? Люди обнаруживают неистощимую изобретательность в нахождении путей избегания сознания ответственности.

Экзистенциальная вина

В экзистенциальной психологии «вина» имеет несколько другой смысл, чем в традиционной терапии, где она означает эмоциональное состояние, связанное с переживанием неправильных действий, – всепроникающее, высоко дискомфортное состояние, характеризующееся тревогой в соединении с ощущением своей «плохости».

Экзистенциальная перспектива в психотерапии добавляет важное измерение к концепции вины. Во-первых, полное принятие ответственности за свои действия расширяет границы вины, уменьшая возможности бегства.

Но экзистенциальная концепция вины добавляет также нечто еще более важное, чем расширение границ «подотчетности». Попросту говоря, речь идет о следующем: человек несет вину не только за преступления против других людей, моральных или социальных правил; но также за преступления против самого

себя. Из всех экзистенциальных философов наиболее полно разработали это представление Кьеркегор и Хайдеггер. Хайдеггер для обозначения вины и ответственности использует одно и то же слово (schuldig). После обсуждения традиционных употреблений понятия «виновный» он заявляет: «Быть виновным также подразумевает «быть ответственным за», то есть являться источником, или автором, или по крайней мере случайной причиной чего-либо?».

Мы виновны в той же степени, в какой ответственны за себя и свой мир. Вина – фундаментальная часть Dasein: ««Быть виновным» не есть производное от «быть должным», напротив, быть должным становится возможным лишь на основе исходной виновности». Затем Хайдеггер развивает мысль о том, что «в идее «виновности» заложено значение «не»». Dasein неизменно конституирует и «неизменно отстаёт от собственных возможностей. Таким образом, вина интимно связана с возможностью, или потенциальностью. Когда «зов совести» услышан (зов, возвращающий нас к осознанию своего «аутентичного» модуса бытия), мы неизменно «виновны» – виновны постольку, поскольку терпели неудачу в осуществлении аутентичной возможности.

К психотерапии особое отношение имеет вклад П. Тиллиха. В «Мужестве быть» он говорит о тревоге, вызываемой у человека идеей небытия, и различает три источника тревоги – три основных пути, на которых небытие угрожает бытию. Два из них: смерть – угроза объективному существованию – и бессмысленность – угроза духовному существованию. Небытие составляет опасность для бытия, угрожая нашему моральному самоутверждению, и эта угроза заставляет нас испытывать вину и тревогу самоосуждения. Слова Тиллиха предельно ясны: «Бытие человека не только дано ему, но также требуется от него. Он ответствен за него; в самом буквальном смысле, он должен отвечать, если его спросят, что он сделал из себя. Тот, кто спрашивает его, – его судья, и это ни кто иной, как он сам. Данная ситуация вызывает его тревогу, которая в относительных терминах есть тревога вины, в абсолютных – тревога самоотвержения, или самоосуждения. От человека ожидается, чтобы он сделал из себя то, чем он может стать, чтобы воплотить свою судьбу. Каждым моральным актом, актом самоутверждения человек вносит вклад в воплощение своей судьбы, в актуализацию того, чем он потенциально является».

На то же обстоятельство указывал хасидский раввин Сашья (Sasya), который незадолго до своей смерти сказал: «Когда я приду на небеса, там не спросят меня: «Почему ты не был Моисеем?» Вместо этого меня спросят: «Почему ты не был Сашьей? Почему ты не стал тем, кем мог стать только ты?»».

Одиночество

В той мере, в какой человек отвечает за собственную жизнь, он одинок. Ответственность подразумевает авторство, сознавать свое авторство означает отказаться от веры, что есть другой, кто создает и охраняет тебя. Акту самосотворения сопутствует глубокое одиночество. Человек начинает сознавать космическое безразличие вселенной. Может быть, у животных и есть какое-то ощущение пастуха и приюта, но человек с его проклятием самосознания неминуемо остается открыт экзистенции.

Э. Фромм считал, что изоляция – первичный источник тревоги. Он особенно подчеркивал чувство беспомощности, сопутствующее фундаментальной отъединенности человеческого существа.

«Осознание своего одиночества и отъединенности, своей беспомощности перед силами природы и общества превращают его отъединенное, расколотое существование в невыносимую тюрьму. Переживание отъединенности вызывает тревогу; более того, это источник всякой тревоги. Быть отъединенным означает быть отрезанным, без какой-либо возможности использовать свои человеческие силы. Следовательно, это значит быть беспомощным, неспособным активно влиять на мир – вещи и людей; это означает, что мир может вторгаться в меня, а я не в состоянии реагировать».

15.5. Вклад Л. Бинсвангера в развитие экзистенциальных идей

Людвиг Бинсвангер (1881–1966 гг.) – швейцарский психиатр, психолог и философ, труды которого имели решающее значение как для становления феноменологической психиатрии, так и для экзистенциалистской реформы психоанализа. Он родился 13 апреля 1881 г. в Кройцлингене (Швейцария) в семье потомственных врачей. Бинсвангер получил прекрасное медицинское образование в Лозанне и Гейдельберге. В 1907 г. он получил медицинскую степень в Цюрихском университете, где вместе с Юнгом учился у ведущего швейцарского психиатра Эугена Блеилера – знаменитого директора психиатрической больницы Бургхельци в Цюрихе. Через Юнга в том же году Бинсвангер познакомился с Фрейдом. В 1911 г. Бинсвангер сменил своего отца (а тот ранее сменил деда) на посту медицинского руководителя санатория Беллевию в Кройцлингене и оставался на этом посту до 1956 г., когда передал бразды правления своему сыну. Бинсвангер являлся действительным и почетным членом десятка медицинских академий, в 1956 г. ему была вручена высшая для психиатра награда – медаль Крепелина. В результате более чем полувековой деятельности Бинсвангером была создана философская и медицинская антропология.

Бинсвангер считал, что с появлением «Бытия и времени» М.Хайдеггера задача обоснования науки о человеке в общих чертах решена: на основе экзистенциальной аналитики должен быть создан экзистенциальный анализ. Это будет общая антропологическая теория, которая может служить основанием для всей совокупности наук о человеке. Правда, у Бинсвангера наблюдались определенные колебания. В большинстве своих книг и статей он придерживается этого замысла, но в главной своей работе «Основные формы и познание человеческого существования» (1943 г.), которая носит преимущественно философский характер, он в известной мере пересматривает антропологию Хайдеггера и polemизирует с ним. Здесь Бинсвангер попытался дополнить хайдеггеровскую экзистенциальную аналитику философской антропологией Шелера и еврейского мыслителя Мартина (Мардохая) Бубера (1878–1965 гг.), а также идеями русского религиозного философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950 гг.) и др. Вместе с тем Бинсвангер утверждает, что аналитика Хайдеггера является основанием любой будущей антропологии.

Бинсвангер был одним из первых последователей Фрейда, с которым у него установились самые дружественные отношения, и эта дружба продолжалась до конца дней, несмотря на все доктринальные разногласия.

Несмотря на то, что Бинсвангер разделял основные положения психоанализа и пытался переубедить своих коллег-психиатров, он был далек от некритического принятия всех положений учения Фрейда. Психоанализ, по словам Бин-

свангера, был вызовом не только предшествующей психиатрии, но и господствовавшим тогда философским представлениями о человеке. Проблема, которая стояла перед ним на протяжении всей жизни, заключалась в приспособлении психоанализа к философской антропологии.

В психоанализе Бинсвангер видел, прежде всего, средство проникновения на уровень субъективных смыслов, верований и ценностей больного. В этой связи он приветствовал отказ Фрейда от физиологической интерпретации психических явлений, но полагал, что отход этот во фрейдизме не был доведен до конца. Хотя Фрейд оторвал психические процессы от физиологии высшей нервной деятельности, во-первых, он считал этот отрыв временным (с развитием естествознания он будет ликвидирован), а во-вторых, сами психические процессы понимал как жестко детерминированные и порожденные инстинктивными влечениями. Метапсихология Фрейда видит во всех психических событиях проявление универсальных биологических «первичных» процессов. Мораль, искусство, религия предстают у него как иллюзорные порождения – через проекцию и сублимацию – инстинкта. Редукционизм Фрейда, естественно, вызвал возражения всех тех, кто отказывался видеть в высших творениях человеческого духа нечто исключительно производное от инстинктивных влечений.

Прежде всего, психоанализ неприемлем для Бинсвангера как учение, выводящее религию и мораль из инстинктивных влечений. Бинсвангер вспоминает о своей беседе с Фрейдом, который говорил так: «Человечество всегда знало, что оно обладает духом, я должен был показать, что имеются также инстинкты».

Бинсвангер считал, что «только теоретически и абстрактно инстинкт и дух могут быть разделены <...> Если Ницше и психоанализ показали, что инстинктивность, особенно в форме сексуальности, выходит за свои пределы, чтобы достичь вершин человеческой духовности, то мы должны попытаться показать тот уровень, до которого, выходя за свои пределы, доходит духовность, – глубочайшие равнины «витальности». Мы должны, другими словами, постараться показать, как можно говорить о религиозной, моральной и эстетической жизни в тех сферах человеческого существования, которые до сих пор казались подвластными витальной и инстинктивной жизни». Здесь сформулирована та задача, которую пытался решить Бинсвангер в своей философской антропологии: описать человеческое существование в его целостности, преодолевая биологизм Фрейда.

Бинсвангер был критиком не только биологизма и пансексуализма Фрейда. Психоанализ его не устраивает по тем же причинам, что и любые другие «объясняющие» подходы к человеческому сознанию. В научных теориях, пишет он, «реальность феноменального, его уникальность и независимость поглощаются гипотетическими силами, влечениями и управляющими ими законами». Наука о человеке должна разорвать путы всех специализированных научных концепций человека и описать человеческое существование в его целостности. Фрейд же сводит экзистенцию человека, ее личностный характер к гипотетическим универсальным законам. Но если брать в скобки личность и коммуникацию между личностями, отмечает Бинсвангер, то непонятым становится, скажем, стремление ученого познать истину. С объективацией, разложением личности на гипотетические «Оно», «Я» и «Сверх-Я» личность «выводится за пределы подлинного бытия, а именно экзистенции, удушается онтологически и антропологически». Наука о человеке, считает Бинсвангер, не должна слепо следовать за наукой, а

видеть в самой научной деятельности один из модусов экзистенции наряду с религией, моралью, искусством, которые несводимы друг к другу и невыразимы с помощью понятий, взятых из другого «региона существования».

На основе психоанализа такая антропология построена быть не может. Желания рассматриваются в нем не как носители субъективных смыслов, а как результат воздействия сохранившихся в бессознательном вытесненных детских влечений. Человек оказывается не творцом своего будущего, а однозначно связанным с тем, что было с ним в прошлом, в детстве, причем сам он этого не осознает. Мотивы поведения лежат за пределами свободного выбора человека, а связь между мотивом поведения и самим поведением описывается Фрейдом посредством физикалистской терминологии.

Бинсвангер отвергает сам принцип казуального объяснения психических явлений, ибо субъективный смысл и причинность, по его мнению, исключают друг друга. Отсюда Бинсвангер делает и ряд важных для своей концепции выводов. Объективистские концепции не дают истинного понимания душевной жизни невротика. Опыт индивида не должен сводить к научным понятийным конструкциям, а интерпретироваться в его собственных терминах. Субъекту, в том числе и душевнобольному, дано то, что ориентирует его в мире, возможности, которые им реализуются, определенная настроенность. Поэтому, сколь бы странным ни казался мир того или иного человека, он всегда должен быть понят как осмысленный через осознание нужд, забот, тревог, эмоций этого человека. В нем всегда присутствуют внутреннее пространство и время, специфическая окраска, настроенность на других людей. Нет реальности для всех одинаковой и в этом смысле «нормальной», как полагают традиционная психиатрия и вслед за ней психоанализ. Мир безумца – осмысленный мир, даже если это не наш смысл. Это «его собственный мир», который нужно понять психиатру. Фрейд же сводит настоящие смыслы, то, как сейчас конституирует свой мир пациент, к его прошлому, к вытесненному в бессознательное. Поэтому Бинсвангер отвергает и фрейдистскую интерпретацию сновидений: интерпретироваться должно именно «явное» содержание сновидения – за ним не скрывается какое-то скрытое, вытесненное в бессознательное содержание. Сны вовсе не обязательно являются исполнением желаний, как полагал Фрейд, в них имеется столько же типов активности, как и в бодрствовании.

Смысл, по Бинсвангеру, есть способ, которым вещи нам являются, открываются как таковые, необходимый контекст любого отношения к миру.

Еще в гимназии Бинсвангер с увлечением прочитал «Критику чистого разума» Канта, и поэтому не удивительно, что неокантианство стало исходным пунктом его поисков. Первые его работы находятся под влиянием той интерпретации психологии, которая была дана в трудах Пауля Наторпа (1854–1924 гг.) – одного из виднейших представителей марбургской школы неокантианства. Согласно воззрениям этой школы, психология, в отличие от «объективирующих» естественных наук, выступает как наука «субъективации», то есть особого рода реконструкции полученных в опыте данных. Бинсвангера не удовлетворяла, однако, абстрактность неокантианства, отсутствие в нем выхода к конкретному миру переживаний индивида. Но, несмотря на то, что от неокантианства он впоследствии отошел, один важный его элемент остался у Бинсвангера навсегда – стремление дать описание априорных структур, делающих возможным само человеческое бытие.

В 1910 – 1920-х гг. Бинсвангер начал попытки переосмыслить учение Фрейда и основные проблемы психиатрии в духе неокантианства, понимающей психологии Вильгельма Дильтея (1833–1911 гг.) и Эдуарда Шпрангера (1882–1963 гг.), феноменологии Гуссерля и Макса Шелера (1874–1928 гг.). В дальнейшем Бинсвангер отверг биологизм и детерминизм Фрейда, его учение о бессознательном, равно как и теории либидо, вытеснения, символики сновидений. В поисках основания для психологической теории Бинсвангер проделал путь, тождественный главному направлению развития философии первой трети XX в. в Германии: от неокантианства он перешел к феноменологии, которую затем вслед за Хайдеггером переосмыслил как учение о человеческой экзистенции, а, в конечном счете, создал и собственный вариант философской антропологии.

На протяжении нескольких лет отстаивает в своих работах основные тезисы феноменологического учения. В идее интенциональности сознания он видит ключ к построению психологии, способной уловить мир субъективных смыслов. Объектом изучения психологии должны стать конституирующие предмет интенциональные акты: они делают мир таким, каким он выступает для субъекта.

С выходом в 1927 г. работы Хайдеггера «Бытие и время» Бинсвангер, как ему показалось, нашел окончательное основание для психологии, ту доктрину, которая может стать фундаментом для его собственной концепции человека и реформы психоанализа: « <...> Хайдеггер вручает психиатру ключ, при помощи которого он может, не будучи связанным предубеждениями какой-либо теории, установить и описать исследуемые им феномены в полном их феноменальном содержании и соответствующем контексте». Экзистенциализм Хайдеггера, считал Бинсвангер, вообще снимает проблему соотношения «объяснения» и «понимания». В работах Бинсвангера идеи, развитые Хайдеггером, впервые прилагаются к психиатрии.

Хотя Бинсвангер был хорошо знаком с поздними работами Хайдеггера и неоднократно встречался с ним (последний визит Хайдеггера в Кройцлинген был незадолго до смерти Бинсвангера), философское учение швейцарского психиатра полностью определяется той интерпретацией, которую он дал экзистенциальной аналитике (*Daseinsanalytik*), разработанной в «Бытии и времени» Хайдеггера. Человеческое существование было понято Хайдеггером как «забота» в единстве трех ее модусов, соответствующих трем измерениям времени. Подлинное существование связано, прежде всего, с будущим, с трансцендированием собственных пределов. Если эта открытость будущему исчезает, то человек объясняет все происходящее с ним как причинно обусловленное прошлым, а не его собственными проектами и целями. Если доминирует модус, соответствующий настоящему времени, то человек «падает» в *das Man*, обезличивается.

Концепция Бинсвангера получила название «экзистенциальный анализ» (*Daseinsanalyse*) и стала впоследствии руководством к действию для многочисленных последователей в Западной Европе и Америке. Бинсвангер попытался приложить в практической психиатрии некоторые идеи аналитики *Dasein*, развитые Хайдеггером в «Бытии и времени». Для Бинсвангера это означает, прежде всего, отказ от рассмотрения человека в качестве некоей монады, лишь механически взаимодействующей с миром и другими людьми. Иначе говоря, Бинсвангер требует психиатрического рассмотрения человека в единстве с миром человека. Бинсвангер указал на возможность использования центральных понятий «Бытия и времени» Хайдеггера в психологии и клинической практике и дал пер-

вую формулировку экзистенциального анализа как философского фундамента психоаналитической терапии. Его работы получили широкую известность, а этапы эволюции его воззрений, длившейся несколько десятилетий, соответствуют важным переменам, происходившим не только в философии, психологии и психиатрии, но и в духовной жизни, интеллектуальной атмосфере стран Запада. В конце 20-х и в 30-е годы на основе экзистенциальной аналитики Хайдеггера, его учении о бытии-в-мире Бинсвангер начинает переосмысливать основные положения психоанализа, пытаясь заменить метапсихологию Фрейда разработкой своего экзистенциального анализа.

Предложенный Бинсвангером экзистенциальный анализ – это метод анализа личности во всей полноте и уникальности ее существования (экзистенции). Бинсвангер определяет экзистенциальный анализ как феноменологический анализ актуального человеческого существования. Его цель – реконструкция внутреннего мира опыта. Согласно такому методу, подлинное бытие личности обнаруживается благодаря углублению ее в себя с целью выбрать не зависимый ни от чего внешнего «жизненный план». В тех случаях, когда открытость индивида будущему, характерная для подлинного существования, исчезает, он начинает ощущать себя заброшенным, его внутренний мир сужается, возможности развития остаются за горизонтом видения, и возникает невроз, индивид начинает объяснять происходящее с ним как результат детерминации прошлыми событиями, а не собственными актами выбора: доминирует модус «заброшенности» (прошлое). Смысл экзистенциального анализа усматривается в том, чтобы помочь невротика осознать себя свободным существом, способным к самодетерминации. Экзистенциальный анализ исходит из посылки, согласно которой подлинно личностное в человеке раскрывается только тогда, когда он освобождается от причинных связей с материальным миром, социальной средой. Психические заболевания – следствие утраты непрерывности самостановления; это крайняя степень неподлинности, удаленности от свободного трансцендирования: невротика и психотика не видят вероятностного характера бытия («бытия-возможности») и конституируют статически законченные «миры». Изначальное сужение бытия-в-мире индивида приводит, по Бинсвангеру, к тому, что часть феноменов остается за пределами горизонта видения и не может тематизироваться; выражением этого и являются, например, невротические симптомы. Задача психотерапевта – расширить горизонт видения и помочь пациенту осуществить аутентичный выбор.

Целью Бинсвангера был поиск нового основания для психологической науки и психиатрической практики, преодоление кризиса современной психологии. «Болезнь» и «здоровье», «нормальность» и «ненормальность» – значение этих понятий в немалой степени зависит от понимания человека в целом, то есть от философского, а не специально научного подхода. Поэтому, как писал один из исследователей творчества Бинсвангера, историю его попыток понять человека в здоровье и в болезни следует рассматривать в свете того, как он использовал и развивал положения, обнаруженные им в философских учениях, классических и современных. Отказываясь от биологического критерия психического «здоровья» или «болезни», Бинсвангер понимает их в духе хайдеггеровского учения о «подлинном» и «неподлинном» существовании.

Понятия «бытие в мире», «трансценденция», «миро-проект» почерпнуты Бинсвангером прямо из хайдеггеровского «Бытия и времени». Эти понятия фи-

гурируют практически у всех авторов экзистенциального направления; с ними связана трактовка проблем свободы воли, личной ответственности.

По замыслу экзистенциалистов, понятие «бытие-в-мире» предназначено для того, чтобы подчеркнуть неразрывную целостность субъективного и объективного. Дихотомия «объект – субъект» признается как ошибка Декарта, а картезианская картина мира – как следствие отчужденного восприятия действительности, порождаемого техническим прогрессом. С точки зрения экзистенциалистов, ни субъективное, ни объективное не изначально. Мир – это структура значимых отношений, которую создает сам субъект.

Бытие-в-мире, по Бинсвангеру, имеет три модуса:

– Umwelt – ландшафт, физический мир, который с нами разделяют все живые организмы;

– Mitwelt – социальный мир, сфера общения с другими людьми, четко отделяемая от социального мира животных;

– Eigenwelt – мир самости (в том числе телесной), присущий только человеку; это не просто субъективный мир, а основа, на которой строится отношение к двум другим модусам.

В приведенном разделении мира натри формы содержится мысль о несводимости друг к другу восприятия социального окружения и физического мира, подчеркивается важнейшая роль самосознания в оценке действительности.

Вопрос о подлинности существования является главным в полемике Бинсвангера с Хайдеггером. Неподлинным, как и все экзистенциалисты, Бинсвангер считает всю область детерминированных извне отношений между людьми («внешние» отношения к миру и к самому себе). Все социальные отношения включают в себя то, что он называет «игрой роли»: ролевые отношения, считает он, определяют в обществе саму сущность личности. В результате во всех своих отношениях с предметным окружающим миром (Umwelt), с другими людьми (Mitwelt) и с самим собой (Eigenwelt) человек предстает как детерминированное нечто. Вещи, люди, собственная личность определяются в терминах частных аспектов и качеств, целостность теряется.

Мир человеческой жизни Бинсвангер отождествляет с хайдеггеровским миром «заботы». Любая практическая или теоретическая деятельность в «заботе» предполагает изначально ограниченную точку зрения: другие люди становятся в один ряд со «сподручными» и «наличными» вещами. Более того, человек так же понимает и самого себя. Преодоление этой неподлинности трактуется Хайдеггером как радикальное отделение экзистенции от внешнего мира. Но преодолевается ли тем самым неподлинность? На этот вопрос Бинсвангер отвечает недвусмысленным «нет». Пусть «героически свободная» личность выбирает саму себя, но ведь выбор осуществляется в том же мире «заботы». Данный мир «заброшенности» и конечности Хайдеггер предлагает «решительно» принять, видеть в нем возможность собственного выбора. Однако этот выбор в «заботе» означает лишь свободу менять социальные роли. Человек остается обреченным играть всю жизнь, он стоит перед лицом ничто.

Человеческое существование в «заботе» Бинсвангер обозначает труднопереводимым оборотом «das Nehmen-bei-Etwas», что можно примерно передать как «принятие-за-нечто», подразумевая постоянное овеществление всего того, с чем человек имеет дело. Бинсвангер описывает целый ряд форм такого обезличенного и манипулятивного подхода к миру и другим людям. Все здесь сводится к

инструментальной полезности, все служит целям контроля и эксплуатации, предстает в количественном виде. «Некто полностью исчезает за суммой каких-то нечто, за которые он принимается; он полностью объективирован, то есть сконструирован, как калькулируемая механико-динамическая система из зажимов и рукояток. Субъективный полюс «кто» забыт или самообъективировался. Мы не видим того, что это мы сами, улавливая другого, сделали его орудием».

Критика социума, присутствующая в работах Бинсвангера, предстает как описание вечного удела человека, как характеристика любых социальных и экономических связей между людьми. «Взаимное принятие-за-нечто и позволение-быть-принятым конституируют целое социальной человеческой жизни; здесь нет ограничения какой-либо исторической эпохой, какими-либо частными или публичными, экономическими или политическими формами жизни, каким-либо социальным классом». Человеческое существование всегда таково. К тому же, считает Бинсвангер, без определенности социальных ролей, детерминированности внешними силами были бы невозможны упорядоченные формы социальной жизни. Мы не могли бы тогда не только рационально понимать, но и просто четко воспринимать другого человека. «Принятие-за-нечто» имеет поэтому, с его точки зрения, антропологическое, а не социально-историческое значение. В мире «дискурсивности» люди по необходимости должны быть друг для друга понятными, определенными ситуацией и ролью. В мире «дискурсивности» человек всегда находится в пути, устремлен в будущее, ставит цели и решает задачи. Это процесс последовательного движения от прошлого к будущему в «заботе».

«Трансценденция» буквально означает выход за пределы чего-либо. Философами-экзистенциалистами трансценденция рассматривается в качестве фундаментальной способности человеческого существа, заданной онтологической структурой и находящейся вне рамок причинного объяснения. При этом гомеостатические модели личности признаются неадекватными. Человек не только находится в мире, он постоянно движется в нем, вовлечен в творение каждого момента. Трансценденция подразумевает отношение к себе как к объекту и субъекту одновременно, способность взглянуть на себя со стороны. Благодаря трансценденции преодолеваются непосредственные границы времени. Временная связь, то есть способность переносить прошлое в настоящее, вместе со способностью действовать во временной перспективе составляет сущность разума и личности. Экзистенциалистам удается благодаря понятию трансценденции подчеркнуть активность человеческой личности, ее творческое начало. Процесс творчества на самом деле обладает высокой степенью непредсказуемости, но это, конечно, не дает основания к разрыву с детерминизмом.

Бинсвангер и другие психологи-экзистенциалисты вслед за Хайдеггером подчеркивают, что будущее в контраст к настоящему и прошлому – основной образец времени для человека. Прошлое приобретает значение только в свете проекта будущего, события избирательно черпаются из памяти. Значение событий прошлого, таким образом, не фатально, как считают сторонники ортодоксального психоанализа.

Утрата временной перспективы, с точки зрения экзистенциалистов, оказывается фатальной в генезисе психических нарушений. Глубокое беспокойство и депрессия аннулируют будущее, или согласно идеологии экзистенциалистов, утрата будущего приводит к депрессии и беспокойству.

Понятия «бытие-в-мире», «трансценденция» подводят к главному понятию – «миро-проект». Миро-проект – термин, введенный Бинсвангером для всеобъемлющего паттерна индивидуального модуса бытия-в-мире. Миро-проект человека определяет, как он будет действовать в определенной ситуации и какие у него характерные черты и симптомы. Границы проекта могут быть узкими и сжатыми, а могут быть широкими и экспансивными. Миро-проект, по мнению Бинсвангера, представляет собой ориентир, с помощью которого мы можем интерпретировать каждое действие личности.

Бинсвангер также обращается к экзистенциальной коммуникации как к модусу экзистенции, который противостоит «заботе». В нем, согласно его интерпретации, преодолеваются конечность и частность человека, беспрестанное блуждание от одной цели к другой. Это состояние, в котором исчезают время и движение. В нем человек соотносится не с каким-то отдельным аспектом реальности, а с тотальностью бытия. Данный модус Бинсвангер называет «бытие-друг-с-другом», любовным отношением «Я» и «Ты» в «Мы». Он употребляет здесь субстантивированное «Мы» (*die Wirheit*), обозначающее существование до разделения на «Я» и «Ты», в котором иначе структурированы пространство и время.

Например, в пространстве «заботы» человек соотносится со всем как с совокупностью сил и препятствий, приобретений и потерь, власти и подчинения. Противостояние друг другу неизбежно в «заботе», но отсутствует в «любовном бытии-друг-с-другом»: «Любовь и власть или насилие взаимно исключают друг друга». Если в «заботе» экзистенция забегает в будущее и является, в конечном счете, бытием-к-смерти, то в любви временность растворяется в вечности: «Любовь должна интерпретироваться не из конечности экзистенции, а из бесконечности».

«Я» и «Ты» не являются двумя хайдеггеровскими *Dasein*, взаимно конституирующими друг друга в «со-бытии» или «со-бытии-здесь». Бинсвангер отмечает, что подобное взаимоотношение и невозможно, если следовать экзистенциальной аналитике Хайдеггера. Если две экзистенции изначально оторваны друг от друга, то они не смогут затем соединиться. Поэтому Бинсвангер постулирует первичность «Мы» по отношению к «Я» и «Ты», которые возникают в результате разъединения предшествовавшего им любовного бытия-друг-с-другом.

Говоря о любви, он имеет в виду то, что ранее называл религиозным модусом экзистенции, несводимым к ее научному и эстетическому модусам. Традиционные понятия христианской антропологии, как и классические образы художественной литературы, переводятся им на специфический язык экзистенциального анализа.

Любовь противопоставляется миру «заботы», бытия-к-смерти, забегания в «ничто». Любовь и забота становятся сосуществующими и несводимыми друг к другу модусами существования.

У Бинсвангера нет иного гаранта межличностных отношений, кроме «основания Бытия», близкого к христианской идее Бога. А так как о нем, так же как и о любовном бытии-друг-с-другом, ничего нельзя сказать на языке мира, в котором господствует «война всех против всех», то перед Бинсвангером встают сложные проблемы.

В социальном же мире человек всегда выступает как индивидуалист, который играет роли, манипулирует другими и при любом общественном строе экс-

плуатирует других в собственных интересах. Отношения эксплуатации и индивидуалистического противостояния друг другу оказываются у него чем-то совершенно неизбежным – иначе не будет четкого следования социальным ролям и социальной стабильности. На этом основании Бинсвангер достаточно часто описывает социальный протест как нечто психически аномальное.

Болезнь трактуется как состояние человека, отказавшегося от свободного проектирования собственного будущего.

Бинсвангер обнаружил, что многие его пациенты перестают воспринимать окружающий мир и собственное существование в становлении, не видят их возможностного характера и конструируют такие «картины мира», в которых все статично, действительно, закончено. То, что Хайдеггер называл неподлинностью, у Бинсвангера становится определяющей характеристикой душевного расстройства. Психическая болезнь – это высшая степень неподлинности, так как свободный выбор максимально затруднен здесь для человека. Он живет в мире компульсивных (навязчивых) действий, какие-то внешние, чуждые, страшные силы владеют его сознанием. Нарушается целостность существования, модус «заброшенности» доминирует над всеми остальными. На основе онтологии Хайдеггера, считает Бинсвангер, становится понятной глубинная сущность того, что изучает психиатрия.

В статье «Экзистенциальная аналитика Хайдеггера и ее значение для психиатрии» он пишет: «Этим указанием на базисную структуру экзистенции как бытия-в-мире Хайдеггер дает в руки психиатра ключ, с помощью которого он способен, будучи свободным от предрассудков любой научной теории, принимать и описывать исследуемые им феномены в их полном внутреннем содержании». Человеческое существование было понято Хайдеггером как трансценденция, выхождение за собственные пределы. Тем самым он заложил, по мнению Бинсвангера, и основы психиатрии, поскольку трансцендирование можно считать главной характеристикой психического здоровья.

Психиатрия, утверждал Бинсвангер, должна учиться рассматривать человека и его существование по-новому, в их целостности. Для обозначения функционального единства всех модусов он предлагает древнегреческий термин *κοινωνία* (соучастие, союз, общность). О нарушении такого единства и свидетельствуют невротические симптомы. То, что люди вообще могут стать невротиками, пишет он, «является знаком заброшенности экзистенции и ее возможного падения, короче говоря, знаком ее конечности, ее трансцендентальной ограниченности и несвободы». Осознавая себя «заброшенным», человек должен, тем не менее, выбирать самого себя. Отказ от выбора ведет к неподлинному существованию, а в предельном случае – к неврозу.

Когда речь идет о неврозах и психозах, считает Бинсвангер, «мы сталкиваемся с модификациями фундаментальных, или сущностных, структур и структурных связей бытия-в-мире как трансцендирования». Эти модификации, продолжает он, имеют различный характер. Скажем, при психозах обнаруживаются две формы бытия-в-мире: в одной из них происходят неупорядоченный «полет идей», «прыжки», «завихрения», существование как бы поверхностно, с переходами от эйфории к депрессии (маниакально-депрессивный психоз); в другой форме экзистенция как бы усыхает, сжимается, а одновременно с ограничением поля возможного опыта происходит ее приземление, «обмирщение».

В трансцендировании, пишет Бинсвангер, человек выходит за свои пределы, к миру. Его сознание в этом смысле всегда есть сознание чего-то, и самым актом трансцендирования конституируется как мир, так и он сам. При таком подходе «преодолевается фатальный дефект всей психологии и расчищается дорога для антропологии, если понимать под фатальным дефектом дихотомическую теорию мира как субъекта и объекта». Учение о бытии-в-мире должно вернуть человека к реальности, существующей до разделения на субъект и объект. Неврозы и психозы являются специфическими способами трансцендирования, конституирования мира и самих себя. Отклонение от нормы означает создание новой «нормы». Маниакальная «норма», например, является общей для всех «миров», конституируемых маниакальным сознанием. Психотик живет в своем собственном осмысленном мире.

Симптом, по Бинсвангеру, является выражением изменения тотальной формы бытия человека, всего стиля его жизни. Причину же заболевания он видит в изначальной узости возможного горизонта опыта данной экзистенции, что приводит в дальнейшем к неспособности осмысливать многие феномены, составляющие мир человеческого существования. Они остаются, так сказать, за горизонтом и выступают как бессознательное, как то, что не осознается, но действует, вызывая тревогу, страх, навязчивое поведение. Одновременно происходит и отрыв духовного измерения человеческой экзистенции от телесного. Идеальное существование, идеализированный мир противопоставляется низменному миру, в который «заброшен» индивид.

Таким образом, Бинсвангер сводит причины невротических симптомов к своеобразию конфигурации бытия-в-мире того или иного человека (некоторые западные интерпретаторы называют эту конфигурацию «экзистенциальным *а priori*»). Первопричиной заболевания считается то, что пациенты конституируют мир лишь через один модус экзистенции. В результате, «смысловая матрица», «видение мира» ограничиваются, другие модусы становятся действующими «из-за горизонта видения», перестают рассматриваться как возможности экзистенции. Откуда берется у пациентов именно такая конфигурация бытия-в-мире, Бинсвангер не отвечает. Речь идет, по всей видимости, о чем-то сходном с «изначальным выбором» Сартра. Индивид, правда, может изменить эту «смысловую матрицу», и задача психиатра состоит в том, чтобы помочь пациенту расширить «горизонт видения».

Большая часть симптомов интерпретируется Бинсвангером как результат вращения пациентов в этом замкнутом кругу: стремление достичь созданного собственным воображением абсолюта терпит крах, что еще больше усиливает чувство собственной ничтожности и желание выйти из этого положения – и так раз за разом. В результате безуспешности всех этих порывов они вообще отказываются сами определять свою жизнь и передают себя полностью во власть других. Испытывая угрозу собственному «Я» со стороны других и не видя, что причиной тому являются они сами, такого рода пациенты, в конце концов, сдаются, теряют собственное «Я» и бегут в психоз. Это потеря себя в мире, «обмирщение» (*die Verweltlichung*). Мир психоза есть полная неподлинность, но психоз есть результат выбора самого человека.

Есть ли какие-либо ограничения в отношении свободного становления человека? Одним из них выступает основание существования, в которое «заброшен» человек. Состояние этой «заброшенности», то есть то, как оказываются

люди в мире, который есть их основание, составляет судьбу. Они вынуждены проживать эту судьбу, чтобы достичь аутентичной жизни. Для родившегося женщиной основа существования будет иная, чем для мужчины, факт бытия женщиной частично определяет возможности ее существования. Если она отвергает эти возможности и пытается, например, быть мужчиной или маскулинной, тогда она избрала не аутентичный способ бытия-в-мире. Наказание за неаутентичность – чувство вины. Аутентичное существование определяется распознаванием основы своего существования; неаутентичное проистекает от самоизоляции от своей основы. «Чем упорнее человек сопротивляется своей заброшенности в свое существование, <...> тем большее влияние обретает заброшенность». Это выражается в экзистенциальной слабости, что означает, что «человек не автономен в мире, он отгораживается от основы своего существования, что он не принимает существование на себя, а доверяется чуждым силам, делая их, а не себя, ответственными за свою судьбу».

15.6. Гуманистическая психология

В 60-е годы XX века в американской психологии возникло новое направление, получившее название гуманистической психологии. Эта психологическая концепция основное внимание уделяла изучению сознательного опыта человека, а также целостного характера его природы и поведения.

Основные принципы гуманистической психологии заключаются в следующем:

- подчеркивание роли сознательного опыта;
- убеждение в целостном характере природы человека;
- акцент на свободе воли, спонтанности и творческой силе индивида;
- изучение всех факторов и обстоятельств жизни человека.

Истоки гуманистической психологии

Как и любое другое теоретическое направление, гуманистическая психология имела определенные предпосылки в более ранних психологических концепциях. Среди таких истоков можно назвать некоторые идеи Франца Brentano, постоянного оппонента Вундта и предтечу гештальт-психологии. Brentano подвергал критике механистичность и редуционизм научного подхода в психологии и настаивал на необходимости преимущественного обращения к сознанию как к молярной, а не молекулярной характеристике.

Освальд Кюльпе в своих работах наглядно показал, что далеко не все содержание сознания может быть сведено к своим элементарным формам и объяснено в терминах «стимул-реакция». Точно так же и Вильям Джемс настаивал на необходимости обращения к сфере сознания и учета целостного характера психики человека.

Гештальт-психологи также подчеркивали необходимость целостного подхода к изучению сознания. Вопреки почти всеобщему господству бихевиоризма в психологии того времени, им удалось утвердить важность изучения сознания как законной и плодотворной для психологии сферы.

Корни гуманистической психологии можно проследить и в психоанализе. Адлер, Хорни, Эриксон и Олпорт в противовес позиции Фрейда настаивали на том, что человек – существо прежде всего сознательное и наделенное свободой

воли. Эти «отступники» ортодоксального психоанализа видели сущность человека в его свободе, спонтанности и способности самому быть причиной своего поведения. Человека характеризуют не только события прошлых лет, но и его цели и надежды на будущее. Эти теоретики отмечали в личности человека прежде всего творческую способность человека самому формировать свое Я.

С точки зрения гуманистической психологии, сама сущность человека постоянно движет его в направлении личного роста, творчества и самодостаточности, если только чрезвычайно сильные обстоятельства окружения не мешают этому. Сторонники гуманистической психологии также утверждают, что люди – в высшей степени сознательные и разумные создания без доминирующих бессознательных потребностей и конфликтов. В общем, гуманистические персонологи рассматривают людей как активных творцов собственной жизни, обладающих свободой выбирать и развивать стиль жизни, которая ограничена только физическими или социальными воздействиями.

Жизнь человека нельзя понять, если не принимать во внимание наивысшие стремления. Рост, самоактуализация, стремление к здоровью, поиски идентичности и автономности, жажда прекрасного (и другие способы выражения стремления «наверх») сейчас нужно принять безоговорочно как широко распространенную и, возможно, универсальную тенденцию.

Абрахам Харольд Маслоу (1908–1970 гг.) родился в Бруклине, Нью-Йорк. Он был сыном необразованных родителей-евреев, эмигрировавших из России. В юношеские годы Маслоу перебрался в Университет Висконсина, где закончил официальный академический курс по психологии, получив степень бакалавра в 1930 году, магистра гуманитарных наук в 1931 году и доктора в 1934 году. Во время учебы в Висконсине он работал с Гарри Харлоу, известным психологом, который в то время организовывал лабораторию приматов для изучения поведения макаков-резусов.

После получения докторской степени Маслоу возвратился в Нью-Йорк для работы с известным теоретиком в области научения Э.Л.Торндайком в Колумбийском университете. Затем он перешел в Бруклинский колледж, где оставался в течение следующих 14 лет. Маслоу описывал Нью-Йорк этого периода (конец 1930-х – начало 1940-х годов) как центр психологической вселенной. Именно здесь он познакомился с элитой европейских интеллектуалов, которые были вынуждены спасаться от Гитлера. Эрих Фромм, Альфред Адлер, Карен Хорни, Рут Бенедикт и Макс Вертгеймер – вот только некоторые из тех, к кому Маслоу обращался в своем стремлении постигнуть поведение человека.

В 1951 году Маслоу был назначен заведующим кафедры психологии в Университете Брандеис, он оставался на этом посту до 1961 года, а затем был там профессором психологии. В 1969 году он ушел из Брандеис и стал работать в Благотворительном фонде У.П.Логлина в Менлоу-парк, Калифорния. Этот неакадемический пост давал ему полную свободу в удовлетворении его интереса к философии демократической политики, экономики и этики. Но в 1970 году в возрасте 62 лет Маслоу умер от сердечного приступа, явившегося результатом хронического сердечного заболевания.

Одним из наиболее фундаментальных тезисов, лежащих в основе гуманистической позиции Маслоу, является то, что каждого человека нужно изучать как единое, уникальное, организованное целое. Маслоу чувствовал, что слишком долго психологи сосредоточивались на детальном анализе отдельных собы-

тий, пренебрегая тем, что пытались понять, а именно человеком в целом. Пользуясь избитой метафорой, психологи изучали деревья, а не лес. Фактически теория Маслоу изначально развивалась как протест против таких теорий (особенно бихевиоризма), которые имели дело с отдельными проявлениями поведения, игнорируя индивидуальность человека. Для Маслоу человеческий организм всегда ведет себя как единое целое, а не как набор дифференцированных частей, и то, что случается в какой-то части, влияет на весь организм. Эта холистическая точка зрения, сформулированная в часто цитируемом метком выражении гештальт-психологии: «Целое – больше чем и отлично от суммы его частей», с очевидностью проявляется во всех теоретических трудах Маслоу.

Неуместность экспериментов на животных

Сторонники гуманистической психологии признают глубокие различия между поведением человека и животных. Для них человек – нечто большее, чем просто животное; это совершенно особый вид живых существ. Такое суждение резко отличается от радикального бихевиоризма, который в большой степени полагается на исследование поведения животных (например, крыс и голубей) в разработке объяснения поведения человека. В отличие от бихевиористов, которые подчеркивают принадлежность людей к животному миру, Маслоу рассматривал человека как нечто отличное от других животных. Он полагал, что бихевиоризм и соответствующая ему философия «дегуманизировали» человека, трактуя его без малого как машину, составленную из цепочек условных и безусловных рефлексов. Поэтому изучение животных неприменимо для понимания человека, так как при этом игнорируются те характеристики, которые присущи только человеку (например, идеалы, ценности, мужество, любовь, юмор, зависть, вина), а также, что в равной степени важно, те, которые он использует, чтобы создавать поэзию, музыку, науку и другие творения разума.

Внутренняя природа человечества

Теория Фрейда недвусмысленно допускала, что люди находятся во власти бессознательных и иррациональных сил. Более того, Фрейд утверждал, что если не контролировать инстинктивные импульсы, то результатом будет уничтожение людьми других или себя. Справедлива или нет эта точка зрения, но Фрейд мало верил в добродетель человека и с пессимизмом размышлял о его судьбе. Те, кто придерживается гуманистических взглядов, утверждают, что природа человека в сущности хороша или, по крайней мере, нейтральна. Возможно, вы захотите оспорить эту точку зрения, если во время вечерней прогулки в парке на вас нападут грабители. Однако, по Маслоу, разрушительные силы в людях являются результатом фрустрации, или неудовлетворенных основных потребностей, а не каких-то врожденных пороков. Он полагал, что от природы в каждом человеке заложены потенциальные возможности для позитивного роста и совершенствования. Именно такого оптимистичного и возвышенного взгляда на человечество Маслоу придерживался всю жизнь.

Творческий потенциал человека

Признание приоритета творческой стороны в человеке является, возможно, самой значительной концепцией гуманистической психологии. Маслоу первым указал, что творчество является наиболее универсальной характеристикой лю-

дей, которых он изучал или наблюдал. Описывая ее как неотъемлемое свойство природы человека, Маслоу рассматривал творчество как черту, потенциально присутствующую во всех людях от рождения. Это естественно: деревья дают листья, птицы летают, люди творят. Однако он также признавал, что большинство людей теряет это качество в результате «окультуривания» (чему во многом способствует официальное образование). К счастью, некоторые люди сохраняют свою свежую, наивную и непосредственную манеру смотреть на вещи или, если они находятся среди тех, кто потерял это качество, способны со временем восстановить его. По мнению Маслоу, так как способность к творчеству заложена в каждом из нас, оно не требует специальных талантов или способностей. Чтобы быть творческими, нам не нужно писать книги, сочинять музыку или создавать живописные полотна. Сравнительно немногие люди делают это. Творчество – универсальная функция человека, которая ведет ко всем формам самовыражения. Следовательно, например, могут быть творческие диск-жокеи, программисты, бизнесмены, продавцы, клерки и даже профессора колледжа!

Акцент на психическом здоровье

Маслоу утверждал, что ни один из психологических подходов, применявшихся для изучения поведения, не придавал должного значения функционированию здорового человека, его образу жизни или жизненным целям. В частности, он решительно критиковал поглощенность Фрейда изучением болезни, патологии и плохой адаптации. Маслоу считал, что психоаналитическая теория является односторонней, ей не хватает разносторонности, так как она основана на аномальных или «больных» аспектах природы человека (то есть ее недостатках и несовершенствах) и игнорирует силу и добродетель человечества.

Чтобы исправить этот недостаток, Маслоу сконцентрировал внимание на психически здоровом человеке и понимании такого человека с иных позиций, чем сравнение его с психически больным. Он был убежден, что мы не можем понять психическое заболевание, пока не поймем психическое здоровье. Маслоу прямо заявлял, что изучение увечных, недоразвитых и нездоровых людей может дать в результате только «увечную» психологию. Он решительно настаивал на изучении самоактуализирующихся психически здоровых людей в качестве основы для более универсальной науки психологии. Следовательно, гуманистическая психология считает, что самоусовершенствование является основной темой жизни человека – темой, которую нельзя выявить, изучая только людей с психическими нарушениями.

Гуманистически ориентированные труды Маслоу нашли понимание среди психологов в 1960-е и 1970-е годы. Для многих его подход, подчеркивающий изучение радости, любви, творчества, выбора и самореализации, оказался оптимистической альтернативой тому, что они рассматривали как механистические и дегуманизированные модели поведения человека. Хотя с тех пор популярность гуманистического направления несколько снизилась, его влияние на основные тенденции развития психологии и теории личности все еще очевидно. Такие области, как консультирование, социальная работа, образование, уход за больными, управление в бизнесе и маркетинг, также подверглись влиянию идей Маслоу.

Карл Рэнсом Роджерс (1902–1987 гг.) родился в Оук-парке (предместье Чикаго), штат Иллинойс. Он получил степень магистра в 1928 году и степень доктора клинической психологии в 1931 году. В 1931 году Роджерс занял долж-

ность психолога в Отделении исследования детей Общества по предотвращению жестокости к детям в Рочестере, Нью-Йорк. В течение следующего десятилетия Роджерс активно занимался работой с делинквентными и неблагополучными детьми. В 1945 году Роджерс перешел в Чикагский университет, где занял должность профессора психологии и директора университетского консультативного центра. В 1957 году Роджерс вернулся в Висконсинский университет, где вел работу в отделениях психологии и психиатрии. Впоследствии он начал интенсивную программу исследований, используя психотерапию для лечения больных шизофренией в Государственном психиатрическом госпитале. В 1964 году Роджерс уволился из университета и стал сотрудником Западного института бихевиоральных наук в Ла-Джолле, штат Калифорния – благотворительной организации, занимающейся гуманистически ориентированными исследованиями по межличностным отношениям. Четыре года спустя он оставил это место и занял пост в Центре по изучению человека, также расположенном в Ла-Джолле. Здесь он трудился до самой смерти, последовавшей от сердечного приступа во время операции на сломанном бедре (1987 г.). В последние годы Роджерс ездил по всему миру с семинарами, на которых он демонстрировал психологам и другим работникам сферы психического здоровья, а также педагогам и политикам, как принципы клиент-центрированной терапии могут быть использованы для облегчения напряжения в мире и достижения мирного сосуществования.

Точка зрения Роджерса на природу человека сформировалась так же, как у Фрейда, на основе его личного опыта работы с людьми, имеющими эмоциональные расстройства. Он признавал, что главный толчок его идеям дал интерес к людям, которым требовалась профессиональная помощь: «Из отношений с этими людьми, из часов, проведенных с ними, я почерпнул большинство моих догадок о значении терапии, о динамике межличностных отношений, о структуре и функционировании личности».

В результате своих клинических наблюдений Роджерс пришел к заключению, что самая сокровенная сущность природы человека ориентирована на движение вперед к определенным целям, конструктивна, реалистична и весьма заслуживает доверия. Он считал человека активным существом, ориентированным на отдаленные цели и способным вести себя к ним, а не созданием, раздираемым силами, находящимися вне его контроля. Такая точка зрения отчетливо соотносится с верой Руссо в доброту, свойственную природе человека, – убежденностью в том, что человек, если дать ему возможность раскрыть врожденный потенциал, будет развиваться оптимально и эффективно.

Роджерс утверждал, что христианство культивировало представление, что люди от природы злы и грешны. Он также утверждал, что этот негативный взгляд на человечество был еще усилен Фрейдом, нарисовавшим портрет человека, движимого ид и бессознательным, которые могут проявить себя в инцесте, убийстве, воровстве, сексуальном насилии и других ужасающих действиях. В соответствии с этой точкой зрения люди коренным образом иррациональны, не социализированы, эгоистичны и деструктивны по отношению к себе и другим. Роджерс допускал, что у людей иногда бывают злые и разрушительные чувства, аномальные импульсы и моменты, когда они ведут себя не в соответствии с их истинной внутренней природой. Когда же люди функционируют полностью, когда ничто не мешает им проявлять свою внутреннюю природу, они предстают как позитивные и разумные создания, которые искренне хотят жить в гармонии

с собой и с другим. Сознвая, что такую точку зрения на природу человека можно посчитать не более чем наивным оптимизмом, Роджерс замечал, что его заключения основаны на почти 30-летнем опыте психотерапевта.

Резко расходясь с фрейдовской традицией, Роджерс постулировал естественное развитие людей к «конструктивной реализации» свойственных им врожденных возможностей. «Поэтому, когда такой фрейдист, как Карл Меннингер, говорит мне (в дискуссии по этому вопросу), что он воспринимает человека как «врожденное зло» или, более точно, «врожденное деструктивное», я могу только покачать головой в изумлении». Итак, Роджерс имел глубокое, почти религиозное чувство уважения к природе человека. Он утверждал, что все человечество обладает естественной тенденцией двигаться в направлении независимости, социальной ответственности, креативности и зрелости. Следует заметить, что подобный взгляд на природу человека является лейтмотивом всей теории Роджерса и точно отождествляется с гуманистическим направлением в персонологии.

Хотя и Роджерс, и Маслоу разделяли мнение, что люди имеют фактически неограниченный потенциал для самосовершенствования, их теории содержат три ключевых различия. Прежде всего, Роджерс полагал, что личность и поведение в большей степени являются функцией уникального восприятия человеком окружения, в то время как Маслоу, с другой стороны, придерживался мнения, что поведение человека и его опыт регулируются иерархией потребностей. В отличие от Роджерса, Маслоу не подчеркивал феноменологию человека. Вторых, теория Роджерса в основном была сформулирована благодаря его работе с людьми, имеющими психологические проблемы. В самом деле, Роджерс сконцентрировал внимание на терапевтических условиях, которые способствовали самоактуализации человека и перенесению того, что он извлек из терапии, в общую теорию личности. Маслоу, напротив, никогда не занимался терапией и настаивал на том, чтобы психология переключила внимание с изучения аномалий на изучение психически здоровых людей. И наконец, Роджерс выявлял определенные формы развития, способствующие склонности человека к совершенствованию врожденного потенциала, а в теории Маслоу процессы развития, регулирующие движение человека к полной самоактуализации, фактически игнорировались. Работы Маслоу посвящены почти исключительно взрослым, хотя он все же признавал, что люди подвержены фрустрации потребностей в определенных «критических стадиях» жизненного цикла. Несмотря на эти явные теоретические различия, и Роджерс, и Маслоу полагали, что люди в основном стремятся вперед и при подходящих условиях полностью реализуют свой врожденный потенциал, демонстрируя истинное психическое здоровье.

Контрольные вопросы

1. Какие идеи выдвигала гуманистическая психология?
2. Каковы основные направления в развитии гуманистической психологии?
3. Каковы основные положения гуманистической психологии А. Маслоу? Что такое иерархия потребностей по Маслоу?
4. В чем суть гуманистической психологии К. Роджерса?
5. Каково историческое значение гуманистической психологии?
6. В чем отличие гуманистической психологии от фрейдизма и бихевиоризма?

Тема 16. КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

16.1. А.Бандура и социально-когнитивная теория

Социальная когнитивная теория Альберта Бандуры (1925–1988 гг.) является менее экстремальной формой бихевиоризма, чем бихевиоризм Скиннера, она отражает возобновление интереса психологии к когнитивным факторам. Общий подход Бандуры основан на бихевиоризме. Его исследования базируются на наблюдении за поведением испытуемых людей в процессе их взаимодействия. Он не использует интроспекцию и отдает должное значению подкрепления в формировании или модификации поведения.

Однако система Бандуры является не только бихевиоральной, но и когнитивной. Он подчеркивает влияние на внешние схемы подкрепления таких установок, как вера, ожидания, инструкции. Согласно Бандуре, поведенческая реакция не включается автоматически внешним раздражителем, как это происходит у роботов и машин. Напротив, реакции на раздражители являются самоактивирующимися. Человек сознательно воспринимает положительное подкрепление, он предвидит его получение в случае соответствующего поведения.

Несмотря на то, что Бандура соглашается со Скиннером, что человеческое поведение можно модифицировать посредством подкрепления, он также верит в то – и даже доказывает это эмпирическим путем, – что человек может освоить практически все виды поведения без непосредственного получения какого-либо подкрепления. Нам далеко не всегда требуется подкрепление, мы можем учиться на чужом опыте, посредством косвенного подкрепления, наблюдая за поведением других людей и последствиями этого поведения.

Такая способность обучаться на примерах и на основе косвенного подкрепления предполагает, что человек обладает способностью прогнозировать и оценивать последствия того, что он наблюдал у других людей, что еще не пережито им на личном опыте. Мы можем регулировать и направлять наше собственное поведение, представляя или воображая себе еще не пережитые его последствия. Бандура полагает, что связь между стимулом и реакцией, поведением и подкреплением не прямая, как это предусматривается системой Скиннера. Он вводит понятие промежуточного механизма между стимулом и реакцией, этим механизмом являются когнитивные процессы личности.

Таким образом, когнитивные процессы играют важнейшую роль в социальной когнитивной теории, их рассмотрение является основным отличием взглядов Бандуры от системы Скиннера. Как полагает Бандура, не сама по себе схема подкрепления является эффективным фактором модификации поведения, а то, что именно человек думает об этой схеме подкрепления. Вместо того, что-

бы учиться на собственном опыте полученных подкреплений, мы учимся при помощи моделирования, наблюдая за другими людьми и примеривая на себя их модели поведения. Согласно взглядам Скиннера, тот, кто контролирует подкрепление, контролирует и поведение. Согласно взглядам Бандуры, тот, кто контролирует «модели» в обществе, контролирует и поведение.

Бандура провел широкомасштабные исследования характеристик тех моделей, которые оказывают влияние на наше поведение. Он обнаружил, что мы склонны моделировать поведение людей того же пола, примерно такого же возраста – то есть человека, равного нам, который с успехом решает проблемы, сходные с нашими. Кроме того, на нас производит сильное впечатление поведение «моделей», занимающих высокое положение в обществе. Различные типы поведения служат образцом для подражания в разной степени. Более простые типы поведения имитируются намного чаще, чем более сложные. Агрессивное и враждебное поведение имитируется с наибольшей готовностью, особенно детьми. Таким образом, то, что мы видим в реальной жизни и в средствах массовой информации, и определяет наше поведение.

Подход Бандуры получил название теории социального научения, поскольку он занимается изучением поведения на уровне его формирования и модифицирования в социальных ситуациях. Бандура критиковал исследования Скиннера, который использовал только отдельные виды животных, в основном крыс и голубей, а не людей, взаимодействующих друг с другом. Лишь немногие люди проживают в условиях полной социальной изоляции. Бандура утверждал, что не стоит ожидать новых научных открытий в психологии, если будет игнорироваться изучение социального взаимодействия, столь характерного для современного мира.

Задача, которую поставил перед собой Альберт Бандура при разработке социального когнитивного подхода к бихевиоризму, была чисто практической и прикладной: каким образом можно модифицировать те виды поведения, которые общество рассматривает как нежелательные или ненормальные. Согласно его рассуждениям, если все виды поведения – включая и ненормальное поведение – изучаются на основе наблюдений за другими людьми и моделирования их поведения, значит поведение можно «выучить заново» или хотя бы частично изменить его.

Лечение симптомов, по Бандуре, является одновременно и лечением расстройства, поскольку симптом и заболевание являются единым целым. При модификации поведения используется моделирование: испытуемые должны наблюдать за моделью в таких ситуациях, которые кажутся им пугающими или провоцируют у них чувство тревоги. Например, дети, которые боятся собак, наблюдают, как ребенок такого же возраста подходит к собаке и начинает играть с ней.

Методы бихевиоральной терапии, разработанные Бандурой, широко применяются в клинической практике, в бизнесе, в сфере образования. Они получили подтверждение в сотнях экспериментальных исследований. Эти методы доказали свою эффективность при избавлении от различных фобий – страхов перед змеями, замкнутыми пространствами, открытыми пространствами, высотой. Кроме того, они полезны при лечении навязчивых неврозов, сексуальных дисфункций, некоторых форм тревожных состояний, а также способствуют повышению эффективности личности.

16.2. Дж. Роттер: теория социального научения

Система Джулиана Роттера (1916 г.) рассматривает когнитивные процессы более широко, нежели система Бандуры. Роттер полагает, что все мы воспринимаем себя существами, обладающими сознанием, способными влиять на те переживания, которые воздействуют на нашу жизнь. И внешние раздражители, и обеспечивающие ими подкрепление могут оказывать влияние на человеческое поведение, но сущность и степень этого влияния определяются когнитивными факторами.

Теория социального научения Роттера также имеет дело с нашими представлениями об источниках подкрепления. Исследования Роттера показали, что некоторые люди верят, что подкрепление зависит от их поведения, про таких людей говорят, что у них имеется внутренний локус контроля. Другие верят, что подкрепление определяется только внешними факторами, это люди имеют внешний локус контроля.

Эти два источника контроля приводят к различным воздействиям на поведение. Для людей с внешним локусом контроля их собственные способности или действия не имеют особого значения с точки зрения получения подкрепления, а поэтому они прилагают минимальные усилия или вообще не пытаются изменить ситуацию. Люди с внутренним локусом контроля несут ответственность за свою жизнь и действуют в соответствии с этим. Исследования Роттера показали, что люди с внутренним локусом контроля оказываются более здоровыми физически и душевно, чем люди с внешним.

Кроме того, работы Роттера предполагают, что локус контроля личности складывается в детстве на основе того, как родители или воспитатели обращаются с ребенком. Оказалось, что родителей людей с внутренним локусом контроля чаще можно назвать помощниками своим детям, щедрыми на похвалу за достижения (что обеспечивает положительное подкрепление), последовательными в своих требованиях к дисциплине и не авторитарными во взаимоотношениях.

16.3. Рационально-эмотивная теория А. Эллиса

Альберт Эллис родился в 1913 году в Питтсбурге, штате Пенсильвания, и вырос в Нью-Йорке. В 1934 году Эллис получил степень бакалавра по руководству бизнесом в Университете Нью-Йорка. В 1942 году поступил на курсы клинической психологии в Университет Колумбии. В 1943 году он получил степень магистра. Вскоре после этого Эллис открыл небольшую частную практику. В основном он занимался брачным консультированием и консультированием, связанным с вопросами секса. В 1947 году Эллис получил докторскую степень в Университете Колумбии, закончив написание диссертации, посвященной составлению и использованию личностных вопросников.

С 1948 по 1952 год Эллис работал в Клинике психической гигиены Нью-Джерси, сначала как главный психолог Диагностического центра штата Нью-Джерси, а затем как главный психолог всего штата Нью-Джерси.

В 1959 году Эллис основал компанию «Институт рациональной жизни». Эта некоммерческая научная и образовательная организация была создана с целью обучения принципам рациональной жизни.

Фактически все люди имеют три фундаментальные цели (ФЦ): выжить, быть относительно свободными от боли и быть в разумных пределах удовлетворенными, или довольными. Люди имеют субцели, или первичные цели (ПЦ) – люди хотят быть счастливыми:

- сами по себе;
- в общении с другими людьми;
- интимно, с несколькими избранными другими людьми;
- в сфере информации и образования;
- профессионально и экономически;
- в сфере отдыха и развлечений.

Основные цели рассматриваются скорее как выбор или предпочтение, чем как нужды или потребности. Рациональная жизнь включает в себя мышление, чувства и поведение, осуществляемые таким образом, что они способствуют достижению выбранных целей, в то время как нерациональность подразумевает мышление, чувства и поведение, осуществляемые таким образом, что они препятствуют достижению поставленных целей. Рациональная жизнь подразумевает поддержание разумного баланса между краткосрочным и долгосрочным гедонизмом, или между удовольствиями «здесь-и-теперь» и удовольствиями более длительного действия, получаемыми за счет дисциплины в настоящем. Таким образом, рациональность может быть определена как использование разума при следовании выбранному краткосрочному или долгосрочному гедонизму.

В одной из написанных на начальном этапе деятельности научных статей, посвященных «рациональной психотерапии», Эллис предложил три фундаментальные гипотезы. Во-первых, мышление и эмоции связаны. Во-вторых, мышление и эмоции так тесно связаны, что они обычно сопровождают друг друга, действуя в круговороте отношений «причина и следствие», и в некоторых (хотя едва ли во всех) отношениях являются, по существу, одним и тем же, так что мышление превращается в эмоцию, а эмоция становится мыслью. В-третьих, и мышление, и эмоции имеют тенденцию принимать форму саморазговора или внутренних предложений; предложения, которые люди проговаривают про себя, являются или становятся их мыслями и эмоциями. Таким образом, внутренние самовысказывания людей могут и генерировать, и изменять их эмоции.

Кроме того, Эллис подчеркивает, что мышление и эмоции взаимодействуют с поведением. Например, люди обычно действуют на основе мыслей и эмоций, а их действия влияют на мысли и чувства. Таким образом, когниции, эмоции и поведение редко удается разграничить и выделить в чистом виде, едва ли это вообще возможно.

У всех людей отмечается напряженность, связанная с противостоянием двух врожденных творческих тенденций. С одной стороны, люди имеют тенденцию создавать, развивать и актуализировать себя в качестве здоровых, достигающих цели человеческих существ. Люди обладают большим потенциалом, который позволяет им быть рациональными и создавать удовольствие. С другой стороны, люди склонны создавать, развивать и претворять в жизнь иррациональные когниции, несоответствующие эмоции и дисфункциональное поведение.

Эллис полагает, что главные виды человеческой нелогичности можно обнаружить фактически у всех людей, независимо от их культурного и образовательного уровня.

Склонность к совершению ошибок заложена у людей от рождения. Тот факт, что людей, видимо, очень легко обусловить в направлении дисфункционального мышления и поведения, и то, что очень трудно потом что-либо изменить, рассматривается как свидетельство наличия у людей врожденной тенденции к нелогичности. Неспособность людей принимать действительность почти всегда заставляет их проявлять характерные черты эмоционального нарушения душевного равновесия.

Люди не только рождаются и воспитываются иррациональными, они также могут свободно решить, будут ли они сами себя эмоционально выводить из состояния душевного равновесия и в какой степени они это будут делать. Наследственность, окружающая среда и выбор взаимодействуют.

Люди могут использовать присущую им биологическую тенденцию к обладанию некоторой степенью свободного выбора как для того, чтобы помочь себе, так и для того, чтобы навредить самим себе. Во-первых, люди могут предпочесть думать о том, что происходит, по-другому, более эффективно. Во-вторых, поскольку люди способны думать о том, как они думают, они могут пожелать приобрести и сохранить когнитивные навыки, необходимые для подавления тенденции к нелогичности и для противодействия ей.

Эллис разработал АУП-теорию личности (АВС), к которой он затем добавил элементы Д (D) и Э (E), чтобы отразить изменение и желательный результат изменения. Кроме того, первой можно поставить букву Ц (G), чтобы обеспечить контекст для человеческих АУП (АВС).

Ц (G – Goals) Цели, фундаментальные и первичные

А (A – Activating) Активизирующие события в жизни человека

У (B – Beliefs) Убеждения рациональные и иррациональные

П (C – Consequences) Последствия, эмоциональные и поведенческие

Д (D – Disputing) Дискутирование иррациональных установок

Э (E – Effective) Эффективная новая философия жизни

Эллис делит системы установок на две основные категории: рациональные убеждения (рУ) и иррациональные убеждения (иУ). Когда достижению целей препятствуют активизирующие события, люди могут сознательно или бессознательно выбрать ответ с уместными или неуместными эмоциональными и поведенческими последствиями. В действительности реакции людей на активизирующие события обычно

возникают на основе комбинации рациональных и иррациональных убеждений, хотя часто какой-то один вид убеждений оказывается доминирующим. Если человек сам нарушил свое эмоциональное психическое равновесие, он предпочитает, как правило, позволять преобладать иррациональным установкам.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные положения когнитивной психологии?
2. В чем суть социально-когнитивной теории А. Бандуры?
3. Какие пути моделирования поведения предлагал А. Бандура?
4. В чем смысл теории социального научения Дж. Роттера?
5. Поясните использование Дж. Роттером термина «локус контроля».
6. В чем суть теории личности А. Эллиса?

Тема 17. ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Дмитрий Николаевич Узнадзе (1886–1950 гг.) основатель грузинской школы психологии – психологии установки. Увидел общее основание в разных концепциях психологии, которое назвал «постулат непосредственности» и считал «догматической предпосылкой традиционной психологии». Истоки его видел в ложной ориентации на естествознание, основывающейся на признании факта непосредственной связи между физическими явлениями. Задача психологии – преодолеть этот постулат. Ответом на нее явилась созданная теория установки – попытка объяснить активность живого организма как целого с помощью введения особого внутреннего образования – «установки». Основными условиями возникновения поведения и установки к нему Узнадзе считал потребности и ситуации для их удовлетворения (учет внутреннего и внешнего фактора). Установка – первичное целостное недифференцированное состояние, предшествующее сознательной психической деятельности и лежащее в основе поведения. Узнадзе разработал метод исследования установок, изучил их виды, процесс формирования, свойства. Дал характеристики психических процессов с позиции установки, произвел классификацию форм поведения и деятельности человека.

Лев Семенович Выготский (1896–1934 гг.) – один из основоположников советской психологии, внес вклад в разработку ее методологических основ. Создал культурно-историческую концепцию общественно-исторического развития психики человека, получившую дальнейшее развитие в общепсихологической теории деятельности. Выготский ввел понятие о высших психических функциях (мышление в понятиях, разумная речь, логическая память, произвольное внимание) как специфически человеческой форме психики и разработал учение о развитии высших психических функций.

Диапазон его исследований широк: детская психология, общая психология, дефектология, психология искусства, методология и история психологии и другие области. Все они объединены общим теоретическим подходом и одной проблемой – проблемой генезиса, структуры и функций человеческой психики. Идея опосредствования как отличительная особенность высших психических функций изложена уже в работах 1928 года. Вопрос о генезисе высших психических функций был главным в теории Выготского. Он сформулировал законы развития высших психических функций:

1. Само возникновение опосредствованной структуры психических процессов человека есть продукт его деятельности как общественного человека,

2. в процессе культурного развития складываются новые высшие исторически возникающие формы и способы деятельности – высшие психические функции (закон развития высших психических функций),

3. каждая высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления (как категория интерпсихическая), затем вторично как способ личного приспособления, как внутренний процесс поведения (как категория интрапсихологическая).

Исторически возникновение и развитие высших психических функций связано с развитием трудовой деятельности, это продукт социальной истории. Психологическими орудиями стали язык, письмо, число и т.п., они выступают средством воздействия на самого себя и делают психические процессы произвольными и сознательными. Психологические орудия – знаки, имеющие значение. Исследование значения слова (основного знака) привело Выготского к проблеме системного и смыслового строения сознания («Лекции по психологии. Мышление и речь»). «Изменение функционального строения сознания составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития». Картина возрастного развития сознания представлялась как изменение структуры сознания с последовательным доминированием разных сфер. Основным механизмом развития высших психических функций в онтогенезе является интериоризация. Выготский различает элементарные, низшие, процессы, называя их естественными психическими функциями, и высшие психические функции. Развитие низших психических функций в детском возрасте – генетически первая форма становления человеческой психики и поведения, основа, на которой происходит овладение культурно-психологическими орудиями. Выготский описал четыре стадии развития отдельной психической функции, процесс перехода от интерпсихической к интрапсихологической функции, подчеркивая важную роль общения и отношений между личностью и средой, высшие психические функции имеют своим источником сотрудничество и обучение, поэтому он пришел к выводу о ведущей роли обучения в психическом развитии. Эти исследования должны были лечь в основу педагогической практики. Для исследования развития высших психических функций был разработан новый метод – экспериментально-генетический (методика двойной стимуляции). Во всех исследованиях Выготского общение ребенка со взрослым выступает в качестве важнейшего условия психического развития. Это общение осуществляется при помощи слов, речи, поэтому она становится центральным условием развития высших психических процессов. С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев выступили с идеей предметной осмысленной деятельности как движущей силы психического развития ребенка, в которой общение органично соединилось с собственной деятельностью. Так начало разрабатываться учение о деятельности.

Александр Романович Лурия (1902–1977 гг.) – развивал психологическую систему Выготского в разных областях психологии – общей, детской, психофизиологии, дефектологии, нейропсихологии, психолингвистике. Его исследования входят составной частью в школу, которая теперь называется школой Выготского, Лурия, Леонтьева. При этом он и создатель отечественной школы нейропсихологии. В начале тридцатых годов провел исследования роли культурных факторов в развитии высших психических функций на материале познаватель-

ных процессов у людей неграмотных. Было обнаружено, что изменения практических форм деятельности, основанные на формальном образовании и социальном опыте, вызывали качественные изменения в процессах мышления. Это исследование доказало реальную возможность исторической психологии, наиболее трудно поддающейся экспериментальному изучению.

Исследовал монозиготных и дизиготных близнецов для демонстрации взаимоотношения биологических и культурных факторов в развитии высших психических функций. Проблема регулирующей роли речи и речевого опосредования в развитии произвольных психических процессов была центральной в его работе. Изучалось влияние речи на организацию поведения у нормальных детей раннего возраста и детей с разными формами умственной отсталости.

Продолжил исследования Выготского по изучению мозговой организации высших психических функций, работая над локальными поражениями мозга, что вылилось в теорию системной динамической локализации высших психических функций. Эта теория составила содержание новой области психологии – нейропсихологии. Вопросы нейролингвистики разрабатывались им в связи с проблемами афазиологии.

Лурия вел педагогическую деятельность в Московском университете.

Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960 гг.) разрабатывал философские проблемы психологии, сформулировал важнейшие методологические принципы: принцип единства сознания и деятельности составил основу деятельностного подхода в психологии: «Психология изучает психику через посредство деятельности и тем самым психологические особенности деятельности». Признавал деятельность человека сложным явлением, изучаемым разными науками с разных оснований. Специфически психологическая проблематика деятельности связана прежде всего с вопросом о целях и мотивах человеческой деятельности, о ее внутреннем смысловом содержании и его строении. В зависимости от характера мотивации Рубинштейн различал деятельность и поведение (основные виды деятельности: труд, игра, учение), дал их психологический анализ (описал мотивацию каждого вида, раскрыл их природу и связь с развитием личности). Компоненты внутри деятельности: движение, действие, операция, поступок в их взаимосвязях с целями, мотивами и условиями деятельности.

Действие – единица психологии, далее проблемы деятельности изучал А.Н. Леонтьев. Принцип детерминизма: внешние причины, влияния действуют только через внутренние условия. Аналитико-синтетические акты – внутренние условия, в которых отражается внутренняя работа по анализу задачи. Было сформулировано положение о психическом как процессе (при исследовании мышления): «Мышление выступает как процесс, который делится на отдельные звенья или акты». Процессуальность психического – его характерная особенность, т.к. взаимосвязь любого субъекта с объектом непрерывна. Задача психологии состоит в том, чтобы раскрыть закономерности такого психического процесса.

Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979 гг.) сделал деятельность предметом и методом психологического исследования. Категории деятельности назвал наиболее важными «для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов». Разработал общепсихологическую теорию деятельности. Показал (теоретически и

экспериментально) объяснительную силу деятельности для понимания центральных психологических проблем: сущности и развития психики сознания, функционирования различных форм психического отражения личности. Леонтьев разрабатывал проблему деятельности, отталкиваясь от культурно-исторической концепции психики Выготского. Считал, что марксистско-ленинская методология позволяет проникнуть в действительную природу психики, сознания человека, а в теории деятельности видел конкретизацию марксистско-ленинской методологии в области психологии. Начало его исследований относится к тридцатым годам XX века, когда Леонтьев возглавил группу психологов, для которых центральной стала проблема практической деятельности и сознания. Производилось изучение структуры детской деятельности, ее средств, цели, мотива и изменения в процессе развития ребенка. В конце тридцатых годов внимание Леонтьева привлекает проблема развития психики: он исследует генезис чувствительности, развитие психики животных. Итогом стала докторская диссертация «Развитие психики» (1946). В ней он разработал концепцию стадийного развития психики в процессе эволюции животного мира, исходя из изменения в этом процессе характера связей животных с окружающими условиями. Каждая новая ступень – переход к новым условиям существования и шаг в усложнении физической организации животных. Леонтьев выделял три стадии: элементарной сенсорной психики, перцептивной и стадии интеллекта.

Психологическое учение Леонтьева о деятельности, ее структуре, динамике, формах и видах, выразилось в работе «Деятельность. Сознание. Личность». Основные постулаты которой:

- деятельность является содержательным процессом, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром,
- она включена в систему общественных условий,
- предметность – ее основная характеристика,
- психика рассматривается как процессы субъективного отражения объективного мира, порождаемые материальной практической деятельностью,
- значения языка – формы существования образа в индивидуальном сознании,
- деятельности соответствует мотив, действию – цель, операции – способы осуществления действия,
- между компонентами деятельности есть переходы и трансформации,
- внешняя и внутренняя деятельность имеют единое строение,
- личность – продукт всех отношений человека к миру, реализуемых совокупностью всех разнообразных деятельностей,
- параметры личности, широта связей с миром, степень их иерархичности и структура.

А.Н. Леонтьев боролся с натуралистическими концепциями в психологии человека, поддерживал идею исторического развития человеческого сознания (работы 1959 – шестидесятого годов). Выделял три вида опыта (индивидуальный, видовой и социальный).

П.Я. Гальперин (1902–1988 гг.) сделал предметом своих исследований процессуальное, операциональное содержание деятельности, в результате, придя к созданию учения о поэтапном формировании умственных действий и понятий.

Психику во всем диапазоне форм он понимал как ориентировочную деятельность субъекта в проблемных ситуациях на основе образа. Предмет психологии – ориентировочная деятельность субъекта. Гальперин разработал учение

об эволюции психики на основе такого понимания предмета психологии. Согласно ему, психика возникает в ситуации подвижной жизни для ориентировки в предметном поле на основе образа и осуществляется с помощью действий в плане этого образа.

Выделил и описал основные эволюционные уровни действия, намечающие «основную линию развития материи». Уровень физического действия – неорганические материи, уровень физиологического действия – организмы, действия которых регулируются физиологическими механизмами, уровень действия субъекта – животные, действия которых регулируются в плане образа, уровень действия личности – действия человека, регулируемые индивидуальным и социальным опытом. Формирующий эксперимент – метод исследования психики как ориентировочной деятельности, является развитием экспериментально-генетического метода Выготского, «<...> магистральный путь исследования психических явлений – это их построение с заданными свойствами».

В эксперименте должны быть организованы все условия, обеспечивающие формирование новых знаний и умений с заданными показателями:

- составляется схема полной ориентировочной основы действия,
- организация поэтапного выполнения действия сначала на материальных предметах с постепенным переводом его во внутренний план через промежуточные этапы «громкой специализированной речи» и «внешней речи про себя»,
- систематическая обработка на всех этапах желаемых свойств действия – разумности, обобщенности, сознательности, меры овладения.

Борис Герасимович Ананьев (1907–1972 гг.) защищал комплексный характер исследований в психологии, предусматривающий широкие междисциплинарные связи. Деятельность в его понимании – одна из детерминант развития психики. Ключевая проблема научной концепции – проблема интеграции знания. Психологическое исследование Б.Г. Ананьев связывал со смежными науками, биологией, педагогикой, медициной, техническими науками. Считал, что взаимодействие особенно необходимо при решении практических задач. Развил лучшие традиции Бехтерева, руководствуясь марксистской методологией. В его идеях можно различить отдаленные связи с рефлексной теорией И.М. Сеченова, педагогической антропологией Ушинского.

Круг исследований Ананьева: методологические и теоретические проблемы психологии, труды по общей, педагогической, возрастной, индивидуальной психологии, психологии труда и искусства, фундаментальные исследования по проблемам ощущения и восприятий.

Общая методологическая основа – принцип отражения и развития. Ощущения и восприятие Ананьев рассматривал как источник познания и психического развития в целом. Генетические исследования, онтогенетическое природное развитие человека рассматривал как «последовательную смену стадий или фаз индивидуального развития – основных моментов целостности человеческого организма». История формирования и развития личности – это жизненный путь человека. Начало личности наступает позже начала индивида и «связано с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами и правилами, освоением средств общения, предметной деятельности». Индивидуальное развитие – внутренне противоречивый процесс, зависящий от наследственности, среды, воспитания и собственной деятельности человека. Методы

изучения онтогенетической эволюции человека – возрастные (поперечные) срезы и лонгитюдинальный метод.

Борис Михайлович Теплов (1896–1965 гг.) разрабатывал проблему индивидуальных различий, основоположник советской дифференциальной психофизиологии, исследовал проблемы общей психологии, методы исследования, изучал восприятие, способности, мышление, историю психологии. В сфере психологии индивидуальных различий разрабатывал теоретические вопросы, касающиеся способностей и одаренности, в частности умственные и музыкальные способности. Предметом специальной разработки стали психофизиологические основы индивидуальных различий (с опорой на учение Павлова о свойствах нервной системы).

После распада СССР начался драматический период переоценки и пересмотра принципиальных позиций советской психологии, ее методологических основ, восходящих к марксизму. Критике подвергся главный тезис – марксизм является единственной теоретической основой психологии. Пришло представление о плюрализме методологических ориентаций, стало очевидным отсутствие единой теории, на основе которой можно построить психологию.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные этапы научного творчества Л.С. Выготского?
2. Что представляет собой деятельностный подход в психологии? Какие основные теории разрабатывались в рамках этого подхода в отечественной психологии?
3. В чем суть психологической концепции Гальперина?
4. Как развивалась отечественная психология в постсоветский период?
5. Каково современное состояние психологической науки в нашей стране?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. – М.: Благовест, 2014. – 335 с.
2. Адлер, А. Теория и практика индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Гаудеамус: Академический проект, 2015. – 212 с.
3. Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе / Аристотель. – СПб.:Азбука, 2014. – 400 с.
4. Бэкон, Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон. – М.:Алгоритм, 2014. – 567 с.
5. Вундт, В. Очерк психологии / В. Вундт. – М.: Терра, 2015. – 168 с.
6. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл: Эксмо, 2005.
7. Галустова, О.В. История психологии в вопросах и ответах / О.В. Галустова. – М.: Издательство «Перспектив», 2006. – 216 с.
8. Гальперин, П.Я. История психологии. XX век / П.Я. Гальперин. – М.: РГБ, 2008. – 336 с.
9. Декарт, Р. Сочинения / Р. Декарт. – СПб.: Наука, 2015. – 648 с.
10. Дессуар, М. Очерки истории психологии / М. Дессуар. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2008. – 256 с.
11. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М.: Гаудеамус: Академический проект, 2011. – 368 с.
12. Ждан, А.Н. История психологии: от античности до наших дней / А.Н. Ждан. – М.: Академический проект: Трикста, 2012. – 576 с.
13. История психологии: конспект лекций / под ред. С.А. Векиловой. – М.: АСТ, 2005. – 156 с.
14. История психологии. Экзаменационные ответы. – М.: Буклайн, 2005. – 120 с.
15. История философии в кратком изложении. – М.: Мысль, 1991. – 590 с.
16. Лихи, Т. История современной психологии / Т. Лихи. – СПб.: Питер, 2003 – 448 с.
17. Марцинковская, Т.Д. История психологии / Т.Д. Марцинковская. – М.: Издательский центр «Академия», 2015. – 544 с.
18. Нельсон-Джоунс, Р. Теория и практика консультирования / Р. Нельсон-Джоунс. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
19. Платон. Диалоги. Сочинения платоновской школы / Платон. – М.: Эксмо, 2015. – 496 с.
20. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: АСТ, 2010. – 960 с.

21. Реале, Д.. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1–4 / Д. Реале. – СПб.: Пневма, 2012.
22. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. – 544 с.
23. Робинсон, Д.Н. Интеллектуальная история психологии / Д.Н. Робинсон. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 568 с.
24. Саугстад, Пер. История психологии / пер. Саугстад. – Самара: Издательский дом «Бахрах – М», 2008. – 544 с.
25. Соколова, Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии / Е.Е. Соколова. – М.: Смысл, 2003. – 685 с.
26. Спиноза, Б. Сочинения / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 2006. – 630 с.
27. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990.
28. Фредтер, Р. Личность: теории, эксперименты, упражнения / Р. Фредтер, Д. Фрейдимен. – СПб.: прайм – Еврознак, 2001. – 864 с.
29. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 2015. – 384 с.
30. Холл, К.С. Теория личности / К.С. Холл, Г. Линдсей. – М.: Психотерапия, 2008. – 720 с.
31. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. – М.: Академический проект, 2007. – 560 с.
32. Хорни, К. Новые пути в психоанализе / К.Хорни. – М.: Академический проект, 2009. – 240 с.
33. Хрестоматия по истории психологии. – М.: Издательство МГУ, 1980.
34. Хьелл, Л. Теория личности /Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2014. – 608 с.
35. Шульц, Д.П. История современной психологии / Д.П. Шульц, С.Э. Шульц. – СПб.: Издательство «Евразия». 2002. – 528 с.
36. Энциклопедия глубинной психологии. – Т. 1-4 / пер. с нем.; общ. ред. А.М. Боковой. – М.: «Когито-Центр», МГМ, 2004.
37. Юнг, К. Очерки по психологии бессознательного / К. Юнг. – М.: Когито-центр. 2013. – 352 с.
38. Якунин, В.А. История психологии / В.А. Якунин. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001. – 376 с.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Адаптация – постоянный процесс активного приспособления человека к социальной среде.

Амбивалентность чувств – двойственность, противоречивость нескольких одновременно испытываемых эмоциональных отношений.

Анимизм (от лат. *anima* – душа) – у примитивных народов вера в существование душ и духов как причину явлений природы, вера в одушевленность всей природы, вера, на которой покоится естественная религия; в метафизическом смысле – мировоззрение, согласно которому душа возводится в принцип жизни.

Антропологизм – концепция, утверждающая взгляд на человека как на высшее и совершеннейшее произведение природы, познание которого дает ключ к ее тайнам.

Апперцепция – зависимость восприятия от прошлого опыта и от содержания деятельности человека.

Архе – первооснова мира, главная составляющая часть души.

Архетип – центральное понятие аналитической психологии Юнга. Обозначает образы, отражающие содержание культуры данного общества, которые передаются от поколения к поколению и скрыты в коллективном бессознательном.

Ассоцианизм – первая психологическая школа, возникшая в XVIII в. Объясняла происхождение всех психических процессов принципом ассоциации.

Ассоциация – связь между психическими явлениями, при которой восприятие одного из них влечет за собой появление другого.

Биогенетический закон – закон, описывающий открытое немецкими естествоиспытателями Ф.Мюллером и Э.Геккелем соотношение между этапами внутриутробного развития ребенка и этапами развития биологического вида.

Бихевиоризм – психологическое направление, отрицающее сознание как предмет исследования и сводящее психику к различным формам поведения.

Волюнтаризм (от лат. *voluntas* – воля) – одно из направлений психологии, которое рассматривается в качестве основной функции психической жизни, не интеллект, а волю.

Высшие психические функции – сложные, прижизненно формирующиеся психические процессы, социальные по своему происхождению. Отличительными особенностями ВПФ являются их опосредованный характер и произвольность.

Герменевтика – теория истолкования и понимания текста. Метод разъяснения основан на объективных основаниях (главным образом на значении слов) и субъективных, т. е. переживаниях и намерениях авторов.

Гештальтпсихология – психологическое направление, выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур – гештальтов, первичных по отношению к своим компонентам.

Гилозоизм (от греч. hyle – материя и zoe – жизнь) – философское направление, рассматривающее всю материю с самого начала как живую (одушевленную).

Гипноз (от греч. hypnos – сон) – особое психофизиологическое состояние, отличное от сна и бодрствования (хотя и внешне напоминающее сон), для которого характерно снижение активности высших корковых отделов центральной нервной системы при сохранении активности отдельных очагов мозга.

Глубинная психология (психоанализ) – ряд психологических школ, придающих решающее значение в организации человеческого поведения бессознательным, расположенным в слоях психики мотивам (влечениям, желаниям).

Гуманизм (от лат. humanitas – человечность) – рефлексированный антропоцентризм, который исходит из человеческого сознания и имеет своим объектом ценность человека, за исключением того, что отчуждает человека от самого себя, подчиняя его сверхчеловеческим силам и истинам или используя его для недостойных человека целей.

Гуманистическая психология – психологическое направление, признающее главным предметом исследования личность человека, рассматриваемую как уникальную целостную систему, стремящуюся к самоактуализации и постоянному личностному росту.

Детерминизм – закономерная и необходимая зависимость психических явлений от порождающих их фактов. Психологический детерминизм исходит из всеобщей причинной обусловленности психических явлений и состояний.

Душа – понятие, отражающее исторически изменявшиеся воззрения на психику животных и человека.

Знак – предмет или явление – представитель другого предмета или явления.

Идентификация – уподобление, отождествление с чем-либо или с кем-либо.

Индивидуальный стиль деятельности – устойчивая, индивидуально-специфическая система психологических средств и способов выполнения деятельности.

Инсайт – внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, на основе которого достигается осмысленное решение проблемы.

Инстинкт (лат. instinctus – побуждение) биологически обусловленное и генетически наследуемое (врожденное) побуждение живого существа к определенному поведению или образу действий, общее для всех представителей данного вида.

Интеллект (лат. intellectus – познание, понимание, рассудок) – совокупность мыслительных способностей, обеспечивающая решение разнообразных теоретических и практических задач. В психологии понятие «Интеллект» определяется разнородно, но в основном как сочетание познавательных, прежде всего мыслительных, качеств, необходимых для успешной адаптации к жизненным задачам.

Интенциональность – направленность (устремленность) сознания на предмет.

Интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению внешнего опыта, переданного другими в виде сообщения или формы поведения.

Интроверсия – характеристика личности, определяющая направленность психической деятельности человека на самого себя. Интроверт – человек, психическая энергия которого направлена внутрь, на самого себя; его мысли, интересы и даже действия обращены на собственное Я. В связи с этим у интроверта проявляется склонность к рефлексии, постоянному анализу своих психических состояний.

Понятия интроверсии-экстраверсии как типические характеристики личности были эмпирически выделены К.Г.Юнгом, далее, эта концепция была развита английским психологом Г.Ю.Айзенком.

Интроспекция (от лат. introspectare – смотреть внутрь) – процесс наблюдения за действиями собственной психики с целью выявления законов, ею управляющих.

Интуиция – способность непосредственного постижения истины.

Катарсис – эмоциональное потрясение, вызывающее состояние внутреннего очищения, разрядки.

Когнитивная психология – психологическое направление, рассматривающее психику как систему, предназначенную для переработки информации.

Креативность – творческие способности человека, проявляющиеся в разных сферах деятельности и характеризующие его личность.

Логос (от греч. logos) – первоначально – слово, речь, язык; позже, в переносном смысле – мысль, понятие, разум, смысл, мировой закон; у Гераклита и стоиков – мировой разум, идентичный с безличной, возвышающейся даже над богами закономерностью Вселенной, с судьбой.

Миф (от греч. mythos – предание) – сказание как символическое выражение некоторых событий, имевших место у определенных народов в определенное время.

Мотив – побуждение к деятельности, связанное со стремлением к удовлетворению потребности.

Научение – процесс и результат приобретения индивидуального опыта, независимо от мотивации и способа этого приобретения – целенаправленного или стихийного.

Номинализм – направление в средневековой науке, представители которого считали, что общее понятие – это только имя, слово. В реальном мире существуют лишь отдельные вещи с их индивидуальными качествами.

Нус – всеобщий разум, нематериальное хранилище всеобщих знаний, накопленных человечеством.

Онтогенез – процесс формирования основных структур психики индивида в течение его детства.

Пантеизм (греч. pan – всё, theos – Бог) – учение о том, что все есть Бог; учение, обожествляющее Вселенную, природу.

Педология – комплексная наука о ребенке, имеющая практикоориентированный характер и ставящая задачу всестороннего изучения ребенка и составления целостного представления о его жизни и психическом развитии.

Персонализм – направление в психологии, основанное В. Штерном; его представители рассматривали в качестве предмета исследования целостную личность как особую первичную реальность.

Позитивизм – научное направление, в котором доказывалось, что источником истинного знания являются эмпирические, конкретные науки, использующие объективные методы, а не умозрительные рассуждения. Основатели – О. Конт, а также Д. С. Милль и Г. Спенсер.

Проекция (от лат. projectio – выбрасывание вперед) – психологический механизм, состоящий в бессознательном приписывании человеком собственных мыслей, переживаний, черт и стремлений (по большей части – неосознаваемых) другим людям.

Психоанализ – метод исследования глубинных, бессознательных структур психики.

Психология – наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности.

Рационализм – концепция, объясняющая происхождение знания из данных, полученных мышлением. При этом знания о частных предметах формируются у человека на основе ощущения и восприятия, но знания о всеобщих закономерностях и понятиях могут быть получены (извлечены) только из разума или при его помощи.

Реализм – направление в средневековой науке, считавшее, что общие понятия (универсалии) реально существуют и предшествуют единичным вещам.

Религия (от лат. religio – благочестие, набожность, святость) – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога, божества; чувство связанности, зависимости и долженствования по отношению к тайной силе, дающей опору и достойной поклонения.

Рефлексия – процесс самопознания человеком своих внутренних психических состояний и переживаний. Рефлексия является одним из первых методов исследования психики.

Сенсуализм – концепция, объясняющее происхождение всех видов знания из данных, полученных органами чувств. В этой концепции ощущение, восприятие и память являются основой знаний о частном (единичных предметах или ситуациях). Обобщение этого первичного знания с помощью мыслительных операций приводит к формированию понятий, знания о всеобщем.

Символ (от греч. symbolon) – отличительный знак; знак, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования.

Сознание – совокупность чувственных и умственных образов, для которой характерно в той или иной мере отчетливое знание того, что я являюсь тем, кто переживает эти образы.

Социализация – процесс и результат активного присвоения человеком норм, идеалов, ценностных ориентации, установок и правил поведения, значимых для его социального окружения.

Теология (от греч. theos – Бог и logos – учение) – богословие, учение о Боге.

Тест – стандартизированная система заданий, позволяющая быстро и объективно измерить уровень развития определенного психологического качества.

Выделяют тесты интеллекта, тесты одаренности (креативности), тесты достижений и личностные тесты.

Трансфер – применяемый в психоанализе термин, обозначающий перенос на психотерапевта эмоционального отношения пациента к значимым для него людям, прежде всего родителям.

Установка – бессознательная готовность человека действовать определенным образом и в определенном направлении.

Феноменология (греч., *phainomenon* – являющееся, *logos* – учение) – учение о явлении. Наука о созерцании сущности, о сознании, созерцающем сущность. Важнейшей особенностью этого сознания является интенциональность т. е. сознание есть сознание о чем-либо.

Филогенез – процесс возникновения и исторического развития психики животных и человека.

Фрустрация – психическое состояние человека, вызванное трудностями (объективными или субъективными), которые возникают в процессе достижения цели.

Эгоцентризм (от лат. *ego* – я, *centrum* – центр) – позиция личности, характеризующаяся сосредоточенностью на собственных ощущениях, переживаниях, интересах и т.п., а также неспособностью принимать и учитывать информацию, противоречащую собственному опыту, в частности, исходящую от другого человека. В основе эгоцентризма лежит непонимание человеком того, что возможно существование других точек зрения, а также уверенность, что психологическая организация других людей тождественна его собственной.

Эдипов комплекс – одно из центральных понятий теории З.Фрейда, который называл так влечение мальчика к матери в сочетании с враждебностью к отцу (назван по имени Эдипа, героя древнегреческого мифа, который по неведению убил родного отца и женился на матери). Девочкам свойственен аналогичный комплекс Электры (термин предложен К.Г.Юнгом по имени героини еще одного мифа); это совокупность враждебных чувств к матери, которые обусловлены ревностью к сопернице, мешающей безраздельно владеть отцом. В психологии само существование данного явления остается предметом острой дискуссии. В частности, отмечается, что оно может быть объяснено иначе, чем это делал Фрейд, то есть без привлечения эротических мотивов.

Эйдола – обозначение невидимой глазу мини-копии предмета в древнегреческой психологии. Попадая в органы чувств, эйдола выбывает представление о данном предмете.

Эйдос (от греч. *eidos* – образ, вид) – образ, понятное, идея. В феноменологии Гуссерля равнозначно сущности.

Экстраверсия – характеристика личности, определяющая направленность психической деятельности человека на объекты внешнего мира, обусловленность этой деятельности внешними по отношению к личности обстоятельствами. Экстраверт – это человек, чьи мысли, чувства, интересы и действия направлены на окружающих, на предметы внешнего мира.

Эмпиризм – концепция, доказывающая, что истинная картина мира формируется на основе опытного знания.

Этология – наука об общебиологических основах и закономерностях поведения животных.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Тема 1. ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ.....	5
1.1. Предмет истории психологии и методы историко-психологических исследований.....	5
1.2. Методологические принципы психологии	7
1.3. Этапы развития психологии	9
Тема 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ	12
2.1. Особенности мифологического сознания	12
2.2. Мифология и зарождение философии в Древней Греции	15
Тема 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ (VI в. до н.э. – IV в. н.э.).....	17
3.1. Психологические учения в досократический период	17
3.2. Развитие психологических воззрений в классический период античной философии	29
3.3. Психологические воззрения философских школ эллинистического периода.....	45
3.4. Новые тенденции в развитии психологической мысли поздней античности (I – V вв. н. э.)	51
Тема 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	57
4.1. Возникновение христианства и его влияние на разработку психологических проблем.....	57
4.2. Психологические знания о душе в трудах арабо-язычных мыслителей X–XII вв.....	63
4.3. Учение о душе и познании в схоластической философии	67
4.4. Психологические представления в эпоху Возрождения.....	70
4.5. Великие открытия и изобретения в астрономии и математике XVI – XVII вв.	73
Тема 5. ВЫДЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	75
5.1. Ф. Бэкон и его понимание души	76

5.2. Проблема метода в рационалистической философии Р. Декарта.....	78
5.3. Монизм учения Спинозы о субстанции	80
5.4. Эпифеноменализм в учении Т. Гоббса.....	86
5.5. Джон Локк – «отец эмпирической психологии»	88
5.6. Монадология Г. Лейбница.....	89
Тема 6. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	92
Тема 7. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ.....	97
Тема 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ конца XVIII – первой половины XIX вв.	103
8.1. Антропология И. Канта.....	103
8.2. Психологические идеи Фихте	107
8.3. Идеи Ф. Шеллинга о развитии природы и сознания.....	109
8.4. Философская система Г.В.Ф. Гегеля	110
8.5. Антропологический материализм Л. Фейербаха.....	120
Тема 9. РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ	122
9.1. Физиологические исследования в XIX в.	122
9.2. В. Вундт и становление экспериментальной психологии	125
9.3. Структурализм Э. Титченера.....	126
9.4. Метод аналитической интроспекции.....	128
9.5. Развитие экспериментальной психологии	129
Тема 10. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ. ФУНКЦИОНАЛИЗМ. ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	132
Тема 11. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ в XIX веке и начале XX века.....	139
Тема 12. БИХЕВИОРИЗМ.....	145
12.1. Основные идеи бихевиоризма.....	145
12.2. Джон Б. Уотсон – основатель бихевиоризма.....	146
12.3. Дальнейшее развитие идей бихевиоризма	148
Тема 13. ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ	154
13.1. Возникновение и история развития школы гештальтпсихологии.....	154
13.2. Основные представители школы гештальтпсихологии.....	155
13.3. Теория поля К. Левина.....	159
Тема 14. ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	162
14.1. Предшествующее влияние на развитие идей психоанализа.....	162
14.2. Зигмунд Фрейд и развитие психоанализа	165
14.3. Дальнейшая судьба психоанализа. Неофрейдизм	175
14.4. Постфрейдизм.....	182

Тема 15. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	194
15.1. Основные методологические подходы экзистенциализма	194
15.2. Основные понятия экзистенциализма	196
15.3. Основы экзистенциализма М. Хайдеггера	197
15.4. Основные понятия и принципы экзистенциальной психологии.....	199
15.5. Вклад Л. Бинсвангера в развитие экзистенциальных идей	205
15.6. Гуманистическая психология	215
Тема 16. КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	221
16.1. А.Бандура и социально-когнитивная теория	221
16.2. Дж. Роттер: теория социального научения	223
16.3. Рационально-эмотивная теория А. Эллиса	223
Тема 17. ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	226
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	232
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	234

Учебное издание

Коротина Ольга Александровна

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

В авторской редакции
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 28.12.15. Формат 70×100/16
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,9.
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в Множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41